

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского»

ЮДИН Александр Иванович

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЭПОХИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА
НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Специальность 07.00.06 – археология

Диссертация
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Саратов 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Нижнее Поволжье: характеристика региона; история археологического исследования и изучения нео-энеолитических памятников; определения и понятия	13
1.1. Физико-географическая характеристика региона.....	13
1.2. Палеоклиматические условия обитания неолитического и энеолитического населения Нижнего Поволжья.....	18
1.3. История изучения неолита Нижнего Поволжья.....	21
1.4. Основные проблемы историографии неолита и энеолита Нижнего Поволжья.....	29
1.5. Культурно-исторические процессы в неолите-энеолите Нижнего Поволжья: определения и понятия.....	57
Глава 2. Культуры нижневолжской культурной общности эпохи неолита и основные памятники	69
2.1 Памятники сероглазовской неолитической культуры.....	69
2.2. Памятники джангарской неолитической культуры.....	76
2.3. Памятники орловской неолитической культуры.....	83
2.3.1. <i>Варфоломеевская стоянка – опорный неолитический памятник степного Поволжья</i>	85
2.3.2. <i>Керамика стоянки</i>	88
2.3.3. <i>Каменные орудия и изделия</i>	98
2.3.4. <i>Орудия и изделия из кости</i>	104
2.3.5. <i>Эволюция культурного комплекса стоянки. Исследования однослойного участка</i>	112

2.3.6. Погребения на территории стоянки.....	120
2.3.7. Другие стоянки орловской неолитической культуры.....	125
2.4. Неолитические памятники северо-западной периферии нижневолжской культурной общности.....	136
Глава 3. Нижневолжская культурная общность эпохи неолита: общая характеристика; эволюция, периодизация и хронология; хозяйство и место среди окружающих культур.....	156
3.1. Истоки сложения культур нижневолжской общности.....	157
3.2. Периодизация и хронология нижневолжской неолитической культурной общности.....	168
3.3. Хозяйство и быт населения нижневолжской культурной общности эпохи неолита.....	178
3.4. Неолитическое искусство.....	202
3.5. Нижневолжская культурная общность в системе неолита Евразии	229
Глава 4. Энеолитические культуры и памятники Нижнего Поволжья. Периодизация, хронология и эволюция.....	256
4.1. Памятники прикаспийской культуры.....	256
4.2. Поселения и грунтовые могильники хвалынской культуры.....	273
4.3. Подкурганные энеолитические захоронения.....	286
4.4. Памятники алтатинского типа.....	296
4.5. Многослойное поселение Кумыска.....	318
4.6. Памятники лесостепного Правобережья.....	328
4.7. Памятники репинской культуры.....	337

4.8. Периодизация и хронология энеолита Нижнего Поволжья.....	343
Глава 5. Культурогенез эпохи неолита-энеолита на территории Нижнего Поволжья.....	360
5.1. Нижневолжская культурная общность и прикаспийская культура: традиции и инновации в процессе культурогенеза	360
5.2. Культурные процессы в среде нео-энеолитического населения и проблема формирования памятников раннего бронзового века	369
5.3. Закономерности и общие тенденции культурно-исторических процессов в Нижнем Поволжье на протяжении неолита и энеолита.....	424
Заключение.....	439
Список использованных источников и литературы.....	445
Список сокращений.....	477
Приложения.....	478
Приложение 1. Таблицы.....	478
Приложение 2. Иллюстрации.....	493

ВВЕДЕНИЕ

До начала 80-х годов прошлого века неолитическая и энеолитическая эпохи Нижнего Поволжья отличались слабой исследованностью относительно сопредельных регионов. Но в последующие десятилетия здесь были выявлены эталонные памятники, представившие весь спектр культур от раннего неолита до позднего энеолита. На археологической карте Нижнего Поволжья сразу появились новые культурно-исторические общности, археологические культуры и типы памятников.

Актуальность темы определяется необходимостью комплексного научного осмысления и изучения всего массива археологических источников, распределения их по культурно-хронологической шкале, выявления внутренней соподчиненности, определения места в системе неолита-энеолита Восточной Европы и исследования процессов культурно-исторического развития. Такие памятники как Варфоломеевская стоянка, поселение Джангар, стоянки Каир-Шак I и III, Тентексор, Кара-Худук, поселения Кумыска и Пшеничное, а также Хвалынский I и II могильники, Хлопковский могильник представляют исключительные возможности для понимания культурно-исторических процессов в степной зоне Восточной Европы.

Новые материалы рассматривались в последние десятилетия прошлого века рядом исследователей по хронологической вертикали и по горизонтали в сравнении с сопредельными регионами; были созданы региональные периодизации и предложена общая периодизация для нижневолжского региона. Локальные схемы культурогенеза созданы для неолита Северо-Западного Прикаспия (Кольцов П.М., 1987), неолита и энеолита степного Поволжья (Юдин А.И., 1995), неолита и энеолита Северного

Прикаспия (Барынкин П.П., 1992; Козин Е.В., 2002). Предложены и скорректированы общие схемы культурно-исторической эволюции населения Среднего и Нижнего Поволжья в неолите и энеолите (Васильев И.Б., 1981; Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988; Vasiliev I., Vybornov A., 1998).

Данные исследования кардинальным образом изменили существовавшие представления о неолите и энеолите региона и к настоящему времени назрела необходимость в комплексной реконструкции культурно-исторического процесса на протяжении неолита-энеолита и историко-археологической интерпретации на основании всех имеющихся сведений и исследовательских разработок.

Актуальность темы также определяется географическим положением региона, так как долина реки Волги и нижневолжские степи во все времена являлись связующим звеном при передаче культурных достижений, в том числе распространении производящей экономики, с Кавказа и Передней Азии в лесостепную и лесную зону Восточной Европы. Нижневолжские степи также являлись одним из звеньев в цепочке европейских степных культур, активно взаимодействовавших в энеолитическое время, и через территорию Нижнего Поволжья осуществлялись культурные контакты от Балкано-Карпатского региона до Урала. Широким культурным связям несомненно способствовала domestикация лошади в восточноевропейских степях и начальный процесс одомашнивания прослеживается в культурном контексте эволюции населения Варфоломеевской стоянки в степном Поволжье.

Объектом исследования является материальная и духовная культура населения, проживавшего в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья.

Предметом исследования являются культурно-исторические процессы в среде нео-энеолитического населения Нижнего Поволжья в VI-IV тысячелетиях до н.э.

Территориальные рамки исследования охватывают весь Нижне-волжский регион: степную и лесостепную зоны в северной части Нижнего Поволжья, полупустыни и пески в южной части – Северном и Северо-Западном Прикаспии. Большая часть Нижнего Поволжья относится к бассейну Волги и ее притоков (реки Большой и Малый Иргиз, Большой и Малый Караман, р.Еруслан, р.Терешка). Восточные области Поволжья относятся к Камыш-Самарскому бессточному бассейну (реки Большой и Малый Узень), а западные – к бассейну р.Дон и ее левобережных притоков (р. Медведица, р.Хопер).

Хронологические рамки исследования охватывают две исторические эпохи – неолит и энеолит, укладываемые в хронологический отрезок VI-IV тысячелетий до н.э. Четкую границу между этими эпохами провести сложно ввиду длительного сосуществования неолитических и энеолитических культур.

Цель и задачи исследования. Данная работа направлена на изучение культурно-исторического развития культурных общностей, культурных областей, археологических культур и типов памятников посредством комплексного анализа локально-хронологических и технико-типологических изменений материальных комплексов поселенческих и погребальных памятников и раскрытия динамики их развития.

Для достижения конкретной цели предстоит решить ряд конкретных **задач:**

1. Охарактеризовать состояние проблемы, степень ее изученности, наиболее дискуссионные и актуальные вопросы темы.
2. Дать анализ источниковой базы в целом и реперных памятников неолита и энеолита Нижнего Поволжья.
3. Охарактеризовать общие тенденции культурно-исторического развития населения Нижнего Поволжья в нео-энеолитическую эпоху, просле-

дить последовательность смены культурных образований и этапы их существования.

4. Рассмотреть вопросы абсолютной хронологии и создать на основе локальных периодизаций шкалу относительной хронологии нео-энеолитических памятников Нижнего Поволжья.

5. Установить направленность и роль культурных связей внутри региона и с сопредельными территориями.

6. Проследить начало сложения производящей экономики и отражение этого процесса в искусстве, идеологии и общественных отношениях.

7. Проследить закономерности и общие тенденции культурно-исторического развития для нео-энеолитической эпохи региона как сочетания процессов эволюции и трансформации.

Методология и методика. Представленная работа опирается на комплексный анализ археологических источников. Широкое применение различных традиционных и естественно-научных методов и их корреляция позволили произвести разностороннее изучение культурных слоев памятников и реконструировать культурно-исторический процесс в неолите-энеолите Нижнего Поволжья. Характеристика археологических материалов и их анализ проводились на основе использования традиционных археологических методов: стратиграфического, планиграфического, сравнительно-типологического, картографического, статистического, а также естественно-научных методов – палинологии, остеологии, антропологии, трасологии и естественно-научных способов датировки находок.

При рассмотрении археологических источников большое внимание уделено анализу динамики морфологических признаков материальных комплексов, представленных в единой системе.

При реконструкции процессов культурно-исторического развития были рассмотрены и применены существующие теоретические разработки по культурогенезу древних обществ.

Источниковая база исследования. Выполнение поставленных задач стало возможным благодаря многочисленным и разнообразным источникам, полученным исследователями в последние три десятилетия на территории Нижнего Поволжья. Были использованы материалы практически всех исследованных поселенческих и погребальных памятников неолитического и энеолитического времени в изучаемом регионе. Особенно тщательно рассмотрены памятники степной зоны, так как здесь наблюдался непрерывный поступательный процесс культурно-исторического развития на протяжении большей части неолитического периода и всего энеолитического времени. Автором произведены раскопки ряда ключевых для решения поставленных задач памятников эпох неолита и энеолита. Это Варфоломеевская неолитическая стоянка, многослойное поселение Кумыска, поселение Пшеничное алтатинского культурного типа, поселение Орошаемое прикаспийской энеолитической культуры и др.

В работе также использованы материалы раскопок многих исследователей, производивших археологические работы на территории Нижнего Поволжья: И.Б.Васильева, А.А.Выборнова, П.П.Барынкина, Е.В.Козина, А.М.Комарова, П.М.Кольцова, В.И.Мамонтова, В.И.Еремина, Ю.В.Деревягина, Н.М.Малова, В.А.Лопатина, А.А.Хрекова.

В ходе работы изучались археологические коллекции и научные отчеты, хранящиеся в фондах краеведческих музеев, научных организаций и археологических лабораторий Саратова, Энгельса, Хвалынска, Волгограда, Самары, Оренбурга, Астрахани, Москвы, Воронежа, Казани.

Для анализа и интерпретации нижеволжских комплексов привлекались материалы полевых исследований в сопредельных с Нижним Поволжьем регионах: раскопки И.Б.Васильева, А.Т.Синюка, П.П.Барынкина, Н.Л.Моргуновой, С.В.Богданова, Е.В.Козина, А.А.Выборнова, В.В.Ставицкого, С.Н.Гапочки, А.В.Вискалина, А.Е.Мамонова, Н.В.Овчинниковой.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Впервые собраны воедино, обработаны и проанализированы в процессе исследования поселенческие и погребальные памятники всех регионов Нижнего Поволжья: степного Поволжья, Северного Прикаспия, Северо-Западного Прикаспия и лесостепного Правобережья.

2. Неолитические культуры рассмотрены в рамках нижневолжской культурной общности, определена специфика и генетическое родство джангарской, орловской и сероглазовской культур, составляющих нижневолжскую общность.

3. Получила дальнейшее обоснование и развернутую характеристику орловская неолитическая культура; на основании изучения закономерностей эволюции керамического и орудийного комплексов базовой стоянки орловской культуры – Варфоломеевской – произведена привязка неолитических стоянок и культурных слоев памятников Нижнего Поволжья к различным этапам неолита – раннего энеолита.

4. Прослежен процесс зарождения экономики производящего типа и его влияние на искусство и идеологию позднеолитического населения.

5. Расширен ареал прикаспийской раннеэнеолитической культуры мариупольской культурно-исторической области, подтвержден ее самостоятельный культурный статус и определена их генетическая преемственность с поздней орловской культурой.

6. Впервые для региона дана характеристика неолитического искусства и определено наличие изобразительных видов искусств.

7. На основе анализа материалов многослойных памятников и взаимовстречаемости разнокультурных типов керамики построена шкала относительной хронологии нео-энеолитического времени региона и проведен сравнительный анализ со шкалой абсолютной хронологии.

8. Выявлены закономерности и общие тенденции культурно-исторического процесса на территории Нижнего Поволжья на протяжении неолитической и энеолитической эпох, определена синхронность бытования па-

мятников позднего неолита и раннего энеолита, а также параллельное развитие нескольких культурных линий на протяжении энеолита.

Практическая значимость работы. Результаты многолетних исследований автора, изложенные в материалах диссертации, могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Нижнего Поволжья, при создании сводов археологических источников, каталогов различных категорий предметов, в том числе произведений декоративно-прикладного искусства. Общая концепция культурно-исторического развития населения Нижнего Поволжья в нео-энеолитическое время может стать основой для проведения сравнительных анализов и понимания культурно-исторических процессов при изучении сопредельных районов.

Полученные результаты могут быть использованы при создании учебных пособий для студентов исторических факультетов. Ряд выводов работы нашел отражение в учебных программах для студентов-историков Саратовского госуниверситета (Максимов Е.К., Малов Н.М., 2000; Лопатин В.А., 2006) и учебнике по истории Саратовского края (История Саратовского..., 2000).

Материалы и результаты работы уже использованы при написании 1-го и 2-го томов «Археологии Нижнего Поволжья», при создании музейных экспозиций в Саратовском областном музее краеведения, Энгельском и Новоузенском краеведческих музеях.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования изложены в монографии «Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья», а также в более чем 40 статьях и публикациях по теме. Основные выводы работы были озвучены в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях в Саратове (1994 г.), Донецке (1996 г.), Ростове-на-Дону (1998, 2002 гг.), Оренбурге (2001 г.), Москве (2003 г.), Пензе (2003 г.), Волгограде (2004 г.).

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Исходя из того, что археологическая интерпретация образует обязательный предварительный этап для последующей культурно-исторической реконструкции, в структуре работы все итоговые построения предваряются рассмотрением и анализом источников. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложений, включающих таблицы и иллюстративный материал.

ГЛАВА 1. НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА; ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ; МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕРМИНЫ

1.1. Физико-географическая характеристика региона

Нижнее Поволжье простирается с севера на юг почти на 800 километров. По современному административно-территориальному делению в состав Нижнего Поволжья входят Астраханская, Волгоградская, Саратовская области и Республика Калмыкия общей площадью 334,3 тыс. кв. км. Административные и географические границы Нижнего Поволжья полностью не совпадают, так как западные районы Волгоградской и Саратовской областей являются частью Донского водного бассейна. Не относятся к Волжскому бассейну и западные районы Калмыкии. На севере Нижнее Поволжье заходит в зону лесостепи, захватывает всю зону сухих степей Юго-Востока Русской равнины, а на юге занимает полупустынную и пустынную зоны Прикаспийской низменности. По мере продвижения с северо-запада на юго-восток возрастает засушливость климата, а ландшафт изменяется от лесостепного до пустынного.

Северная часть Нижнего Поволжья локализуется в степной зоне. Степное Поволжье разделено Волгой на две резко различающиеся части: низменное Сыртовое Заволжье в Левобережье и Приволжскую возвышенность на правом берегу. По принятому физико-географическому районированию степная зона Нижнего Поволжья включает западную часть заволжской степной провинции на Левобережье Волги и восточную часть нижнедонской провинции на Правобережье. По современному административно-территориальному делению степная зона охватывает все Саратовское Заволжье, заволжские районы к югу от г.Самары и северную половину Волгоградского Правобережья. На юго-западе степной зоны в пределы

Волгоградской области заходят части среднего и нижнего течения р. Дона и Придонской равнины.

Сыртовое Заволжье орошается притоками Волги (рр. Б. и М. Иргизы, рр. Б. и М. Караманы, Р.Еруслан) и реками бессточного Камыш-Самарского бассейна (рр. Б. и М. Узени), а Приволжская возвышенность – в основном притоками Дона (р. Хопер, р. Медведица, р. Иловля). Для правобережной степи характерны изрезанные балками и оврагами мягковолнистые, иногда холмистые водоразделы высотой до 200-250 метров. Степное Заволжье, где расположена большая часть рассматриваемых памятников, имеет более спокойный рельеф. Степное Заволжье занимает юго-восточную часть Русской равнины, включая Сыртовую равнину, Приволжскую песчаную грядку, южные и юго-восточные склоны возвышенности Общий Сырт. В природно-географическом отношении Сыртовая равнина и Приволжская песчаная гряда выделяются в степную провинцию Низкое Заволжье, а Общий Сырт - в степную провинцию Высокое Заволжье. Низкое и Высокое Заволжье обладают рядом сходных физико-географических черт, позволяющих рассматривать их как единую страну.

Сыртовая равнина расположена между Приволжской возвышенностью и Общим Сыртом на протяжении 175 км. С севера она ограничена долиной р. Самары, а на юге равнина пологим уступом переходит в Прикаспийскую низменность. Протяженность Сыртовой равнины вдоль Волги – 350 км. В пределы Низкого Заволжья также включают Приволжскую песчаную грядку, вытянувшуюся узкой полосой вдоль левого берега Волги по Прикаспийской низменности от устья р.Еруслан до 49 градусов с.ш. Общая площадь Сыртовой равнины и Приволжской песчаной гряды – свыше 73 тыс. кв. км. Сложена Сыртовая равнина мощными песчано-глинистыми толщами акчагыльского времени, перекрытыми сыртовыми отложениями. Почвообразующими здесь являются желто-бурые карбонатные и лессовидные

суглинки и глины и перекрывающий их в виде плаща делювий. На востоке в Сыртовую равнину вклиниваются отроги Общего Сырта.

Основные долины речной сети заложились в третичное время, но формирование современного облика речной гидросистемы происходит в позднем плейстоцене и голоцене. Западная половина Сыртовой равнины представляет собой древнюю долину Волги с серией четвертичных и современных пойменных террас, верхняя из которых поднимается до 100-120 м над Волгой. По направлению к Прикаспийской низменности высота террас быстро уменьшается. В долинах рек Волжского бассейна в зависимости от их возраста имеется от 1 до 3-4 террас. Рельеф Низкого Заволжья спокойный. Широкие долины рек расчленяют поверхность на междуречные увалы или сырты. Поверхность увалов слабоволнистая (Лесостепь..., 1986. С. 271-272; Юго-Восток ..., 1971. С. 335; Шабанов М.А., 1959. С. 178; Он же, 1964. С. 3-4).

К востоку от Сыртовой равнины начинается возвышенность Общей Сырт. Южные и юго-восточные склоны западной части этой возвышенности составляют степную провинцию Высокое Заволжье. Для рельефа характерны узкие асимметричные сырты и очень широкие речные долины с маловодными в настоящее время реками. В ряде мест на возвышенных участках рельефа (с отметками около 200 м абсолютной высоты) встречаются глыбы железистого красно-бурого конгломерата, а также грубые желтовато-зеленоватые косослоистые пески с глыбами светло-серых и белых окварцованных песчаников. По характеру рельефа западная часть Общего Сырта отличается от Сыртовой равнины большей изрезанностью долинами рек и оврагами (Лесостепь..., 1956. С. 255; Васильев Ю.М., 1961. С. 23).

Характерной особенностью Высокого и Низкого Заволжья является то обстоятельство, что почти все расчленяющие их реки, относящиеся к бассейнам Волги и Урала, имеют широтное направление течения. Исключе-

ние составляют протекающие по волго-уральскому водоразделу реки. Большой и Малый Узени, относящиеся к бессточному Камыш-Самарскому бассейну, верхние течения которых проходят в продольном, близком к субмеридиональному направлению. Рек в степном Заволжье мало. Общая черта речной сети – исключительная маловодность. Даже наиболее крупные реки – Большой и Малый Иргизы, Большой и Малый Караманы, Большой и Малый Узени, Еруслан и Камелик не имеют постоянного водостока. Климат континентальный и засушливый, особенно в Высоком Заволжье, что определяется его расположением на южных и юго-восточных склонах Общего Сырта и близостью полупустынь Казахстана.

Континентальный климат с суровыми зимами и засушливым летом обусловили в Заволжье безлесость водораздельных пространств. Высокое и Низкое Заволжье – наиболее безлесные провинции степной зоны Русской равнины. Еще одна характерная особенность – эти две провинции занимают самое северное положение среди других, и в результате ландшафтного сдвига степному Заволжью почти на всем его протяжении на Правобережье Волги соответствует лесостепь.

Современные степные ландшафты в Заволжье начинают формироваться вслед за последним, осташковским оледенением. Климатические изменения на протяжении голоцена практически не отражались на северной границе рассматриваемого региона. В засушливый суббореальный период сдвиг зон к северу не превышал ранга почвенной зоны, что не приводило к заметным сдвигам природных зон к северу. Более заметно колебания климата отражались на южной границе степной зоны, где изменение природных условий оказывалось существенным для ведения хозяйственной деятельности древнего населения (Иванов И.В., 1983. С. 33, 39-40).

Приволжская возвышенность простирается вдоль правого берега Волги от северной границы Нижнего Поволжья до г. Волгограда. Высота до 375 м. Отдельные части называют горами (Змеевы, Хвалынские). На се-

вере рассматриваемого региона Приволжская возвышенность занимает зону лесостепи, на юге – степи. Возвышенность сложена песками, глинами, мергелями, мелом, опоками. Преобладает эрозионный рельеф, осложнённый оползнями; местами развит карст.

Южная часть Нижнего Поволжья занята Прикаспийской низменностью, которая с запада ограничивается Ергенинской возвышенностью

Прикаспийская низменность расположена на Юго-Востоке Восточно-Европейской равнины, на северном побережье Каспийского моря. Сложена в северной части глинистыми и суглинистыми отложениями, в южной - песчаными. Рельеф Прикаспийской низменности отличается ровной поверхностью, пологой наклоненной к морю, среди которой поднимаются отдельные возвышенности: Б. Богдо, М. Богдо и др. Южная часть плоской равнины лежит ниже уровня моря (от 0 до – 28 м), северная часть достигает высоты до 149 м. В западной части Прикаспийская низменность пересекается Волго-Ахтубинской поймой. В рельефе низменности характерны западины, лиманы, косы, ложбины, на юге – эоловые формы, на побережье Каспийского моря – бэровские бугры. Распространены соленые озера, наиболее крупные Эльтон и Баскунчак. Преобладают пустыни и полупустыни (Нижнее..., 1948. С. 5-6).

Область Прикаспийской низменности к западу от Волги входит в Северо-Западный Прикаспий, к востоку от Волги и до р.Урал составляет Северный Прикаспий. Территория в пределах Прикаспийской низменности между реками Волгой и Урал также именуется Волго-Уральскими песками. Волго-Уральские пески – аванпост азиатских пустынь, внедряющийся в Восточную Европу (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995).

Северо-Западный Прикаспий расположен в зоне полупустыни, с юга он ограничен Кумо-Манычской впадиной, западная граница проходит по Ергеням, северная и восточная по р.Волге, а на юго-востоке территория омывается Каспием. Ландшафт характеризуется ложбинным рельефом ме-

стности, которая представляет собой древнюю дельту, приуроченную к береговой линии максимальной трансгрессии верхнехвалынского моря. Крупная Сарпинская ложбина – один из древних рукавов Волги - представляет собой цепь вытянутых пресноводных озер и систему периодически затопляемых лиманов. Для южной части Северо-Западного Прикаспия характерен грядово-волнистый рельеф. Колебания высот небольшие, в среднем 3-4 м, исключение составляют зоны распространения бэровских бугров, где разница высот достигает 8 метров.

Большая часть рассматриваемых неолитических памятников расположена в Сыртовом (степном) Заволжье, степном Волго-Донском междуречье (орловская культура) и Прикаспийской низменности: джангарская культура в Северо-Западном Прикаспии и сероглазовская в Северном Прикаспии. Энеолитические памятники изучены практически на всей территории Нижнего Поволжья.

Сложные и изменчивые климатические условия Нижнего Поволжья оказывали сильное влияние на хозяйственный уклад населения, особенно в южной части региона, в полупустынных и пустынных районах Прикаспийской низменности.

1.2. Палеоклиматические условия обитания неолитического и энеолитического населения Нижнего Поволжья

Судя по имеющимся данным, начало неолита в регионе связывается с атлантическим периодом и тогда же, на рубеже бореала-атлантика происходило формирование степей в границах современной степной ландшафтной зоны. Первая половина атлантического периода, совпавшая с ранним неолитом, отличалась наибольшей сухостью. В среднем неолите увеличилось количество озерных водоемов, но наибольшее потепление и увлажнение приходится на период позднего неолита (Спиридонова Е.А.,

Алешинская А.С., 1999. С. 25-29). Именно поздненеолитическое время отмечено наиболее выразительными археологическими памятниками.

Ю.А. Лаврушин и Е.А. Спиридонова на стратиграфических разрезах Варфоломеевской стоянки провели детальное геолого-палинологическое обоснование возраста культурных слоев, отложившихся в неолите и на рубеже нео-энеолитической эпохи. Аналогичные работы на этом памятнике были выполнены А.В. Шадрухиным, а полученные данные проконтролированы радиоуглеродным и палеомагнитным методами, что позволяет рассматривать Варфоломеевскую стоянку как определенный стратотип.

В результате проделанных работ стало возможным составить достаточно четкое представление о природных особенностях среды обитания древнего человека на протяжении среднего и позднего неолита в степном Заволжье.

Нижний (третий) культурный горизонт Варфоломеевской стоянки имеет радиоуглеродный возраст около 7 тыс. лет назад. Человек в это время обитал в условиях полупустыни, где господствовали злаково-полынные группировки с локально засоленными участками, на которых были широко представлены сообщества маревых.

Древний человек второго культурного горизонта обитал в условиях полынно-злаковой степи с большей задернованностью, которая способствовала большей биологической продуктивности степи. Тем не менее природная обстановка в это время не оставалась постоянной – примерно в средней части горизонта был отмечен интервал с большей аридизацией климата, вызвавшей появление марево-полынных растительных сообществ. Таким образом, для горизонта 2 Б отмечается следующая смена палеоландшафтов: полынно-злаковая степь – марево-полынная полупустыня – полынно-злаковая степь.

Древнее население стоянки в период формирования культурного горизонта 2А существовало в достаточно сложной и неоднородной природ-

ной обстановке оптимума тепла атлантики голоцена. Начало формирования слоя связано с широким развитием настоящих злаковых степей с локально засоленными участками почвы. Позднее получила распространение настоящая злаковая степь, которая могла сформироваться в условиях не только теплого, но и более влажного климата. Это время позднего неолита явилось наиболее благоприятным для населения стоянки, что видно даже по мощности культурного слоя, площади его распространения и насыщенности артефактами. Аналогичная картина наблюдалась и на других изученных памятниках нижеволжского региона этого времени, расположенных южнее, в Северном Прикаспии (Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999. С. 27-29).

Вторая половина времени существования древнего человека культурного горизонта 2А была связана со значительной аридизацией климата. На смену злаковым степям в районе сформировались последовательно: злаково-маревые, маревые и марево-полынные сообщества. Подобная смена растительных сообществ позволяет говорить о смене степных ландшафтов на полупустынные и даже пустынные в раннеэнеолитическое время.

Для территории южной части Нижнего Поволжья - Северного и Северо-Западного Прикаспия отмечены те же климатические циклы, но выражены они были контрастнее.

Климатические условия Прикаспия на протяжении голоцена не оставались постоянными. Ландшафтно-климатические условия находились в тесной зависимости от минимальных изменений в балансе температур и влажности. Население сероглазовской культуры существовало в сложных климатических условиях. Климат региона в неолитическое время отличался цикличностью в рамках аридного этапа, с наступлением которого лесостепной ландшафт сменился полупустынным и пустынным. На протяжении аридного этапа периодически происходило затухание эоловых процессов и устанавливался гумидный режим, вызывавший формирование почв.

Именно к этим хронологическим интервалам приурочены отложения культурных слоев стоянок каиршакского и тентексорского типов. (Козин Е.В., 2002. С. 7).

Резкая смена климата на рубеже бореала-атлантика вызвала геолого-палеоэкологический кризис, в результате чего семиаридный климат сменился на пустынный и полупустынный. Редкие раннеолитические стоянки предполагают подвижность и малочисленность населения, вероятно, сохранившего хозяйственный уклад мезолитического времени. Время среднего неолита совпало с улучшением климата – ландшафтно-климатические условия были близки к южностепным. К этому времени относятся памятники каиршакского типа с сохранившимися палеопочвами. Затем наступает период экстрояридных условий, памятники археологии этого времени неизвестны.

На этапе позднего неолита в Северном Прикаспии устанавливается климат южной пустыни с высоким режимом обводнения. Это было время наибольшего благоприятствования для проживания человека на всем протяжении неолита (Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д., 1998. С. 40-65; Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998. С. 66-73).

Не отличалась принципиальным образом и палеоклиматическая картина территории, занимаемой населением джангарской неолитической культуры. В Северо-Западном Прикаспии на протяжении атлантического и суббореального периодов также отмечены периоды влажных (трансгрессии) и сухих (регрессии) условий. Время существования многослойного поселения Джангар совпадает с гоусанской трансгрессией и благоприятными условиями жизни неолитического населения.

1.3. История изучения неолита Нижнего Поволжья

Исследования неолитических и энеолитических памятников не имеют такой богатой истории, как раскопки более поздних памятников регио-

на. Подавляющее большинство материалов получено за последние три десятилетия, хотя эпизодические исследования нижневолжского неолита были начаты еще в дореволюционное время. Они связаны с деятельностью Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). С 1908 года Н.А. Димо проводил первые разведки на дюнных стоянках в Камышинском, Балашовском и других правобережных уездах Саратовской губернии (Зайковский Б.В., 1913. С. 187-213). В 1912 году в музей СУАК стали поступать находки каменных изделий от членов СУАК П.Н. Шишкина, Ф.Д. Охлябинина и С.А. Щеглова, собранные на дюнах Заволжья, в Новоузенском уезде Самарской губернии (ныне Саратовское Заволжье). Это коллекции кремневых изделий с дюны Прапорский Бугор на р. Саратовке севернее г. Покровска и из урочища Подстепное в том же районе. Аналогичный материал был найден Ф.Д. Охлябининым в 1913 году у с. Тонкошуровка на р. Б. Караман.

Саратов продолжал оставаться центром археологического изучения Нижнего Поволжья и сразу после революции. В 1919-1921 гг. экспедицией Саратовского университета (рук. Ф.В. Баллод) выявлен ряд неолитических местонахождений на дюнах степного Правобережья Волги (Баллод Ф.В., 1923. С. 123-124).

В послереволюционное время в Саратове сложилась группа археологов и краеведов, деятельность которых на долгие годы определила развитие археологии и проведение археологических исследований на территории Нижнего Поволжья. Расцвет археологической и краеведческой деятельности в регионе связан в первую очередь с именем профессора Саратовского университета П.С. Рыкова. Планомерные археологические исследования, начатые в Нижнем Поволжье под его руководством, сказались в накоплении данных о неолитической эпохе, особенно в Заволжье и Калмыкии (Рыков П.С., 1931). П.С. Рыков в 1924 году обнаружил дюнную стоянку у с. Салтово на р. Еруслан, а в 1926 году Т.М. Минаева и П.Д. Рау на

р. Торгун у хут. Крахмал и у хут. Шульц открыли два памятника с каменным инвентарем. Наиболее интересные находки с большинства перечисленных памятников и нескольких дюнных стоянок по левому берегу Волги были опубликованы Т.М. Минаевой (Минаева Т.М., 1929).

Одним из итогов этой работы явилась публикация А.Ильиной и П.Шишкиным материалов к археологической карте «Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Калмыцкого округов Нижневолжского края» (Ильина А., Шишкин П., 1929). Источниковедческая база также была пополнена исследованиями И.В.Синицына в Заволжье (Синицын И.В., 1931. С. 83-91).

Первая попытка теоретического осмысления находок каменного века в северной части Нижнего Поволжья была предпринята Т.М.Минаевой (1929. С. 3-27), а итоги изучения самых ранних памятников в довоенные годы подведены П.С. Рыковым. Он пришел к выводу о том, что нижневолжский неолит будет коренным образом отличаться от лесного неолита Верхней Волги и Оки, относительно хорошо известного к тому времени (Рыков П.С., 1936. С. 7-9).

Последовавшие в 30-х годах политические репрессии отрицательно сказались на развитии археологии в Саратовском крае и Нижнем Поволжье, и дальнейшее изучение памятников неолитического времени было продолжено только после Отечественной войны.

В послевоенные годы основное внимание исследователей в Нижнем Поволжье привлекли памятники эпохи бронзы и их соотношение с предшествующими и последующими культурными образованиями, но сведения о неолитических стоянках постепенно продолжали накапливаться.

И.В.Синицын, продолживший изучение ранних памятников в послевоенные годы, расширил географические рамки поиска памятников каменного века на всю территорию Нижнего Поволжья и Западный Казахстан. Он обратил внимание на значительное сходство кремневых изделий

на территории Заволжья, Северного Прикаспия и Западного Казахстана (Синицын И.В., 1946, С. 9-10; он же, 1947. С. 175; он же, 1950. С. 104; он же, 1960. С. 133-152).

В первой половине 50-х гг. был обнаружен ряд местонахождений с материалами каменного века при строительстве Волго-Донского канала и Цимлянского водохранилища (Горецкий Г.И., 1952. С. 302-319). Коллекция артефактов неолитического времени была собрана в низовьях Волги В.Д.Белецким, но материалы были интерпретированы как относящиеся к эпохе бронзы (Белецкий В.Д., 1962, с. 61-64).

В 1955 году Т.Б. Попова при раскопках срубного поселения Быково I в Волгоградском Заволжье встретила слой с кремневыми орудиями (Попова Т.Б., 1960). Но поскольку все находки были представлены подъемным материалом, в исключительно редких случаях содержащим раннюю керамику, вопрос о времени существования комплексов каменных орудий и их культурном определении оставался открытым.

Более определенные выводы о неолитическом характере ряда стоянок Калмыкии были сделаны Н.Д.Прасловым, который также предполагал определенную близость памятников Западного Прикаспия и района Узеней (Праслов Н.Д., 1971, с. 102-107). Сбор подъемного материала каменного века на территории Калмыкии производили также У.Э.Эрдниев и Е.В.Шнадштейн (Эрдниев У.Э., 1967. С. 21-23; Шнадштейн Е.В., 1977. С. 182-183).

В 70-е годы проводились масштабные разведки в Северном Прикаспии. И хотя исследования ограничивались сбором подъемного материала, многократное увеличение источников позволило А.Н.Мелентьеву рассматривать мезо-неолитические находки в рамках сероглазовской культуры (Мелентьев А.Н., 1975; он же, 1978).

К сожалению, большинство из перечисленных разведочных исследований не были продолжены в виде планомерных раскопок обнаруженных

памятников, а разрозненные и немногочисленные коллекции не давали возможности провести культурную и хронологическую дефиницию подавляющего большинства находок. В арсенале исследователей отсутствовали реперные памятники с хорошо сохранившимся культурным слоем эпохи неолита-энеолита.

Несмотря на постепенное накопление материалов по позднему каменному веку, создание цельной картины неолитического и энеолитического времени без исследования памятников с сохранившимся культурным слоем было невозможным. Одним из первых таких памятников стала стоянка Орловка в Волгоградском Правобережье, исследованная В.И.Мамонтовым в 1968 году. На стоянке впервые была получена керамика в комплексе с каменными орудиями. Но источниковедческая база неолита Нижнего Поволжья была еще настолько мала, что ближайšie аналогии (и как оказалось позднее, вполне оправданные) обнаружались только в неолите Южного Урала (Мамонтов В.И., 1974). Кроме того, тогда же, в середине 60-70-х гг. В.И.Мамонтов открыл еще ряд стоянок с неолитическими и энеолитическими материалами по берегам и на островах Цимлянского водохранилища (Мамонтов В.И., 1969; он же, 1970; он же, 1991).

В степном Заволжье таким первым реперным памятником стала энеолитическая стоянка Алтата, исследованная в конце 60 – начале 70-х гг. Ю.В.Деревягиным (Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974). Ю.В.Деревягин проводил активные разведывательные работы в Саратовском Поволжье и обнаружил еще ряд нео-энеолитических стоянок и местонахождений (Деревягин Ю.В., 1966).

В 70-е годы разведывательные работы, проводившиеся на территории Волгоградской области позволили выявить еще несколько памятников позднекаменного века (стоянки Латошинка I и II, Каменка I, Качалино, Рахинка) (Еремин В.И., 1975. С. 103-109; он же, 1976. С. 177-178). На большей части памятников были проведены небольшие раскопки и в итоге

для Нижнего Поволжья была составлена первая приблизительная схема развития культур неолита-энеолита (Еремин В.И., 1977. С. 53-69).

В середине 70-х гг. и позднее на р.Бузулук были исследованы два неолитических поселения – Староанненское и Козлиновское, на которых была получена наиболее представительная для того времени коллекция керамики и каменных орудий из культурного слоя на территории Нижнего Поволжья (Еремин В.И., 1989, с. 71-89). Несколько размытых памятников было обнаружено на севере Саратовской области – Алексеевская и Ивановская стоянки (Васильев И.Б., Непочатых В.А., Пестрикова В.И., 1976; Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1977а).

Качественный прорыв в накоплении материалов по неолиту Нижнего Поволжья начался в 80-е годы прошлого века. Это, в первую очередь, связано с работами коллектива самарских исследователей (под руководством И.Б.Васильева) в Северном Прикаспии. Здесь ими впервые был раскопан ряд памятников с сохранившимся культурным слоем и предложена трехступенчатая схема развития неолита региона (памятники типа Кугат-Кулагайси – Каиршак – Тентексор) (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988). Не менее значительны были здесь успехи в поиске и исследовании поселенческих памятников энеолитического времени – прикаспийских и хвалынских. Обнаружение последних (в том числе с сохранившимся культурным слоем) оказалось особенно важным в плане сопоставления с исследованным несколько ранее Хвалынским энеолитическим могильником на севере Саратовской области (Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1979; они же, 1990). Исследование Хвалынского и аналогичного ему Хлопковского (Малов Н.М., 1982) могильников в южной лесостепи позволило по иному взглянуть и на известные ранее древнейшие подкурганые захоронения (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992) и соотнести время их существования с энеолитическими грунтовыми могильниками.

Тогда же П.М. Кольцов исследовал многослойную стоянку Джангар в Сарпинской низменности Калмыкии, ранненеолитическую стоянку Ту-Бузгу-Худук и целый ряд разновременных стоянок и местонахождений. На основании полученных материалов он обосновал существование здесь джангарской неолитической культуры и ее трех этапов (Кольцов П.М., 1982; он же, 1984; он же, 1987; он же, 1988; он же, 1989).

На крайнем северо-западе Нижнего Поволжья, в лесостепном Прихоперье, в пограничных районах Саратовской и Тамбовской областей, начиная с 80-х годов проводит исследования памятников неолита и энеолита А.А.Хреков. Здесь, по берегам Р.Хопер и его притока р.Ворона выявлено свыше двух десятков стоянок с сохранившимся культурным слоем. Большая их часть была раскопана и введена в научный оборот (Хреков А.А., 1988; он же, 1990; он же, 1992; он же, 1996; Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003).

Основные заволжские памятники нео-энеолитического времени стали известны в результате полевых исследований в 80-90-е гг. прошлого века археологических экспедиций Саратовского госуниверситета (Юдин А.И., 1989а). В степном Заволжье в 1985 году был открыт эталонный памятник степного поволжского неолита - Варфоломеевская стоянка (Воробьев В.Б., 1987. С. 172). Находки на стоянке позволили провести культурно-хронологическую привязку малоинформативных материалов дюнных стоянок и местонахождений степной зоны к культурным слоям Варфоломеевки и вместе с материалами стоянки Орловка стало возможным говорить о новой археологической культуре – орловской (Юдин А.И., 1995).

Территория Нижнего Поволжья исследована пока неравномерно. Перечисленные памятники далеко не равнозначны как источники и условно разделены на три типа: дюнные стоянки, местонахождения, стоянки с сохранившимся культурным слоем.

1. Дюнные стоянки. Содержат разновременный материал. Находки неолитического и энеолитического времени отчленяются от позднейших, но разделить их между собой значительно труднее: многие категории каменных орудий и изделий не претерпевали изменений на протяжении этих двух эпох, а керамика в песчаных дюнах сохраняется очень плохо из-за большой примеси толченой ракушки, придающей ей рыхлость. Дюнные стоянки приурочены к песчаным выходам в речных долинах, по берегам рек или старичных озер, иногда на значительном удалении от современного русла реки. Первые сведения о памятниках каменного века обычно происходили с этого типа памятников.

2. Местонахождения. В процессе разведок не всегда была возможность выяснить наличие культурного слоя на месте сбора находок. Такие памятники отнесены к местонахождениям. Подъемный материал на местонахождениях зачастую тоже разновременен, но, в отличие от дюнных стоянок, его значительно меньше. В некоторых случаях местонахождения дают одновременный комплекс находок, который поддается культурной и хронологической идентификации.

3. Стоянки с сохранившимся культурным слоем. Культурный слой неолитического времени часто перекрывается более поздними напластованиями. Основное внимание в данной работе уделено памятникам третьего типа, так как именно они наиболее активно исследовались с начала 80-х годов прошлого века. Два памятника этого типа – Варфоломеевская стоянка и поселение Джангар – имеют стратифицированные слои неолитического времени, что делает их эталонными не только для Нижнего Поволжья, но и для сопредельных регионов.

Таким образом, к началу XXI века исследователи стали располагать рядом хорошо изученных раскопками памятников, в том числе и многослойных. На эталонных памятниках (Варфоломеевка в степном Заволжье, Джангар в Северо-Западном Прикаспии, Каиршакские стоянки и Тентек-

сор в Северном Прикаспии) были проведены комплексные естественнонаучные исследования, значительно расширившие наши знания о хронологии, климате, флоре и фауне неолитической эпохи, о хозяйстве, производствах и быте человека того времени. Полученные за последние десятилетия комплексы взаимно дополняют друг друга, они относительно хорошо датированы и, в целом, мы имеем достаточно полноценные источники для общей культурной характеристики региона в нео-энеолитическую эпоху.

1.4. Основные проблемы историографии неолита и энеолита Нижнего Поволжья

В полном соответствии с расширением источниковедческой базы по памятникам неолита и энеолита Нижнего Поволжья расширился и круг проблем, рассматриваемых исследователями. Если на первых этапах изучения позднего каменного века вставали проблемы соотнесения новых памятников с существующими этнокультурными образованиями, то в последние годы, после получения надежной источниковедческой базы, уже рассматриваются вопросы о самостоятельной неолитической общности на территории Нижнего Поволжья, вопросы хронологии и синхронизации культур неолита-энеолита внутри региона и на сопредельных территориях, вопросы этнокультурной истории (проблемы миграций и формирований культурных образований), вопросы социальной организации общества, палеоэкологические условия проживания древнего человека.

В первые десятилетия после открытия неолитических стоянок накопленный материал практически не подвергался теоретическому осмыслению, кроме констатации факта наличия стоянок. Нео-энеолитические комплексы Нижнего Поволжья впервые были выделены Т.М.Минаевой из смешанных и разновременных коллекций дюнных стоянок, и это вызвало оправданную осторожность в их хронологическом определении (Минаева Т.М., 1929. С. 26). Итоги изучения самых ранних памятников в довоенные

годы подведены П.С. Рыковым. Он указал на несомненное существование в Нижнем Поволжье мезолитического ("эпипалеолитического") и неолитического населения и пришел к следующим выводам: во-первых, нижне-волжский неолит будет коренным образом отличаться от лесного неолита Верхней Волги и Оки, относительно хорошо известного к тому времени, и, во-вторых, некоторые категории каменных микролитических орудий на территории Нижнего Поволжья существуют весьма продолжительное время, от позднего мезолита до ранней бронзы (Рыков П.С., 1936. С. 7-9).

И.В.Синицын, продолживший изучение ранних памятников, обратил внимание на значительное сходство кремневых изделий на территории Заволжья, Северного Прикаспия и Западного Казахстана и синхронизировал материалы дюнных стоянок с кельтеминарской культурой (Синицын И.В., 1950, С. 104). Но поскольку все находки были представлены подъемным материалом, в исключительно редких случаях содержащим раннюю керамику, вопрос о времени существования комплексов каменных орудий, и в частности микролитов, оставался открытым. В 1954 году при исследовании кургана 9 Бережновского второго могильника встретились ямные погребения с кремневыми изделиями, что и послужило причиной отнесения И.В.Синицыным большей части дюнных стоянок к ямному времени (Синицын И.В., 1960а. С. 10).

Это привело к парадоксальной ситуации, подмеченной Г.Н.Матюшиным. В то время как на Дону, Средней Волге и Урале был открыт и изучен ряд неолитических стоянок, в Нижнем Поволжье ранние поселенческие памятники относили к древнеямной эпохе. Г.Н.Матюшин проанализировал часть археологических коллекций Нижнего Поволжья и показал невозможность включения их в ямную культуру. В степном Заволжье ко времени раннего неолита им отнесены сборы с дюны Прапорский Бугор (Матюшин Г.Н., 1968. С. 240).

В.П.Третьяков отметил своеобразие неолита Нижней Волги. По его мнению, немногочисленные памятники нижневолжского региона в культурном плане отличаются как от днепро-донецких, так и от южноуральских древностей (Третьяков В.П., 1974. С. 208-213).

Однако, несмотря на постепенное накопление материалов по позднему каменному веку, они оставались разрозненными и не позволяли составить картину последовательного развития нео-энеолитического населения. Разумеется, что появление ранних материалов в Нижнем Поволжье (древнейшие подкурганые захоронения и подъемный материал с развеечных стоянок Прикаспия) не осталось без внимания исследователей. Эти сведения использованы в ряде сводных работ с широким территориальным охватом (Gimbutas M., 1956; Gimbutas M., 1966; Даниленко В.Н., 1969; Даниленко В.Н., 1974), но конечно в силу своей немногочисленности они выступали лишь дополнением к находкам в сопредельных регионах. Культурно-исторические построения для территории Нижней Волги проводились только для памятников собственно ямной культуры, хотя ее истоки просматривались с середины V тыс. до н.э. (Gimbutas M., 1978).

Даже исследование стоянки Орловка в Волгоградском Правобережье (Мамонтов В.И., 1974) не намного прояснило картину. Тем не менее, на основании аналогий сопредельных степных и лесостепных регионов была предпринята первая попытка культурно-хронологической классификации материалов. Немногочисленные неолитические памятники степного Правобережья систематизированы В.И.Ереминым (Еремин В.И., 1977). Он разделил все известные стоянки на две хронологические группы и к наиболее ранним из известных на данной территории отнес стоянки Орловка, Качалино, Рахинка и синхронизировал их с позднеэнеолитическими могильниками Приазовья. Именно эти стоянки были в дальнейшем определены как позднеэнеолитические.

В последние два десятилетия положение с источниками изменилось кардинальным образом. Полученный начиная с 90-х годов новый археологический материал сразу вызвал ряд дискуссий как по неолитической, так и энеолитической проблематике.

В первую очередь это коснулось вопросов культурного определения и культурной группировки новых исследованных памятников Нижнего Поволжья.

Первая схема этнокультурного развития неолита-энеолита Нижнего Поволжья была построена преимущественно на материалах Северного Прикаспия, так как являлась итогом нескольких лет активных полевых исследований в песках низовьев Волги. Схема приведена в работе И.Б. Васильева и А.А. Выборнова "Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы" (1986. С. 3-20).

В своих более ранних работах названные авторы обосновали выделение памятников тентексорского типа, относящихся к позднему неолиту Северного Прикаспия. Анализ керамического комплекса стоянки Тентексор позволил им утверждать, что описанная ранее А.Н. Мелентьевым сероглазовская неолитическая культура (Мелентьев А.Н., 1975; он же, 1978) и материалы стоянки Тентексор идентичны, но плоскодонность керамики и характер кремневого инвентаря говорят о позднеэнеолитическом возрасте памятников, а не о раннеэнеолитическом, как считал А.Н. Мелентьев.

В указанной выше работе авторы предложили рассматривать неолит Северного Прикаспия в рамках новой джангаро-тентексорской культуры, где эталонным памятником для раннего этапа является стоянка Джангар на Правобережье Волги (Северо-Западный Прикаспий), а стоянка Тентексор – для позднего этапа неолита на Левобережье. Джангаро-тентексорская культура рассматривается в одном ряду с неолитическими культурами каспийско-причерноморского круга и отмечается наличие эпизодических культурных связей с неолитом Средней Азии. Все выводы данной работы

относятся к пустынным и полупустынным районам Нижнего Поволжья, так как на момент ее написания неолит и энеолит северной степной зоны Поволжья еще был практически не исследован. Для энеолитического времени описана трехступенчатая система развития, где ранний этап представлен памятниками прикаспийской культуры, средний – хвалынской и поздний – памятниками ямно-репиского типа. Для последних отмечалась, что они занимают условный и расплывчатый хронологический рубеж «поздний энеолит – ранняя бронза» (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986. С. 11-17). Прикаспийская культура включена вместе с памятниками самарской, нижнедонской и азово-днепровской культур в мариупольскую культурно-историческую область раннего энеолита Северного Прикаспия и Причерноморья. Именно с этими культурами мариупольской области увязывается и происхождение хвалынской культуры второго этапа энеолита.

В 1988 году выходит еще одна работа И.Б.Васильева и А.А.Выборнова, в которой на более широкой источниковой базе рассматривается неолит Среднего и Нижнего Поволжья (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988). Здесь уже в несколько ином плане группируются памятники степной и полупустынной зон. Все они объединены в нижневолжскую культурную область, включающую каиршакско-тентексорскую и джангарско-варфоломеевскую культуры. Каиршакско-тентексорская культура на раннем этапе представлена памятниками типа Кугат 4 и Кулагайси, на среднем – памятниками каиршакского типа, на позднем – тентексорского. Джангарско-варфоломеевская культура также разделена на три этапа: ранний – памятники типа Ту-Бузгу-Худук, средний – нижние слои Джангара и поздний – верхний слой Джангара и Варфоломеевка с Орловкой (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988).

За прошедшие годы точка зрения авторов не претерпела существенных изменений. Неолитические памятники Нижнего Поволжья объединяются в каиршакско-тентексорскую и джангарско-варфоломеевскую культуры в рам-

ках нижеволжской культурно-исторической области. В целях терминологического упрощения предлагается именовать культуры каиршакской и джангарской или орловской. Особо подчеркивается, что памятники этих культур Нижнего Поволжья нельзя рассматривать в качестве одной сероглазовской культуры, так как различия между ними существенны, и в дальнейшем все равно произойдет их расчленение, как это было с днепродонецкой культурой (Vasiliev I., Vubornov A., 1998; Выборнов А.А., 2000, С. 26-28).

Неолит Северо-Западного Прикаспия подробно рассматривается в работах П.М. Кольцова (Кольцов П.М., 1984; он же, 1987; он же, 1988; он же, 1989; он же, 1990; он же, 1990а). Им обосновано существование самостоятельной джангарской неолитической культуры в Северо-Западном Прикаспии. Культура проходит три этапа в своем развитии. К первому (раннему) этапу отнесены немногочисленные стоянки типа Ту-Бузгу-Худук I; средний неолит представлен двумя нижними слоями реперной стоянки Джангар; поздний неолит характеризуется материалами верхнего слоя Джангара и стоянки Ту-Бузгу-Худук II. Происхождение джангарской культуры связывается с местным позднемезолитическим населением, а сама она рассматривается как составная часть североприкаспийской культурно-исторической области. На основании типологических сопоставлений и нескольких радиоуглеродных дат определены хронологические рамки джангарской культуры – от середины VI тыс. до н.э. до начала IV тыс. до н.э.

Джангарская культура обнаруживает большое культурное сходство с орловской неолитической культурой, а также в ее материалах есть некоторое количество керамики из сопредельного Северного Прикаспия. Но П.М.Кольцов не склонен рассматривать джангарские материалы ни в виде джангарско-орловской культуры, ни как джангаро-гентексорские, а исключительно в виде культурного образования с самостоятельным статусом.

Автор данного исследования также придерживается мнения о самостоятельном статусе как джангарской, так и орловской неолитических культур. Уже в первой публикации материалов Варфоломеевской стоянки была отмечена полная тождественность находкам на Орловской стоянке, культурное своеобразие материалов и выделена новая археологическая культура – орловская (Юдин А.И., 1988). Кроме того, исследование Варфоломеевской стоянки позволило провести культурно-хронологическую привязку малоинформативных материалов дюнных стоянок и местонахождений степной зоны к культурным слоям Варфоломеевки. В дальнейшем выделение новой культуры было подтверждено рядом работ, в которых рассмотрены этапы развития орловской культуры, определено ее место в системе степного неолита Восточной Европы (Юдин А.И., 1991; он же, 1995), а также выяснено общее и разное с материалами джангарской культуры (Юдин А.И., 2000а). Исследование контрольного однослойного участка Варфоломеевской стоянки подтвердило правильность сделанных ранее выводов (Юдин А.И., 1997).

Несколько иной точки зрения на неолит Северного Прикаспия чем И.Б.Васильев и А.А.Выборнов придерживался Е.В.Козин. Несмотря на констатацию значительных отличий между памятниками каиршакского и тентексорского типов, объясняющихся значительным хронологическим разрывом, он обосновал генетическую преемственность каиршакских и тентексорских стоянок в рамках сероглазовской культуры, где ранний неолит представлен памятниками типа Кугат, средний неолит – каиршакскими памятниками и поздний – тентексорскими. Хронологические разрывы между культурными типами памятников были вызваны периодическим резким ухудшением природно-климатических условий, которые вынуждали население перемещаться на окраины Прикаспийской низменности (Козин Е.В., 2002).

Высказывалось даже мнение, что неолитический комплекс Варфоломеевской стоянки (слой 3) культурно и типологически тождествен каиршакскому (раннему сероглазовскому (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998. С. 71). Объяснение этому авторы видят именно в том, что в интервале между отложениями комплексов Каир-Шак и Тентексор, вызванном неблагоприятными экологическими условиями, население перемещалось на периферию Прикаспийской низменности, где и находилась Варфоломеевская стоянка (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998. С. 80).

Особую позицию в дискуссиях по неолиту Поволжья занимает В.В.Ставицкий. По его мнению, каиршакская линия развития неолита Северного Прикаспия не имеет продолжения и сливается с Варфоломеевской традицией, а происхождение памятников тентексорского типа следует связывать с сегментацией Варфоломеевской линии развития. В целом же материалы Джангара и Варфоломеевки заполняют хронологический пробел между памятниками каиршакского и тентексорского типов. В.В.Ставицкий согласен с мнением других исследователей об автохтонном происхождении неолитических культур Прикаспия и отнесении их к единой культурной области, но считает, что жесткая генетическая связь между ними пока бесспорна только для джангарских и варфоломеевских материалов (Ставицкий В.В., 2004).

К проблемам неолита Поволжья неоднократно обращался Д.Я. Телегин. Сначала им был выделен орловский тип памятников (Телегин Д.Я., 1981), а затем нижневолжские памятники рассмотрены в системе всего неолита юга Восточной Европы. Памятники Нижней Волги помещены в днепро-волжскую культурную общность, включающую культуры днепродонецкой этнокультурной общности Украины, ракушечноражскую и среднедонскую культуры Подонья, сероглазовскую, волгоуральскую и самарскую культуры Поволжья. Неолитические памятники степной и полупустынной зон Нижнего Поволжья объединены в сероглазовскую культуру с тремя

этапами: ранним джангарским, средним тентексорским и поздним орловским (Телегин Д.Я., 1988, с. 33-56).

Как видно из вышесказанного, единой точки зрения на культурное ранжирование неолитических памятников Нижнего Поволжья пока нет. Однако все исследователи согласны, что данные неолитические памятники обладают рядом общих признаков – плоскодонная накольчато-прочерченная керамика, пластинчатый комплекс кремневых орудий с микролитами – что позволяет изучать их в рамках более крупной таксономической единицы: нижневолжской культурной области с накольчато-прочерченной керамикой (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988); североприкаспийской культурно-исторической области (Кольцов П.М., 1988) или нижневолжской культурной общности (Юдин А.И., 2003б).

Проблема ранней неолитизации Восточной Европы и особенно лесостепного Поволжья и Подонья становится остро дискуссионной в связи с очень ранними датами елшанской культуры, но ни одна из предложенных гипотез ее происхождения пока не находит достаточно веской аргументации (Выборнов А.А., 2005. С. 152-159).

Дискуссионным также является вопрос о раннем неолите Нижнего Поволжья. Севернее, в Среднем Поволжье хорошо известны елшанские памятники ранне-неолитического времени. По многим технико-типологическим параметрам к елшанской керамике приближается тычковая керамика лесостепного Прихоперья. В степной и полупустынной зонах ранний неолит известен только в южной части – ранние памятники в джангарской и сероглазовской культурах. Они не имеют абсолютных дат и выделяются типологически. Каменные орудия обнаруживают генетическую связь с поздними мезолитическими материалами. С другой стороны, характерные ранние черты в керамике и камне продолжают бытовать в последующее время. Вероятно, отсутствие на данный момент времени ранних неолитических памятников в степи, стимулировало появление предположения о

хронологическом приоритете памятников каршакского типа над материалами нижних слоев Варфоломеевки и Джангара и даже об отсутствии синхронизации нижних слоев Варфоломеевки и Джангара ввиду большей древности последнего (Ставицкий В.В., 2004. С. 206-215). Остро дискуссионной остается и проблема возникновения и хронологии самых ранних памятников юга Нижнего Поволжья – типа Ту-Бузгу-Худук и Кугат-Кулагайси (Выборнов А.А., 2005. С. 152-159). Данный вопрос пока далек от своего разрешения ввиду немногочисленности раннеэнеолитических материалов.

Стоит особо остановиться на одном из вопросов, связанном с критикой выдвинутых положений об этнокультурной истории Нижнего Поволжья. Имеется в виду замечание Г.Н.Матюшина о неразработанности хронологической схемы нео-энеолитического времени для памятников Северного Прикаспия, указывается на поздний возраст Варфоломеевской стоянки (Матюшин Г.Н., 1996, с. 106). Это, вероятно, объясняется тем, что автор оперировал некалиброванными датами слоя 2А, относящегося к тому же к позднему периоду неолита.

Однако к тому времени уже была выстроена довольно убедительная схема развития неолита и энеолита Северного Прикаспия, Нижнего и Среднего Поволжья, лишенная тех противоречий, о которых говорит Г.Н.Матюшин, и подкрепленная затем с помощью данных междисциплинарных и естественно-научных исследований. Разумеется, она еще далека от совершенства, но вряд ли может быть отвергнута без серьезной аргументации хотя бы на уровне уже проделанных работ рядом исследователей.

Наиболее детально проанализировал критические замечания А.А.Выборнов и показал, что оснований для подобных утверждений нет (Выборнов А.А., 1997. С. 3-10). А.А.Выборнов еще раз возвращается к доказательству тезиса о культурном единстве каиршакских и тентексорских па-

мятников, рассматривая первые как развитой этап культуры, а вторые – как поздний. В качестве доказательства непрерывного развития одной каршакско-тентексорской культуры он приводит материалы Варфоломеевской стоянки, где самые ранние и позднейшие находки также имеют значительные различия, вызванные эволюционными изменениями орловской культуры.

Генезис древнего населения Нижнего Поволжья находился в тесной взаимосвязи с культурными процессами сопредельных регионов, в первую очередь с южными районами лесостепного Поволжья. В этом регионе открыто и изучено значительное количество неолитических памятников, историография которых к настоящему времени весьма обширна. Решение многих вопросов эволюции неолитических памятников Среднего Поволжья непосредственно связано с проблемами неолита Нижнего Поволжья.

Нео-энеолитическое время более северных, лесостепных районов Поволжья и Волго-Уральского междуречья подробно рассмотрено в ряде работ Н.Л.Моргуновой. Неолитические материалы региона выделены в волго-уральскую культуру с тремя этапами развития. Население волго-уральской культуры «входило в ареал влияния и постоянного культурного взаимодействия южной зоны». Сложение культуры происходило на автохтонной основе, но под активным культурным воздействием населения Средней Азии. К раннему этапу отнесены памятники елшанского типа с шиподонной керамикой. Второй этап характеризуется накольчато-прочерченной керамикой, а третий – гребенчато-накольчатой. Появление керамики с накольчато-прочерченной орнаментацией связывается с культурами накольчатого неолита Нижнего Поволжья. Гребенчатая традиция орнаментации керамики была заимствована у волго-камских племен. Волго-уральская культура, по мнению Н.Л.Моргуновой, представляет из себя сложное синкретическое образование как результат активных культурных контактов и связей. Первый этап местного энеолита представлен небольшо-

численными памятниками самарской культуры, которая также имеет синкретичный характер, и ее сложение тоже происходит при взаимодействии местного населения с северными, волго-камскими племенами южными, нижневолжскими. В развитии самарской культуры выделяется два этапа: съезженский, синхронный мариупольским памятникам, и ивановский, синхронный хвалынско-среднестоговским древностям. Хвалынские культурные традиции постепенно вытесняют самарские, а затем ямная культура, которая сложилась в Нижнем Поволжье на базе хвалынской, постепенно распространилась в лесостепное Волго-Уралье. Н.Л.Моргунова относит распространение производящего хозяйства (скотоводства) к неолитическому времени, однако ведущее место в хозяйстве оно начинает занимать только в энеолите (Моргунова Н.Л., 1980; она же, 1984а; она же, 1995; она же, 1997).

И.Б.Васильев и А.А.Выборнов рассматривают памятники елшанского типа, в отличие от Н.Л.Моргуновой как особую культурную группу, явившуюся одним из компонентов сложения средневолжской культуры лесостепного Поволжья. Характер культуры синкретичен, она постоянно испытывала культурное воздействие лесного населения с севера и степного – с юга, что наиболее ярко отразилось в облике керамики. Намечены три этапа развития культуры и два территориальных варианта – сурско-мокшанский на Правобережье и самарско-токский в Заволжье (Васильев И. Б., Выборнов А.А., 1988).

Памятники елшанского типа в последнее время изучаются в ранге самостоятельной культуры (Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1995; Мамонов А.Е., 1999. С. 15-43).

Рассматривая развитие нижневолжской культурной общности эпохи неолита на более широком фоне культур с накольчатой керамикой, сразу отмечается ее своеобразие. Область культур с накольчатой керамикой к северу от Нижней Волги, в Волго-Камском регионе подробно изучена

В.А.Вискалиным. Им определено, что наиболее близкие параллели накольчатой керамике Волго-Камья обнаруживаются к западу и юго-западу от Среднего Поволжья среди памятников культурных групп лесостепи (поднепровской, верхневолжской, деснинской, среднедонской). Менее выражены восточные параллели и минимально – меридиональные связи с нижневолжским и прикаспийским неолитом. По мнению В.А.Вискалина, влияние степного юга Поволжья достигает только южной периферии средневолжской лесостепи (Вискалин В.А., 1999а; он же, 1999б; он же, 1999в).

Особый облик культур нижневолжской области виден и при сравнении с неолитом лесостепного Дона. По наблюдениям С.В.Гапочки здесь накольчатая керамика предшествовала гребенчатой, но в то же время накольчатой керамикой уже на раннем этапе неолита сопутствует гребенчатая и накольчато-гребенчатая, чего совершенно нет в нижневолжской керамике. Для неолита лесостепного Дона отмечаются параллели в керамическом производстве и каменном инвентаре с ракушечноярской культурой и неолитом лесостепного Поволжья (Гапочка С.Н., 2001).

И.Н.Наумов выделяет в позднем неолите (в рамках V тыс. до н.э.) поволжско-нижнедонских степей волго-донскую культурно-хозяйственную область, которая включает территорию нижневолжской культурной общности (Юдин А.И., 2003б) и область распространения ракушечноярской культуры (Наумов И.Н., 2004. С. 22-23), то есть и в данном случае нижневолжский неолит не ставится в один ряд с неолитическими культурами к северу и западу от него.

Культуры энеолита больше привлекали внимание исследователей, хотя жесткого разделения проблем неолита и энеолита никогда не было, просто в количественном отношении энеолитические материалы преобладают над неолитическими, да и культурные образования энеолитического времени зачастую занимают несколько сопредельных регионов.

Круг вопросов, рассматриваемых исследователями, весьма широк и охватывает практически все сферы истории, культуры и генезиса энеолитического населения. Наиболее дискуссионными на протяжении ряда лет остаются вопросы формирования культур раннего энеолита, культурно-хронологического соотношения памятников прикаспийской и хвалынской культур, определения места алтатинских памятников в системе энеолита Восточной Европы, сложения и развития производящего хозяйства, а также проблемы формирования культур ранней бронзы.

И.Б. Васильеву принадлежит первая обобщающая работа по энеолиту Поволжья, в которой была создана схема развития энеолитических культур степи и лесостепи (Васильев И.Б., 1981). Энеолит лесостепи и степи разделен на три этапа развития, где ранний энеолит представлен памятниками самарской и прикаспийской культур. На втором, развитом этапе их сменяют памятники хвалынской культуры (в рамках выделенной хвалынской-среднестоговской общности). К третьему этапу, позднему энеолиту отнесены древнейшие подкурганые захоронения типа Бережновка 1 5/22 и памятники алесеевского, репинского и волосовского типов. Данные положения были развиты в совместной работе И.Б.Васильева и А.Т.Синюка, посвященной энеолиту Восточно-Европейской лесостепи. И хотя в данной работе не рассматривались непосредственно памятники степей Нижнего Поволжья, многие из ее аспектов в дальнейшем использовались для осмысления культур сопредельных регионов. В частности, в работе характеризуются мариупольская культурно-историческая область и хвалынско-среднестоговская культурно-историческая область, а также рассматривается происхождение их локальных культур. В поздний энеолит помещены памятники алесеевского, волосовского и турганинского типов, а также отмечена линия пережиточного энеолита, представленная в Подонье материалами иванобугорского типа, а в Поволжье памятниками типа Лбище (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985).

Авторы отметили своеобразие действия исторических процессов в условиях лесостепной зоны по сравнению со степной. Если для большей части культурно-исторических образований степной зоны характерна достаточно быстрая смена культур, то для лесостепных отмечено длительное сосуществование культур с разностадиальными признаками, что объясняется многоукладностью экономики населения лесостепи, так как большая экологическая емкость последней делала рентабельным как производящее, так и присваивающее хозяйство (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С. 72-73). Последнее представляется особенно интересным, так как в дальнейшем оказалось, что и для степи характерен процесс полилинейного развития культур.

Трехчленная схема развития энеолита Нижнего Поволжья в последующем уточнялась и корректировалась, но была принята большинством исследователей.

Ранний энеолит Нижней Волги традиционно отсчитывают от прикаспийской культуры. Культура стала известна по результатам разведочных работ А.Н.Мелентьева в Северном Прикаспии. Основой для ее выделения и краткой характеристики послужили материалы сборов на дюнных стоянках (Мелентьев А.Н., 1976б). После работ в 1979-1980 гг. Средневожской археологической экспедиции под руководством И.Б.Васильева в Северном Прикаспии характеристика прикаспийской культуры была значительно дополнена (Васильев И.Б., 1981; Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985). Была установлена смена микролитической кремневой индустрии неолитического времени крупными кварцевыми орудиями в раннем энеолите. Отмечена смена техники орнаментации керамики – от накольчатой и накольчато-прочерченной на гребенчато-прочерченную. В то же время подчеркивалось, что материалы прикаспийской культуры весьма немногочисленны, но по своему облику явно выделяются среди материалов сопре-

дельных энеолитических культур и вполне обоснованно могут быть охарактеризованы в рамках самостоятельной культуры.

Это подтвердилось после обнаружения ряда прикаспийских стоянок и поселений в степном Заволжье и Волго-Уральском междуречье в 80-х годах прошлого века. Причем, в отличие от Северного Прикаспия, здесь большая часть памятников имеет хорошо сохранившийся культурный слой (Юдин А.И., 1986). Памятники прикаспийской культуры были включены в состав мариупольской культурной области вместе с памятниками самарской, нижнедонской и азово-днепровской культур Восточной Европы.

Однако памятники мариупольской культурно-исторической области Нижнего Поволжья рассматриваются и под другим углом зрения, в значительной степени не совпадающим с первоначальной концепцией И.Б.Васильева. Эта точка зрения наиболее последовательно отражена в работах П.П.Барынкина. По его мнению, говорить о существовании отдельных самарской и прикаспийской культур нет оснований, а в Поволжье от Самарской Луки до Каспия есть только малочисленные комплексы «воротничковой» керамики, составленные «единичными сосудами, и такими же малочисленными наборами каменных изделий, которые ограничиваются набором пластин и концевых скребков». Культурная доминанта на протяжении раннего и развитого энеолита отдается населению хвалынской культуры, которое существует одновременно с носителями керамики «воротничкового» культурного типа. Появление воротничковых комплексов в Приуралье связывается с хвалынским населением из степной зоны, а съезженскому населению отводится минимальная роль, что обосновывается их малочисленностью как в степи, так и в лесостепи (Барынкин П.П., 2003. С. 49-50).

Средний этап энеолита по схеме И.Б.Васильева представлен памятниками хвалынской энеолитической культуры. Культура получила название по эпонимному могильнику на севере Саратовской области (Агапов

С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1979; 1990). Культура характеризуется материалами двух Хвалынских и Хлопковского могильников в Првобережной лесостепи Саратовской области, материалами ряда стоянок и нескольких разрушенных могильников в Северном Прикаспии (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988; Барынкин П.П., 1989). Отдельные керамические комплексы и подкурганые захоронения встречаются на всей территории Нижнего Поволжья и в сопредельных регионах. На всей территории распространения культура выступает как единое целое, без каких либо локальных вариантов (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986, с. 14).

Из всех энеолитических культур Нижнего Поволжья хвалынская наиболее изучена, и ее материалы относительно полно опубликованы. Тем не менее, ряд вопросов является остро дискуссионными, что, в первую очередь, связано с большой исторической ролью хвалынских племен в культурной истории энеолитического населения не только Нижнего Поволжья, но и прилегающих областей. За прошедшие годы после исследования Хвалынского I и Хлопковского могильников, с которых началось изучение культуры, она прочно заняла свое место в системе энеолита Восточной Европы как одна из культур, оказавших основное влияние на переход к производящему хозяйству в степной и лесостепной зонах и легших в основу формирования последующих памятников эпохи ранней бронзы. Наибольшее количество различных точек зрения исследователей относятся к раннему и завершающему этапам культуры, так как в местных неолитических культурах нет признаков автохтонного формирования хвалынской культуры, а завершение функционирования культуры, которое первоначально связывали с формированием ямной культуры, происходит приблизительно, на пятьсот лет раньше появления первых ямных погребений.

Остановимся на ключевых моментах, касающихся историографии хвалынской культуры на территории Нижнего Поволжья.

Как уже было сказано выше, хвалынская культура соотносится И.Б.Васильевым со средним этапом энеолита, формируется на основе раннеэнеолитических культур мариупольского круга – самарской, прикаспийской, нижнедонской и частично синхронизируется с предыдущими мариупольскими памятниками. Частичная синхронизация самарских и хвалынских памятников была впервые доказана в работах Н.Л.Моргуновой (Моргунова Н.Л., 1984 б; Она же, 1989).

Однако существует и мнение о синхронности хвалынских поселений Северного Прикаспия с поселениями, на которых встречены комплексы «воротничковой керамики» (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998), хотя признается, что при нынешнем состоянии источников нет прямых данных об их сосуществовании (Барынкин П.П., 2003а. С. 49).

Утверждение о синхронности хвалынских и «воротничковых» комплексов основывается по большей части на данных радиоуглеродного анализа, стратиграфические наблюдения пока показывают хронологический приоритет мариупольских памятников. В одной из своих последних работ И.Б.Васильев приводит немногочисленный, но исчерпывающий список стратиграфических примеров перекрытия мариупольских материалов хвалынскими (Васильев И.Б., 2003. С. 70).

Единого мнения у исследователей хвалынских памятников относительно их хронологии и синхронизации с памятниками сопредельных регионов нет. В частности, В.И.Пестрикова считает, что между Хвалынским могильником и памятниками среднестоговской культуры, включенными И.Б.Васильевым в одну общность, существует значительный хронологический разрыв (Пестрикова В.И., 1987).

Не признают существование хвалынско-среднестоговской области Д.Я.Телегин и А.Л.Нечитайло, указывая, что можно вести речь только о хронологическом сосуществовании раннесреднестоговских и хвалынских

памятников, тогда как в генетическом и культурном плане они различны (Телегин Д.Я., 1991; Нечитайло А.Л., 1996. С. 19).

В целом, исследователями признается существование культуры в пределах IV тыс. до н.э., а по калиброванным значениям радиоуглеродных дат начало хвалынской культуры опускается до первой половины-середины V тыс. до н.э.

Итоги изучения хвалынской культуры подведены в одной из последних работ И.Б.Васильева (Васильев И.Б., 2003а). В статье дана развернутая характеристика всей хвалынской культуры, включая погребальные и поселенческие памятники. Определены границы хвалынской культуры – южная лесостепь и степь Поволжья и Приуралья и часть лесной зоны с северо-западу от Нижнего Поволжья. Отмечено, что увеличение источниковой базы позволяет изучать хвалынскую культуру системно – по вертикали и горизонтали, что позволяет найти ее место в системе нео-энеолитических культур степи и лесостепи Евразии, а также создает базу для концепции сложения ямной культуры Волго-Уральского региона на основе хвалынской энеолитической культуры. Из этого, в свою очередь, следует, что места на карте Евразии для источника миграции ямных племен в восточно-европейскую степь и лесостепь нет, следовательно, мнение исследователей о данном регионе как прародине индоевропейцев получает новое подтверждение.

И.Б.Васильев настаивает на более ранней хронологической позиции мариупольских культур по отношению к культурам хвалынско-средне-стоговского круга не только на основании стратиграфических наблюдений на поселениях, но также на соотношении основных и более поздних скорченных погребений Мариупольского могильника. Однако при этом допускается возможность сосуществования неолитических и мариупольских, поздних мариупольских и хвалынско-средне-стоговских, поздних хвалынско-средне-стоговских и ямных культур. И.Б.Васильев отмечает, что наи-

большая близость хвалынской культуре обнаруживается с памятниками новоданиловского типа (культуры), в материалах которых имеются параллели практически по всем деталям погребального обряда и категориям инвентаря. Также проводятся аналогии с могильником Кривой Рог в Поднепровье, с суворовской группой памятников, с погребениями кургана 5 могильника Мухин II на Нижнем Дону, Нальчикским могильником и поселением Свободное на Северном Кавказе (предмайкопский энеолитический горизонт). Хронологическая позиция хвалынской культуры определяется через систему аналогий с Трипольем А и В, новоданиловской и среднестоговской культурами и сопоставлением с хронологическими схемами балкано-карпатского энеолита. Первые подкурганые погребения типа Бережновки I 5/22 он считает переходными к ямной культуре.

Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников рассматривается И.Б.Васильевым в отдельной работе. В ней приводятся все примеры более низкого стратиграфического залегания мариупольских материалов относительно других энеолитических на памятниках Поволжья, Подонья, Приуралья и Причерноморья и делается вывод о более раннем, в целом, залегании мариупольских материалов по отношению к хвалынско-среднестоговским. Не исключается определенное сосуществование мариупольских и хвалынско-среднестоговских памятников, но И.Б.Васильев считает совершенно невозможным говорить об их полном сосуществовании или даже обратном соотношении (Васильев И.Б., 2003в. С. 55-58).

Последовательная смена культур мариупольской области культурами хвалынско-среднестоговского круга в настоящее время поддерживается большинством исследователей. Н.Я.Мерперт, один из ведущих специалистов по проблемам энеолита Восточной Европы, согласен с выводом о предшествовании Съезженского могильника Хвалынскому и их преемственности (Мерперт Н.Я., 1980). Д.Я.Телегин проводит ряд параллелей ме-

жду новоданиловскими и хвалынскими материалами. Новоданиловские памятники он датировал второй половиной IV тыс. до н.э. и ставит их вслед за могильниками мариупольского типа, заключительный период бытования которых приходился на середину – начало второй половины IV тыс. до н.э. (Телегин Д.Я., 1985. С. 316-317). В дальнейшем, опираясь на калиброванные радиоуглеродные даты, время Хвалынского могильника было определено, в целом, первой половиной V тыс. до н.э., что соответствует раннетрипольско-мариупольскому периоду. Но тем не менее, даже в этом случае Хвалынский могильник моложе ранних могильников мариупольского типа, а новоданиловские памятники являются продолжением культуры могильников мариупольского типа (Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В., 2001. С. 64, 132). О.Г.Шапошникова поддержала тезис о предшествовании памятников мариупольского типа среднестоговским и хвалынским памятникам (Шапошникова О.Г., 1985). В.Я.Кияшко смену памятников мариупольской культурно-исторической области первыми подкурганными с материалами близкими хвалынским обосновывает материалами стратифицированного поселения Раздорское I и частью курганных погребений 1-ой группы (хут. Попов, пос. Мухин) (Кияшко В.Я., 1994).

Памятники хвалынского типа в степном Заволжье, в отличие от прикаспийских, представлены в основном погребальными подкурганными комплексами. Древнейшие подкурганные захоронения в степном Поволжье вычленились исследователями из общей массы курганных захоронений по характерным особенностям обряда и инвентаря и до исследования Хвалынского могильника.

На основе стратиграфических данных В.Ф.Фисенко выделил древнейший этап подкурганных захоронений ямной культуры (Фисенко В.Ф., 1970. С. 32, 49). Эти захоронения в основном совпадают с первым хронологическим горизонтом Н.Я.Мерперта, который представил наиболее пол-

ную сводку древнейших подкурганых захоронений. В своей работе «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья» Н.Я.Мерперт определил как наиболее ранние 13 скорченных погребений (первая подгруппа первой обрядовой группы) и 5 вытянутых погребений второй обрядовой группы (Мерперт Н.Я., 1974. С. 46, 54). По обряду захоронения и набору погребального инвентаря погребения из первой обрядовой группы, несомненно, аналогичны хвалынским грунтовым захоронениям.

Несколько погребений из этой группы к древнейшим ямным были отнесены В.М.Даниленко и выделены им в бережновскую фазу среднестоговского периода ямной культуры (Даниленко В.Н., 1974. С. 56, 59-61, 66-68. Рис. 32, 1).

Материалы могильников хвалынской культуры оказались настолько информативными, что к списку известных ранее погребений стало возможным добавить ряд новых и охарактеризовать их как энеолитические погребения хвалынско-бережновского типа и датировать не позднее середины IV тыс. до н.э. по традиционной хронологии (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. С. 18-27).

Поскольку традиционная же хронология предполагала, что даже самые ранние памятники ямной культуры появлялись не ранее III тыс. до н.э., то между энеолитическими подкургаными и грунтовыми хвалынскими и собственно ямными оставался хронологический разрыв не менее полутысячи лет. Как уже было сказано, в стратиграфической схеме энеолита Поволжья этот хронологический разрыв заполняется И.Б.Васильевым памятниками алексеевского, волосовского и турганикского типов, а также памятниками репинской культуры.

Правда на территории степной зоны Нижнего Поволжья репинские памятники довольно немногочисленны. Историография культурно-хронологического определения репинских памятников на первых этапах ее изучения подробно приводится А.Т.Синюком (1981, с. 14, 15). Репинская

культура получила свое название по эпонимному памятнику Репин Хутор на Среднем Дону, исследованному И.В.Синициным (1957). Первоначально всеми исследователями эти памятники рассматривались исключительно в рамках ямной культуры. В дальнейшем, с накоплением новых материалов, ямная культурная принадлежность поселений с характерной керамикой, а также редких вытянутых подкурганых захоронений с аналогичной керамикой стала подвергаться все большему сомнению. Проанализировав материалы этой своеобразной группы памятников, А.Т.Синюк неоспоримо доказал их принадлежность к самостоятельной – репинской – культуре. (Синюк А.Т., 1981. С. 8-20). По его мнению, формирование репинской культуры происходит на Среднем Дону, на позднем этапе культуры репинское население расселяется далеко за пределами первоначального ареала.

Одной из таких территорий с позднерепинскими материалами является Северный Прикаспий, где в 80-е годы прошлого века самарскими археологами под руководством И.Б.Васильева был обнаружен ряд стоянок с материалами, аналогичными репинским (Истай, Комбактэ, Кошалак, Шонай восточная), в том числе с сохранившимся культурным слоем и остатками жилых сооружений (Кзыл-хак I и Кзыл-хак II). Хронологическое положение данных памятников первоначально определялось как позднеэнеолитическое. Аналогии им отмечались среди репинской и более поздней ямно-репинской (переходной к собственно ямной) керамики (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995 С. 139-140).

После всестороннего анализа материалов Северного Прикаспия П.П.Барынкин пришел к выводу о раннеямной принадлежности этих памятников (Барынкин П.П., 1992. С. 18-20). Севернее, в степной зоне Заповолжья и лесостепи Правобережья находки репинской керамики исключительно редки, а памятники репинской культуры, за исключением редких подкурганых погребений, не известны. Следовательно, для территории Нижнего Поволжья репинские памятники не могли являться связующим

звеном между хвалынской и раннеямной культурой, в отличие от территории Среднего Подонья. В Подонье по наблюдениям А.Т.Синюка репинская культура первого этапа синхронизируется с хвалынской-среднестоговской общностью (Синюк А.Т., 1981), а памятники второго этапа постепенно трансформируются в ямную.

На территории же Нижнего Поволжья внимание исследователей привлекли памятники алтатинского типа. Памятники алтатинского типа названы по эпонимной стоянке Алтата в степном Заволжье. Первоначально материалы этой стоянки трактовались как неолитические, так как в степном Заволжье еще не было известно более ранних памятников с каменной индустрией и керамикой (Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974. С. 253). После исследования стоянки Алтаты Д.Я.Телегиным в 1975 году ее материалы стали толковаться как раннеэнеолитические (Телегин Д.Я., 1976. С. 26). Особое значение имели раскопки стоянки в 1989-1990 гг. Н.М.Маловым, в результате которых была значительно пополнена коллекция керамики, среди которой обнаружилась хвалынская (Малов Н.М., 1989; он же, 1990). Своеобразные материалы стоянки не находили близких аналогий и датировались в широком хронологическом диапазоне от неолита (Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974. С. 249-253) до позднего энеолита (Васильев И.Б., 1981. С. 44-50). И.Б.Васильев отнес Алтату к памятникам алексеевского типа, куда были включены достаточно разнородные в культурном отношении и удаленные друг от друга памятники, на большей части которых культурные слои были разрушены.

Однако после полевых исследований в 80-е годы прошлого века стало известно еще несколько новых энеолитических памятников, материалы которых были идентичны находкам на стоянке Алтата и комплексы этой группы памятников уже отличались от остальных алексеевских близким культурным обликом. Особенно явно это стало видно после изучения поселения Пшеничного на реке Торгун, что дало основание для объедине-

ния этих памятников в один культурный тип - алтатинский (Юдин А.И., 1989 б. С. 148-167). Алтатинский культурный тип памятников возник в результате сложных контактов местного степного, более северного лесостепного и южного нижнедонского населения на последнем этапе неолита и продолжал существовать до конца энеолита. Памятники алтатинского типа локализовались в степной зоне, тогда как алексеевские занимают лесостепное Правобережье Волги.

Аналогичные материалы стали известны и значительно севернее, в лесостепном Посурье (Ставицкий В.В., 2002). В.В.Ставицкий относит их к алтатинским памятникам, а решающую роль в их формировании отводит поздним репинским племенам.

Материалы еще одного уникального для Нижнего Поволжья памятника – многослойного поселения Кумыска также в какой-то мере заполняют хронологический промежуток между хвалынской и ямной культурами (Юдин А.И., 1999б).

По вопросу сложения ямной культуры Нижнего Поволжья существует, как минимум, три основные точки зрения. Культурная преемственность доказывается на основании более позднего хронологического положения хвалынско-бережновских памятников. В процессе сложения ямной культуры также принимало участие население, оставившее памятники алексеевского, алтатинского, турганикского, репинского типов (Васильев И.Б., 2003а). Другая точка зрения связывает формирование ямной культуры с генезисом репинской, так как нет убедительных данных о разном времени совершения грунтовых и подкурганых погребений, а вся ранняя ямная керамика – это репинская керамика (Трифонов В.А., 1996).

Третья точка зрения связывает генезис хвалынских памятников в ямные через комплексы ливенцовской культуры, аналогии которой на территории Нижнего Поволжья есть в материалах поселения Кумыска (Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997. С. 40-57).

А.Л.Нечитайло рассматривает позднеэнеолитические племена степей Европы в рамках выделенной ею европейской степной культурно-исторической общности, включающей четыре культурные группы: суворовскую в Днестро-Дунайском междуречье и Добрудже; новоданиловскую в Нижнем Поднепровье и степном левобережье Украины; нижневолжскую и предкавказскую. Эта общность имеет надэтнический характер, а объединяющим началом выступает единый для всех вид хозяйственной деятельности (специализированное животноводство), обусловленный проживанием в сходных природных условиях и единая идеология, нашедшая отражение в идентичном погребальном обряде на всем протяжении европейских степей.

В хронологическом плане европейская степная общность занимает промежуточное положение между культурами мариупольской общности и ямной историко-культурной общностью (Нечитайло А.Л., 1996. С. 18-30).

Из последних работ о происхождении ямной культуры на востоке южнорусских степей заслуживает особого упоминания монография С.В.Богданова «Эпоха меди степного Приуралья». Помимо рассмотрения собственно ямных памятников, чему уделено основное внимание в работе, С.В.Богданов затрагивает многие из проблем энеолита Волго-Уралья. Рассматриваются основные энеолитические памятники степного Приуралья, вопросы хозяйственной деятельности древнейших скотоводов, культурно-хронологическое соотношение самарских и хвалынских комплексов, культурогенез древнеямных памятников, приводятся концепции происхождения курганной традиции (И.Б.Васильева, Н.Я.Мерперта, Н.Л.Моргуновой) и дается их критический анализ (Богданов С.В., 2004). С.В.Богданов связывает культурогенез древнеямных памятников раннего бронзового века с памятниками хвалынско-бережновской культурной группы, а хвалынские комплексы относит к раннему энеолиту и настаивает на их безусловном хронологическом приоритете среди других энеолитических культур регио-

на. Воротничковая керамика самарской культуры относится «к одной из локальных групп памятников хвалынско-бережновского типа».

Дискуссионным является вопрос о времени появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье как части степного пояса Евразии с присущими здесь едиными законами перехода к производящему типу экономики. Данных о наличии земледелия у неолитических и энеолитических племен региона нет, следовательно, речь может идти только о скотоводстве.

Предполагается заимствование культуры скотоводства из ближневосточного региона или карпато-балканского. Рассматриваются пути распространения скотоводства в степях Юго-Восточной Европы и возможность сопутствующих миграций населения. Несмотря на то, что проблемы развития производящего хозяйства поднимаются практически у всех специалистов, исследующих нео-энеолитический период, вопросы механизма, времени и истоков возникновения скотоводства пока далеки от своего окончательного разрешения. Среди всех вопросов возникновения скотоводства основным остается проблема места и времени доместикации лошади в связи с ее исключительным значением в хозяйстве степного населения. Даже опираясь на палеозоологические определения исследователи пока не выработали единого мнения по этому вопросу.

Если Г.Н.Матюшин и И.Н.Наумов считают, что лошадь была приручена в степях Южного Приуралья в неолитическое время (Матюшин Г.Н., 1992. С. 25; Наумов И.Н., 2002), то Н.Л.Моргунова указывает на отсутствие надежных данных о значительном уровне доместикации лошади в неолите региона (Моргунова Н.Л., 1995).

Для Северного Прикаспия предполагается наличие домашней лошади на поздненеолитической стоянке Тентексор (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995), а И.Е.Кузьмина считает, что домашние животные появились здесь только во второй половине IV тыс. до н.э. (Кузьмина И.Е., 1988).

Для регионов к западу от Нижнего Поволжья считается, что доместикация лошади началась приблизительно в начале V тыс. до н.э., хотя достоверно домашняя лошадь известна и там только с середины IV тыс. до н.э. (Котова Н.С., 1999). К этому же времени относится возникновение специализированного коневодческого направления у населения лесостепного Подонья (Синюк А.Т., 1986). В целом, к вопросу о месте и времени доместикации лошади большинство исследователей подходят довольно осторожно, но сходятся во мнении об автохтонности этого процесса в пределах (или разных регионах) степной и лесостепной зон Юго-Восточной Европы.

Исключительную возможность проследить начальные этапы доместикации лошади в позднем неолите на территории степного Волго-Уральского междуречья дают материалы Варфоломеевской стоянки (Юдин А.И., 2003в).

По мнению И.Б.Васильева население самарской культуры вело оседлый образ жизни и специализировалось на скотоводстве, где ведущую роль в хозяйстве играла лошадь (Васильев И.Б., 2003б. С. 73). С другой стороны, П.П.Барынкин считает, что предположение о скотоводческом характере населения с комплексом «воротничковой» керамики, высказанное после исследований могильника у с.Съезжее, пока прямо не подтверждается, а в хозяйстве самарского населения доминировала охота (Барынкин П.П., 2003а. С. 55).

Что же касается хозяйства населения хвалынской культуры, то здесь у исследователей нет сомнений в его скотоводческой направленности.

Вопросы хозяйственной деятельности энеолитического населения степей Восточной Европы подробно рассматриваются в трудах А.Л. Нечитайло (Нечитайло А.Н., 2002; она же, 2003) и Н.И.Шишлиной (Шишлина Н.И., 2003).

С.В.Богданов связывает появление скотоводства в Волго-Уралье с миграцией населения с периферии ближневосточно-балканских земледельческо-скотоводческих центров (Богданов С.В., 2000б. С. 10-11).

Несмотря на благоприятные условия для ведения скотоводства, хозяйственное развитие населения степной зоны имело свою специфику – последовательное сезонное освоение отдельных территорий, также отмеченную названными исследователями.

Как видно из вышеизложенного, при наличии многих точек соприкосновения по вопросам развития населения нео-энеолитического времени, существуют и значительные разногласия, неизбежные при быстром увеличении источниковой базы. Историографический обзор показывает, что наиболее насущными вопросами являются проблемы определения культурного статуса неолитических памятников региона и определения степени их родства, проблема формирования культур раннего энеолита и истоки формирования ямной культуры ранней бронзы, а также проблемы сосуществования неолитических и энеолитических культур. Решение этих вопросов определит степень достоверности реконструкции картины культурно-исторического процесса на территории Нижнего Поволжья в эпохи неолита и энеолита.

1.5. Культурно-исторические процессы в неолите-энеолите Нижнего Поволжья: определения и понятия

В результате активных полевых исследований за последние два десятилетия в регионе стал известен ряд нео-энеолитических стоянок, на которых производились раскопки со вскрытием значительных площадей. Появление новых данных об уровне развития хозяйства и домашних производств, домостроительства и декоративно-прикладного искусства, а самое главное – комплексное научное исследование опорных памятников кардинальным образом дополнили и во многом изменили наши представ-

ления о неолитической эпохе Нижнего Поволжья и дали возможность наметить общую картину культурно-исторического развития региона.

Большая часть полученных материалов введена в научный оборот в многочисленных научных публикациях и учебных пособиях. Однако новые источники пока не обобщены в рамках как единой страны (в физико-географическом понимании) – Нижнего Поволжья, так и рамках неолитической эпохи. В последней сводной работе по неолиту Северной Евразии представлена картина неолитической ситуации в регионе по состоянию источников на середину 80-х годов прошлого века (Неолит..., 1996). Между тем, в Нижнем Поволжье развивался самый восточный в Европе блок степных культур, выполнявший роль культурного посредника в распространении неолитических и энеолитических инноваций на значительную часть Восточной Европы.

Появление новых материалов вызвало к жизни несколько точек зрения на этнокультурную историю нижневолжского региона и построение самостоятельных культурно-хронологических схем неолитической эпохи. Цельная картина археологического ранжирования пока с трудом вырисовывается среди культур, групп, типов, когда под разными терминами фигурирует набор одних и тех же памятников в различных комбинациях: джангарско-тентексорская, джангарско-варфоломеевская, джангарская, орловская, сероглазовская, каиршак-тентексорская, каиршакская, тентексорская культуры, орловский тип памятников, нижневолжская культурная область, североприкаспийский ареал.

Однако различные точки зрения относительно таксономического ранжирования археологических памятников, обычные на этапе первоначального обобщения источников, постепенно приводятся к общему знаменателю по мере накопления новых материалов. И в настоящее время количество и качество источников позволяют перейти от археологической интерпретации памятников археологии (определения их места в системе

археологических культур и общностей) к следующему уровню – культурно-исторической интерпретации, то есть реконструкции общей картины и закономерностей культурно-исторических процессов Нижнего Поволжья в неолите и энеолите.

Культурно-исторические процессы, происходящие на протяжении неолита – энеолита теснейшим образом связаны с процессами культурогенеза. Культурогенез как процесс постоянного порождения новых культурных форм и систем не являлся однократным событием в рассматриваемое время. Сложные и изменчивые условия существования населения Нижне-волжского региона вызывали необходимость адаптации к меняющимся условиям их существования путем выработки новых форм (технологий и продуктов) деятельности и социального взаимодействия.

Первые системные исследования по вопросам истории происхождения культуры связаны с работами эволюционистов XIX века (Г.Спенсер, Л. Морган, Э.Тайлор, Ф. Энгельс и др.) и их последователей. В XX веке проблемами исторического генезиса культуры занимались многие историки, социологи, этнографы, археологи, искусствоведы, религиоведы, однако общая теория культурогенеза стала предметом изучения и разработки лишь в самое последнее время. Исследование генезиса культурно-исторических (цивилизационных) общностей, так же как и исторических типов культур с разными экзистенциальными ориентациями, в том числе и эко-адаптивными (первобытными) – относится уже к области чисто теоретического моделирования, в силу лишь частичной системности самих изучаемых объектов и выделения их порой только по признакам внешнего сходства (Культурология..., 1997. С. 239-241). В данном случае – это сходство материальных комплексов археологических памятников или общие черты в погребальном обряде. Происхождение этого сходства, как правило, связано с процессами диффузии тех или иных культурных форм или

конвергентным происхождением схожих форм в ходе адаптации к похожим природным условиям существования культурных сообществ.

Генезис культурно-исторических общностей связан с прогрессом (поступательным движением вперед), то есть процессом внедрения в практику изобретений и открытий (новации). Изобретения и открытия распространяются посредством культурных заимствований, культурной диффузии и независимых открытий. Обычно в качестве независимых открытий приводят пример неолитической революции. Наибольший интерес для культурологии вызывают первые две формы распространения культуры. Культура, которая заимствует чужое, называется культурой-реципиентом, а культура, которая отдает свое, именуется культурой-донором. Культурная диффузия (взаимное проникновение культурных черт и комплексов из одного общества в другое при их соприкосновении) может закончиться равным и сильным влиянием их друг на друга либо не менее сильным, но односторонним влиянием (Кравченко А.И., 2001).

В археологии также говорят о трех типах развития: спонтанная трансформация, стимулированная трансформация и заимствование (Арутюнов С.А., 1985. С. 33; Массон В.М., 1990. С. 7). Чаще всего развитие культуры происходило по всем трем типам в совокупности. Характеризовать развитие культуры как развитие какого-либо одного типа можно лишь по преобладанию этого типа.

Необходимо определиться в используемых в данной работе терминах и понятиях. В целом, понятийный аппарат для рассматриваемого периода разработан в ряде работ советских и российских археологов, но в каждом конкретном случае необходимо уточнение некоторых даже общеупотребительных терминов в зависимости от региона и степени его изученности.

Как и для эпохи бронзы Нижнего Поволжья (Кияшко А.В., 2002. С. 12) при изучении культурных процессов нео-энеолитического времени представляется достаточным учитывать три варианта изменений, предло-

женных В.С.Бочкаревым: эволюцию, трансформацию и смену культур в результате миграции (Бочкарев В.С., 1995. С. 118-119). Эволюция характеризует этапы развития археологической культуры, а культурная трансформация предполагает возникновение новаций. Различается спонтанная трансформация, вызванная внутренним импульсом и стимулированная (внешний импульс). Применительно к рассматриваемым археологическим культурам Нижнего Поволжья два этих вида трансформации обычно сочетаются.

Процессы культуригенеза как взаимодействия традиций и инноваций подробно рассматриваются в работах В.М.Массона. Рассматривая культуру в качестве фундаментального понятия археологической систематики, он определяет под археологической культурой реально существующую совокупность связанных между собой объектов (артефактов), определенным образом ограниченных во времени и пространстве. В процедурном уровне понятие культура следует за типом и признаком. Соответственно, признак, тип и культура образуют систему понятий вертикальной иерархии. Понятия горизонтальной иерархии также имеют трехчленную структуру: локальный вариант – культура – культурная общность. Культурные изменения, или культурная трансформация разделяются на три разновидности: 1) спонтанная трансформация, когда инновации формируются как культурные мутации; 2) стимулированная трансформация, когда изменения происходят под косвенным воздействием внешних импульсов; 3) прямое заимствование (Массон В.М., 1989. С. 13-32; Массон В.М., 1990. С. 5-10).

В данной работе подробно рассматриваются также проблемы влияния на ход культурно-исторического развития населения Нижнего Поволжья экологического фактора и уровня развития хозяйства. Чем ниже уровень социально-экономического развития этноса, тем больше его зависимость от природной среды, особенно тех этносов, "чьи хозяйственно-

культурные типы являются наиболее специализированными (Арутюнов С.А., 1985. С. 35). Влияние экологической обстановки на человеческие общности неоднократно было показано на примере археологических материалов. Например, для территории Нижнего Поволжья подробно разработаны вопросы взаимодействия природы и человека в Прикаспийских песках в работах П.П.Барынкина (Барынкин П.П., 1992; Он же, 2003). Роль экологического фактора в развитии человеческого общества в древности широко освещена в археологической литературе практически по всем эпохам и регионам

Экологический фактор прежде всего оказывал влияние на хозяйство. По мнению же многих исследователей различие культурных проявлений в первобытности объясняется различным хозяйством (не случайно деление на хозяйственно-культурные типы в этнографии и широкое использование этого термина в археологии).

Развитие культуры также во многом определяется хозяйством. Так, хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников, в целом, консервативнее, чем ХКТ земледельцев. Определяется это многими факторами: обязательной подвижностью первых (отсюда отсутствие городов и всего, что связано с городской культурой), тем, что вторые в зимнее время свободны от занятия собственно земледелием, (т.е. хозяйство стадильно в связи со сменой времен года) и другими хозяйственными отличиями. В результате, основы того, что мы называем современной цивилизацией, сложились в культурах земледельческих (Арутюнов С.А., 1985; Афанасьев А.П., 1991; Крупник И.И., 1988; Массон В.М., 1991; Черносвитов П.Ю., 1991). Для ранних эпох это связано с отсутствием долговременных поселений в ряде культур, что объективно затрудняет культурно-исторические реконструкции.

Неолит и энеолит – это две тесно связанные эпохи, граница между которыми достаточно условна и целиком зависит от избранных критериев

оценки культурно-исторического процесса. При наличии комплекса признаков, определяющих неолит как самостоятельную эпоху в развитии человечества, ведущим критерием в определении нижней границы неолита остается время появления керамики. Финал неолита определяется временем распространения медных изделий и сопутствующих им признаков, причем медные изделия могут отсутствовать и тогда определяющим становится именно появление комплекса новых археологических признаков, «которые отражают явления, связанные с использованием меди: переоценка видов труда и самих изделий, новые культовые представления и ритуалы, культурные переориентации, новые формы межплеменных и межэтнических контактов и т.д.» (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С. 5). Прикаспийская раннеэнеолитическая культура, в материалах которой металл пока не известен, в данной работе характеризуется именно на основе комплекса новых археологических признаков.

Переход от неолита к энеолиту не является глобальным и одновременным явлением: неолитические памятники и энеолитические какое-то время сосуществуют. На территории Нижнего Поволжья поздние орловские памятники сосуществуют с ранними прикаспийскими, которые, тем не менее, легко отчленяются по комплексу инноваций. В связи с сосуществованием памятников, которые в культурологическом плане относятся к разным эпохам, следует оговорить использование термина «неоэнеолитический». Данный термин обычно используется для определения всего хронологического интервала от начала неолита до конца энеолита, но изредка он используется в более узком смысле при описании периода сосуществования неолитических и энеолитических памятников.

Не вызывает никаких сомнений верхняя граница энеолита. В степях Нижнего Поволжья это время появления первых «городцовских» ямных погребений.

При работе с понятиями, группирующими археологические памятники – культурный тип памятников, археологическая культура, культурно-историческая общность и т.д. – автор придерживается устоявшихся определений, которыми оперируют исследователи степной и лесостепной зон обитания Юго-Восточной Европы и в, первую очередь, определениями, использованными для описания культурно-исторического процесса в бассейне Дона, где общая культурно-историческая оценка археологических памятников позднего каменного века была сделана еще в середине 80-х годов прошлого века (Синюк А.Т., 1986. С. 5-15)

Так автор полностью солидаризуется с мнением А.Т.Синюка, что понятие «археологическая культура» не может оставаться неизменным в приложении к разным археологическим эпохам и сам исследователь определяет рамки используемых признаков сходства и различия в зависимости от информативности имеющихся в его распоряжении материалов. Нам также импонирует гибкий подход к проблеме соотношения понятий «археологическая культура» и «культурный тип памятников», когда допускается возможность научного прогнозирования при выделении новых археологических культур минуя этап «тип памятника», что особенно актуально для регионов с неравномерно изученной территорией.

То есть, изменение культуры во времени обычно в археологии представляется разбивкой ее на этапы. Это, видимо, связано с принципиальной невозможностью для человека воспринять любой временной процесс в его плавном изменении. Для этого нужны качественно и количественно заметные различия фрагментов непрерывного процесса. Поэтому, например, авторы часто и оговариваются, что границы между этапами археологической культуры условны. Иногда, при этом этапы одной культуры достаточно четко различаются между собой по комплексам артефактов, что и будет показано ниже для рассматриваемой орловской культуры.

Археологические культуры традиционно рассматриваются в трехступенчатой периодизации: ранний, развитой и поздний. Но в данном конкретном случае более корректно говорить о раннем, среднем и позднем этапах неолита, так как результаты раскопок памятников во всех нижеволжских регионах свидетельствуют, что максимальный уровень развития археологических культур приходится на поздний этап неолита, когда отмечен длительный период сосуществования с культурами энеолита. Учитывая, что археологическая культура является условной категорией научных исследований, следует сразу отметить, что для энеолитического времени пока неприменима трехступенчатая периодизация, описывающая культуру от формирования идентифицирующего комплекса признаков до его расцвета и последующего распада. Для энеолитических культур региона пока выделяется не более двух этапов – ранний и поздний, а, например, хвалынская культура пока хронологически не расчленяется.

По состоянию источников на настоящий момент мы располагаем надежными данными о существовании на территории Нижнего Поволжья неолитической культурной общности, включающей, как минимум, три самостоятельные археологические культуры: сероглазовскую, джангарскую и орловскую. Под термином «культурная общность» понимается традиционное уже определение культурных объединений родственных этносов, предложенное А.Д.Пряхиным для культур эпохи бронзы (Пряхин А.Д., 1982. С. 3-4) и использованное в дальнейшем А.Т.Синюком уже для культур неолитического времени (Синюк А.Т., 1986. С. 14-15). Изучение нижеволжских археологических материалов дает основание полагать, что три названные культуры принадлежат родственным этносам.

Соответственно, более крупная таксономическая единица – культурно-историческая область, объединяющая археологические культуры не связанные общим этническим происхождением. В данной работе термин «культурно-историческая область» используется при исследовании ранне-

энеолитических культур мариупольской культурно-исторической области, территориальные рамки которой значительно превосходят границы Нижнего Поволжья в западном направлении.

Культурно-исторический процесс прослеживается по генетической преемственности и трансформации археологических культур. Для определения генезиса и трансформации археологических культур на протяжении неолита-энеолита необходимым условием является возможность сопоставления комплекса культуроопределяющих признаков, описанных в едином ключе.

Из всей выборки признаков для неолитического и энеолитического времени универсальными и наиболее репрезентативными оказываются комплексы керамики и каменная индустрия. Описание археологических культур и культурных типов памятников базируется на анализе керамики (форма, орнамент, техника нанесения орнамента, примеси в тесте глины), каменных изделий (сырье, техника первичного расщепления и вторичной обработки, набор категорий). Анализируются и применяются и остальные весьма существенные признаки – предметы и орудия из кости (морфология и функциональное назначение), тип жилища, тип хозяйства, погребальный обряд – но их использование зачастую ограничено лакунарностью источниковой базы.

Основное внимание уделено анализу источников бытовых памятников, поскольку имеющиеся в настоящее время погребальные комплексы представлены неравномерно по культурам и эпохам.

Динамика изменений культуроопределяющих признаков как внутри культуры в процессе ее эволюции, так и при трансформациях, приводящих к смене археологических культур позволила проследить культурно-исторические процессы, происходившие в среде нео-энеолитического населения Нижнего Поволжья.

Для памятников региона характерна определенная полилинейность в развитии нео-энеолитических культур, но это отмечается все же в основном на переходных этапах, и памятники неолитические и энеолитические в Нижнем Поволжье никогда полностью синхронны не были.

Аналогичная картина отмечена для всех сопредельных регионов, параллельное существование памятников, которые мы относим к разным эпохам, даже вызвало появление таких понятий, как “пережиточно неолитическая” и “пережиточно энеолитическая” культуры.

Впрочем, и само понятие “археологическая культура” достаточно условно, что особенно хорошо видно на примере неолитических культур Нижней Волги, когда одни и те же памятники объединяются в археологические культуры по-разному: джангарско-варфоломеевская, каиршак-тентексорская, каиршакско-орловская, орловская, джангарская, сероглазовская. Выделение нижеволжской культурной общности в какой-то степени снимает эти противоречия (Юдин А.И., 2003б, с. 33-36).

Систематизация археологических материалов в рамках культур, культурных областей или локальных вариантов не конечны. Могут быть варианты таких подразделений различной дробности для разных исследовательских целей. Если мы какими-то из них и пользуемся, то исключительно для нашего удобства воссоздания более ясной картины сложения общностей позднего неолита-энеолита Юго-Восточной Европы и удобства анализа их материальной и духовной культуры. Таким образом, археологическая культура – это понятие операционное и стремящееся приблизиться к реально существовавшей культуре. Степень точности, с которой каждая конкретная археологическая культура отражает реальную древнюю, зависит от многих субъективных и объективных причин.

Более того, высказываются даже мнения об условности разделения культурно-исторического процесса на эпохи по технологическим признакам (камень, бронза, железо) в связи с параллельным существованием

культур, принадлежащих к разным эпохам (Трифонов В.А., 2001, с. 81-82). Вероятно, по этой же причине в последние годы исследователи стали все большее внимание уделять не построениям схем, хотя и основанных на конкретном археологическом материале, но все же в достаточной степени абстрактных, а изучению собственно человека и условий его существования.

Достаточно ясно, что на уровне интерпретации археологического материала задачи археологии и истории перекрываются (если не совпадают). Также ясно, что лишь собственно археологическими методами интерпретировать данные археологии невозможно. Соответственно, и используем мы, археологи, самые разные методы или, по крайней мере, пытаемся их применить. Нам импонирует точка зрения, уравнивающая первобытную археологию и первобытную историю. Чисто вещеведческий подход является прикладным (в рамках археологии). Некоторые исследователи даже считают, что по большому счету подлинно самостоятельной исторической наукой является только первобытная археология. Древневосточная, античная и средневековая археологии являются лишь вспомогательными историческими дисциплинами (Рогачев А.Н., 1978, С.17). Трудно согласиться с последним утверждением, но несомненно необходима необходимость системного подхода в проведении археологических исследований. Именно рассмотрение культуры как системы позволяет говорить о взаимосвязи различных элементов культуры. Соответственно возрастают и возможности восстановления (реконструкции) целой системы по ее известным частям (материальным остаткам). Проблемы же изучения именно культурно-исторического развития на основе всех доступных источников и методов представляются несомненно актуальными.

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРЫ НИЖНЕВОЛЖСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И ОСНОВНЫЕ ПАМЯТНИКИ

2.1 Памятники сероглазовской неолитической культуры

Термин «сероглазовская культура» впервые предложен А.Н.Мелентьевым для времени позднего мезолита - раннего неолита Северного Прикаспия по первым находкам П.С.Рыкова у ст.Сероглазово (Мелентьев А.Н., 1975; он же, 1978). В дальнейшем, по мере новых исследований этот термин несколько раз наполнялся новым содержанием.

Итоги многолетних полевых исследований археологической экспедиции Куйбышевского педагогического института в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии, продолжившей исследования экспедиции ЛОИА АН СССР, впервые подведены в работе И.Б. Васильева и А.А. Выборнова "Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы" (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986. С. 3-20). Ранее ими здесь были выделены поздненеолитические памятники тентексорского типа, относящихся к позднему неолиту. Анализ керамики стоянки Тентексор показал ее идентичность сероглазовской керамике из сборов А.Н. Мелентьева. Однако керамика Тентексора оказалась плоскодонной и сопровождалась каменными изделиями поздненеолитического облика. Поэтому авторы предложили рассматривать неолит Северного Прикаспия в рамках новой джангарско-тентексорской культуры, где эталонными памятниками являются: стоянка Джангар на Правобережье для раннего этапа и стоянка Тентексор на Левобережье для позднего этапа.

В последующей обобщающей работе по неолиту Поволжья И.Б.Васильев и А.А.Выборнов в несколько ином ракурсе рассматривают памятники степной и полупустынной зон. Все они объединены в нижневолжскую культурную область, включающую каиршакско-тентексорскую и джангарско-варфоломеевскую культуры. Каиршакско-тентексорская культура на раннем этапе представлена памятниками типа Кугат 4 и Кулагайси,

на среднем - памятниками каиршакского типа, на позднем - тентексорского. Джангарско-варфоломеевская культура также разделена на три этапа: ранний - памятники типа Ту-Бузгу-Худук, средний - нижние слои Джангара и поздний - верхний слой Джангара и Варфоломеевка с Орловкой (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988).

В дальнейшем точка зрения И.Б.Васильева и В.В.Выборнова претерпела незначительные изменения. Неолитические памятники Нижнего Поволжья объединяются в каиршакско-тентексорскую и джангаро-варфоломеевскую культуры в рамках нижневолжской культурно-исторической области. В целях терминологического упрощения предлагается именовать культуры каиршакской и джангарской или орловской (Выборнов А.А., 2000. С. 26-28).

Е.В.Козин констатирует типологические отличия в комплексах памятников каиршакского и тентексорского типов, которые вызваны принадлежностью к разным этапам развития неолита, и обосновывает генетическую преемственность каиршакских и тентексорских стоянок в рамках сероглазовской культуры, где ранний неолит представлен памятниками типа Кугат, средний неолит – каиршакскими памятниками и поздний - тентексорскими. Хронологические разрывы между существованием культурных типов памятников (или этапов культуры) были вызваны периодическим резким ухудшением природно-климатических условий, которые вынуждали население перемещаться на окраины Прикаспийской низменности (Козин Е.В., 2002).

Генезис неолитических памятников Северного Прикаспия не отличается принципиальным образом от развития стоянок орловской и джангарской культур и представляется, что точка зрения на неолит Северного Прикаспия, как поступательное развитие одной сероглазовской культуры, является наиболее обоснованной.

Самые ранние памятники неолитического времени Северного Прикаспия – местонахождения Кугат IV и Кулагайси-южное, в материальном комплексе которых явно прослеживаются элементы предшествующего, мезолитического времени (рис. 4, 1-16).

Местонахождение **Кугат IV** обнаружено в песчаной котловине бархана урочища Кугат, в 60-70 км к северо-востоку от п.Аксаарайского Красноярского района Астраханской области (рис. 2, 1). Культурный слой не сохранился, но каменные предметы и керамика залежали компактно в дефляционной котловине (Козин Е.В., Комаров А.М., 1989. С. 6-18).

Керамика немногочисленна и происходит от трех сосудов (рис. 4, 2-5). Тесто глины содержит растительную и раковинную примесь. Один неорнаментированный сосуд имеет слегка отогнутый венчик, второй относится к типу небольших чашевидных сосудов с округлым днищем. Фрагменты орнаментированы наколом и прочерком.

Более информативен комплекс каменных предметов, хотя и он насчитывает всего 194 экз. В качестве сырья использовался кремнь различных оттенков, 6% каменных находок – из кварцита. Половину находок составляют предметы со вторичной обработкой. Каменный комплекс отличается ярко выраженной пластинчатостью (78%). На первом месте по количеству стоят геометрические микролиты-вкладыши: низкие сегменты, симметричные трапеции, параллелограммы. Хорошо представлены скребки, пластины с ретушью. Также обнаружены проколки, нож, резец.

Местонахождение **Кулагайси-южное** обнаружено в дефляционной котловине, в 30 км к северо-востоку от ст.Сероглазово Астраханской области (рис. 2, 2). Найдены фрагменты одного сосуда и около полусотни каменных изделий. Округлодонный сосуд с отогнутым венчиком имел примесь толченой раковины и растительности и был украшен горизонтальным меандром (рис. 4, 1). Пластины и орудия на них составляют 80% находок. Из геометрических микролитов встречены параллелограммы и

сегмент, половина изделий – сечения пластин. Также имеются скребки, скребло, резец.

Перечисленные коллекции весьма немногочисленны по сравнению с другими памятниками региона, но они являются древнейшими среди неолитических. Авторы первой публикации материалов сразу отметили близость каменных изделий мезолитическим традициям – пластинчатость, микролитичность, использование притупляющей ретуши со стороны спинки и идентичного сырья. С другой стороны, наличие новых типов орудий, не известных в мезолите – высоких симметричных трапеций, ножей, скребел, некоторых типов скребков и керамики, показывают на связь с более поздними памятниками каиршакского этапа.

Средний период неолита в Северном Прикаспии представлен памятниками каиршакского типа.

Стоянка **Каиршак 1** исследовалась Прикаспийской экспедицией КГПИ в 1986 году (Выборнов А.А., Козин Е.В., 1988). Стоянка находилась в 25-30 км к северо-северо-востоку от п.Аксарайский Красноярского района Астраханской области (рис. 2, 3). Культурный слой уничтожен ветровой эрозией, а находки были спроецированы на дно и склоны дефляционного котлована на площади 580 кв. м.

Всего было собрано свыше 450 фрагментов керамики и более двух тысяч кремней. Насколько можно судить по фрагментам венчиков, сосуды принадлежали к двум группам – прямостенные и со слегка прикрытым устьем. Срезы венчиков округлые, в нескольких случаях – плоские. Вся керамика плоскодонная, в тесте глины отмечены толченая раковина и растительная примесь. Сосуды украшались прочерком и прочерком с дополнением редких наколов. Орнамент геометричен и наносился по верхней части сосуда (рис. 5, 1-10).

Среди каменных находок изделия со вторичной обработкой составляют почти сорок процентов (рис. 6, 1-30). Основным типом заготовки для

орудий являлись пластины, которые вместе с пластинчатыми отщепами составляют более 60% коллекции. Среди орудий наибольшую группу составляют скребки на пластинах, пластинчатых отщепах и отщепах (рис. 6, 2-13, 22, 23). Геометрические микролиты, занимающие второе место по численности, представлены сегментами, трапециями и треугольником (рис. 6, 14-21). Кроме того, комплекс включал резцы, острия, скобели (рис. 6, 24-31).

Стоянка **Каиршак III** находится в урочище того же названия, в Красноярском районе Астраханской области (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989) (рис. 2, 4). Культурный слой залегал под полутора-метровой толщей эловых отложений в виде линз. Две из таких линз интерпретированы как остатки жилищ полуземляночного типа.

На памятнике получена представительная коллекция артефактов. Керамический комплекс включает фрагменты приблизительно двухсот сосудов. Сосуды изготавливались ленточным способом, в тесте глины имеется толченая раковина и растительная примесь. Все сосуды плоскодонны. По форме сосуды распределяются на две группы с двумя вариантами каждая: профилированные (слабо и сильно); баночные (открытые и закрытые). Баночные сосуды по количеству более чем в три раза превосходят профилированные. Орнаментация бордюрная, изредка украшалась и придонная часть. Орнамент выполнен в технике прочерка (14%), накола (15%) и прочерченно-накольчатой (71%). Композиции орнамента геометричны и разнообразны. Простейшие композиции – это горизонтальные ряды прочерка, наколов или их сочетание. Сложные орнаменты включают геометрические фигуры – ромбы, треугольники, шевроны, заполненные прочерком и наколами (рис. 7, 1-32). Отдельные композиции находят прямые аналогии на Варфоломеевке и Джангаре (рис. 7, 1, 5, 19).

Находки из камня насчитывают почти 4,5 тысячи экземпляров. В качестве сырья использовался кремень, техника расщепления камня – пла-

стинчатая (рис. 8, 1-33; 9, 1-23). 31% орудий со вторичной обработкой составляют различные типы скребков (рис. 8, 3-20; 9, 1-23). Как и на стоянке Каиршак I, геометрические микролиты составляют вторую по численности группу каменных орудий. В основном это сегменты, но встречены трапеции и треугольники (рис. 7, 23-30). В коллекции также имеются острия, скобели, резец, пластины с ретушью (рис. 8, 21, 22, 31-33).

На стоянке хорошо сохранились кости животных, по которым были сделаны палеозоологические определения, а также орудия и изделия из кости (рис. 10; 11). Это такие достаточно редкие предметы, как костяная оправа для вкладышей (рис. 10, 5), пластины-нашивки из клыков кабана (рис. 11, 17, 18), наконечник (рис. 10, 2). Найдены и обычные для неолита Поволжья предметы – острия, проколки (рис. 10, 1; 11, 1-6, 19, 20), пронизки из трубчатых костей (рис. 11, 7-11) и путовая кость (рис. 10, 4) с насечками, а также бусы из ископаемых раковин (рис. 11, 12-16).

В целом, для каиршакских памятников отмечается культурная преемственность с памятниками кугатского типа в приемах расщепления кремня, в технике вторичной обработки, в наборе геометрических микролитов. Несомненно продолжение кугатских традиций в формах и технике орнаментации каиршакской керамики.

Поздний неолит Северного Прикаспия представлен стоянками Тентексор, Же-калган 1 и Качкар-стау, а также отдельными находками керамики в р-не ст.Досанг (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1986. С. 6-31; Козин Е.В., 1989. С. 9-14; Барынкин П.П., Плахов В.В., 1989. С. 14-16).

Стоянка **Тентексор** расположена в дефляционной котловине, в 70 километрах к северо-востоку от ст.Досанг Красноярского района Астраханской области (рис. 2, 5). Стоянка была исследована раскопом в 276 кв. м, который показал, что культурный слой сохранился в понижениях искусственного происхождения: хозяйственных ямах, очагах и котлованах жи-

лиц. Сохранились остатки трех жилищ, одно из них было, вероятно двухкамерным. В одной из камер был обнаружен очаг сложной формы, включавший собственно очаг и прилегающую очажную яму. Аналогичные многокамерные жилища и сложные очаги известны на Варфоломеевской стоянке, где они в силу геологических условий сохранились значительно лучше.

Обнаруженные фрагменты керамики и развалы принадлежат приблизительно 140 сосудам (рис. 12-14). В тесте глины имеется примесь толченой раковины и растительных остатков. Керамика разделяется на две группы: профилированные сосуды и сосуды баночной формы. Также встречено несколько чашевидных сосудов с округлым дном. Срезы венчиков округлые, слегка приостренные, плоские; в трех случаях – с небольшим внутренним наплывом. Вся керамика (за исключением 4-х неорнаментированных сосудов) украшена наколом, а в технике отступающего накола – 77% сосудов. Орнамент подчеркнуто геометричен, а орнаментальные композиции разнообразны – от простого сочетания рядов зигзагов и горизонтальных линий до сложных композиций с геометрическими фигурами, включающими прямоугольники, ромбы, различные виды меандров.

Если среди других неолитических памятников Северного Прикаспия тентексорская керамика выделяется своим количеством и богатством орнаментации, то коллекция каменных изделий, наоборот, немногочисленна и включает всего 67 предметов, из них 61% имеет вторичную обработку (рис. 15; 1-21). За исключением двух кварцитовых скребков, все они из кремня. Как и на других памятниках региона, наиболее многочисленную группу составляют скребки. Имеются пластины, острия, сверла, резчики, наконечники. Также найдены две трапеции со струганной спинкой (трапеции такого типа в более ранних памятниках не встречены) (рис. 15, 20, 21) и обломок булавы диаметром 5 см из белого камня кристаллической структуры.

Стоянка **Же-Калган 1** находится в 90 км к северо-востоку от ст. Досанг Красноярского района Астраханской области (рис. 2, б). Культурный слой, перекрытый песчаным балластом, исследован на площади 48 кв. м. В отличие от предыдущего памятника, здесь получена представительная коллекция каменных изделий из 400 экземпляров. 11,5% из них изготовлены из кварцита, остальные – из кремня. Орудия составляют 25%, среди них преобладают скребки на отщепах и пластинах (рис. 16, 7-13). Вторую по численности группу составляют геометрические микролиты – трапеции со струганной спинкой (рис. 16, 14, 15). Керамика стоянки по всем технико-типологическим параметрам полностью сопоставима с тентексорской (рис. 16, 1-6).

Памятники тентексорского типа наследуют культурные традиции каиршакских, особенно наглядно это проявляется в керамике. Несмотря на изменения в технике нанесения орнамента – прочерк с одиночным наколом заменяется отступающим наколом – орнаментальные композиции остаются сопоставимыми и узнаваемыми. Аналогичная картина наблюдается и севернее, на орловских материалах, где к позднему неолиту происходит уменьшение количества прочерченного орнамента и увеличение накольчатого. Среди каменных изделий также заметно эволюционное развитие, вектор которого совпадает с другими культурами нижневолжской общности: среди первичных заготовок начинают преобладать отщепы, увеличивается средний размер пластин, среди геометрических микролитов доминируют трапеции со струганной спинкой.

2.2. Памятники джангарской неолитической культуры

Изучение позднего каменного века на территории Северо-Западного Прикаспия долгие годы ограничивалось разведками, типологическим выделением неолитических комплексов и попытками реконструкции палеогеографических условий. Но несмотря на ограниченность источниковедче-

ской базы, рассматривались и более широкие вопросы, например, происхождение каменных орудий Северо-Западного Прикаспия, в том числе нижневолжских микролитов, связывалось с Кавказом (Формозов А.А., 1959. С. 55).

В конце 60-х – 70-х годах А.Н.Мелентьев выделил сероглазовскую культуру по итогам разведок в Северном Прикаспии. Территория распространения этой культуры, по мнению А.Н.Мелентьева, захватывала и Северо-Западный Прикаспий.

Планомерное и целенаправленное изучение позднего каменного века Северо-Западного Прикаспия началось с 1976 года, когда был выявлен ряд археологических объектов с сохранившимся культурным слоем, в том числе эталонные памятники, представляющие своей совокупностью всю хронологическую колонку неолита: ранненеолитическая стоянка Ту-Бузгу-Худук (рис. 3, 14-19) и многослойная стоянка Джангар, содержащая отложения среднего и позднего неолита. Анализ полученных материалов позволил П.М.Кольцову выделить новую археологическую культуру – джангарскую (Кольцов П.М., 1987) с тремя этапами развития. Джангарская культура рассматривается как составная часть североприкаспийской культурно-исторической области; ее хронологические рамки – от середины VI тыс. до н.э. до начала IV тыс. до н.э. Относительно таксономического статуса джангарской культуры сразу появилась и другая точка зрения – предлагалось объединить неолитические памятники Северо-Западного и Северного Прикаспия в рамках джангарско-тентексорской культуры (Барынкин П.П. и др., 1986. С. 14-16). Позднее, с появлением новых материалов памятники Северо-Западного Прикаспия и степного Заволжья объединялись уже в джангарско-варфоломеевскую культуру (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. С. 16). Все это лишний раз показывает культурную близость памятников нижневолжского неолита и правомерность их объединения в единую общность.

Ранний этап джангарской неолитической культуры представлен памятниками типа Ту-Бузгу-Худук I.

Стоянка **Ту-Бузгу-Худук I** исследовалась П.М.Кольцовым в 1984 году (Кольцов П.М., 1989. С. 89-105). Стоянка располагалась на уступе южного борта котловины Безымянской в Яшкульском районе Калмыкии (рис. 2, 7). Культурный слой погребен под двухметровыми песчаными отложениями. Мощность собственно культурных отложений в раскопе площадью 24 кв. м, заложенного на участке оползня, не превышала 0,2 м. На исследованном участке обнаружены остатки овального очага размерами 0,5 x 0,4 м. Находки представлены керамикой, каменными изделиями и фаунистическими остатками плохой сохранности.

Найденные фрагменты керамики относятся, приблизительно, к 28 сосудам (рис. 17, 1-8). Керамика изготавливалась ленточным способом, в тесте глины отмечена примесь песка и органики. По форме сосуды распределяются на две группы – прямостенные и с прикрытым устьем. Срезы венчиков прямые, округлые, скошенные внутрь. Плоскодонные сосуды сочетаются с остродонными. Украшена керамика бордюрным орнаментом, выполненным наколами треугольной или овальной формы. Композиции просты и лаконичны: прямая линия, зигзаг, треугольник. Керамика находит близкие аналогии в нижнем слое поселения Джангар и среди керамики кугатского типа сероглазовской культуры.

Каменные орудия изготавливались из галечного и валунного кремня, изредка из кварцита и обсидиана. Из почти четырехсот каменных предметов к орудиям относится четверть. Набор категорий орудий разнообразен. Это скребки различных типов, резцы, ножи, острия, проколки, скобели, пластины с притупленным краем или косоусеченным концом (рис. 17, 9-34). Для последних изделий автор раскопок отмечает их архаичность и сопоставляет с мезолитическими и раннеолитическими памятниками Кавказа и Закавказья. Встречены также ранние типы пластинчатых наконеч-

ников стрел. Из микролитов найдены трапеции, сегмент и прямоугольники. В целом, каменные орудия обнаруживают аналогии как в позднем мезолите, так и в нижнем слое Джангара, относящегося к среднему неолиту, что позволяет датировать коллекцию стоянки Ту-Бузгу-Худук I ранним неолитом.

Выразительный комплекс каменных орудий и керамики Ту-Бузгу-Худук I позволил установить ранненеолитическое время немногочисленных коллекций каменных изделий местонахождений **Улан-Туг 1** (рис. 2, 10), **Ханата 1** (рис. 2, 11), **Обильное 2** (рис. 2, 12), **Ачикулак** (рис. 2, 13) и **Молодежное 1** (рис. 2, 14); на последнем также обнаружена типологически ранняя керамика.

К среднему и позднему этапам джангарской культуры относится эпонимное поселение **Джангар** в Сарпинской низменности Калмыкии. Начиная с 1978 года, стоянка исследовалась в течение ряда лет П.М.Кольцовым.

Поселение занимает край склона террасы на берегу лимана, в 3 км к юго-востоку от п.Джангар Октябрьского района Калмыкии (рис. 2, 8). На поселении исследовано 226 кв. м культурного слоя. На одном из исследованных участков выявлено 3 литологических слоя, содержащих культурные остатки. Мощность верхнего (первого) культурного слоя, залегавшего в плотном темно-коричневом суглинке (0,3-0,4 м толщиной) не превышает 0,2 м. Здесь обнаружены остатки части жилища с очагом на дне.

Второй слой – белесый суглинок с включениями карбонатов – имеет толщину до 0,5-0,6 м, культурные остатки сконцентрированы в слое толщиной до 0,4 м. В слое также обнаружены хозяйственные ямы и очаги, расположенные на разных уровнях.

Нижний (третий) слой залегал в желтоватом суглинке и тоже имел толщину 0,4 м. Исследованы остатки двух жилищ. Жилища имели оваль-

ную форму. Площадь жилища 1 – 14 кв. м, жилище 2 имело размеры 6 х 4 м. По дну жилищ зафиксированы очаги и ямы.

Верхний слой поселения сопоставляется с поздним неолитом, два нижних – со средним.

Керамика поселения изготавливалась ленточным способом, в тесте глины имеется примесь толченой раковины. По форме керамика распределяется на три основные группы: прямостенная, прикрытая и слегка профилированная. Вся керамика, за исключением небольшого чашевидного сосуда с округлым дном, плоскодонная. Форма срезов венчиков разнообразна: прямая, округлая, с внутренним наплывом (в верхнем слое), скошенная наружу. Орнаментирована керамика наколом, прочерком и гребенкой.

Керамика нижнего слоя представлена фрагментами, примерно, от 30 сосудов (рис. 18, 1-19). Сосуды плоскодонны, стенки иногда подлощены, толщина стенок колеблется от 0,4 до 1,2 см. Две трети сосудов орнаментированы наколом, остальные – прочерком в сочетании с крупными одиночными наколами. Орнамент имеет бордюрный характер, но иногда встречается и придонный. Наиболее распространены орнаментальные композиции из прямых линий, зигзага; встречаются геометрические фигуры. Фрагменты сосудов, украшенных прочерком в сочетании с наколами, аналогичны керамике каиршакского типа (рис. 17, 11, 16). Остальные орнаментальные композиции находят полные аналогии в нижнем слое Варфоломеевской стоянки.

Во втором, среднем слое, найдены фрагменты от более полусотни сосудов (рис. 20, 1-21). Кроме трех основных групп керамики, обнаружен чашевидный сосуд (рис. 20, 16). К известным ранее композициям орнамента, выполненных наколом и прочерком, добавляется струйчато-прочерченный (рис. 20, 13, 14). Очень редко встречаются сосуды с сочетанием накола и прочерка, тогда как в сероглазовской и орловской культурах накольчато-прочерченная керамика составляет значительную часть ком-

плексов. Найден сосуд с «ушками», подобие которого имеется на Варфоломеевской стоянке, а также в позднем неолите Южного Урала.

Керамика верхнего слоя в подавляющей массе сохраняет предыдущие технико-типологические показатели (рис. 22, 1-22). Но обнаруживаются некоторые новации. В орнаментации керамики верхнего слоя появляется гребенка, но сосуды с этим орнаментом немногочисленны. Отмечены сосуды с напылом по внутренней стороне венчика (рис. 22, 8, 12, 14), но эти напылы не так ярко выражены, как на поздней орловской керамике, и сопоставимы с керамикой слоя 2 Б, но не 2 А Варфоломеевки. Орнаментальные композиции намного разнообразнее, чем в предыдущих слоях. Кроме обычных горизонтальных линий, зигзага и треугольников, получают широкое распространение шеврон, сотовый орнамент, плетенка.

В качестве основного сырья для каменных орудий на поселении Джангар использовался галечный и валунный кремль темных и серых тонов; техника расщепления – пластинчатая. Для орудий характерна микролитичность.

Из почти полутора тысяч каменных находок в нижнем слое четверть относится к орудиям (рис. 19, 1-45). Преобладает кремль, изделия из кварцита и обсидиана единичны. Орудийный комплекс включает скребки (30%), пластины с ретушью (18%), пластины и отщепы с частичной ретушью (11,5%), ножи (4%), скребла, скобели, острия (рис. 19, 31-45), наконечники стрел, пластины со скошенным концом. Получена выразительная коллекция геометрических микролитов: сегменты с лицевой и двусторонней ретушью (3,3%); трапеции высокой и низкой форм (ок. 6%), прямоугольники (4 экз.) (рис. 19, 1-30). Из костяных орудий стоит отметить обломок острия, проколку и формовочный шпатель (?) для керамики.

Из более 1800 каменных находок второго слоя более трети представлены орудиями (рис. 18, 1-43). Основным приемом вторичной обработки камня, как и в нижнем слое, является ретушь, преимущественно полукру-

тая и пологая. Среди орудий, как и в нижнем слое, преобладают скребки (38%). Геометрические микролиты представлены сегментами и шестью вариантами высоких и низких трапеций (рис. 21, 1-12). Состав орудий изменяется мало. В этом слое отсутствуют прямоугольники, но появляются пластины с выделенной головкой.

Верхний слой включал почти пять тысяч находок из камня, среди которых орудия составляли немного менее трети (27,4%) (рис. 23, 1-35; 24, 1-43). Традиционно среди орудий преобладают скребки различных типов (32%) (рис. 25, 1-24), пластины и отщепы с ретушью (17%), пластины с ретушью (15%). Микролиты представлены сегментами (3,3%) и трапециями (3,8%), в т.ч. и со струганной спинкой, которые в нижних слоях не встречаются (рис. 24, 1-43).

Автор раскопок отмечает, что в каменном инвентаре всех трех культурно-хронологических горизонтов поселения Джангар принципиальных отличий нет. Для всех комплексов характерны призматические и конические нуклеусы; в качестве основных орудий использовались скребки различных типов, геометрические микролиты, сечения пластин с брюшковой ретушью, наконечники стрел. Вместе с тем каменный технокомплекс подвержен общим хронологическим закономерностям развития неолитических памятников Нижнего Поволжья: происходит постепенное увеличение доли отщеповой техники – от 25% в нижнем слое до почти 51% в верхнем. Об изменениях в наборе микролитов было уже сказано. Также отмечены изменения в технике вторичной обработки в сторону увеличения количества приемов обработки.

Таким же, общестадиальным закономерностям развития подвержен и керамический комплекс. Уменьшается количество прямостенных сосудов от 60% в нижнем слое до 35% в верхнем и увеличивается доля профилированной керамики с 16% до 32,5%. Особо следует отметить, что появившаяся в верхнем слое керамика, орнаментированная гребенчатым штампом, по

всем другим параметрам ничем не отличается от остальной неолитической (Кольцов П.М., 1988. С.52-92).

С верхним горизонтом поселения Джангар сопоставляются материалы стоянки **Ту-Бузгу-Худук II** (Кольцов П.М., 1990б. С. 41- 43).

Памятник расположен на южном склоне той же котловины, что и стоянка Ту-Бузгу-Худук I, в 1,5 км восточнее (рис. 2, 9). Культурный слой толщиной до 0,1 м залегал под 1,3 м песчаных отложений. На стоянке собран подъемный материал и вскрыто 16 кв. м культурного слоя.

Керамика представлена фрагментами от 16 сосудов (рис. 25, 25-32). Внешняя поверхность сосудов подлощена, в тесте глины имеется примесь толченой раковины. Представлены три основные формы керамики: прямостенные, закрытые и слабопрофилированные сосуды. Как и в верхнем слое Джангара, здесь появляются венчики с небольшим внутренним наплывом (рис. 25, 25, 27), а среди накольчатой и прочерченной керамики, появляются фрагменты, украшенные гребенкой (рис. 25, 31-32).

Из каменных орудий стоянки следует отметить черешковые наконечники стрел, высокие сегменты и трапеции, в том числе со струганной спинкой.

2.3. Памятники орловской неолитической культуры.

Неолит степного Поволжья до конца 60-х годов прошлого века был практически неизвестен, за исключением нескольких разновременных и почти не исследованных раскопками стоянок (Третьяков В.П., 1974; Еремин В.И., 1977; Телегин Д.Я., 1981).

Первый исследованный памятник с сохранившимся культурным слоем – это стоянка **Орловка** на Правобережье Волги (Мамонтов В.И., 1974. С. 254-258). Небольшая, но выразительная коллекция керамики сразу при-

влекла к себе внимание. Позднее, материалы этой стоянки послужили эталоном для описания орловского типа памятников (Телегін Д.Я., 1981).

Стоянка занимала небольшой мыс на левом берегу р.Мокрая Мечетка, в 0,5 км к востоку от с.Орловка Дубовского района Волгоградской области (рис. 2, 15). Толщина культурного слоя не превышала 10-15 см, а основная часть находок была сосредоточена в котловане жилища.

Керамика стоянки представлена прямостенными сосудами с открытым устьем и сосудами с прикрытым устьем, в т.ч. с наплывом по внутренней стороне венчика. Всего найдены фрагменты от, приблизительно, 10 сосудов (рис. 26, 1-7, 9-11). Большая часть сосудов имела крупные размеры (до 38 см в диаметре). Керамика плоскодонна, часть доньшек орнаментирована. В тесте глины сосудов имеется значительная примесь толченой ракушки, внешняя поверхность подлощена. Почти на всех орловских сосудах с внутренней стороны венчика имеется широкий наплыв, покрытый орнаментом.

Орнамент наносился в верхней трети сосуда, он выполнен отступающим наколом в сочетании с крупными редкими наколами. Наиболее часто встречаются следующие орнаментальные элементы и композиции: горизонтальные линии; многократно повторяющийся зигзаг; треугольный и прямоугольные шевроны. Анализ орловской коллекции показывает совпадение по всем признакам с материалами слоя 2 А Варфоломеевки. Полное соответствие обнаруживается в керамике. Совпадают характер обжига, состав примесей, форма сосудов и их орнаментация. Самая яркая черта второй группы керамики слоя 2 А Варфоломеевки – широкий наплыв с внутренней стороны венчика, покрытый орнаментом, есть почти на всех орловских сосудах. Орнамент наносился в верхней трети сосуда, он выполнен отступающим наколом в сочетании с крупными редкими наколами. Орнаментальные элементы и композиции, представленные на орловской стоянке, наиболее часто встречаются на варфоломеевской посуде. Это горизон-

тальные линии, многократно повторяющийся зигзаг, треугольный и прямоугольные шевроны. После первого года исследования Варфоломеевки было отмечено только одно различие в керамическом комплексе с Орловкой – отсутствие орнаментированных донышек. Но в последующие годы сосуды с орнаментированными днищами были обнаружены на Варфоломеевской стоянке в слое 2 А.

Аналогичен и комплекс каменных орудий. Для комплекса каменных орудий Орловской стоянки характерна пластинчатая техника расщепления и микролитичность орудий (рис. 27, 1-25). Края пластин неровные, на многих есть остатки желвачной корки. Нуклеусы одноплощадочные, с прямой и скошенной площадками, конические. Наиболее многочисленные орудия – скребки различных типов. Найдены три трапеции со струганной спинкой (рис. 27, 15) и грузило из песчаника с пазами для веревки (рис. 26, 8). Комплекс каменных орудий по всем признакам также укладывается в культурно-хронологические рамки горизонта 2 А Варфоломеевки.

Остеологический анализ показал присутствие domesticiрованной фауны на стоянке. Прослежено прямоугольное жилище полуземляночного типа длиной 6 м и глубиной 0,6 м с ровным полом, очажным пятном толщиной 10 см, столбовыми ямками и выходом длиной, примерно, 2 м.

С открытием и исследованием Варфоломеевской стоянки стало совершенно ясно, что Орловская стоянка была первым раскопанным памятником новой археологической культуры, которая и получила, в традициях российской археологии соответствующие название – орловская (Юдин А.И., 1988. С. 167-170).

2.3.1. Варфоломеевская стоянка – опорный неолитический памятник степного Поволжья

Наиболее представительная часть материалов неолитического времени происходит с многослойной Варфоломеевской стоянки в степном Заволжье. Четыре культурно-хронологических слоя стоянки с остатками много-

численных жилищ, неолитические погребения и жертвенники, представительные комплексы керамики и каменных орудий предоставили уникальную возможность проследить культурную эволюцию поволжского населения на протяжении более тысячи лет – от среднего неолита до раннего энеолита и определить или уточнить культурно-хронологические позиции известных ранее стоянок.

В результате комплексной обработки материалов получены данные о возрасте стоянки, палеоклимате на всем протяжении ее существования, хозяйстве населения, технологии домашних производств (Юдин А.И., 2004). В настоящее время Варфоломеевская стоянка является наиболее изученным неолитическим памятником Нижнего Поволжья, несмотря на относительно небольшую вскрытую площадь.

Варфоломеевская стоянка находится в Новоузенском районе Саратовской области, на левом берегу р.Малый Узень (рис. 2, 16; 28). Варфоломеевская стоянка открыта В.Б.Воробьевым в 1985 г. (Воробьев В.Б., 1987. С. 172). В 1987 - 1990 гг. и 1996 г. автором производились раскопки стоянки, в результате которых было исследовано свыше 400 кв. м культурного слоя.

Культурные напластования Варфоломеевской стоянки, достигающие толщины 2,2 м на восточном участке раскопа, неоднородны по всей площади (рис. 29; 30). Стратиграфически выделяются четыре литологических слоя: верхний (первый), два средних (2 А и 2 Б) и нижний (третий).

Нижний (третий) слой залегал только в восточной половине раскопа, причем на участках, прилегающих к берегу, он почти полностью уничтожен котлованами жилищ, спущенных из пласта 2 А. Лучше всего нижний слой сохранился в северо-восточном углу раскопа. Здесь он достигает толщины 0,7 м; в западном направлении он постепенно утончается и выклинивается. Слой переработан слабо и имеет светло-желтый цвет, почти не отличающийся от подстилающей его материковой глины. Кроме обычных находок – обломков костей животных, фрагментов керамики и каменных

орудий, слой включает примесь золы и мелких угольков, что позволяет отделить его от материковой глины на участках межжилищных пространств. По дну жилищ слой отделяется от материка тонкой прослойкой красной охры.

Граница между нижним и средним 2 Б слоями четкая – слой 2 Б имеет значительно более темный цвет из-за примеси гумуса, а на многих участках эти слои разделены хорошо читаемой в бровках прослойкой охры, которая также посыпалась по дну жилищ слоя 2 Б. По мнению Ю.А.Лаврушина, осматривавшего памятник, существовал хронологический разрыв между формированием нижнего и среднего слоев.

Большую часть хронологической колонки занимает средний слой. На некоторых участках он имеет толщину до 1,5 м и чрезвычайно сильно насыщен находками. По ряду признаков средний слой разделен на два хронологических горизонта: нижняя половина – слой 2 Б и верхняя – слой 2А. Контакт между слоями прослеживается не на всех участках бровки, так как слои почти одинаковы по цвету, степени насыщенности находками и во многих местах сливаются. Тем не менее прослежено, что в северо-восточной части раскопа они разделяются прослойкой более светлого цвета толщиной 20 - 30 см; в других местах деление произведено по тонким слоям охры и линзам костей животных, приуроченным ко дну котлованов жилищ слоя 2 А. Правомерность деления среднего слоя на два горизонта подтверждается анализом массовых категорий находок, комплексы которых различаются в верхней и нижней частях пласта. Кроме того, на одном из участков северной стенки раскопа Ю.А.Лаврушин отметил слой погребенной почвы между 2 А и 2 Б, что свидетельствует о хронологическом промежутке между отложениями верхней и нижней частей среднего слоя.

Слой 2 Б достигает 1 м в северо-восточном углу раскопа и здесь на небольшом участке соприкасается с верхним слоем. На всей остальной площади он отделен от него слоем 2 А. Планиграфически он полностью пере-

крывает нижний слой, а в западном направлении простирается еще на 6-8 м, залегая непосредственно на материке. Подобно нижнему слою, 2 Б постепенно утончается, но не выклинивается естественным образом, а уничтожен по краям котлованами жилищ слоя 2 А.

Слой 2 А залегают по всей площади раскопа, за исключением небольшого участка в северо-восточном углу раскопа. В западной половине раскопа слой залегают непосредственно на материке. Максимальная толщина слоя – 1,5 м над котлованами жилищ, минимальная – 0,4 м. С этим слоем связаны наиболее выразительные находки на стоянке, доминируют они и по количеству на единицу площади по сравнению с другими горизонтами.

Верхний (первый) слой выражен слабее остальных и менее всего насыщен находками. На участках, прилегающих к берегу, он был практически полностью смыт, сохранившись только в западинах котлованов жилищ. Планиграфически он перекрывает восточную половину раскопа. При небольшой толщине (0,3 - 0,4 м) он достигает мощности 0,7 м над котлованами жилищ. Очень четко отделяется от среднего, поскольку имеет светло-желтый цвет (рис. 30). В отличие от предыдущих, с верхним слоем не связывается никакая строительная деятельность на данном участке памятника.

2.3.2. Керамика стоянки

На стоянке обнаружены фрагменты от нескольких тысяч сосудов, но для анализа представляют интерес фрагменты от немногим более чем 800 сосудов, по которым можно установить форму и орнаментальную композицию. По форме они распределены на 4 основные группы: 1) прямостенные сосуды с широким открытым устьем; 2) сосуды с прикрытым устьем; 3) слабопрофилированные; 4) небольшие чашевидные округлодонные сосуды.

Керамика трех первых групп плоскодонная. Кроме плоских днищ имеются плоско-выпуклые, плоско-вогнутые и уплощенные. Незначительный процент составляют сосуды других форм: с плоским овальным дном

(близкие к ладьевидным) (3 экз.), с S-овидным профилем, с острым ребром по тулову и другие.

Ввиду сложной стратиграфической ситуации на памятнике, для проведения статистического анализа по хронологическим горизонтам была отобрана только та керамика, залегание которой в непереотложенном состоянии не вызвало сомнений (табл. 1).

Керамика нижнего слоя

Абсолютное большинство керамики нижнего слоя имеет примесь толченой раковины в тесте глины. Количество раковины различно – от едва заметного до значительного. Сосудов без заметных примесей мало, обычно они невелики по размерам и тонкостенны. Часть сосудов пористая от выгоревшей растительной примеси. Обжиг сосудов неравномерный, цвет внешней поверхности варьирует от черного до светло-коричневого. Керамика, не имеющая заметных примесей, – плотная, но с увеличением количества толченой ракушки она становится рыхлой, легко крошащейся. Формовалась керамика ленточным способом, что хорошо видно по некоторым расслоившимся фрагментам. Внешняя поверхность сосудов почти всегда подлощена, внутренняя сглаживалась пучком травы или зачищалась гребенчатым штампом из створки речной раковины (несколько таких штампов определены В.В.Килейниковым как орудия для выравнивания поверхности керамики) (рис. 99, 17). При производстве керамики использовался широкий набор костяных орудий: шпатели, ложила, штампы; комбинированные орудия – шпатели-ложила, шпатели-штампы (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993. С. 68-72). Один из шпателей для формовки керамической массы изготовлен из красно-коричневого песчаника.

В нижнем слое керамика представлена всеми четырьмя основными формами (группами): прямостенные с широким открытым устьем (1), с прикрытым устьем (2), слабопрофилированные и чашевидные (3 и 4). Ко-

личественно преобладают сосуды группы 2 – ок. 57 %. Группа 1 включает 31 % сосудов, группа 3 – 12 % (рис. 34- 38).

Полностью сосуды восстанавливаются всего в нескольких случаях. Керамика первой группы представлена сосудом низких пропорций с широким устьем, прямыми стенками и плосковыпуклым дном (рис. 34, 1). Сосуды второй группы наиболее крупные, диаметр по венчику может достигать 60 см, но обычные размеры – в пределах 13 - 35 см. Один из фрагментов имеет плавную глубокую выемку, которая, возможно, являлась сливом или так оформлялось «ушко» (рис. 34, 2). Четвертая группа керамики представлена чашевидным сосудом (рис. 34, 3). Кроме керамики четырех основных групп, в нижнем слое найдены фрагменты двух сосудов формы, близкой к ладьевидной (рис. 34, 4, 5).

Около 47 % керамики нижнего слоя орнаментировано наколом, как правило, в отступающей манере (табл. 2). По большей части отмечен узкий подтреугольный накол, изредка встречаются одиночные разреженные наколы. В трех случаях накол выполнен полой камышинкой, в одном – имеет форму подпрямоугольной скобки.

Прочерченный орнамент отмечен на 33 % керамики. Еще 15 % сосудов украшены прочерком с добавлением одиночных наколов. В накольчато-прочерченной технике, где основная часть орнаментальной зоны покрыта наколом, встречено всего 2 сосуда (ок. 2,5 %).

На 12 сосудах по срезу венчика нанесены насечки или глубокие вдавления, придающие венчику легкую гофрированность. Орнамент по внутренней стороне венчика на керамике нижнего слоя отсутствует (табл. 3).

Набор элементов, из которых составлялись геометрические орнаментальные композиции, немногочислен. Это – прямая линия, зигзаг, треугольник, соты, косая штриховка, изредка – волна, ромб, прямоугольник или шестиугольник, а также строка редко поставленных наколов различной величины. Перечисленные элементы орнамента могут быть нанесены

на керамику как прочерчиванием, так и наколом, за исключением нескольких случаев: косая штриховка выполнялась только прочерком, а прямоугольник и многоугольник – отступающим наколом. Оттиски полой камышинки сочетаются и с наколом и с прочерком. Жесткой регламентации в технике нанесения орнамента не было – на нескольких сосудах строчки отступающего накола плавно переходят в прочерк.

Все орнаментальные композиции составлены из сочетания вышеперечисленных элементов либо в результате неоднократного повтора одного элемента. Проведенная работа по систематизации орнамента позволила выделить 9 орнаментальных композиций для прочерченной керамики, 4 для прочерченно-накольчатой, 1 для накольчато-прочерченной и 12 для накольчатой (табл. 4). Композиции, выполненные в технике прочерка, почти полностью повторяются в наколе. Раздельное их занесение в таблицы связано с тем, что соотношение прочерченной и накольчатой керамики в слоях стоянки является хронологическим показателем.

Большая часть композиций включает два-три повторяющихся элемента. Сложные геометрические композиции, на долю которых приходится 12 % прочерченной керамики и около 23 % накольчатой, включают по 3 и более элементов, но в некоторых случаях сложная композиция может быть составлена и из двух элементов (табл. 4; 5). Наиболее многочисленны композиции из горизонтальных линий, зигзагов, сочетаний зигзага и линии, линии и треугольника, линии и отдельных наколов (рис. 34, 7-10; 35, 1-10; 36, 1-3). Встречены сосуды с волнистым орнаментом (рис. 37, 2-4, 5). Геометрические фигуры заполнены горизонтальными или вертикальными линиями, одиночными наколами (рис. 38, 1-4). Фрагменты глиняных сосудов использовались вторично для изготовления пряслиц (рис. 66, 4-6).

Керамика слоя 2 Б

Технологические характеристики керамики аналогичны нижнему слою. Максимальное количество керамики (ок. 63 %) относится ко второй

группе. Первая группа включает 43 %, третья – менее 5 % сосудов. Около 7 % керамики имеет наплыв по внутренней стороне венчика (табл. 1).

По технике нанесения орнамента распределение керамики следующее: накольчатая – ок. 54 %, прочерченная – 28 %, прочерченно-накольчатая – 10 %, накольчато-прочерченная – менее 2 %, неорнаментированная – 5 %. (табл. 6) (рис. 39-47).

В первой группе реконструированы два горшка. Первый из них имеет приземистые пропорции, широкое устье и округлый срез венчика. Стенки в средней части немного выгнуты наружу, а плоское дно слегка выпуклое (рис. 39, 1). Подобные сосуды с широким устьем и слегка выпуклыми наружу стенками составляют значительную часть керамики первой группы. Вторым горшок также имеет широкое устье, но, в отличие от первого, совершенно плоское дно и ровные стенки. Венчик с внутренней стороны косо срезан под острым углом (рис. 39, 2). Судя по сохранившимся крупным фрагментам, в первой группе были еще сосуды с вогнутыми стенками в верхней или нижней трети тулова (рис. 46, 1). Насечки и глубокие наколы по срезу венчика отмечены на 8 сосудах (табл. 3).

Из второй группы восстанавливается один крупный сосуд (рис. 40, 1). По крупным фрагментам можно составить представление о других типах керамики второй группы. Встречены фрагменты от сосудов высоких пропорций (рис. 41, 1). Большая же часть керамики, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, имела горизонтальные пропорции. Обнаружено 5 фрагментов с наплывом по внутренней стороне венчика (рис. 40, 2; 41, 2, 3; 42, 4, 5).

Элементы орнамента керамики претерпевают незначительные изменения по сравнению с нижним слоем. Увеличивается разнообразие форм одиночных наколов – появляются каплевидные, круглые, овальные, ногтевидные (рис. 43, 1, 9). Плетенка из волнистых линий заменяется на плетенку из прямых; появляются разнообразные композиции с использованием

шевронов (рис. 43, 8, 10). Наиболее распространенными остаются композиции из зигзагов или зигзагов и линий (рис. 45, 1-3), линий и отдельных наколов (рис. 45, 4, 5). Распространены косая штриховка (рис. 44, 1); сочетание линии, зигзага и треугольника (рис. 44, 2, 3); сотовый орнамент (рис. 44, 4-6).

Несколько выделяется из общей серии фрагмент тонкостенного сосуда с приостренным венчиком. Он украшен сочетанием зигзага и линии, расположенных горизонтально по бордюру и вертикально по тулову (рис. 46, 3). Фрагмент отличается равномерным обжигом и плотной структурой. По фактуре и толщине ему аналогичен обломок стенки сосуда, орнаментированный чередованием зигзага, линии и скобковидных наколов, но залегающий в слое 2 А (рис. 46, 4).

В слое найден фрагмент плоского доньшка с орнаментом (рис. 47, 1). Найдено плоское дно овальной формы (5,5 x 2,8 см) (рис. 47, 2). Остальные доньшки имеют обычную для стоянки форму: плоские, плоско-выпуклые и немного плоско-вогнутых (рис. 47, 5-11).

Керамика слоя 2 А

Технологические характеристики керамики остаются прежними. Это обильная примесь толченой раковины в тесте глины подавляющего большинства сосудов, ленточный способ формовки, неравномерность обжига, лощение поверхности. Встречено несколько фрагментов, где вместе с ракушкой обнаружена примесь мелких комочков красной охры или шамота.

Распределение посуды по группам прежнее. Более 62 % керамики попадает во вторую группу, почти 23 % в первую, менее 15 % в третью. К четвертой группе отнесены 2 чашевидных сосуда (0,56 %). Около 32 % сосудов второй группы имеет утолщенный наплыв по внутренней стороне венчика. Подобная керамика составляет 20% от общего количества в слое (табл. 11) (рис. 48-65).

Полностью реконструированы 2 сосуда первой группы (рис. 48, 1; 49, 4), 2 сосуда второй группы (рис. 48, 4, 5). Из общей серии выделяются еще два сосуда. Они имели небольшое дно, прикрытое устье, но не округлые бока, а ребро в верхней трети тулова (рис. 49, 1, 2).

Самая характерная керамика орловской культуры – *керамика группы 2 Н* – разновидность керамики второй группы, отличается утолщением-напльвом по внутренней стороне венчика. Сосуды широко варьируют в своих размерах, но основная их часть представлена крупными формами и создается впечатление, что причиной появления внутреннего напльва была необходимость укрепления верхнего края сосуда при увеличении его размеров.

Происходит изменение процентного соотношения накольчатой и прочерченной керамики. Почти 3/4 керамики орнаментировано наколом (74%), прочерком – всего 12 % (против 23 и 33 % в слоях 2 Б и 3). Как и в нижних слоях, прочерк чаще всего отмечен на керамике первой группы (ок. 19 % и ок. 25 % вместе с прочерченно-накольчатой). Всего в одном случае прочерком украшен сосуд из группы 2 Н. Менее 2 % керамики имеет новые элементы орнаментации – крупные наlepные "жемчужины" (6 фрагментов) и короткий гребенчатый штамп (1 фрагмент). Увеличилось количество керамики, украшенной крупными наколами треугольной, подовальной, скобковидной форм, неглубокими ямочными круглыми вдавлениями.

По сравнению со слоем 2 Б в наборе орнаментальных композиций произошли следующие изменения. В технике прочерка нет композиций с дополнением крупных ямочных вдавлений или оттисков камышинки, но появляется орнамент из волнистых линий (рис. 60, 5, 6). В прочерченно-накольчатой технике появляются композиции из прочерченной волны и отдельных наколов (рис. 60, 7). Орнамент с использованием волнистой линии появляется также в накольчато-прочерченной технике (рис. 60, 6; 62,

8, 9). Накольчатые композиции полностью повторяют все узоры слоя 2 Б и добавляется 5 новых (табл. 7). Это ленты из двойных зигзагов, пространство между которыми заполнено косой штриховкой (рис. 62, 9). Такая же штриховка может быть ограничена одной или двумя линиями крупных треугольных наколов (рис. 62, 11, 12). Аналогичные композиции на ниже лежащей керамике были выполнены только прочерком.

Появляется керамика, сочетающая зигзаг, шеврон и другие элементы с отдельно поставленными оттисками полукруглого накола или ямочными вдавлениями (рис. 63, 1, 2). Не встречался ранее орнамент из крупных скобок и геометрический орнамент из крупных треугольных наколов (рис. 59, 1, 3). Появляется шеврон из круглых наколов (рис. 63, 5), горизонтальные полосы из подпрямоугольных вдавлений и треугольных наколов (рис. 63, 7). Еще один новый элемент орнаментации керамики – выпуклые жемчужины на внешней стороне сосуда. Жемчужина выдавливалась изнутри сосуда, после чего образовавшаяся ямка заглаживалась. Возможно, часть жемчужин были наклепанными. Они расположены в один или два ряда под венчиком и сочетаются с отдельными наколами, отступающим наколом и прочерком (рис. 51, 6; 63, 6, 8, 9). Несколько фрагментов имеют вдавления по срезу венчика с внутренней стороны, в результате чего на внешней также образовались жемчужины, но меньшего диаметра, или несут следы глубоких вдавлений, не отразившихся снаружи (рис. 64, 1, 2).

Наиболее часто используется те же орнаментальные композиции, что и в слое 2 Б.

В слое найден фрагмент слегка выпуклого диска с отверстием в центре и прочерченным орнаментом на верхней плоскости (рис. 66, 8). В отличие от пряслиц предмету была придана круглая форма до обжига, орнамент также прочерчен по сырой глине. Вероятно, это фрагмент крышки сосуда. В слое также обнаружен обломок глиняного утюжка. На его верхнюю сторону до обжига были нанесены продольные полосы в технике отступаю-

щего накола (рис. 66, 7). Аналогичный утюжок из серо-черного камня с блестящими вкраплениями и такими же полосками по верхней плоскости найден в размытой части культурного слоя (рис. 102, 3). Имеется серия керамических пряслиц из стенок сосудов (рис. 66, 1-3).

Сравнение керамических находок из слоя 2 А с нижележащими показывает, что происходит не столько замена одних признаков другими, сколько появление новых при дальнейшем бытовании и развитии уже существующих орнаментов и форм сосудов.

Керамика верхнего слоя

Ряд новых черт, появившихся на керамике слоя 2 А, получил свое дальнейшее развитие в керамическом комплексе верхнего слоя. Качественные изменения в керамике прослеживаются по фрагментам от 41 сосуда, полученным в слое 1. Технология изготовления керамики осталась прежней. В тесте глины обильная примесь толченой раковины, посуда формировалась ленточным способом. Внешняя поверхность подлощена или заглажена, на внутренней встречаются штриховые следы от зачистки.

По форме керамика распределяется на три основные группы: 1 – прямостенные с широким открытым устьем – около 29 %; 2 – с прикрытым устьем – ок. 46 % (из них более половины относятся к подгруппе 2 Н); 3 – профилированные – ок. 24 % (рис. 67-69).

Керамика подгруппы 2 Н заметно отличается от предшествующей. Нет широких наплывов в виде уступа, четко отделенного от стенки. Переход от наплыва к стенке всегда плавный. В большинстве случаев наплыв фиксируется в виде небольшого внутреннего ребра (рис. 67, 4, 5, 7, 9) или имеет округлую форму в профиле (тип 1). Наплыв на одном из венчиков почти незаметен, от него на внутренней стороне осталась орнаментальная полоса шириной 5 см из зигзага и волны (рис. 68, 1). Появляется отогнутость венчика наружу и некоторая его округлость по внешней стороне (рис. 68, 2).

Керамика группы 3 в основных своих признаках совпадает с керамикой нижележащих слоев (рис. 68, 3, 4), но одновременно появляются сосуды совершенно нового, уже почти энеолитического облика. Найдены фрагменты крупного сосуда, совершенно нетипичного для керамики стоянки. Он имеет высокий (до 6 см), отогнутый наружу, раструбовидный венчик и хорошо выделенную шейку, переходящую в округлое тулово. Сосуд пышно украшен в технике отступающего накола (сдвоенные горизонтальные линии и волны) и отдельными крупными наколами (рис. 68, 5). Фрагменты еще четырех сосудов отличаются не только своей формой, но и использованием оттисков гребенчатого штампа при их орнаментации. Один из фрагментов имеет слегка отогнутый и утолщающийся к верхней части венчик. По венчику проходят шесть горизонтальных строчек треугольного накола, по тулову – наклонные оттиски гребенчатого штампа. Наклонные оттиски трехзубого штампа нанесены на внутреннюю сторону венчика (рис. 69, 1).

Фрагменты двух венчиков имеют воротничковое оформление с внешней стороны. Воротничок одного из них выражен слабо, по нему вертикально поставлены отпечатки штампа с округлым зубцом. Горизонтальные полосы под венчиком выполнены в технике отступающего накола (рис. 69, 2). Неширокий, но выраженный венчик второго сосуда, с четкой гранью в нижней части воротничка, в профиле является зеркальным отражением внутреннего наплыва керамики слоя 2 А (рис. 69, 3). У последнего сосуда венчик не сохранился. По профилированной стенке сосуда красно-коричневого цвета нанесены ленты зубчатого штампа, в некоторых местах протраченного, и оконтурены волнистым прочерком. Подобный орнамент встречается уже на энеолитических сосудах с воротничковым венчиком (рис. 69, 4).

Орнаментация керамики при сохранении основных черт, отмеченных в предыдущих слоях, претерпевает изменения. Наиболее распространенны-

ми остаются композиции из прямых линий и отдельных наколов, сочетания линии и зигзага, орнамент с шевронами и сотовый (рис. 69, 7-13). Но вместе с тем происходит изменение формы накола: в большом количестве появляется накол полуовальной формы, он укрупняется. На 20 сосудах из 41 крупный треугольный накол выступает в качестве основного элемента композиции или дополняет остальные орнаментальные элементы (рис. 68, 6, 8). Орнамент с включением волнистой линии отмечен на 12 % сосудов (рис. 68, 7). О появлении керамики с гребенчатым орнаментом уже говорилось. Следует подчеркнуть, что появившиеся новые признаки в форме сосудов и их орнаментация сочетаются со старыми, а все технологические признаки остались прежними.

2.3.3. Каменные орудия и изделия

Всего из культурного слоя стоянки получено 5624 предмета из камня. Из них 2887 (52,4 %) экз. – орудия труда с вторичной обработкой, остальные – нуклеусы, пластины, отщепы и отходы производства. Большинство находок (5563 экз.) являются продуктами расщепления кремня и кварцита, 60 предметов изготовлены из других пород камня –песчаников, мела, глинизированных и кристаллических пород (табл. 9).

В качестве основного сырья использовался кремень. Цвет кремня варьирует от светло-серого (встречается и молочно-белый) до черного; много полосчатого. Из светло-серого кварцита найдено 130 предметов.

Для характеристики каменной индустрии каждого слоя взяты находки с участков, где стратиграфическая колонка хорошо разделяется на горизонты. Для типологической характеристики разработан типлист, в основу которого положена классификация Д.Я. Телегина для памятников мезо-неолитической эпохи (Телегин Д.Я., 1978), с необходимыми изменениями, отражающими местную специфику. По данному типлисту также классифицированы каменные орудия остальных неолитических стоянок орловской культуры. Кроме того, часть изделий, представляющих всю хронологиче-

скую колонку, подвергнута В.В.Килейниковым (Воронежский ГПУ) трасологическому анализу, который показал, что жесткой зависимости между типологическими признаками и функциональным назначением орудий на материалах данного памятника нет. Например, орудия, определяемые по морфологическим признакам как концевые скребки с ретушью по боковым граням, функционально могут являться скобелями, резчиками, пилками по дереву. При этом зачастую скребковое лезвие вообще не использовалось.

Каменные орудия и изделия нижнего слоя

Комплекс нижнего слоя состоит из 362 предметов. Основная часть предметов изготовлена из кремня – 347 экз. К нуклеусам, заготовкам и отходам производства относится около 47 % предметов, остальные находки – это орудия с вторичной обработкой. Для нижнего слоя характерна пластинчатая техника расщепления камня. На пластинах выполнено 66 % орудий. Наиболее распространены: скребки различных типов на пластинах – 42,3 %, скребки на отщепках – 28,2 %, вкладыши и геометрические микролиты – 9,4 % (табл. 9) (рис. 70, 71, 72, 1-9).

Трасологическим анализом установлено, что значительная часть отщепов и пластин без вторичной обработки использовалась в качестве орудий. Так, например, из 6 сечений пластин 5 являлись орудиями: 3 резца (рис. 70, 18, 19), строгальный нож по дереву (рис. 70, 20) и мясной нож (рис. 70, 15). Из 9 отщепов и сколов без вторичной обработки орудиями оказались 4: проколка (рис. 70, 21), сверло (рис. 70, 22), мясной нож (рис. 70, 23) и резчик (рис. 70, 24).

На сечениях пластин изготовлены *пластины-вкладыши* и *геометрические микролиты*. Пластины-вкладыши имеют длину 2,5 - 3 см. Притупляющая ретушь наносилась по двум сторонам с брюшка; в трех случаях вкладыши имеют сегментовидную форму и дополнительно обработаны со стороны спинки (рис. 71, 4-7). Геометрические микролиты представлены сег-

ментами и трапециями. Трапеции невыразительны, ретушированы по верхнему краю со спинки и по боковой стороне с брюшка (рис. 71, 8). Низкие трапеции без струганной спинки встречены только в нижнем слое. Вероятнее всего, к коллекции нижнего слоя следует добавить две средневысокие трапеции с притупляющей ретушью по боковым граням, найденные в размытом культурном слое (рис. 71, 9, 10), поскольку в остальных слоях подобные изделия не встречаются. Среди сегментов преобладают низкие формы. Обработаны притупляющей ретушью по дуге со стороны спинки (рис. 71, 11-13), встречной ретушью (рис. 71, 19), притупляющей ретушью с брюшка (рис. 71, 14), притупляющей с брюшка и частично по спинке (рис. 71, 16). Один средневысокий сегмент обработан встречной ретушью по дуге, его основание притуплено с лицевой стороны и несколько фасеток ретуши нанесено по основанию с обратной (рис. 71, 17). Фрагменты еще двух средневысоких сегментов обработаны притупляющей ретушью по дуге со стороны спинки (рис. 71, 15, 18). Один из сегментов не имеет ни спинки, ни брюшка и обработан встречной ретушью по дуге (рис. 71, 20).

Скребки на пластинах выполнены на коротких сечениях пластин, форма лезвия округлая, встречаются дублированные (рис. 71, 21-26) и на целых пластинах (рис. 71, 27). Из общей серии выделяется орудие на микропластине (рис. 71, 28).

Скребки на укороченных пластинах и продольных сколах с нуклеусов чаще всего имеют трапециевидную форму, длина немного превышает ширину или равна ей. (рис. 71, 30- 39). Скребки на отщепах наиболее разнообразны, но при всей их аморфности можно выделить несколько типов: округлые с ретушью на $3/4$ периметра (рис. 71, 40, 41), с гранью на спинке (на пластинчатых отщепах) (рис. 71, 42), концевые аморфные (рис. 71, 43, 44), концебоковые (рис. 71, 45). Один из скребков изготовлен из расщепленной гальки и имеет высокую спинку (рис. 71, 46). Функционально все

скребки определены как скребки по дереву и кости, скребки по шкуре; боковые ретушированные грани – пилки по дереву.

Острия выполнялись на пластинах и сечениях, рабочая часть имеет треугольную форму, боковые стороны притуплены ретушью, иногда жало орудия подправлялось несколькими фасетками ретуши с брюшка (рис. 72, 1-4).

Найден обломок "утюжка" из темно-серого окаменевшего дерева. Имеет поперечную подокруглую бороздку, перпендикулярно ей по верхней плоскости проточено около 10 линий (рис. 72, 7). Другие абразивные орудия из мягкого красно-коричневого песчаника представляют из себя плоские плитки с несколькими рабочими поверхностями (рис. 72, 8).

Шлифованные орудия представлены двумя небольшими (высота 4 и 3 см) теслами трапециевидной формы из мягкого камня серо-зеленоватого цвета. Лезвия пришлифованы с двух сторон (рис. 72, 6, 9).

Каменные орудия и изделия из слоя 2 Б

Комплекс каменных орудий и изделий насчитывает 593 предмета, в том числе 512 из кремня, 11 (2,1 %) из кварцита и 10 из других пород. К нуклеусам, пластинам и отходам производства относятся 242 находки (45,4 %), остальные изделия – орудия с вторичной обработкой. Как и в нижнем слое, преобладает пластинчатая техника расщепления камня. На пластинах выполнено около 60 % орудий. Наиболее распространены: скребки на пластинах – 34 %, скребки на отщепах – 30 %, ножевидные пластины с ретушью – 13 %, геометрические микролиты – около 5 %, острия – 3,7 % (рис. 72, 10-14; 73-75). Свыше 60 % пластин и сечений определены как орудия без вторичной обработки – резчики на углу пластины и мясные ножи. Последние часто выполнялись на коротких трапециевидных сечениях (рис. 73, 16).

Геометрические микролиты представлены трапециями и сегментами. В отличие от нижнего слоя все трапеции имеют струганную спинку. Почти

все они высоких пропорций, когда высота несколько больше ширины основания, но есть трапеции, у которых высота равна ширине (рис. 74, 4-7, 11, 12). На боковых гранях ретушь отсутствует. У некоторых экземпляров мелкая краевая ретушь нанесена по верхнему или нижнему краю с лицевой стороны (рис. 74, 11, 12). Все сегменты низких пропорций, ретушь наносилась по-разному: двусторонняя (встречная) – по дуге (рис. 74, 8), односторонняя лицевая – по дуге или ее части (рис. 74, 9, 10), двусторонняя – по боковым сторонам (рис. 74, 13). Функционально все сегменты и трапеции определены как мясные ножи.

Шлифованные орудия представлены тремя теслами. Одно имеет трапециевидную форму. Материал – темно-зеленая глинизированная порода (рис. 75, 14). Второе тесло подтреугольной формы из молочно-серого кремня имеет приостренную боковую грань (рис. 75, 12). Третье изготовлено из светло-коричневого песчаника, пришлифована только часть плоскостей (рис. 75, 13).

Каменные орудия и изделия из слоя 2 А

Комплекс каменных изделий и орудий из слоя 2 А насчитывает 764 предмета, в том числе 722 из кремня, 37 из кварцита (4,9 %) и 4 из других пород. К нуклеусам, пластинам, отщепам относится 421 предмет (55,1 %), остальные – орудия с вторичной обработкой. Как и в предыдущем слое, на пластинах выполнено около 60 % орудий. Наиболее распространены: различные категории скребков на пластинах – 36 %, скребки на отщепах – 24%, ножи на пластинах и пластины с ретушью – 18 %, ножи на отщепах и отщепы с ретушью – 9%, трапеции – 3,5 % (рис. 76-80).

Геометрические микролиты представлены тремя типами трапеций со струганной спинкой:

1. Трапеции высокие и средневысокие. Пологая сострругивающая ретушь покрывает почти всю площадь спинки (рис. 78, 5-9). Количество высоких и средневысоких приблизительно равно.

2. Трапеции с почти параллельными боковыми сторонами. Высокие и подквадратные (рис. 78, 10-13). Очень немногочисленны.

3. Асимметричные трапеции (рис. 78, 15, 23).

У одной трапеции ширина превышает высоту, спинка ее состругана не полностью, основания подработаны мелкой ретушью (рис. 78, 16). Около 1/6 части трапеций имеют ретушь по одному или двум торцам, нанесенную с брюшка, и мелкую краевую ретушь по основаниям с лицевой стороны (рис. 78, 18-20). В двух случаях торцы подретушированы только в верхней части (рис. 78, 21, 22). На одной трапеции по всему периметру оформлены скоблевидные выемки (рис. 78, 17). Функциональное определение трапеций – резчики (углы) и мясные ножи (основания).

Шлифованные орудия представлены двумя теслами. Одно крупное тесло изготовлено из молочно-белого кремня (рис. 80, 18), а второе – из зеленого нефрита (рис. 80, 19). Найдено каменное грузило из светло-желтого мягкого песчаника прямоугольной формы (длина 9 см) с двумя пересекающимися бороздками для привязывания к рыболовной сети. Еще несколько таких грузил было найдено в размытом культурном слое. На дне жилища в кв.47 найдено навершие булавы из мела. находка имеет подтреугольную форму, окончания лучей подчеркнуты двумя круговыми желобками. Сверху, вокруг сверлины также проточена окружность, от которой вершинами вниз опускаются треугольники. Диаметр сверлины 15 мм (рис. 81, 3). Обломок еще одной круглой булавы диаметром 4,5 см из серо-коричневой плотной мелкозернистой породы найден в размытой части стоянки (рис. 81, 1). Обнаружен обломок плоского утюжка с полукруглой бороздкой. Перпендикулярно к бороздке проточено 6 параллельных линий. Материал – серо-зеленая порода типа серпентинита (рис. 81, 3).

Каменные орудия и изделия верхнего слоя

Комплекс каменных орудий и изделий из контрольных квадратов верхнего (первого) слоя включает 103 предмета, в том числе 85 находок из

кремня, 15 из кварцита (около 15 %) и 2 из песчаника. К предметам первичной обработки относятся 58 находок (около 56 %), остальные – орудия с вторичной обработкой. На пластинах выполнено около 63 % орудий. Наиболее распространены: различные категории скребков на пластинах – ок. 49 %, скребки на отщепах – ок. 25 % (рис. 82, 1-25).

Среди трапеций со струганной спинкой преобладают высокие формы, типологически не отличающиеся от трапеций слоя 2 А, но появляются крупные экземпляры, высота которых достигает 23-27 мм (рис. 82, 10, 15, 16).

Несмотря на относительно небольшое количество орудий в верхнем слое, хорошо прослеживается, что типологически все они повторяют находки из слоя 2 А, за исключением нескольких инноваций – увеличения средних размеров трапеций со струганной спинкой и появления сечений крупных кварцитовых пластин и орудий на них.

2.3.4. Орудия и изделия из кости

Уникальная сохранность культурного слоя стоянки обусловила большое количество находок из кости по сравнению с другими памятниками нижневолжского региона. Некоторые костяные орудия залегали совместно или в комплексе с другими находками. Шесть костяных предметов – фрагменты от трех тупиков и три землекопных орудия – стояли в круглой ямке диаметром 26-26 см и глубиной 35 см. Ямка примыкала к северному краю одного из очагов. В одной из хозяйственных ям под стенкой котлована жилища найдены: костяные тупик, фигурка лошадки и зубчатый штамп на створке речной раковины, который использовался для выравнивания внутренних стенок керамических сосудов (рис. 99, 17). Один комплекс обнаружен на дне жилища: три пронизки из трубчатых птичьих костей, пластина из клыка кабана и три шпателя для формовки керамики. Два из них костяные (рис. 89, 1, 6), а третий – это узкая, слегка изогнутая плитка из красно-коричневого песчаника.

Для определения функционального назначения и технологии изготовления все костяные находки из раскопок в 1987 - 1990 гг. были подвергнуты трасологическому анализу. Анализ выполнен В.В.Килейниковым. На основе его разработок, апробированных на материалах памятников лесостепного Подонья (Килейников В.В., 1985. С. 1-20; Пряхин А.Д., Килейников В.В., 1986. С. 20-36; Килейников В.В., 1989. С. 119-120) и нашедших применение в работах других исследователей (Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф., 1988. С. 60-78), была проведена функциональная классификация костяных орудий и изделий (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993. С. 63-86).

Трасологическому определению подвергнуто 275 предметов (целые и обломки) из раскопа, 13 находок из размытого водохранилищем культурного слоя, а также 44 предмета, являвшихся заготовками и отходами производства. Все орудия и изделия распределены по трем функциональным классам: орудия домашних производств, орудия присваивающих отраслей хозяйства, бытовые и культовые предметы. Классы подразделяются на несколько групп, каждая из которых включает от 2 до 10 типов орудий или изделий (табл. 10).

Класс I. Орудия домашних производств.

Группа 1. Орудия кожевенного производства.

1. *Тупики* для волососгонки и мездрения шкур. Представлены серией стандартных орудий с небольшими вариациями формы рабочего лезвия и рукояти. Изготовлены из крупных лопаток по единому принципу (рис. 84, 1-4). Фрагмент рукояточной части одного тупика украшен группами из 11 кремневых насечек, выполненных кремневой пилкой (рис. 84, 5). Подобные орудия известны на неолитическом поселении Турова Гора в Поднепровье (Ковалева И.Ф., Морковина В.И., 1987. С. 32).

2. *Скребки* для мездрения шкур. Чаще всего выполнены на фрагментах продольно расколотых трубчатых костей и имеют линейные следы попе-

речной направленности на кромке одной или двух длинных сторон (рис. 85, 1, 2).

3. *Скребки-лощила* для мездрения и мягчения кожи. Длинные грани расколотых трубчатых костей использовались для мездрения, торцы и внешняя поверхность – для лощения и мягчения кожи (рис. 85, 3).

4. *Скребки-струги* для мездрения и волососгонки. Выполнены также на расколотых трубчатых костях (рис. 85, 4).

5. *Струги* для волососгонки и мездрения. Для этих орудий использовались фрагменты ребер без предварительной обработки и только в двух случаях расколотые трубчатые кости (рис. 86, 1, 2).

6. *Лощила*, как и скребки, оформлены на расколотых трубчатых костях с округлыми торцами. На внешней поверхности лощила, найденного в размытой части культурного слоя, кремневым резцом нанесена пиктограмма (рис. 86, 3, 4).

7. *Разбивальники* для уплотнения и мягчения кожи. Изготовлены из коротких отрезков (6-11 см) рогов первобытного быка (рис. 86, 5; 87, 2; 98, 2). С торцевых сторон орудий отмечена легкая забитость от соприкосновения с кожей.

8. *Проколки*. Представлены несколькими видами. Наиболее многочисленны (20 экз.) тонкие проколки со сплошной обработкой поверхности скобелем и абразивом (рис. 88, 1, 3-6). Встречены проколки на птичьих костях (рис. 88, 7), из расщепленных трубчатых костей (рис. 88, 8, 13). из ребер (рис. 88, 9), еще на двух оставлены тщательно обработанные головки (рис. 88, 12, 14).

9. *Нож*. Для подрезания мездры и разрезания кожи использовались случайные тонкие осколки трубчатых костей.

10. *Орудие для растягивания ремней*. Выполнено на обломке широкой костяной пластины.

Группа 2. Орудия керамического производства.

1. *Шпатели*. Часть формовочных шпателей сделана из тонкопластинчатых костей и имеет стандартную форму – на рукоятке высверлено отверстие, по длинным сторонам и широкому торцу нанесены короткие насечки (рис. 89, 3, 4). Морфологически близки к обломкам пластин из клыка кабана (отверстие, насечки по краям) из Никольского могильника, типологически отличающимся от остальных украшений из клыка кабана (Телегин Д.Я., 1991. С. 59). По морфологическим признакам к ним приближается шпатель на плоском фрагменте продольно расколотой трубчатой кости. Несмотря на сильную залощенность на его обеих сторонах сохранился сложный геометрический орнамент (рис. 89, 6). Шпатели на продольно расколотых трубчатых костях более разнообразны (рис. 89, 1, 2, 5).

2. *Шпатели-лощила*. Полифункциональные орудия, по своим морфологическим признакам во многом близки шпателям. В нижнем слое шпатели-лощила почти не подвергнуты вторичной обработке, за исключением рабочего конца (рис. 90, 2). Шпатели-лощила из средних слоев тщательно обработаны по всей поверхности. На трех из них выгравирован орнамент различной степени сложности (рис. 90, 3, 4; 96, 1). Наиболее близкие аналогии подобным изделиям обнаруживаются в материалах могильника Васильевка 2, где обломки орнаментированных пластин описываются как костяные браслеты (Телегин Д.Я., 1991. С. 45).

3. *Шпатель-штамп*. Выполнен на продольно расщепленном ребре. В рукояточной части на гранях имеются две нарезки для подвешивания. Накольчатый орнамент наносился одним из углов шпателя.

4. *Лощила* представлены двумя экземплярами. На продольно расщепленном отрезке трубчатой кости оформлены рукоять и рабочее лезвие в виде узкой лопаточки (рис. 90, 1).

5. *Штампы*. В нижнем и среднем слоях определены штампы для нанесения наколов треугольной, подовальной и С-овидной форм. Выполнены на тонких пластинах, фрагментах ребер, расщепленной трубчатой тонкой

кости (рис. 90, 7-9). У штампов на пластинах из клыков кабана рабочими являются оба конца (рис. 90, 5, 6). В верхнем слое найден аморфный обломок кости с восемью неглубокими пропилами по острой грани, использовавшийся для нанесения мелкозубчатых отпечатков.

Группа 3. Землекопные орудия.

1. *Копалки* на крупных фрагментах ребер и продольно расколотых трубчатых костях (рис. 91, 1, 2).

2. *Совки*. Имеют вытянутую подтрапециевидную форму с рабочим лезвием в основании (рис. 91, 3).

3. *Колышки*. Данный тип отнесен к землекопным орудиям в достаточной степени условно, так как следы от соприкосновения с землей очень слабые. Вероятно, колышки применялись для закрепления на земле растянутых шкур в процессе их обработки (рис. 91, 9).

Класс II. Орудия присваивающих отраслей хозяйства.

Группа 1. Орудия рыболовства.

1. Гарпуны (рис. 91, 5-7).

Группа 2. Орудия охоты.

1. *Острия*. Охотничьи острия представлены двумя экземплярами. Морфологически аналогичны проколкам, но отличаются характером следов. Одно острие длиной 18,5 см имеет 39 круглых просверленных углублений (рис. 91, 8).

Класс III. Бытовые и культовые предметы.

Группа 1. Посредники.

1. *Оправы для вкладышей*. В качестве заготовок использовались фрагменты ребер. Сама оправа несколько отогнута назад относительно оси рукояти. На конце рукояти вырезаны небольшие выступы-упоры (рис. 84, 6-8). По характерной мягкой залощенности боковых плоскостей предполагается, что оправы с каменными вкладышами являлись ножами для разделки мяса. Это подтверждается наличием на стоянке пластин-вкладышей, функ-

ционально определенных как мясные ножи (рис. 71, 2; 77, 12). Микроследы на них резко обрываются, что характерно для орудий, закрепленных в оправе.

Близкая по форме оправа имеется на неолитической стоянке Каиршак III (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989. С. 41, 43) (рис. 10, 5). Некоторые аналогии обнаруживаются с оправами Чохского поселения (Амирханов Х.А., 1987. С. 138-139). Почти идентичные оправы жатвенных ножей известны на поселении Чопан-Депе джейтунской культуры (Массон В.М., 1971. С. 174).

2. *Муфты*. Изготовлены из обрезков рога первобытного быка. Отличаются от разбивальников более крупными размерами и удаленным губчатым веществом в роговом канале (рис. 91, 10).

3. *Рукоятки*. Одна рукоятка изготовлена из обрезка оленьего рога длиной 20 см. В ее верхней части вырезан паз для орудия шириной 3,5 см (рис. 91, 4). Вторая рукоятка со сквозным отверстием диаметром 6 мм в нижней части и выступом-упором, возможно, является обломком оправы (рис. 84, 9).

Группа 2. Украшения и поделки.

1. *Подвески*. К этому типу изделий отнесены предметы с отверстиями или нарезками для подвешивания. Следов микроизноса они не имеют. Это три костяных стержня длиной от 7,5 до 12 см с отверстием (рис. 92, 7), двумя выступами (рис. 92, 8) и круговым пропилом, а также зубы животных – лошади, коровы, оленя с отверстиями и круговыми пропилами.

Возможно, подвесками являлись и передние зубы лошади, у которых на внутренней стороне коренной части кремневой пилкой нанесены от 1 до 13 насечек. Найдено свыше сотни таких зубов. В большинстве случаев они залегали в комплексе с аналогичными зубами без насечек и астрагалами мелкого рогатого скота. Общее количество находок иногда достигало нескольких сотен. Не исключено, что насечки имели ритуальный характер.

2. *Пронизки*. Для пронизок использовалась тонкая трубчатая кость, по которой делались круговые пропилы, а ненужные концы обламывались (рис. 99, 15, 16). Одна украшена 14 круговыми пропилами (рис. 92, 1).

3. *Пластины с геометрическим орнаментом*. Сложный геометрический орнамент нанесен резцами и резчиками в технике гравировки с обеих сторон (рис. 92, 2, 3). По морфологическим признакам они идентичны шпателям и лоцилам по керамике, но следов микроизносов на обломках нет. Одна из пластин очень сильно залощена руками и имеет на одном из концов два пропила по граням (рис. 96, 6). Вероятно, она использовалась в качестве подвески.

4. *Орнаментированные кости*. Орнамент нанесен на обломки трубчатых костей и фрагменты ребер без предварительной обработки поверхности. Орнамент в отличие от предыдущих изделий примитивен, выполнен грубо и неумело, хотя в некоторых чертах и повторяет орнаментальные элементы на пластинах (рис. 92, 4; 97, 11; 98, 4).

Кости и пластины с орнаментом встречены только в средних слоях.

5. *Пластины с линейным орнаментом*. Представлены обломками узких (0,9-1,9 см) и тонких пластин, изогнутых в продольном сечении. По всей длине пластин, в большинстве случаев на двух сторонах, кремневым резцом выгравировано 5-8 параллельных линий (рис. 87, 1). В некоторых случаях из этих линий складывается лабиринт (рис. 97, 1-4). Сильная фрагментированность данных изделий и отсутствие следов микроизноса затрудняет определение их назначения. Морфологически пластины с линейным орнаментом сопоставимы с верхнепалеолитическими диадемами (Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А.Е., 1950. С. 7-16).

6. *Пластины остроконечные*. В этот тип объединены обломки пластин с приостренными концами на расщепленных ребрах без следов микроизноса, одна пластина орнаментирована (рис. 92, 6). Аналогичные пластины, но со следами микроизноса определены как проколки (рис. 88, 9) и штампы.

Возможно, это обломки поделок, одна из которых сохранилась в целом виде (рис. 92, 5).

7. *Пластины из клыка кабана.* Представлены двумя экземплярами. Поверхность обработана каменными скобелем и абразивом. Плоские пластины повторяют естественную форму клыка (рис. 99, 22).

Группа 3. Культурные предметы.

1. *Антропоморфные предметы.* К этому типу изделий отнесено 7 путовых костей лошади с орнаментом и обработкой поверхности и 3 заготовки (рис. 93, 1, 2; 94, 1-3; 95, 1-5). Аналогичные находки изредка встречаются на степных нео-энеолитических памятниках, но единого мнения относительно их назначения у исследователей нет (Васильев И.Б. и др., 1980. С. 185; Белановская Т.Д., 1983. С. 158-164; Даниленко Т.А., 1985. С. 145). Серия орнаментированных путовых костей с Варфоломеевской стоянки позволяет по ряду признаков рассматривать их как стилизованные женские статуэтки. На четырех метаподиях глубокими пропилами выделены "ножки" (рис. 93, 1; 94, 2, 3; 95, 2). На одной статуэтке при соскабливании и выравнивании заготовки были оставлены бугорки-груды (рис. 93, 2). После первичной обработки на поверхность кремневыми пилками наносился орнамент: две-три горизонтальные линии в средней и нижней частях изделия, короткие насечки по естественным и сформованным граням, в одном случае – зигзаг.

2. *Зооморфные предметы.* Представлены тремя фигурками лошади на тонкопластинчатых костях. Все три фигурки выполнены в одной художественной манере: головы лошадей опущены, они имеют короткие ноги и отвислый живот (рис. 93, 3-5). Ближайшие аналогии обнаруживаются в раннеэнеолитических могильниках Поволжья. Фигурки лошадок из Варфоломеевки отличаются от них отсутствием гравировки мелких деталей и большей стилизацией (Васильев И.Б. и др., 1980. С. 185; Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979; Васильев И.Б., 1985. С. 17).

Группы и типы орудий, выделенные по функциональным признакам, в нижнем и среднем слоях совпадают почти полностью, а наиболее часто встречаемые – тупики, проколки, штампы есть и в верхнем слое. Функционально устойчивый набор костяных орудий, обслуживавший повседневную жизнь населения, остается неизменным на протяжении всего существования стоянки. Нет существенных различий между орудиями из разных слоев и в том случае, если их сравнивать по морфологическим признакам.

Несколько иная картина наблюдается при анализе послойного залегания предметов культа и украшений. Только 5 фрагментов пластин, подвеска и пронизка происходят из нижнего слоя, остальные предметы обнаружены выше. Предметы из горизонта 2 А обнаруживают сходство с раннеэнеолитическими материалами региона (фигурки лошадей, различные подвески).

На неолитических стоянках Нижнего Поволжья и сопредельных территорий неизвестны настолько полные коллекции костяных орудий и изделий. Но отдельные категории, как было показано выше, часто встречаются на неолитических памятниках. Особенно это касается коллекции костяных изделий стоянок Каиршак III (рис. 10; 11) в Северном Прикаспии и Раздорской 2 (Цыбрий В.В., Кияшко В.Я., 2003. С. 30-40). Это предполагает примерно одинаковый уровень развития производства по обработке кости, что позволяет использовать находки на Варфоломеевской стоянке в качестве эталонов.

2.3.5. Эволюция культурного комплекса стоянки.

Исследования однослойного участка

Рассмотренный выше материал из четырех литологических слоев Варфоломеевской стоянки, несомненно, обладает рядом общих черт, что позволяет относить его к одной неолитической культуре. Общие черты прослеживаются во всех категориях инвентаря на протяжении всего существования стоянки.

Керамика имеет примесь толченой раковины в тесте глины, обжиг неравномерный, орнамент наносился прочерком и наколом. На каждом этапе сохраняются четыре основные формы сосудов: прямостенные с широким открытым устьем, с прикрытым устьем, слабопрофилированные и чашевидные. Большая часть орнаментальных композиций, отмеченных в нижнем слое, продолжает встречаться на последующих этапах функционирования стоянки.

Техника обработки камня также не претерпевает принципиальных изменений на разных этапах. Орудия микролитичны, преобладает пластинчатая техника расщепления, основное сырье – галечный кремль темных и серых тонов и полосчатый желвачный кремль. Вторичная обработка орудий производилась по спинке и очень редко – с брюшка. Полностью отсутствуют орудия со сплошной двусторонней обработкой.

Для всего времени функционирования стоянки характерно широкое применение костяных орудий, функциональный набор которых остается неизменным.

Несмотря на фрагментарность данных о жилищах, можно отметить, что полы всегда посыпались красной охрой, все жилища – полуземляночного типа, у всех вдоль стен устраивались глубокие хозяйственные ямы; нет разницы и в устройстве очагов.

Одновременно прослеживаются и изменения, происходящие в развитии материального комплекса, что дает основание соотносить литологические горизонты с хронологическими этапами орловской неолитической культуры.

Все различия, зафиксированные в развитии керамического комплекса, были указаны при описании керамики по слоям, поэтому отметим наиболее существенные. В первую очередь, это изменения в технике нанесения орнамента. Постепенно уменьшается доля прочерченной керамики (33 % в нижнем слое, 29 % в слое 2 Б и 12 % в слое 2 А) и увеличивается количест-

во сосудов, орнаментированных наколом различной формы. В слое 2 А появляется жемчужный орнамент (рис. 63, 6, 7, 9; 64, 2), а в верхнем слое четыре сосуда украшены гребенчатым штампом (рис. 69, 2-4). На 12% керамики верхнего слоя отмечен элемент орнамента в виде волнистой линии (рис. 67, 2; 68, 5, 7), часто встречаемый уже в энеолите.

Во-вторых, происходят определенные изменения формы сосудов. Основу комплекса составляет керамика второй группы (с прикрытым устьем). В слое 2 Б в этой группе керамики у 7 % сосудов на внутренней стороне венчика появляется наплыв, очень часто орнаментированный (рис. 40, 2; 41, 2, 3; 42, 4, 5). В слое 2 А во второй группе таких сосудов уже 32 % (рис. 55; 56). Кроме того, фрагмент венчика одного сосуда имеет наплыв по внутренней стороне и воротничковое оформление – по внешней (рис. 57, 7). В верхнем слое количество сосудов с наплывом уменьшается, иногда от него остается только орнамент на внутренней стороне венчика (рис. 68, 1), но появляются сосуды с воротничками (рис. 69, 1-3). В верхнем же слое до 24 % увеличивается количество профилированной керамики, тогда как в нижних слоях такая керамика составляла 5-12 %.

Изменения в комплексе каменных орудий наиболее ярко видны на геометрических микролитах. В нижнем слое обнаружены сегменты и трапеции. В слое 2 Б – сегменты и трапеции со струганной спинкой. В слое 2 А – только трапеции со струганной спинкой, причем на части из них появляется дополнительная подработка по боковым сторонам. В верхнем слое также увеличиваются размеры трапеций со струганной спинкой. Заметно некоторое увеличение и остальных категорий орудий и пластин от нижнего слоя к верхнему. Начинается постепенная переориентация в выборе каменного сырья: в верхнем слое орудия из кварцита составляют 15 %, тогда как в остальных – не более 2-3 %. Таким образом, можно констатировать, что четыре литологических слоя Варфоломеевской стоянки отражают последовательное развитие одной культуры при сохранении основных куль-

туроопределяющих признаков на всем протяжении ее существования, а все отмеченные изменения носят хронологический характер.

Для уточнения выводов о хронологических периодах Варфоломеевской стоянки в 1996 году были продолжены охранные раскопки на однослойном участке, где залегает только слой 2 А.

Как уже было показано, слой 2 А относится к периоду максимальной хозяйственной активности на стоянке и по площади распространения значительно превышает напластования более раннего и позднейшего времени. С этим слоем связаны наиболее выразительные находки на стоянке, доминируют они и по количеству на единицу площади по сравнению с другими горизонтами.

Наблюдения за планиграфией и стратиграфией в процессе раскопок позволяют сделать вывод, что слой относится к одному периоду существования памятника и не расчленяется по вертикали. Об этом говорят характер распространения находок, количество которых равномерно возрастает сверху вниз, достигая максимального количества в нижних пластах и заполнениях ям; качественный состав артефактов, относящихся к периоду 2 А стоянки.

Керамика. В процессе раскопок в культурном слое обнаружено свыше 150 фрагментов керамики – венчиков, боковин, донных частей от приблизительно 27 сосудов. Вся керамика по форме распределяется на три основные группы.

1. Прямостенные банки с открытым устьем (рис. 100, 1, 16, 28, 30).
2. Банки с прикрытым устьем (рис. 100, 2, 4, 14, 29). Сюда же включены сосуды подгруппы 2 Н – сосуды с массивным внутренним наплывом по венчику, являющиеся наиболее ярким признаком позднеолитического слоя 2 А на стоянке (рис. 100, 3, 12, 21, 22, 27). Некоторые венчики слегка

отогнуты наружу, что придает сосудам слабую профилированность (рис. 100, 15).

3. Профилированные сосуды (рис. 100, 9, 20). Профилировка незначительна, за исключением одного сосуда с волнистым срезом венчика, украшенного оттисками крупного подовального накола (рис. 100, 11).

Встречаются волнистые венчики или украшенные по срезу крупными наколами (рис. 100, 15, 19, 20, 23). Найдено несколько фрагментов плоских и плосковыпуклых днищ (рис. 100, 5-7).

Количественное распределение сосудов по группам представлено в табл. 11.

подавляющее большинство керамики орнаментировано в технике отступающего накола, всего 2 сосуда украшено прочерком (рис. 100, 1, 14) и 2 сосуда – сочетанием накола и прочерка (рис. 100, 8, 17). Чаще всего встречаются композиции, состоящие из горизонтальных линий, зигзагов или сочетающие их (рис. 100, 8, 16, 23, 28). К этим двум композициям могут быть добавлены отдельные наколы или строчки разреженных наколов. Остальные орнаментальные композиции, включающие зигзаги, шевроны, елочку и прямоугольники, представлены на 1-м-2-х сосудах (рис. 100, 9, 18, 19, 29). На 9 сосудах орнамент включает крупные треугольные или подовальные наколы (рис. 100, 9, 11, 12, 16, 17, 23). Выполнение орнаментов в такой технике или включение этих наколов в качестве дополнения к основной композиции получают наибольшее распространение именно в слое 2 А. Тесто глины всей керамики содержит примесь толченой раковины, обычно весьма значительную. Обжиг костровой, неравномерный. Цвет поверхности сосудов от черного до светло-коричневого.

Орудия и изделия из камня. Коллекция каменных предметов представлена 409 экз. Для расщепления обычно использовался кремь, из светло-серого кварцита встречено всего 4 предмета. Кремь преимущественно галечный, серых оттенков. Изредка встречается молочно-белый и

полосчатый, а также раскристаллизованные породы типа яшмы. Последние имеют более разнообразную окраску в желтых и коричневых тонах. Камень расходовался очень экономно, на значительной части орудий сохранилась желвачная корка, многие орудия несут следы вторичного использования (рис. 101, 1-63). Распределение находок по категориям показано в таблице 12.

Геометрические микролиты включают трапеции со струганной спинкой и сегменты. *Трапеции со струганной спинкой* представлены высокими и средневысокими формами (рис. 101, 18, 21, 27-33). Пологая состругивающая ретушь покрывает от половины до двух третей площади спинки, а в двух случаях – почти полностью (рис. 101, 27, 31). Две трапеции имеют дополнительную подработку по одному из торцов. Верхние и нижние основания трапеций имеют следы сработанности в виде мелкой краевой ретуши со стороны спинки и реже – с брюшка.

Сегменты низкой формы (рис. 101, 17, 20, 43). Обработаны притупляющей ретушью со спинки и встречной ретушью со спинки и брюшка. На одном сохранились остатки желвачной корки (рис. 101, 17), а еще один выполнен на отщепе (рис. 101, 20).

Орудия и изделия из кости. Всего в культурном слое найдено 37 костяных предметов, еще 15 собрано на участке размытого культурного слоя. Категории костяных предметов представлены в таблице 13.

Шпатели для формовки керамики. Более широкий рабочий конец приострѐн и имеет явные следы сработанности. На другом конце высверлено отверстие. Обе поверхности орудия тщательно заполированы, а на слегка выпуклой лицевой нанесен орнамент в виде сложного лабиринта, разделенного по всей длине предмета зигзагом. Отдельные участки заполнены штриховкой (рис. 103, 3). Второй костяной предмет с орнаментом найден в обломках в заполнении самой крупной хозяйственной ямы в кв. 98. Геометрический орнамент нанесен острым резцом на лицевой плоскости (рис.

103, 4). Возможно, как шпатель использовалось изделие из размытого культурного слоя, хотя подобное утверждение основывается только на сходстве орнамента. Типологически это орудие значительно отличается от остальных шпателей – оно имеет вытянутую подовальную форму и хорошо выраженную рукоять. Почти вся внешняя поверхность, за исключением рабочего конца, покрыта сложным геометрическим орнаментом в виде лабиринта с отдельными заштрихованными участками (рис. 104, 2).

Струги для волососгонки и мездрения шкур. Сделаны из ребер животных, на которых слегка приострялась внутренняя кромка. На одном струге сохранился выгравированный резчиком орнамент в виде цепочки заштрихованных треугольников (рис. 104, 2).

Тупики. Выполняли те же функции, что и струги, но в отличие от них были двуручными орудиями и изготавливались из крупных лопаток. В 1996 году найдены только обломки тупиков (рис. 104, 3).

Проколки. Представлены различными типами (рис. 105, 1-4).

Также найдены обломки изделий с орнаментом (рис. 106, 1-4), лопатка. (рис. 104, 1), пронизки (рис. 105, 5-12), подвески (рис. 106, 5-7), орудия со сверлинами (рис. 102, 1), подвески из створок ископаемой раковины *Pectunculus* (рис. 106, 8-10).

Сделанная ранее характеристика материального комплекса слоя 2 А (Юдин А.И., 1995. С. 4 - 6) основывалась в значительной мере на материалах, происходивших с многослойного участка памятника. Для получения максимально объективной картины при анализе учитывались находки из квадратов, где была четко выражена стратиграфия, и не учитывались предметы, обнаруженные на границах залегания слоев. Раскопки 1996 года подтвердили правильность выбранной методики анализа материалов многослойной стоянки и внесли лишь незначительные коррективы в общую картину.

Технико-типологические характеристики керамики полностью соответствуют параметрам слоя 2 А, установленным предыдущими раскопками. Небольшое количество керамики в раскопе 1996 года не позволяет сделать статистически достоверные выводы, тем не менее, можно отметить, что количественное распределение сосудов по группам соответствует выявленному ранее: максимальное количество во второй группе (из них приблизительно каждый третий сосуд – с внутренним напылом по венчику), несколько меньшее – в первой и минимальное – в третьей (не считая четвертой группы). Керамика четвертой группы (небольшие чашевидные сосуды с округлым дном) в раскопе 1996 года не обнаружена. Но по предыдущим раскопкам известно всего пять таких сосудов: по два в слоях 2 А и 2 Б и один в нижнем слое.

Аналогичная картина наблюдается и при анализе техники нанесения орнамента и орнаментальных композиций. В предыдущих раскопках почти 3/4 сосудов были украшены техникой отступающего накола, среди керамики 1996 года эта техника также является доминирующей. Наиболее часто встречались орнаментальные композиции, включающие такие элементы, как линия, зигзаг, шеврон.

Сравнение комплекса каменных предметов с материалами предыдущих раскопок стоянки показывает наличие одной категории находок, не встреченной в слое 2 А ранее. Это низкие сегменты с ретушью по дуге. Остальные показатели совпадают практически полностью: преимущественное использование галечного кремня и пластинчатой техники расщепления кремня; идентичные средние параметры ширины ножевидных пластин; количественные показатели распределения орудий по категориям (наибольшее количество орудий – скребки различных типов на пластинах, затем – скребки на отщепах, ножевидные пластины и т.д.) и даже процент трапеций с подработанными торцами среди общего количества трапеций со струганной спинкой.

За исключением орнаментированных подвесок, все остальные категории костяных предметов встречались ранее в слое 2 А. Необходимо отметить, что именно для этого слоя характерны тщательно орнаментированные изделия.

В целом раскопки 1996 года на однослойном участке памятника подтвердили сделанные ранее выводы о характере и уровне развития материальной культуры населения стоянки, оставившего слой 2 А на финальном этапе неолита степного Заволжья.

2.3.6. Погребения на территории стоянки

При раскопках Варфоломеевской стоянки исследованы первые неолитические погребения в степном Поволжье. Наблюдения за стратиграфией в процессе раскопок показали, что все захоронения относятся ко времени существования стоянки. Все они залегали в культурном слое (или перекрыты им) на разной глубине. Никакой закономерности в расположении погребений проследить не удалось. Всего найдено шесть погребений, два из них парные.

Погребение 1. Обнаружено на глубине 1,4-1,5 м от поверхности, в культурном слое, заполнявшем котлован жилища (кв. 15) (рис. 29). Включает два одновременных захоронения. Более древний скелет ориентирован черепом на юг, к реке. Умерший положен на грудь, левая рука согнута в локте и прижата к туловищу, правая рука также согнута и положена перпендикулярно к телу. Поясной и тазобедренный отделы уничтожены при захоронении второго погребенного. Череп и плечевая часть второго скелета находятся в области таза и бедер нижнего (рис. 107, 4). Погребенный лежал на правом боку, головой ориентирован на восток-северо-восток и сильно скорчен – колени на 10-14 см не достигают нижней челюсти. Руки слегка согнуты и вытянуты перед лицом. Оба скелета залегают приблизительно на одном уровне. Сопровождающего инвентаря нет.

Погребение 2. Совершено в культурном слое на глубине 1 м (кв. 2). Разрушено водохранилищем. Установлено, что умерший лежал головой на юг, на правом боку, сильно скорченно (пятки касаются таза). Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута и положена на плече. С западной стороны погребения, на краю берегового обрыва, зачищены еще две кости человека, вероятно, остатки еще одного захоронения, уничтоженного водохранилищем (рис. 107, 1).

Погребение 3. Обнаружено на глубине 1,9 м от поверхности (кв. 8 и 9). При сооружении могилы был зацеплен край земляночного котлована, в результате чего в материке читался округлый северо-восточный угол могильной ямы. Скелет лежал вытянуто, на спине, черепом на юго-запад, правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута и положена на поясницу. От материка погребение отделяют 7-14 см культурного слоя. На лобной части черепа и между бедренными костями (ближе к тазу) найдено постворке речных раковин *Unio*. На височной части черепа и на груди обнаружено несколько мелких бусин из створок таких же раковин. Аналогичные бусы часто встречаются в культурном слое (рис. 107, 3). Слева от скелета, между северной стенкой могильной ямы и берцовыми костями левой ноги расчищен слой охры до 5 см толщиной, подтрапециевидной формы в плане. Связь охры с погребением несомненна, поскольку в культурном слое охра в таком количестве нигде не встречена. Под стопой левой ноги обнаружены два меловых камня, окатанных, а возможно, и обработанных. Вероятно, с погребением можно связать развал придонной части сосуда, залегавший в 20 см южнее локтя правой руки погребенного. Сосуд плоскодонный, имеет примесь толченой раковины в глине и в отличие от другой керамики стоянки очень слабый обжиг. Именно это обстоятельство, а также наличие на дне сосуда мелкодробленых костей животных и рыбьих позвонков, позволяет предполагать связь сосуда с погребением. Погребение

ние было совершено в пределах котлована жилища, относящегося к горизонту 2 А, которое к моменту захоронения уже не функционировало.

Погребение 4. Обнаружено в полуметре к западу от погребения 1 и залегало на 10-30 см глубже его. Погребение парное, но в отличие от погребения 1, одновременное. Западный скелет лежит на спине, вытянуто. Ноги – по линии север-юг, туловище отклонено на северо-запад. Руки протянуты вдоль туловища, кисть левой положена под таз. Плечевая кость правой руки имеет следы прижизненной травмы, в результате которой в средней части образовался нарост и значительно уменьшилась ее естественная длина. Восточный скелет также лежит на спине. Таз и ноги немного развернуты вправо, в сторону западного скелета. Руки согнуты в локтях, а кисти рук положены на плечи. Ориентирован погребенный на северо-северо-восток, ноги слегка согнуты и коленями перекрывает ноги западного скелета (рис. 107, б). Погребение совершено в культурном слое 1, на 15-20 см выше материкового дна жилища. Над погребением культурный слой не превышал 15-30 см, а затем перекрывался мощной суглинистой прослойкой (до 0,5 м). Подобные вклинивания суглинистых прослоек отмечены в нескольких местах стоянки. В юго-восточной части раскопа, где обнаружено четыре погребения из шести, нижний и средний слой визуально можно расчленить только с помощью таких прослоек. В случае с погребением 4 суглинистая прослойка, перекрывающая значительную площадь, нигде не прорезана и покрыта метровым культурным слоем.

Погребение 5 (детское). Обнаружено в западной части раскопа. На этом участке памятника верхний, 2 Б и нижний слои выклиниваются, а толщина оставшегося культурного слоя 2 А в некоторых местах не превышает 0,3-0,5 м. При сооружении могильной ямы восточная ее часть попала на материковый край котлована жилища, в результате чего прослеживается часть могильной ямы с округлыми углами. Большая часть могильной ямы находилась в культурном слое и не читалась. Сохранность костей плохая,

они перемешаны грызунами и поза погребенного не устанавливается. Судя по остаткам черепа, ребенок лежал на левом боку, головой на северо-восток (рис. 107, 2).

Погребение 6 (детское). Погребение еще в древности было повреждено крупной столбовой ямой, но большая часть могильной ямы осталась целой. Это единственное погребение, которое прорезает материковый пол жилища. Оно перекрыто культурным слоем, а затем суглинистой прослойкой. Могильная яма ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Ребенок лежал на спине, головой на юго-восток, руки вытянуты вдоль туловища. На дне могилы под костями сохранился тонкий слой охры (рис. 107, 5).

Стратиграфические данные и наблюдения за характером культурных отложений подтверждают, что погребения синхронны стоянке. Анализ инвентаря, найденного в погребении 3, приводит к тому же выводу. Бусы из створки раковины *Unio*, лежавшие на черепе и груди скелета, являются массовой категорией находок в культурном слое стоянки. Так же часто в слое встречаются и целые створки этих раковин. Из мелового камня, идентичного тому, который находился в ногах скелета, изготовлена одна из булав. Охра, толстым слоем заполнявшая пространство между левой ногой и стенкой могилы, постоянно встречается при исследовании стоянки.

Обращает на себя внимание отсутствие единой позы и ориентировки погребенных. Умершие лежали на спине, на груди, на правом боку скорченно. Отмечены следующие ориентировки: южная (в двух случаях), юго-западная, юго-восточная (в трех случаях) и северо-западная. Подобная картина наблюдается и на других неолитических памятниках сопредельных регионов, но там "нестандартные" погребения составляют незначительный процент от захоронений с единым обрядом (Белановская Т.Д., 1972. С. 267-268; Синюк А.Т., 1986. С. 122-123; Хреков А.А., 2001. С. 3-21). Устойчивый комплекс находок на Варфоломеевской и Орловской сто-

янках однозначно указывает на то, что орловская культура имела вполне сложившийся облик, чему должен соответствовать устойчивый обряд погребения. Но выявить доминирующий обряд среди варфоломеевских захоронений пока невозможно ввиду их малочисленности. Такие сильные различия можно объяснить разновременностью погребений, поскольку стоянка существовала длительное время. На памятнике выделяются четыре культурных горизонта, отложившихся последовательно, поэтому имеет смысл попытаться связать с ними найденные погребения.

Древнейшим следует считать погребение 4, залегающее в нижнем культурном слое и перекрытое суглинистой прослойкой, разделявшей слои 3 и 2 Б. Следовательно, данное погребение могло быть совершено только в первый период существования стоянки. Детское погребение 6, перекрытое слоем 2 Б и прослойкой, разделявшей горизонты 2 Б и 2 А, не может быть позднее слоя 2 Б. Нижний скелет погребения 1 частично прорезал прослойку, разделяющую слои 2 А и 2 Б. Вероятнее всего отнести время его погребения к слою 2 А. Верхний скелет погребения, скорее всего, относится к финалу существования стоянки. С верхним слоем следует синхронизировать также скорченное погребение 2 и детское погребение 5. Погребение 3 совершено в заполнении землянки слоя 2 А, следовательно, оно может относиться или к финалу горизонта 2 А, или уже к верхнему слою. Комплекс немногочисленного погребального инвентаря этого погребения не включает датирующих вещей. Следует отметить, что на финальной стадии существования стоянки практиковались два обряда захоронения: вытянуто на спине и скорченно на боку.

Безынвентарность или почти полное отсутствие инвентаря – еще одна характерная особенность погребений стоянки. Аналогичная картина наблюдается не только среди неолитических могильников сопредельных территорий (Белановская Т.Д., 1972. С. 262-265; Синюк А.Т., 1986. С. 122-123), но и на памятниках отдаленных регионов. В этом плане интересны

выводы В.А. Алекшина о том, что бедные, безынвентарные погребения Среднеазиатского, Иранского и Малоазийского регионов, бессистемно расположенные на территории поселений, характерны для периода архаической экономики производящего типа (Алекшин В.А., 1986. С. 52-54, 151-152). Население Варфоломеевской стоянки находилось на первом этапе становления производящей экономики, о чем будет сказано ниже. Поэтому безынвентарность погребений и их неупорядоченное расположение на площади стоянки в какой-то мере можно отнести на счет общих стадиальных закономерностей социального развития периода становления производящего хозяйства.

На территории Нижнего Поволжья известны еще два погребения на территории неолитических поселений Староанненское и Козлиновское, но их стратиграфическое положение и связь с культурным слоем не совсем ясны (Наумов И.Н., 1995. С. 58-60).

2.3.8. Другие стоянки орловской неолитической культуры

Уникальность Варфоломеевской стоянки особенно ярко проявляется на фоне остальных неолитических памятников степного Поволжья, которые трудно сравнивать с ней по степени сохранности культурного слоя и составу находок. Тем не менее, материалы других стоянок дополняют в некоторых аспектах данные, полученные на Варфоломеевке. В культурном плане и территориально эти памятники, несомненно, составляют единую группу.

В степном Заволжье это Кушумская стоянка в верховьях р. Б.Узень, поселения Кумыска и Максимовка, стоянка Савинка, местонахождение Борсы (все – на р.Торгун), поселение Бубенцы на р. Мерекень, стоянка Вавилово 2 на р.Деркул и стоянка Рахинка на р. Ахтуба.

Поселение Кумыска. Многослойное поселение Кумыска, содержащее находки неолита, энеолита, средней и поздней бронзы, исследовалось автором в 1985-86 годах (Юдин А.И., 1999. С. 122-137). Поселение расположе-

но на южной окраине с. Кумыска Палласовского района Волгоградской области, на левом берегу р. Торгун (рис. 2, 17). В настоящее время, в физико-географическом отношении р. Торгун является как бы естественной границей между двумя природно-климатическими зонами – степной и полупустынной. Южнее, вплоть до Каспия, по левому берегу Волги нет ни одного крупного притока.

Раскопками исследовано около 470 кв. м культурного слоя; нижний слой относится к неолитическому времени. Неолитические находки отличаются от позднейших планиграфически и в меньшей степени стратиграфически. Неолитические материалы залежали вдоль берега реки и перекрывались энеолитическим слоем. В северных квадратах неолитические находки отделялись от энеолитических тонкой (5-10 см) волнистой супесчаной прослойкой. Собственно неолитический пласт редко где имел толщину более 20 см.

Неолитическая керамика немногочисленна и сильно фрагментирована, многие черепки окатаны. В то же время следов окатанности на энеолитической керамике нет. В глине обильная примесь толченой раковины или растительная примесь, придавшая керамике пористость и рыхлость. Венчики двух фрагментов имеют небольшой наплыв-утолщение с внутренней стороны. Срез одного из них гофрирован, а по внутренней стороне прочерчены две параллельные линии. На внутренней стороне другого венчика также заметны следы орнамента. Венчики нескольких сосудов слегка выдавлены наружу и по форме приближаются к энеолитическим воротничковым, залежавшим выше. Орнаментирована керамика рядами разреженного треугольного накола, наколами полуовальной формы, отступающим наколом и прочерком (рис. 108, 1-6).

Анализ каменных орудий усложняется их перемешанностью с энеолитическими. По аналогии с Варфоломеевским комплексом каменных изделий можно вычленить ряд категорий орудий неолитического времени. Для

каменных орудий характерна микролитичность. В качестве сырья использовался однотонный кремль различных цветов. Около 10 % орудий изготовлено из светло-серого кварцита, встречено несколько предметов из полосчатой и сургучной яшмы. Преобладает пластинчатая техника расщепления камня. Нуклеусы для снятия пластин отличаются небольшими (3-5 см) размерами. Всего их 14 экземпляров следующих типов: конические, призматические, плоские со скалыванием пластин с одной стороны, уплощенные со скалыванием по части периметра. На плоских и уплощенных имеются остатки желвачной корки. Все нуклеусы одноплощадочные, два экземпляра со скошенной площадкой, остальные – прямоугольные. Из общей серии выделяются два кварцитовых нуклеуса: конический со скалыванием по двум граням и карандашевидный из светло-желтого кварцита (рис. 108, 7-10).

Количественно в комплексе доминируют пластины, пластины с ретушью и пластины-вкладыши. Пластины-вкладыши подретушированы по одному краю или двум краям с брюшка, одна имеет приостренный конец. Встречены две типологически ранние пластины с притупленным краем (рис. 108, 12-17, 23). Найдены 4 трапеции. Три из них средневысокие: одна ретуширована по всему периметру, другая – с торцов и частично по вершине, последняя – только с торцов (рис. 108, 20-22). Четвертая трапеция высокая, со струганной спинкой (рис. 108, 11). К неолитическому времени следует отнести и часть скребков на пластинах и отщепках, острия, орудия со скоблевидными выемками, которые не отличаются от энеолитических (рис. 108, 17-19).

Неолитические находки на поселении Кумыска по всем параметрам совпадают с материалами Варфоломеевки. Это форма венчиков сосудов, прочерченно-накольчатый характер их орнаментации, набор категорий каменных орудий и соотношение кремневых и кварцитовых среди них. Вполне допустимо синхронизировать неолитические находки Кумыски с верх-

ним слоем Варфоломеевки, но, ряд предметов имеет и более ранний возраст (пластины с притупленным краем, трапеции).

Стоянка **Савинка** находится в 1,2 км к северо-востоку от с. Савинка Палласовского района Волгоградской области, на правом берегу р.Торгун (рис. 2, 18). Часть памятника уничтожена глубокой (до 2 м) выемкой, из которой брали грунт для отсыпки близлежащего вала. По краю западной выемки проведена зачистка обнаженного культурного слоя и там же заложен шурф площадью 4 кв. м. Культурный слой насыщен слабо и достигает метровой толщины. Найдены фрагменты керамики, пластины, нуклеус и кости животных. Большая часть находок собрана на поверхности разрушенного участка. Фрагменты керамики имеют светло-коричневый цвет и обильную примесь толченой раковины в тесте глины. Два фрагмента венчиков имеют прямой срез и орнаментированы горизонтальными прочерками, на внутренней стороне венчиков прочерчен зигзаг (рис. 109, 1).

Найден 81 каменный предмет, из них 9 – из светло-серого кварцита, остальные из кремня. Техника расщепления камня пластинчатая, на отщепках выполнено всего 4 скребка. Два нуклеуса относятся к разным типам: одноплощадочный призматический для скалывания коротких пластинчатых отщепов и конический с круговым скалыванием пластин (рис. 109, 2, 3). Из 29 сечений и пластин только 4 имеют ширину 11-15 мм, остальные – 5-9 мм. Орудия на пластинах представлены тремя пластинами-вкладышами с ретушью по брюшку, тремя резцами на углу пластины, скошенным острием, двумя концевыми скребками на пластинах и тремя скребками на укороченных пластинах. Скребки на отщепках имеют округлую форму – два концевых и два с ретушью на 3/4 периметра (рис. 109, 4-19). Кремневые орудия и микролиты типологически совпадают с находками из слоев 2 Б и 2 А Варфоломеевки.

Между стоянкой Савинка и поселением Кумыска, на левом берегу р.Торгун известно еще два неолитических памятника - **Максимовка** и

Борсы, комплексы каменных орудий которых по основным параметрам также совпадают со слоями 2 А и Б Варфоломеевской стоянки.

Поселение Максимовка расположено напротив села того же названия (рис. 2, 19). Зачистка обнаженного культурного слоя по берегу реки показала, что культурные напластования составляют 1 м. Сразу под гумусом залегает слой серого суглинка (слой 1) толщиной до 0,3 м, затем такая же прослойка светлого стерильного суглинка, а под ним – слабогумусированный суглинок толщиной 0,2 м (слой 2). Однако при зачистке обнаружены только обломки костей животных. Судя же по подъемному материалу, слой 1 сформировался в позднебронзовое время, слой 2 – в неолитическое. Коллекция каменных изделий небольшая, но по набору категорий и технике вторичной обработки может быть идентифицирована как поздненеолитическая. Найдены: поперечный скол с пластинчатого нуклеуса, 7 сечений пластин, вкладыш с брюшковой ретушью, трапеция со струганной спинкой, концевой скребок на укороченной пластине и 3 отщепа из кремня, сечение пластины, концевой скребок на пластине, скребок на отщепе с ретушью на три четверти периметра и отщеп из кварцита (рис. 109, 20-30).

Местонахождение Борсы расположено в 2,3 км южнее предыдущего памятника (рис. 2, 20). Коллекция находок во многом близка материалам Савинки. Найдены следующие предметы из кремня: 17 ножевидных пластин и сечений, 5 пластин с ретушью, 6 скребков на укороченных пластинах, 2 концевых скребка на пластинах (один со скошенным лезвием), 4 концевых скребка на пластинах с подработанными боковыми сторонами, 3 концевых скребка на отщепах и 1 на круглом отщепе с ретушью на 3/4 периметра, 2 нуклевидных обломка, продольный скол нуклеуса с краевой ретушью, косое острие на микропластине, 2 обломка трапеций – низкой и средневысокой, пластина с притупленным краем и 13 отщепов и чешуек. Преобладающая ширина ножевидных пластин – 7-11 мм. Кварцитовые находки представлены двумя сечениями ножевидных пластин, двумя скреб-

ками на укороченных пластинах (один со скошенным лезвием), отщепом со скоблевидной выемкой. Мелкие обломки керамики имеют примесь толченой раковины в тесте глины. Данный комплекс может быть синхронизирован со слоем 2 Б Варфоломеевки.

Выразительная коллекция каменных орудий неолитического времени, полностью соответствующая материалам Варфоломеевской стоянки, получена на **Кушумской стоянке**, которая находится в 3 км к северо-западу от с. Милорадовки Краснопартизанского района Саратовской области.

Памятник расположен у истоков р. Большой Узень (рис. 2, 21) и вытянут вдоль берега как минимум на 50 м. Культурный слой интенсивно размывается, по руслу реки собрано 1700 пластин и орудий из камня.

В 1981 году В.А.Лопатин заложил на стоянке два шурфа по 16 кв. м (Лопатин В.А, Миронов В.Г., 1983. С. 154-155). Культурный слой залегал сразу под 15-20-сантиметровым слоем гумуса и достигал толщины 1,35 м у берега реки. Наиболее насыщена находками нижняя часть культурного слоя. Верхняя его половина сложена из культурных напластований, перемещенных со склона террасы. Материалы разных эпох залегают совместно, что характерно для подавляющего большинства памятников региона. В шурфах найдено незначительное количество невыразительной керамики с примесью толченой раковины, фрагменты срубных сосудов и разновременные каменные изделия, аналогичные подъемному материалу.

Материалы памятника опубликованы (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991. С. 192-204), поэтому остановимся на самых характерных категориях орудий неолитического времени. Керамика очень фрагментарна, обломки сосудов с накольчатой орнаментацией включают обильную примесь толченой раковины. Венчик одного прямостенного сосуда, кроме наклонных рядов узкой треугольной лопаточки, украшен такими же наколами по срезу насечками (рис. 110, 1-4).

К неолитическому времени мы можем отнести ряд категорий орудий, типологические признаки которых соответствуют параметрам других неолитических памятников региона. В первую очередь это геометрические микролиты и пластины-вкладыши. Они представлены 46 предметами (рис. 110, 5-46). Это 7 трапеций: 3 средневысокие с двумя обработанными гранями, 2 со струганной спинкой и по одной сегментовидной и низкой. Найдено 5 сегментов, 3 из них обработаны крутой краевой ретушью по дуге только со стороны спинки, один – с брющка и один – с обеих сторон. Обнаружен микролит, не находящий аналогий. Это половина сегмента, обработанная ретушью со всех сторон. Пластины-вкладыши (28 экз.) выполнены на ножевидных пластинах шириной 6-12 мм, имеют длину от 12 до 30 мм. Три пластины дополнительно подработаны с торцевой стороны. Полные аналогии на Варфоломеевской стоянке находят нуклеусы: конические, призматические, торцовые, плоские и уплощенные. В целом среди материалов Кушумской стоянки по типологическим признакам вычленяется полный комплекс орудий, характерный для Варфоломеевки: сегменты, трапеции, все виды скребков, ножи на пластинах с односторонней обработкой, острия и т.д. (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991. Рис. 1, 5; 2, 28-31; 4, 1-23; 5, 1-32).

Стоянка **Бубенцы**. Еще один пункт с находками неолитического времени известен на левом берегу бессточной реки Мерекень, протекающей по Волго-Уральскому водоразделу. Стоянка находится в 2 км к западу от с. Бубенцы в Дергачевском районе Саратовской области (рис. 2, 22). Культурный слой вытянут узкой полосой вдоль берега и подвергается интенсивному размыву. Мощность слоя 0,8 м. Небольшой шурф показал, что слой переотложен и содержит материалы нескольких эпох. К неолитическому времени относятся несколько пластин и отщепов из кремня и кварцита и фрагмент неолитической керамики. В тесте глины – обильная при-

мель толченой раковины. Фрагмент орнаментирован треугольным наколом, образующим горизонтальную елочку (рис. 109, 31).

Крайним восточным пунктом с накольчатой керамикой является стоянка **Вавилово 2**, открытая Н.М. Маловым в 1986 году на правом берегу р.Деркул (Малов Н.М., 1988. С. 4), в 1 км к югу от с. Вавилово Каменского района Уральской области республики Казахстан (рис. 2, 23). Материалы, полученные на стоянке, разновременны; неолитические находки выделяются типологически. Это конический, призматический и плоский нуклеусы, ножевидные пластины и вкладыши, сегменты, концевые скребки на пластинах, в том числе со скошенными лезвиями. Керамика представлена венчиком от двух сосудов. Один из них имеет небольшой наплыв по внутренней стороне и украшен овальными оттисками. Другой имеет прямой срез и орнаментирован горизонтальными рядами прочерченного зигзага (рис. 109, 32-34). Материалы стоянки можно синхронизировать со слоем 2 Б Варфоломеевки.

Самой южной точкой в Заволжье, где обнаружена керамика, аналогичная Варфоломеевской из слоя 2 А, является стоянка **Рахинка** в Среднеахтубинском районе Волгоградской области (рис. 2, 24) (Еремин В.И., 1977. С. 86-87. Рис. 1, 10).

Представленные выше памятники далеко не равнозначны по степени исследованности и объему информации, полученной на них. Но с их помощью очерчивается район распространения памятников, аналогичных в культурном плане Варфоломеевке.

Ряд памятников, идентичных в культурном плане Варфоломеевской стоянке или в достаточной степени близких, находится в степной зоне Волго-Донья.

Лагутинская стоянка обнаружена В.И. Ереминым в нижнем течении р. Чир, в 0,5 км к северу от х. Лагутина Чернышковского района Волгоградской области (Наумов И.Н., 1990. С. 30-34) (рис. 2, 25).

Культурные отложения достигали 0,7 м. Керамика стоянки сильно фрагментирована, целые формы не восстанавливаются. Венчики прямые или слегка отогнутые, днища уплощенные. Раковинная примесь отмечена всего у двух фрагментов, в остальных обильная растительная примесь с небольшим количеством мелкозернистого песка. Орнамент выполнен подтреугольными наколами, полулунными вдавлениями и гладким штампом, образующим наклонные и горизонтальные линии (рис. 111, 1-6).

Каменный инвентарь (177 экз.) представлен орудиями из светло- и темно-серого кремня, из кварцита встречены лишь одиночные отщепы (рис. 112, 1-40). Техника расщепления камня - пластинчатая, преобладают орудия небольших размеров. Единственный нуклеус имеет подпризматическую форму и косую площадку (рис. 112, 35). Коллекция включает ножевидные пластины, концевые скребки, острие, трапеции (в том числе со струганной спинкой), сегмент с частично двусторонней ретушью по дуге (рис. 112, 29), скребки на отщепах, отщепы (треть из них с желвачной коркой). Техничко-типологические признаки керамики (накольчатый орнамент, толстостенность сосудов, примесь раковины, уплощенность днищ), набор категорий каменных орудий позволяют рассматривать Лагутинскую стоянку в кругу памятников, близких к Варфоломеевке. Весь облик каменного инвентаря и, собственно, сочетание трапеций, трапеций со струганной спинкой и сегмента указывают на синхронность Лагутинской стоянки слою 2 Б Варфоломеевки.

Пятиморские стоянки в районе Цимлянского водохранилища (острова I-V) также включают керамику орловского типа (рис. 2, 26). Культурный слой стоянок размыт водами Цимлянского водохранилища и содержал разновременные находки, что практически исключило комплексного рассмотрения керамики и каменных орудий. Керамика, украшенная типично орловским орнаментом (рис. 111, 10-12), имела обильную примесь мелкоизмельченной ракушки. Сосуды прямостенные или слегка

профилированные. Орнаментированы они прочерком, наколом и отступающим наколом. Орнаментальные композиции совпадают с наиболее распространенными на Варфоломеевке - горизонтальные линии и зигзаг, прочерк в сочетании с редким и крупным наколом, сотовый орнамент. У одного сосуда срез венчика волнистый, у другого - с насечками.

В.И. Мамонтов сравнивал керамику Пятиморской стоянки с неолитическими памятниками Челябинской области (Мамонтов В.И., 1969. С. 103-105), так же, как и керамический комплекс Орловской стоянки. Более близкие аналогии в то время были еще неизвестны. Сопоставлять тогда между собой Пятиморскую стоянку и Орловку было затруднительно ввиду их разновременности (что отразилось на облике керамики) и относительно небольшой выборки. После открытия Варфоломеевской стоянки появилась возможность сопоставления с ее коллекцией, в результате чего можно признать эти две стоянки однокультурными.

Небольшое количество керамики на Пятиморской стоянке и отсутствие сопровождающего комплекса каменных орудий усложняют определение ее точного хронологического положения, но, несомненно, предшествование пятиморской керамики орловской. Наиболее вероятное время ее существования - слой 2 Б Варфоломеевки.

Стоянка Задано-Авиловская. Стоянка расположена на берегу Дона, в 2-х км ниже по течению от хут.Задано-Авиловский Иловлинского района Волгоградской области (Мамонтов В.И., 1974) (рис. 2, 27).

Керамика стоянки, найденная на песчаном выдуве, представлена 10 фрагментами с обильной примесью толченой раковины в тесте глины. Внешняя поверхность керамики подлощена, внутренняя покрыта полосами расчесов. В орнаментации керамики отмечены серповидные оттиски (рис. 111, 9), есть фрагмент венчика без орнамента (рис. 111, 8). Наибольший интерес представляет фрагмент керамики с небольшим внутренним орнаментированным наплывом. Внешняя поверхность фрагмента украшена

треугольными наколами, образующими типичный орловский шеврон (рис. 111, 7). Каменный инвентарь представлен вторичными отщепами, одноплощадочными нуклеусами, ножевидными пластинами и их сечениями (шириной от 0,8 до 1,5 см) из кремня серых оттенков. Стоянка синхронизируется со слоем 2 А Варфоломеевки.

Стоянка **Качалино 1**. Стоянка находится в 1,5 км к западу от железнодорожной станции Качалино Иловлинского района Волгоградской области на краю высокой древней надпойменной террасы левого берега р.Дон (рис. 2, 28). Культурные напластования не превышали 0,4 м и были вскрыты на площади около 30 кв.м.

Неолитическая керамика стоянки имеет светло-коричневый цвет, в изломе – черная, внешняя поверхность подлощена. Орнаментирована керамика наколом, прочерком, скобковидными насечками и коротким зубчатым штампом (рис. 113, 1-4).

Для каменных орудий в качестве сырья использовался кремь и в меньшей степени серый кварцит. Найдено 2 кремневых и 2 кварцитовых уплощенных нуклеуса для снятия пластин (рис. 113, 5, 6), 9 кремневых и 1 кварцитовая ножевидных пластин и сечений, 28 кремневых и 10 кварцитовых отщепов, в т.ч по одному отщепу с ретушью, 3 скребка на укороченных пластинах, 8 скребков на отщепах и два небольших тесла с двусторонней обработкой (рис. 113, 7-18). Несмотря на небольшую коллекцию, орловский характер материалов не вызывает сомнений. Наличие профилированной керамики, использование короткого зубчатого штампа при орнаментации керамики, относительно большая примесь кварцита позволяют синхронизировать стоянку Качалино со слоем 2А, а возможно и верхним слоем Варфоломеевской стоянки.

Таким образом, даже эти немногочисленные коллекции степной зоны Волгоградского Подонья показывают, что в неолитическое время суще-

ствовала культурная близость между населением этого региона и степного Поволжья.

2.4. Неолитические памятники северо-западной периферии нижне-волжской культурной общности

Как уже было сказано выше, значительную площадь Нижнего Поволжья занимает донская речная система в западных районах Волгоградской и Саратовской областей. Эти степные и лесостепные северо-западные районы Нижнего Поволжья представляют совершенно иной культурный мир неолита. Неолитические памятники этих районов подвержены сильному культурному воздействию северных соседей, но в силу географических причин в материальных комплексах стоянок северо-западных районов Нижнего Поволжья проявляются степные, в том числе и орловские культурные черты.

Поселение **Староаннинское** исследовалось В.И.Ереминым в 1976 году (Еремин В.И., 1989). Поселение расположено на краю надпойменной террасы старицы р.Бузулук, левого притока р.Хопер, в 0,5 км к западу от ст.Староаннинской Новоаннинского района Волгоградской области (рис. 2, 32). Поселение исследовано полностью. Общая исследованная площадь составила около 300 кв. м. Толщина культурных напластований достигала 0,9 м, но основная часть находок залегала на уровне 0,5-0,8 м от уровня дневной поверхности. В восточной половине раскопа, где зафиксирована впадина подпрямоугольной формы с нечеткими границами, глубина отложений достигала 1,78 м от современной поверхности.

Керамический комплекс представлен четырьмя основными группами сосудов. Первую группу составляют сосуды открытой формы с приостренным или уплощенным дном. Сосуды орнаментированы рядами подтреугольных, прямоугольных и скобковидных наколов. Орнаментальные композиции лаконичны – горизонтальные ряды и зигзаг. В тесте глины отме-

чена примесь мелкого песка, травы и в отдельных обломках - толченой раковины (рис. 114, 1-7).

Вторая группа керамики представлена сосудами с уплощенным дном и плавно отогнутым наружу венчиком. Сосуды украшены несложным резным геометрическим орнаментом – горизонтальная елочка, зигзаги, косая сетка (рис. 115, 1-9). Два сосуда имеют выраженное ребро в верхней трети (рис. 115, 3, 9). Как и в первой группе, в тесте глины преобладает примесь песка (70,3%) и травы (24,6%). Примесь раковины отмечена только в 5,1% сосудов.

Третью группу составляют сосуды с открытым устьем, украшенные горизонтальными рядами цилиндрических, конических, округлых ямок, покрывающих всю наружную поверхность (рис. 116, 6, 8). В тесте глины сосудов есть примесь мелкого песка.

Немногочисленная керамика четвертой группы отличается тем, что украшена оттисками короткого зубчатого штампа на створке речной раковины (рис. 116, 1-3).

Кроме того, найдены фрагменты банки с уплощенным дном и открытым устьем, украшенной горизонтальным елочным орнаментом, выполненным оттисками гребенки, с горизонтальными рядами наколов-зоноразделителей (рис. 116, 7).

Каменный инвентарь Староаннинского поселения насчитывает 120 орудий и заготовок, 64 нуклеуса и несколько сотен обломков, отщепов и сечений ножевидных пластин. Сырьем для каменных изделий служил галечный кремнь коричневых, серых и черных тонов и серый кварцит местного происхождения. Среди нуклеусов преобладают следующие: пирамидальные с круговым снятием (рис. 117, 1, 2, 4-7); аморфные многоплощадочные для снятия отщепов (рис. 117, 10-12); призматические со скалыванием по части периметра (рис. 117, 8, 9). Встречен один торцевидный нуклеус (рис. 117, 3).

Среди орудий наиболее многочисленную группу составляют скребки различных типов на отщепах, пластинах и укороченных пластинах (рис. 117, 18-25). Довольно многочисленную группу составляют перфораторы на пластинах и отщепах (рис. 116, 24-33). Геометрические микролиты представлены трапециями – низкими, средневысокими и высокими со струганной спинкой, а также сегментами с одно- и двусторонней ретушью по дуге (рис. 116, 11-23).

Наконечники немногочисленны. Встречен крупный наконечник дротика иволистой формы из серого кварцита (рис. 117, 13). Два наконечника имеют округлое основание, а один ромбовидный – прямое, усеченное основание. Еще одно листовидное орудие было полностью обработано со стороны спинки и частично – с брюшка (рис. 117, 14-17).

Рубящие орудия представлены небольшими топориками-теслами из сланца (3 экз.) и кремня (7 экз.). Найдены обломки зернотерок, терочников и пестов из серого кварцита и коричневого кварцитоподобного песчаника.

Поселение **Козлиновское** занимает берег старицы р.Бузулук в 0,5 км к северо-востоку от хут.Козлиновский Новоаннинского района Волгоградской области (рис. 2, 33). Культурные напластования достигают толщины 0,95 м. Верхняя половина культурного слоя относится к эпохе бронзы, нижняя (0,45-0,95 м от дневной поверхности) к неолиту-энеолиту.

Керамический комплекс нижнего слоя представлен фрагментами от приблизительно ста сосудов. Вся керамика делится на четыре основные группы.

К первой группе относится около половины всех сосудов, украшенных в накольчатой технике орнаментации (рис. 118, 1-17). Преобладает треугольная форма накола, но иногда встречается подпрямоугольный (рис. 118, 17). Орнаментальные композиции просты – зигзаг, параллельные ряды горизонтальных и наклонных линий, шеврон. Очень часто ряды отступающего накола сочетаются с оттисками отдельно поставленных более

крупных подтреугольных наколов. Фрагменты принадлежат прямостенным сосудам с открытым или слегка прикрытым устьем или слабопрофилированным. В тесте глины керамика имеет примесь растительности или толченой раковины. Керамика первой группы по орнаменту и формам сосудов находит близкие параллели с орловской, но отличается большей плотностью глиняного теста и тонкостенностью. Особого упоминания заслуживает небольшой фрагмент венчика, орнаментированный наколом, волнистым прочерком и имеющий небольшой наплыв-воротничок с внешней стороны (рис. 118, 18).

Вторая группа представлена фрагментами от приблизительно 15 сосудов (рис. 118, 19-23). Фрагменты принадлежат слабопрофилированным сосудам, в одном случае сосуд имел хорошо выраженный уступ по плечу (рис. 118, 20). Сосуды украшены резным геометрическим орнаментом – двойным и тройным зигзагом, горизонтальной елочкой, горизонтальными рядами наклонных линий. Иногда резные линии дополняются треугольными и скобковидными наколами (рис. 118, 19, 23). В тесте глины большинства сосудов отмечена примесь толченой раковины.

Керамика третьей группы орнаментирована оттисками гребенчатого штампа, оттисками мелкозубчатого и личиночного штампа на створке ракушки, иногда в сочетании с рядами глубоких ямочных наколов (рис. 119, 1-8, 10).

Каменный инвентарь поселения насчитывает более 200 экземпляров (рис. 120, 1-22). Большая часть каменных предметов изготовлены из серого мелкозернистого кварцита, а также из серого и коричневого кремня и, реже, темно-серого сланца. Найдены нуклеусы разных типов, скребки на отщепках, ножевидные пластины с краевой ретушью, выемчатые скобели, перфораторы. Наконечники стрел представлены фрагментами листовидных форм с округлым основанием (рис. 120, 20). Один из полностью сохранившихся наконечников имеет хорошо выделенный черешок (рис. 120,

22). Встречены обломок полированного клиновидного топорика из сланца (рис. 120, 19) и три высоких трапеции со струганной спинкой (рис. 120, 15-17).

В лесостепном Прихоперье в течение последних 20-ти лет А.А.Хреков исследовал ряд неолитических стоянок, материалы которых показывают существование специфического культурного микрорайона в неолитическое время (Хреков А.А., 1983; он же, 1990; он же, 1992; Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003. С. 6-74) . Керамические комплексы стоянок лесостепного Прихоперья обладают выраженным своеобразием, что обусловлено как окраинным положением относительно ойкумены некоторых археологических культур, так и их расположением в контактной зоне лесостепь - степь. Это делает перспективным изучение микрорайона Прихоперья в плане установления синхронизации и относительной хронологии культур неолита и энеолита на границе двух культурных миров.

Большинство памятников приурочено к песчаным дюнам поймы р. Хопер и других рек донского бассейна. Обычно стоянки содержат разновременные материалы от эпохи мезолита до раннего железного века и неолитические материалы вычленяются типологически, так как в легких песчаных и супесчаных грунтах находки перемешаны. Неолитические материалы обнаружены на стоянках у сел Рассказань, Инясево, Подгорное, Шапкино и др.

Наиболее представительная и показательная коллекция материалов получена на стоянке **Шапкино VI**. Материалы этой стоянки не только характеризуют неолит региона, но и позволяют определить культурно-хронологические позиции других близлежащих памятников.

Стоянка Шапкино VI находится на левом берегу р. Вороны (правый приток р. Хопер), в 2 км к северо-западу от с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области (рис. 2, 31). Стоянка открыта А.А. Хрековым в 1985 году (Хреков А.А., 1987) и исследовалась им в 1991-1993 гг. На сто-

янке вскрыто 608 кв. м культурных напластований, включающих находки различных эпох – от неолита до РЖВ. В данной работе рассматриваются только материалы нео- и энеолитического времени.

Стоянка Шапкино VI занимает мыс коренной террасы левого берега р. Вороны. Высота террасы до 4 м. Западные склоны довольно крутые, выходят к чашеобразной впадине, за которой протекает р. Ворона. Восточные склоны постепенно переходят в широкую пойму, южные – местами обнаженные – ограничены высохшим руслом реки. Поверхность памятника довольно ровная, но почти вся занята молодыми саженцами сосны и лиственным лесом. Верхняя часть культурного слоя нарушена глубокой плантажной вспашкой. Лишь по самому краю террасы остались свободные от насаждений участки. Размеры стоянки, вероятно, соответствуют размерам мыса: 100 м в длину и 80-100 м в ширину. В южной части стоянки в 1991 году был заложен раскоп, который затем расширялся в северную и восточные стороны.

Культурный слой по всей площади раскопа представлен однородными песчаными и супесчаными отложениями. Получена следующая стратиграфия: дерновый слой – 5-8 см; поздние аллювиальные отложения светло-серого песка – от 5 до 35 см; прослойки гумусированной супеси толщиной 3-10 см; темно-серая супесь, постепенно светлеющая в нижней части – от 40 до 74 см; материк – серо-желтый песок. Наибольшая мощность культурного слоя отмечена вдоль западной и северной стенок раскопа – до 95 и 105 см соответственно. Наиболее насыщенными оказались 5, 6 и 7-ой пласты раскопа. Здесь, в слое темной супеси, обнаружены многочисленные кремневые и кварцитовые изделия, неолитическая и энеолитическая керамика, в том числе скопления фрагментов и неполные развалы сосудов. Удалось установить, что тычковая керамика и каменные микролиты предшествовали накольчатой керамике. А накольчатая и прочерченная в целом залегала ниже ямочно-гребенчатой. Судя по сильной фрагментированно-

сти, посуда с тычковой и накольчатой орнаментацией зачастую находилась в переотложенном состоянии. Основная масса керамики представлена фрагментами с прочерченной и ямочно-гребенчатой орнаментацией. Энеолитическая керамика мариупольского круга залегала по большей части совместно с накольчатой, прочерченной и гребенчатой. Несколько фрагментов мариупольской керамики залегали в самой нижней части культурного слоя, но следует отметить, что в данном случае эта керамика несколько отчленялась от остальной планиграфически. Совместно с указанной керамикой встречалось небольшое количество позднеэнеолитической, но большая ее часть по глубине залегания соответствовала ямочно-гребенчатой (табл. 18). В верхних пластах культурного слоя обнаружены немногочисленные фрагменты керамики катакомбной, фатьяновской и городецкой культур и типа поздней марьяновки.

Остатки жилищ или хозяйственных построек, относящихся к рассматриваемому периоду, на исследованном участке не обнаружены. Встречены только 5 хозяйственных (?) ям в различных частях раскопа.

Яма 1 в плане овальной формы. Размеры ее по верху: 50x30 см, глубина в материке 20 см. Стенки ямы вертикально опускались к ровному дну, в заполнении (темная супесь) встречены мелкие неорнаментированные фрагменты неолитической керамики и сечение кремневой пластины.

Яма 2 в плане также овальной формы. Стенки ямы ступеньками опускались ко дну, которое сужалось к центру. Размеры ямы по верху: 295x135 см, глубина ямы в материке 85 см. В заполнении (черная супесь) встречены кремневые отщепы и топорик, крупный фрагмент венчика. Поверхность фрагмента покрыта прочерченными перекрещивающимися линиями (рис. 126, 8). Тесто плотное, с примесью песка.

Яма 3 по форме аналогична предыдущей. Размеры по верху: 236x140 см, глубина в материке 75 см. В заполнении (черная супесь) встречены

мелкие фрагменты керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией и кремневые отщепы.

Яма 4 в плане округлой формы. Имеет следующие размеры по верху: 80x70 см, глубина в материке 20 см. Стенки ямы вертикально опускались ко дну. Дно плоское, чуть под наклоном к одной из стенок. В заполнении (темная супесь) встречались мелкие фрагменты неорнаментированной керамики. Судя по составу теста, керамика относится к эпохе неолита-энеолита.

Яма 5 в плане округлой формы, размеры по верху 181x165 см, глубина в материке 10 см. Стенки ямы постепенно сводятся к блюдцеобразному дну. Заполнение – серая супесь в которой встречены мелкие фрагменты неолитической керамики, орнаментированной прочерком.

Основную часть находок рассматриваемого периода составляют фрагменты керамики. По технико-типологическим признакам как неолитическая, так и энеолитическая керамика распределяются на несколько культурных групп. Но следует сразу оговориться, что распределение керамики на две эпохи достаточно условно в связи с тем, что часть ее относится к пережиточно неолитической, т.е. при всех культурных неолитических признаках она сосуществует с энеолитической.

Неолитическая керамика включает пять групп.

К первой отнесена керамика с тычковой орнаментацией (рис. 121, 1 - 18). Под тычковой орнаментацией мы понимаем керамику, украшенную редкими наколами. Бывает, что наколы (тычки) сочетаются с прочерком, отступающим наколом и двух-трехзубым штампом. Часть керамики не имеет орнамента, но по всем технико-типологическим признакам она, несомненно, принадлежит к первой группе. Основная концентрация керамики первой группы (58 %) отмечена в слое 7 (табл. 18). Полное представление о форме сосудов составить трудно из-за сильной фрагментированности керамики. Сосуды прямостенные или незначительно профилированы. Сре-

зы венчиков приостренные, округлые, в одном случае плоский и скошен наружу. Днища острые и близкие к шиповидным. Сосуды этой группы изготовлены из хорошо отмученной глины с примесью песка. Обжиг хороший, тесто довольно плотное. Поверхности подлощены, коричневатожелтоватого и серого цвета. Орнамент покрывал лишь часть тулова. Основным элементом орнамента являются точки-тычки, личинки, изредка встречаются наколы и в одном случае отступающий накол. В нескольких случаях орнаментирована внутренняя сторона венчика или его срез. Такой керамики среди всей нео-энеолитической с поселения Шапкино VI немного - 3,7%, но она представляет несомненный интерес в плане поисков истоков местного неолита.

Аналогии такой керамике в Верхнем Прихоперье пока немногочисленны, но круг памятников с тычковой керамикой постепенно расширяется. По ряду технико-типологических признаков она обнаруживает параллели с керамикой елшанского типа, достаточно полно охарактеризованной исследователями (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. С. 19-26; Неолит..., 2000. С. 147-176). Ближайший регион с керамикой елшанского типа – Примокшанье, где она обнаружена на пяти стоянках (Ставицкий В.В., 1999. С. 23-24).

Особенно хорошо памятники елшанского типа изучены в лесостепном Заволжье (рис. 3, 9-13; 132-134), где получены и радиоуглеродные даты, подтверждающие ее очень ранний возраст (в интервале вторая половина VII - рубеж VI -V тыс. до н.э.) (Мамонов А.Е., 1995. С. 3-25; Кузьмина О.В., Ластовский А.А., 1995. С. 25-44), а ряд исследователей предлагает рассматривать их в рамках елшанской археологической культуры (Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1995. С. 63-66; Мамонов А.Е., 1999. С. 15-43).

Нельзя сказать, что Шапкинская керамика полностью соответствует елшанской, но сходство несомненно, особенно с памятниками ближайших

областей. Впрочем и там тоже отмечается некоторое отличие местной керамики от елшанской (Ставицкий В.В., 1996. С. 95). На стоянке Шапкино VI керамики с тычковым орнаментом немного и она сильно фрагментирована, поэтому пока рано делать какие-либо выводы относительно времени ее появления и культурного соотношения с другими памятниками, но несомненно, что она занимает самое раннее хронологическое положение среди керамических комплексов памятника.

Вторая группа представлена керамикой с накольчатой орнаментацией (рис. 122; 123, 1-8). Накольчатая керамика составляла 19,3% от общего количества и основная ее масса отмечена в 6 (49 %) и 7 (39 %) пластах. Большая ее часть представлена довольно мелкими обломками, плохо поддающимися графической реконструкции. Судя по венчикам и стенкам, это были прямостенные или с незначительной профилировкой сосуды. Обнаружено одно плоское днище (рис. 124, 8). Верхний срез венчиков округлый, плоский или слегка приостренный. В качестве примеси использовался мелкий песок, реже органика и шамот. Внешняя поверхность тщательно заглажена, внутренняя обработана штриховой зачисткой. Орнамент наносился по всей поверхности и только в редких случаях отмечены свободные от узоров зоны. Среди сосудов прослеживаются некоторые различия как по форме, так и по способу нанесения орнамента – поверхность украшена треугольными и овальными наколами (в том числе и в отступающей технике) (рис. 122, 2-7, 9, 10; 123, 1, 4-8, 10, 12), а также спаренными и скобковидными (рис. 122, 8; 123, 2, 9, 11, 13, 14; 124, 1, 8). Среди орнаментальных композиций преобладают горизонтальные линии, встречается зигзаг, паркет и более сложные геометрические построения. Иногда наколы выступают в сочетании с другими элементами орнамента: гребенкой, ямчатыми и зерновидными вдавлениями (рис. 122, 5, 6; 123, 13).

Такое разнообразие накольчатой керамики, скорее всего, свидетельствует о ее разновременности и вполне возможно часть керамики с круп-

ными наколами рассматривать в качестве отдельной и более поздней в хронологическом отношении подгруппы.

Керамика второй группы имеет широкий круг аналогий, ближайшие из которых обнаруживаются в непосредственном окружении стоянки: Уварово, Шапкино I, II и IV. По своим технико-типологическим характеристикам накольчатая керамика этих стоянок идентична керамике Шапкино VI (Хреков А.А., 1992. С. 3-18; Хреков А.А., 1990. С. 27-28).

Еще ряд стоянок с подобной керамикой известен в соседних Саратовской и Пензенской областях. В Саратовской области наиболее выразительным памятником является стоянка Инясево на р. Хопер. Вполне объяснима идентичность неолитической керамики шапкинской группы памятников, но и небольшая коллекция керамики стоянки Инясево, удаленной от них приблизительно на 40 км, по всем признакам сопоставима с шапкинской. Сложнее сравнивать каменный инвентарь, так как во всех случаях слои содержали разновременные материалы, но одинаковые наборы категорий орудий можно отобрать на всех стоянках, где кремневые орудия сочетаются с кварцитовыми (Хреков А.А., 1992. С. 3-6).

В Пензенской области комплексы с накольчатой керамикой, аналогичной шапкинской, известны на Пензенских стоянках (Ерня и др.) (Ставицкий В.В., 1992. С. 31-32). Правда, в отличие от пензенской, для шапкинской керамики не характерны ряды глубоких ямочных вдавлений, хотя изредка и встречаются (рис. 124, 7). Чаще эти ямки заменяются более глубокими и разреженными наколами той же формы, что и на остальной поверхности сосуда (рис. 123, 8). С другой стороны, такие вдавления есть далеко не на каждом накольчатом сосуде пензенских стоянок (Подлесное VII) (Ставицкий В.В., 1997а. С. 14. Рис. 1, 4; 2, 1, 2), что сближает их с шапкинскими при сравнении со среднедонскими материалами.

По всем технико-типологическим признакам накольчатая керамика более всего соответствует материалам среднедонской культуры и в свое

время перечисленные памятники по р. Вороне были отнесены к ней (Синюк А.Т., 1986. С. 34-35. Рис. 1, 126, 133). Рассмотрим это на примере сравнения шапкинской керамики с сосудами эталонной среднедонской стоянки Монастырская 1. Совпадения со среднедонской обнаруживаются в формах сосудов и характере обработки внешней поверхности, в преобладании накольчатой орнаментации и использовании наколов различной формы, в прямолинейно-треугольном характере орнаментальных композиций и редких случаях встречаемости накола и короткого гребенчатого штампа (Синюк А.Т., 1986. С. 58-62. Рис. 4; 5).

Но в то же время шапкинская керамика обладает и рядом своеобразных черт, что, вероятно объясняется их окраинным положением относительно основного массива стоянок среднедонской культуры. Несмотря на полную идентичность некоторых видов орнаментальных композиций, необходимо опять же отметить различие в количестве фрагментов с ямчатыми вдавлениями под венчиком – для среднедонских это норма, а для шапкинских – исключение. Керамики с ямчатым орнаментом или крупным наколом (рис. 124, 3, 5), связываемой обычно с культурами лесного круга, среди шапкинской значительно больший процент, чем в комплексах стоянок Среднего Дона. Нет в материалах среднедонских памятников и фрагментов с круглым отступающим наколом, поставленным так плотно, что поверхность сосуда приобретает “чешуйчатый” вид (рис. 123, 13). Кроме того, в слое Шапкино VI встречаются фрагменты уплощенных и плоских днищ, что вовсе не характерно для накольчатых среднедонских. Правда их орнаментация не совсем типична для шапкинской керамики и, возможно, они относятся к более позднему времени (рис. 124, 6, 8).

Особняком стоят фрагменты керамики с крупными треугольными оттисками, поставленными отдельно. По всем остальным признакам керамика аналогична остальной накольчатой. Такой способ нанесения орна-

мента (“клинчатый”) А.Т. Синюк связывает с влиянием культур северного облика в поздненеолитическое время (Синюк А.Т., 1986. С. 149-150).

Третья группа представлена керамикой с гребенчатым орнаментом. Комплекс керамики немногочислен (6,9%). Как и накольчатая, основная масса гребенчатой керамики залегала в 6-ом слое (41 %). В целом, вертикальное распределение фрагментов в культурном слое показывает несколько более высокое залегание гребенчатой керамики относительно накольчатой (табл. 18). Керамика также сильно фрагментирована. Вероятно, это были прямостенные или слабопрофилированные сосуды с округлым дном. Гребенчатая керамика достаточно разнородна и, скорее всего, бытовала в широких хронологических рамках неолита-энеолита. Оттиски гребенки различаются между собой: короткие, средние и длинные; прямые и изогнутые. Некоторые фрагменты имеют подлощенную поверхность, а с внутренней стороны заглажены расчесами. Орнамент покрывает все тулово, но встречаются фрагменты со свободными от узора участками. Как правило, гребенчатый штамп составлялся в горизонтальную елочку или пояски наклонных и вертикальных оттисков. На некоторых черепках встречаются наколы и ямчатые вдавления, разделяющие зоны гребенчатого орнамента (рис. 125, 1-12). Аналогичная керамика в небольшом количестве встречается почти на всех исследованных стоянках в бассейне верхнего Хопра: Шапкино I-IV, Инясево, Рассказань III и др. (Хреков А.А., 1983. С. 98-99)

Ввиду малого количества гребенчатой керамики и ее сильной фрагментированности сложно сказать что-либо определенное относительно ее хронологии и культурной принадлежности. Можно только отметить, что с гребенчатой керамикой среднедонской культуры заметна значительная разница в форме и длине гребенчатого штампа и композициях. Шапкинские фрагменты орнаментированы более крупной гребенкой, оттиски поставлены плотно, в орнаменте преобладает горизонтальная елочка. Неко-

торые фрагменты обнаруживают аналогии среди гребенчатой керамики Верхнего Посурья на стоянках Подлесное IV (Третьяков В.П., Выборнов А.А, 1988. С. 19-21. Рис. 17) и Подлесное VII (Ставицкий В.В., 1997а. С. 15. Рис. 2, 13). По мнению В.П. Третьякова и А.А. Выборнова, материалы Подлесного IV имеют значительное сходство с керамикой волго-камской культуры при некоторой специфике и отражают процесс обособленного развития гребенчатой традиции орнаментации керамики параллельно с накольчатой техникой. В.В. Ставицкий, основываясь на материалах Подлесного VII, напротив, считает что комплексы Верхнего Посурья свидетельствуют о постепенном переходе от накольчатого к гребенчатому способу украшения керамики (Ставицкий В.В., 1997а. С. 26). В этом плане следует отметить накольчатые зоноразделители на шапкинской керамике и несколько более высокое залегание гребенчатой керамики относительно накольчатой (табл. 18). Впрочем, подобная керамика на других памятниках региона датируется даже уже пережиточно неолитическим временем (Бессуднов А.Н., 1996. С. 19-21. Рис. 7).

Хотя оттиски гребенки на керамике третьей группы, как уже сказано, иногда разделяются на зоны неглубокими ямками или наколами (рис. 125, 2, 5, 10-12), гребенчато-ямочная керамика стоянки характеризуется совершенно иными параметрами (пятая группа).

Четвертая группа представлена керамикой с прочерченной орнаментацией. Фрагменты залегали на одном уровне с накольчатыми и распределялись по пластам приблизительно в одинаковых пропорциях. Сосуды изготовлены из плотного теста с примесью песка. Цвет поверхностей - коричневый и светло-коричневый. Внешняя сторона черепков чуть подлощена, внутренняя – заглажена расчесами. Судя по фрагментам венчиков, стенок и днищ это были более или менее профилированные сосуды со стянутым верхом и плоским дном. Имеется небольшое количество фрагментов с приостренным ребром (рис. 126, 1-22). Основной элемент орнамента - глу-

боко прочерченные линии, образующие зигзаг, волну, елочные и паркетные узоры. Прочерченному орнаменту часто сопутствуют ямчатые, зерновидные и треугольные вдавления, выполняющие функции зоноразделителей (рис. 126, 10, 11, 14). К этой же группе можно отнести небольшое количество фрагментов от прямостенных сосудов, украшенных прочерченным зигзагом и зигзагом в сочетании с наколами (рис. 126, 17, 18). Некоторые фрагменты сочетают прочерк с оттисками трехзубого гребенчатого штампа различной формы.

Фрагменты с прочерченной орнаментацией составляют почти четверть (24%) от всего нео-энеолитического комплекса. Аналогичная керамика на Среднем Дону выделена в дронихинский тип по эпонимному памятнику (Синюк А.Т., 1986. С. 106-108). Шапкинская керамика по многим параметрам может также относиться к дронихинскому типу, но ряд ее признаков совершенно не характерен для дронихинской. Общее проявляется в появлении профилированных форм сосудов и плоскодонности, в сходных орнаментальных композициях и способе их нанесения, в эпизодической встречаемости глубокого резного орнамента в сочетании с мелкой гребенкой на одном сосуде.

Но при этом сразу бросаются в глаза и явные различия, выражающиеся в следующем. Как и в других группах керамики стоянки Шапкино VI, отсутствуют ряды ямок под венчиком и только изредка они обозначены оттисками короткого гребенчатого штампа или наколами. Зоноразделители на шапкинской керамике выполнены в подавляющем большинстве случаев наколом и иногда торцом щепки, а на дронихинской орнаментальное поле делится на зоны с помощью глубоких ямок и namного реже – наколами и гребенкой. Сама резная линия орнамента на керамике Дронихи почти всегда одинакова по ширине и глубине на всем протяжении, тогда как на шапкинской она обычно заглубляется и расширяется к центру. Очень незначительная часть шапкинской керамики имеет неглубо-

кий резной орнамент из относительно плотно поставленных линий, что придает ей некоторое сходство с имеркской, но венчик не имеет характерного имерксовского наплыва с внутренней стороны.

Но самое яркое отличие от дронихинской отмечено на небольшой группе керамики, составляющей приблизительно 13% от керамики четвертой группы.

К пятой группе отнесена ямочно-гребенчатая керамика (рис. 127, 1-10). Это самая многочисленная группа и составляет ровно четверть от всей остальной. Основная часть керамики (51 %) залегала в 5-ом слое, т.е. выше остальной неолитической. Плотное тесто глины хорошего обжига содержит примеси песка, шамота, дресвы и, в редких случаях, охры. Цвет черепков серый, серый с коричневым оттенком и светло-коричневый. Внешняя поверхность подлощена, внутренняя – заглажена щепой или мягким предметом. Сосуды имеют слабую профилировку, округлое или приостренное дно. Венчики обычно отогнуты наружу, срезы их закруглены, реже приострены или утолщены. Диаметры сосудов по венчику от 10 до 28 см. Одним из ведущих элементов орнамента является ямка с коническим дном и выпуклым негативом с обратной стороны. В орнаментации преобладает горизонтальная зональность: ямки образуют горизонтальные пояски, разделяющие наклонные и горизонтальные оттиски гребенки. Наклонные оттиски часто составляют горизонтальную елочку. Иногда гребенка заменяется оттисками перевитой веревочки. Обычно орнамент покрывает все тулово сосуда, а также зачастую срез и внутреннюю поверхность венчика, но встречаются разреженные и свободные от орнамента зоны.

Судя по форме сосудов, ямочно-гребенчатая керамика хронологически неоднородна. Несмотря на явную узнаваемость керамики, несомненно, принадлежащей к кругу ямочно-гребенчатой, шапкинская отличается определенным своеобразием как в форме сосудов (профилированность верхней части), так и в орнаментации (использование длинного гребенчатого

штампа). Керамика пятой группы, как и гребенчатая, встречается на большинстве стоянок лесостепного Прихоперья, но в гораздо большем количестве. Другие ближайшие аналогии находятся среди материалов Верхнего Посурья: в Подлесном VII есть фрагмент профилированной керамики с орнаментом, близким к ямочно-гребенчатому (Ставицкий В.В., 1997а. С. 14-15. Рис. 2, 12), а на поселении Подлесное V встречена серия керамики, идентичная шапкинской по форме и орнаментации (Ставицкий В.В., 1999. С. 136. Рис. 51, 11, 12).

Северо-восточнее Прихоперья ямочно-гребенчатая керамика уже имеет мало общего с шапкинской. Например, на Имеркских стоянках штамп на керамике более короткий и нанесен разреженнее. В редких случаях находится что-то близкое в отогнутости венчика и расположении орнаментальных элементов (Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988. С. 71. Рис. 21, 2; С. 75. Рис. 25, 3), в основном же, верхняя часть сосуда профилирована слабо.

Фрагменты ямочно-гребенчатой керамики с отогнутым и украшенным изнутри венчиком и длинным штампом есть в коллекции уже упомянутого Козлиновского поселения, из которой опубликовано несколько таких профилированных фрагментов, правда, украшенных коротким штампом (Наумов И.Н., 1992. С. 74. Рис. 2, 1, 5).

Все исследователи традиционно помещают ямочно-гребенчатую керамику лесостепного региона в поздненеолитическое и энеолитическое время. При всей условности стратиграфической картины на Шапкино, все же стоит принять во внимание, что ямочно-гребенчатая керамика занимает наиболее высокое положение – в слое 40-50 залегает 51% фрагментов. Это значительно больше, чем в других группах как неолитической, так и энеолитической керамики. Аналогичная картина наблюдается и на Среднем Дону (Синюк А.Т., 1986. С. 118), где ямочно-гребенчатая керамика является более поздней, чем накольчатая и гребенчатая. Несмотря на достаточно

ранние радиоуглеродные калиброванные даты для ямочно-гребенчатой керамики лесной зоны (последняя четверть VI тыс. до н.э. – рубеж V-IV тыс. до н.э.) (Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А., 1993. С. 42-55), шапкинская керамика имеет достаточно поздние признаки – оттиски перевитой веревочки, профилировка верхней части, что предполагает ее сосуществование с раннеэнеолитической мариупольской, а возможно, и ее переживание. Во всяком случае, верхняя дата ямочно-гребенчатой керамики лесных районов синхронна с ранними памятниками культур мариупольской области.

Таким образом, материалы стоянки Шапкино VI показывают существование здесь на протяжении нео- и энеолитического времени разнотипных стоянок, оставивших в культурном слое достаточно выразительные комплексы керамики.

Если наиболее древнюю группу керамики стоянки – тычковую – соотносить с елшанской, то на данный момент Шапкино VI окажется самым юго-западным пунктом с керамикой елшанского типа, находящимся на значительном удалении от группы стоянок в Примокшанье, что предполагает наличие аналогичных памятников на промежуточной территории. Впрочем, это не исключает возможности, по мере накопления новых материалов, поисков аналогий и в юго-западном направлении, например, в материалах неолитических памятников Нижнего Дона. Происхождение елшанских комплексов связывается с областями, находящимися намного юго-восточнее – в Восточном Прикаспии и Приаралье (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. С. 232-236) или, наоборот, на основании анализа кремневой индустрии – с северными и северо-западными районами (Мамонов А.Е., 1999. С. 38, 39) относительно Средней Волги. В Прихоперье на данный момент материалов для решения вопросов о происхождении и генезисе тычковой керамики явно недостаточно. Отсутствуют однослойные памятники, которые дали бы возможность определить сопутствующий ком-

плекс каменных орудий, а набор категорий орудий елшанских памятников Средней Волги может служить пока лишь примерным ориентиром.

Следующий этап существования стоянки связан с населением среднедонской культуры. Керамика этого времени по всем параметрам соответствует среднедонской, но окраинное положение поселения Шапкино VI относительно других памятников наложило отпечаток на ее облик. В частности, это уже называвшаяся плоскодонность нескольких сосудов, плотная постановка отступающего накола, композиционные построения орнамента с включением зигзага и шеврона. Все эти признаки характерны для двух степных неолитических культур, одна из которых – орловская – граничит со среднедонскими памятниками с юго-восточной стороны, а другая – ракушечная – с южной. Эти две культуры близки между собой по многим признакам (Юдин А.И., 1998б. С. 28-29) и вряд ли возможно определить с какой из них вступало в культурные контакты шапкинское население, но степная направленность этих контактов несомненна.

Накольчатая керамика составляет основу всего культурного комплекса стоянки вместе с керамикой дронихинского типа и ямочно-ребенчатой – 19,3%, 24% и 25% соответственно.

Еще одна группа керамики представлена на памятнике весьма выразительной коллекцией – ямочно-ребенчатая, или, следуя А.Т.Синюку, ребенчато-ямочная, так как ребенка на ней преобладает над ямками. Керамика явно отличается от ямочно-ребенчатой лесного ареала. В первую очередь, это наличие отогнутого венчика и орнаментация по его внутренней части, а также использование длинного ребенчатого штампа. Выше уже приводились аналогии такой керамике на сопредельных территориях, и сейчас следует только добавить, что эта керамика, несмотря на ее неолитический облик, несомненно, имеет энеолитический возраст и на каком-то временном отрезке синхронна раннеэнеолитической мариупольской.

В облике гребенчатой неолитической и гребенчатой энеолитической керамики можно увидеть что-то соответствующее синхронным культурам лесного круга.

Что же касается остальной керамики, то она немногочисленна и, в данном случае, может рассматриваться как результат культурных контактов или итог кратковременного пребывания населения сопредельных регионов. Уже давно отмечено, что для лесостепной зоны Подонья в неолите и энеолите характерно чересполосное расселение разнокультурного населения.

В результате многолетнего изучения памятников лесостепного Прихоперья здесь наметилось существование специфического культурного микрорайона на протяжении неолита и энеолита. Почти все неоэнеолитические керамические комплексы Шапкино VI и других стоянок лесостепного Прихоперья обладают выраженным своеобразием, что обусловлено как окраинным положением относительно ойкумены некоторых археологических культур, так и их расположением в контактной зоне. Это делает перспективным изучение микрорайона Прихоперья в плане установления синхронизации и относительной хронологии культур неолита и энеолита на границе двух культурных миров.

Исследователи, проводившие изыскания в регионе, по-разному называют общность культур, сложившуюся здесь в позднем каменном веке: нижневолжская культурная область с накольчато-прочерченной керамикой (Васильев И.Б, Выборнов А.А., 1988. С. 46-55), северокаспийский культурный очаг или ареал (Амирханов Х.А., 1990. С. 12-13), северокаспийская культурно-историческая область (Кольцов П.М., 1987).

Культурные остатки содержал слой 3: темно-серый гумусированный суглинок. Находки представлены в основном отходами кремнеобработки. Кроме того, обнаружены два сильно минерализованных обломка костей животных. Находки равномерно залегали по всей площади шурфа. Нижняя половина культурного слоя насыщена отщепами сильнее. Отмечена одна закономерность – чем ниже, тем крупнее средние размеры отщепов.

1. Сколы подправки нуклеусов представлены тремя “таблетками” и одним продольным сколом. “Таблетки” – поперечные сколы выравнивания ударных площадок пластинчатых нуклеусов. Все находки – из белой кремневой корки. Скалывание пластин – круговое, негативы скалывания показывают, что снимали узкие (шириной не более 1 см) микропластины (рис. 128, 2-4). Продольный скол снят с нуклеуса, предназначенного для получения более крупных ножевидных пластин – ширина негативов до 1,4 см (рис. 128, 1).

Многослойная стоянка Ураков Бугор дает уже более определенные сведения о возможном характере заволжского мезолита, но отсутствие близких территориальных аналогий и значительный хронологический разрыв с неолитическими памятниками пока мало проясняет вопрос об истоках сложения орловской культуры.

Как видно из приведенного описания, собственно заволжские материалы, предшествующие по времени неолиту, немногочисленны и не позволяют увидеть истоки орловской культуры.

Обнаружение перечисленных аналогий вполне объяснимо. По данным А.М. Комарова истайские комплексы многокомпонентны по своему происхождению; часть памятников относится к позднему мезолиту и хронологически смыкается с неолитом (Комаров А.М., 2000. С. 16-17).

Разумеется, наблюдаемое сходство каменных индустрий мезолитических памятников Северного Прикаспия и орловских степного Заволжья имеет самый общий порядок, но следует учитывать большую разницу во времени между жекалганскими и истайскими памятниками, с одной стороны, и орловскими, с другой. Однако если сравнить самые ранние неолитические находки Заволжья с более северными мезолитическими материалами, то сразу становится видна южная культурная направленность заволжских памятников. Например, на стоянке Чекалино II на р. Сок в Самарском Заволжье (Королев А.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1997. С. 3-13) орудийный набор отличается большим удельным весом пластин и микролитомидностью. Здесь встречаются категории изделий, идентичные южным: нуклеусы со скалыванием с трех четвертей или половины окружности, пластинчатые скребки с подработкой боковых краев. Но в то же время полностью отсутствуют геометрические микролиты, столь характерные для позднего мезолита и неолита степи, обеднен орудийный набор, отсутствует “сероглазовская” ретушь. По мнению авторов, материалы Чекалино II свидетельствуют о северной ориентации культурных связей населения стоянки. В дальнейшем аналогичные стоянки южной части Среднего Поволжья были определены как памятники пластинчатого технокомплекса и соотнесены с романовской мезолитической культурой Южного Приуралья (История..., 2000. С. 101). В целом, по мнению А.В. Комарова, многокомпонентная мезолитическая культура лесостепного Поволжья развивалась самостоятельно относительно более южных регионов, хотя на территории Самарской области и встречен комплекс (стоянка Нижняя Сызрань),

связанный своим происхождением с Северным Прикаспием (История..., 2000. С. 92-93).

Проецируя все известные к настоящему времени данные о развитии мезо-неолитического населения Северного и Северо-Западного Прикаспия на немногочисленные материалы степного Поволжья и учитывая их принадлежность к одной культурно-исторической общности (по крайней мере, с начала V тыс. до н.э. об этом можно говорить с полной уверенностью), возможно предполагать автохтонность орловской культуры и ее сложение на базе местного мезолита. Распространение южных геометрических микролитов вплоть до низовьев р. Самары, где уже существовало автохтонное мезолитическое население, оставившее памятники типа Постников Овраг (История..., 2000. С. 107-109), также свидетельствует в пользу того, что в мезолитическое время степная зона Заволжья входила в сферу сероглазовского технокомплекса, который лег в основу орловской технологии обработки камня. В целом данный вопрос окончательно может быть решен только после обнаружения и достаточно полного исследования мезолитических и раннеолитических памятников в степной зоне Поволжья.

Вторая фигурка наиболее крупная: длина 6,9 см, высота 3,5 см (рис. 93, 3). В центральной части просверлено отверстие, а на голове с обеих сторон кремневой пилкой сделаны глубокие пропилы, в том числе и два длинных по шее, и по одному глубокому пропилу по крупу. Скорее всего, как уже было сказано, этими пропилами обозначена уздечка, но пока это остается предположением.

От третьей фигурки сохранилась только передняя половина. Здесь короткими насечками обозначена грива и просверлено отверстие для подвешивания. Высота 2,2 см (рис. 93, 4).

Жилые постройки на памятниках нижеволжской культурной общности

¹ Палеозоологические определения костных остатков выполнены И.Е.Кузьминой и А.К.Каспаровым (СПб).

² Трасологические определения выполнены В.В.Килейниковым (г.Воронеж).

Предметы искусства, обнаруженные на этом уникальном памятнике, являются древнейшими в регионе, так как стоянки более раннего времени единичны и пока не дали ничего аналогичного. Искусство неолитического времени – совершенно новая тема для региона. Проблемы первобытного искусства населения степного Поволжья никогда ранее не рассматривались, а немногочисленные исследования по этому вопросу начинаются с эпохи бронзы (Формозов А.А., 1966; Отрощенко В.В., 1974). Находки Варфоломеевской стоянки позволяют увидеть истоки искусства раннеэнеолитических памятников региона, а также проследить некоторые общие тенденции в развитии искусства от палеолита до энеолита.

На стоянке обнаружены следующие образцы неолитического искусства: мелкая антропоморфная и зооморфная пластика; орнаментированные орудия труда из кости и камня; костяные поделки и украшения; украшения из ископаемых раковин; керамика с изысканным геометрическим орнаментом. Керамика в данном разделе будет рассмотрена выборочно, только в плане сравнения орнаментов с гравировкой по кости, т.к. генезис ее орнаментальных композиций достаточно подробно рассматривался выше.

Если исходить из общепринятого определения, что декоративно-прикладное искусство – это создание художественных изделий, имеющих практическое назначение, а также художественная обработка утилитарных предметов, то несомненно, что перечисленные находки относятся к декоративно-прикладному искусству неолитической эпохи.

Искусство палеолита, мезолита и позднего каменного века обычно рассматривается, несмотря на большой хронологический отрезок, как непрерывное поступательное развитие человеческой культуры. Но в силу сохранности материалов и специфики техники изобразительного искусства в разные эпохи, произвести сравнения между разными этапами развития

часто практически невозможно – аналогов, например, Каповой пещере в Заволжье нет, и не будет. Но есть один универсальный материал - кость - который использовался во все эпохи и дает возможность производить сопоставления и проследить развитие искусства на протяжении всего каменного века. Подавляющее количество предметов декоративно-прикладного искусства Варфоломеевской стоянки приходится на изделия из кости, поэтому, целесообразно обратить основное внимание на искусство обработки и орнаментации кости, как наиболее характерном и ярком явлении на памятнике.

Население стоянки широко использовало кость в хозяйстве. Обнаружено 330 законченных предметов из кости, свыше полусотни заготовок и отходов производства и сотни зубов лошади с насечками, которые использовались в культовых целях. Кость в процессе обработки подвергалась пилению и сверлению каменными орудиями, поверхность выравнивалась абразивами, орнамент наносился резчиком в технике гравировки. 87 % изделий подвергнуты трасологическому определению и распределены по функциональному назначению на три класса (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993), которые включают 2-3 группы различных типов предметов: класс 1 - орудия домашних производств (обработка кожи, производство керамики, землекопные орудия); класс 2 - орудия присваивающих производств (рыболовство и охота); класс 3 - бытовые и культовые предметы (посредники, украшения, поделки и культовые вещи). Каждая группа включает от 2 до 10 типов орудий или изделий. Но в данном случае будут подвергнуты рассмотрению только предметы, по большей части, класса 3 и некоторые находки из других классов, относящихся к предметам декоративно-прикладного искусства или отличающиеся своей яркой орнаментацией.

Изделия с орнаментом есть во всех группах, но распределены они неравномерно. Среди орудий домашних производств орнаментом покрыты

практически все шпатели для обработки керамики. Среди орудий кожевенного производства орнамент изредка встречается на стругах для волососгонки, в двух случаях на проколках и по одному разу на тупике, лошине и разбивнике. Из немногочисленных (5 экз.) орудий 2-го класса орнаментировано рядом неглубоких ямок охотничье острие. Наиболее многочисленны и разнообразны орнаменты среди изделий 3-го класса. В первую очередь это многочисленные пластины со сложным геометрическим орнаментом. Часть из них типологически не отличается от шпателей для обработки керамики, но следов от работы на них не обнаружено, а на одной сохранились две симметричные нарезки по граням, показывающие, что пластина использовалась как подвеска. Все пластины подвергнуты тщательной предварительной обработке, особенно поверхности, на которые наносился орнамент.

В целом, процент орнаментированных изделий по классам следующий: 1 класс - чуть меньше 10 %; во 2-ом классе из пяти предметов украшен один, или 20%; 3 класс - 33%, т.е. каждый третий предмет.

Коллекция предметов искусства была существенно пополнена при раскопках стоянки в 1996 году, когда исследовался участок стоянки со слоем 2А, наиболее насыщенный находками (Юдин А.И., 1997. С. 16-40).

Всего сейчас насчитывается 73 костяных предмета, которые показывают уровень развития обработки кости у населения Варфоломеевской стоянки в среднем и позднем неолите (табл. 14) и которые можно отнести к предметам искусства.

Орудия домашних производств (класс I) представлены тремя группами. Первая группа - орудия кожевенного производства.

1, 2. Тупики для волососгонки и мездрения шкур из крупных лопаток. Это наиболее многочисленная категория орудий, насчитывающая более 60 экземпляров. Обломок одного из них имеет насечки, распределен-

ные на гранях орудия группами по 11 штук; вдоль края другого нанесены три параллельные линии³.

3-5. Струги для волососгонки и мездрения. Для двух орудий использовались фрагменты ребер без предварительной обработки. На гранях одного струга нанесены тройные короткие насечки, на другом выгравирован орнамент в виде цепочки заштрихованных треугольников. Внешняя поверхность обломка микроструга на пластине из ребра украшена четырьмя параллельными линиями и короткими насечками.

6. Лоцило на обломке расколотой трубчатой кости. На внешней поверхности кремневым резцом нанесена пиктограмма (?).

7. На одном из восьми найденных разбивальников для уплотнения и размягчения кожи, изготовленных из коротких отрезков (6-11 см) рогов первобытного быка, нанесены серии из 4-6 коротких насечек.

8, 9. Орнаментированы всего две проколки из 52 экз. На одной - нанесен бессистемный орнамент, на рукоятке другой – четыре параллельных линии.

10. Скребок для мездрения. Вдоль длинных сторон плоского, трапециевидной формы орудия, прочерчены одна и три линии.

Вторая группа орудий домашних производств - орудия керамического производства. На предметах этой группы встречены наиболее сложные орнаментальные композиции. Орнаментированы (большая часть) формовочные шпатели и полифункциональные шпатели-лоцила. Другие орудия этой группы (штампы, шпатели-штампы и лоцила) не украшались.

11-18. Формовочные шпатели сделаны из тонкопластинчатых костей и имеют стандартную форму - на рукоятке высверлено отверстие, по длинным сторонам и широкому торцу нанесены короткие насечки каменной пилкой, в одном случае - глубокие пропилены. Другая часть шпателей имеет сложный геометрический орнамент, в одном случае двусторонний.

³ Порядковый номер изделия соответствует номеру в таблице 1, в которой также указан номер рисунка.

Одно из орудий типологически отличается от остальных шпателей – оно имеет вытянутую подовальную форму и хорошо выраженную рукоять. Вся внешняя поверхность, за исключением рабочего конца, покрыта сложным геометрическим орнаментом (рис. 103, 2).

19-23. Шпатели-лощила от формовочных отличаются только своей полифункциональностью. Все они богато орнаментированы, за исключением шпателя-лощила из ребра с тройными короткими насечками по граням.

Третья группа орудий домашних производств – землекопные орудия. Из 19 землекопных орудий орнамент есть только на одном колышке, который применялся для растягивания шкур на земле – тройные короткие насечки (рис. 91, 9).

Класс II включает орудия присваивающих производств: 3 гарпуна (орудия рыболовства) и 2 острия (орудия охоты). Одно острие имеет 39 круглых просверленных углублений (рис. 91, 8).

В класс III объединены бытовые и культовые предметы. В группе 1 – посредники (оправы, муфты, рукояти) орнаментированных орудий нет. Группа 2 включает 27 орнаментированных украшений и поделок.

26-29. Подвески. Они имеют отверстия или нарезки для подвешивания. Только одна из них, каплевидной формы, была сразу изготовлена как украшение (рис. 106, 5), остальные, скорее всего, обломки формовочных шпателей для керамики. Во всяком случае, типологически и по характеру орнаментации они ничем не отличаются от керамических орудий, но не имеют следов микроизноса, которые, скорее всего, были утрачены в процессе вторичного использования. Среди костяных предметов Варфоломеевской стоянки есть еще много видов подвесок: стержни с отверстием, двумя выступами и круговым пропилом; зубы лошади, коровы, оленя с отверстиями и круговыми пропилами; передние зубы лошади с насечками (от 1

до 13) на внутренней стороне коренной части – но все они не имеют орнамента, хотя также являются украшениями и использовались вместе с орнаментированными подвесками.

31, 32. Пронизки. Для пронизок использовалась тонкая трубчатая кость. Торцы обрабатывались абразивом, поверхность скобелем. Из найденных 19 пронизок две орнаментированы. Одна из них украшена 14 круговыми пропилами, другая разделена на две равные половины линией, выгравированной по всей окружности.

30, 33-39. Пластины и фрагменты пластин с геометрическим орнаментом. Сложный геометрический орнамент нанесен резцами и резчиками в технике гравировки, чаще всего, с обеих сторон. По морфологическим признакам фрагменты пластин идентичны шпателям и лоцилам по керамике, орнаментальные композиции включают те же элементы.

40-45. Пластины с линейным орнаментом. Представлены обломками узких (0,9-1,9 см) и тонких пластин, изогнутых в продольном сечении. По всей длине пластин, в большинстве случаев на двух сторонах, кремневым резцом выгравировано 4-8 параллельных линий, которые образуют простейший лабиринт. Одна пластина имела острый конец, а на округлом конце другой просверлено отверстие. Сильная фрагментированность данных изделий и отсутствие следов микроизноса затрудняет определение их назначения. Фрагмент такой пластины использовался в качестве микроструга для обработки шкур (рис. 86, 2).

46-51. Орнаментированные кости. Орнамент нанесен на обломки трубчатых костей и фрагменты ребер без предварительной подработки поверхности. Орнамент, в отличие от предыдущих изделий, примитивен, выполнен грубо и неумело, хотя в основных чертах и повторяет орнаментальные элементы на пластинах.

Третья группа включает предметы, отнесенные к культовым.

52-62. Антропоморфные предметы. К этому типу изделий отнесено 7

путовых костей лошади с орнаментом и обработкой поверхности и 4 заготовки, которые по ряду морфологических признаков признаны схематичными изображениями сидящих женщин.

63-65. Зооморфные предметы. Представлены фигурками лошадок на тонкопластинчатых костях.

Кроме того, обнаружены еще три обломка ребер с сериями коротких насечек и обломок пластины с линейным орнаментом от предметов неопределенного назначения. Такова классификация костяных изделий по функциональному назначению предметов, из которой прослеживаются некоторые закономерности в распределении типов орнаментов в зависимости от назначения предмета. Как видно из анализа таблицы 1, все костяные предметы декоративно-прикладного искусства распределяются на три неравные по количеству группы: орудия и изделия, украшенные различным по сложности орнаментом; антропоморфные статуэтки; фигурки лошадей.

Для получения наиболее полной картины распространения орнаментов на костяных предметах целесообразно произвести еще одну классификацию, но теперь по типам орнаментов, вне зависимости от функций изделий. Распределение различных типов орнаментов по категориям предметов представлено в таблице 15.

Прослеживаются определенные закономерности в распределении орнаментов по категориям находок. Все орнаментальные композиции составлены из 10 элементов и их вариантов.

Проанализируем находки, начиная с простейших орнаментов.

1. Простейший орнамент - короткие насечки, выполненные резцом или пилкой (рис. 84, 5; 86, 1; 89, 3, 4; 91, 9; 97, 5-8, 10). Серии насечек носились группами от трех (чаще всего) до 11 штук на следующие орудия: разбивальник, струг для волососгонки, колышек, тупик. Такими же насечками, но не разбитыми на группы, украшались антропоморфные статуэтки,

пластины с линейным орнаментом, шпатели со сложным геометрическим орнаментом, где эти насечки выступают в качестве дополнительных элементов к основному орнаменту. Как основной элемент насечки применялись только при украшении шпателей для формовки керамики, где они наносились по всему периметру.

2. Простой линейный орнамент есть практически на всех категориях находок (рис. 86, 2; 87, 1; 90, 4; 97, 1-4). Встречаются предметы, украшенные одной или серией поперечных линий (рис. 92, 1; 79, 2, 8) или продольными линиями – на тонких длинных пластинах (одна из них – струг для волососгонки, рис. 86, 2), на шпателе-лощиле для керамики (рис. 90, 4), на подвеске (рис. 104, 5). В нескольких случаях параллельные линии дополнены короткими насечками, а в одном случае – зигзагом (рис. 92, 6). Одной-двумя параллельными линиями украшались и оборотные стороны некоторых изделий. На двух предметах параллельные линии, вероятно, имеют технологическое происхождение: это параллельные краю предметов линии на трапециевидном скребке для мездрения шкур и обломке тупика (рис. 78, 3). По таким глубоким линиям, как установлено трасологическими исследованиями, производилось обламывание лишней части заготовки при изготовлении орудия.

3. Лабиринт. Простейший лабиринт украшает пластины с линейным орнаментом с “лицевой” стороны (рис. 97, 1-3). В принципе, все более сложные геометрические орнаменты с зигзагом и меандром также образуют лабиринт.

4. Зигзаг украшает предметы только в сочетании с другими элементами, выступая в качестве разделителя орнаментальных зон на пластинах, шпателях, в одном случае зигзаг встречен на антропоморфной статуэтке.

5. Треугольник также встречается как элемент сложных геометрических композиций. Только в одном случае композиция полностью состав-

лена из треугольников: на плоской грани одного из скребков-стругов, выполненного на крупном ребре, выгравированы четыре треугольника, образующие цепочку и заполненные сеткой (рис. 78, 2).

6. Лабиринт-меандр – основной элемент сложных геометрических композиций, дополненных практически всеми остальными элементами орнамента (рис. 89, 6; 90, 3; 93, 2, 3; 96, 1-3, 5, 6; 98, 3; 103, 2, 3). Это наиболее интересный и выразительный элемент орнамента, определяющий оригинальную стилистику большей части орнаментированных предметов. Композиции с лабиринтом-меандром подробно будут рассмотрены ниже, поскольку именно они, как представляется, выделяют Варфоломеевскую стоянку в самостоятельный культурный очаг.

7. Прямоугольник. Используется в качестве ограничителя, рамки для орнаментальных композиций. В одном случае, возможно, это условный и схематизированный сюжетный рисунок (рис. 92, 3). Таких рисунков встречено немного (рис. 86, 3; 103, 2) и определить смысловую нагрузку таких композиций при незначительной выборке пока весьма трудно.

8, 9. Штриховка и сетка – заполняют углы композиций и внутреннее пространство геометрических фигур.

10. Ямки. Два предмета украшены неглубокими просверленными ямками. Один из них – обломок какого-то орудия, вторично использовавшегося в качестве украшения-подвески. На его узком отверстии одна из ямок просверлена насквозь. По граням подвеска также дополнительно украшена тройными короткими насечками (рис. 71, 9). Аналогичными ямками (39 шт.) украшено охотничье острие по всей его длине (рис. 91, 8).

11. Бессистемный орнамент нанесен на проколку (рис. 88, 11) и два костяных осколка; хаотические линии без какой-либо системы не являются собственно орнаментом.

Четвертый-девятый орнаментальные элементы нанесены, преимущественно, на шпатели, пластины и кости с орнаментом.

Первая группа. Орудия и изделия, украшенные орнаментом. Наиболее выразительным и интересным орнаментом покрыты пластины, которые были предназначены для обработки керамики или просто являлись подвесками. Орнамент на орудиях и подвесках не различается. В качестве подвесок, скорее всего, вторично использовались керамические орудия труда с орнаментом. Все пластины-подвески с орнаментом сильно залощены и, вероятно, трасологические следы были попросту уничтожены. Относительно целых форм встречено всего 3-4, остальные представлены крупными фрагментами или обломками (всего от 16 предметов). Изготавливались из надкостицы крупных трубчатых костей или тонкопластинчатой кости лопаток и черепов животных.

При небольшом количестве элементов, составляющих орнамент, неолитические мастера Варфоломеевской стоянки составляли сложные геометрические композиции и выработали свой выразительный стиль. В основе этого стиля лежит элемент, который можно назвать “лабиринт-меандр”.

Первоначальной основой этого орнамента, скорее всего, является простейший лабиринт, нанесенный на узкие пластины. Линии этого лабиринта прямые, в виде сложенной ленты (рис. 97, 1, 2, 4). Затем внутри одного витка прямая лента извивается в виде зигзага (рис. 98, 3), или эти отрезки, повторившись несколько раз, располагаются под прямым углом друг к другу (рис. 96, 5). В наиболее сложных вариантах эти ленты-лабиринты вписаны в треугольники или разнообразные по контуру меандры (рис. 90, 3; 96, 1, 2, 6). Углы композиций, образованные изгибами ленты лабиринта, заполнены штриховкой, а в одном случае кость удалена, в результате чего орнамент приобрел рельефный характер (рис. 92, 2).

Элементы орнамента ритмично повторяются, имеют одинаковые размеры, хорошо вписываются в осевую линию, образованную зигзагом. Большая часть изделий имеет двустороннюю орнаментацию, такую же бо-

гатуую или упрощенную (рис. 89, 6; 92, 3; 96, 1, 6). Орнамент плотно покрывает поверхность изделий, нанесен уверенной рукой, и хотя не встречено и двух одинаковых предметов, при первом же взгляде на изделия отмечается их стилистическое единство, более того, можно даже говорить о вполне сложившейся школе, традиции, являющейся оригинальной и пока не находящей аналогий в ближайших культурах позднего неолита и раннего энеолита.

На одном предмете орнамент больше похож на пиктограмму, хотя и составлен из обычных элементов, но здесь отсутствует их ритмическая упорядоченность, характеризующая собственно орнамент. В этом изображении можно усмотреть какое-то фантастическое существо с небольшой головой и тремя парами конечностей (рис. 103, 2). Если сопоставить это изображение с чрезвычайно стилизованными женскими статуэтками, которые рассматриваются далее, то это предположение вполне правомерно.

Весьма интересна гравировка на лощиле по коже, которую, возможно, следует относить к пиктограммам (рис. 86, 3). Л-образный элемент композиции – часть более сложного меандра, а вытянутый элемент с раздваивающимися концами вообще встречен один раз, как и женский знак (аналогичные распространены в палеолитическом искусстве) в центре композиции. Вполне возможно, что именно в этой композиции содержится ключ к пониманию смысловой нагрузки всех сложных варфоломеевских орнаментов.

Отдельные элементы варфоломеевских композиций встречаются в синхронных памятниках, но в таком сочетании аналогий нет. Судя по вариативности однотипных орнаментов, в основе которых всегда лежит лабиринт-меандр, здесь сложилась своя художественная традиция украшения кости, которая практически не пересекалась с художественной традицией орнаментации керамики.

На керамике Варфоломеевской стоянки, также отличающейся ярко выраженным своеобразием, сложным геометризмом и разнообразием композиций, встречаются только отдельные близкие элементы орнамента: штриховка, зигзаг, сюжеты с использованием треугольника.

Орнаменты на керамике несколько различаются в зависимости от техники нанесения – наколом или прочерком, но в данном случае нас интересуют только орнаментальные композиции.

Всего насчитывается более двух десятков орнаментальных композиций на керамике, но часть из них выполнена отдельными крупными наколами, ямочными вдавлениями и выпуклыми жемчужинами, которые технологически сложно повторить на кости. Композиции составлены из немногочисленных геометрических элементов. В первую очередь это линия и зигзаг, образующие треугольники, “соты”, ромбы. Но геометрические фигуры встречаются и как самостоятельные элементы вместе с прямоугольниками, многоугольниками. Распространены также шеврон, плетенка, косая штриховка, сетка, правда, совершенно отсутствует меандр (табл. 4). Близкий набор элементов орнамента, тем не менее, дает совершенно разные композиции на керамике и кости. Несмотря на большую пластичность сырой глины, по которой наносился орнамент, гравировка по кости зачастую превосходит по сложности самые вычурные орнаменты на керамике.

Получается, что разный материал определял различия орнаментальных композиций. Разнообразная стилистика в искусстве одной культуры отмечалась и ранее (Формозов А.А., 1966. С. 5-7) и материалы Варфоломеевской стоянки еще раз подтверждают это.

Кроме того, есть и еще один фактор, который мог оказать определенное влияние на выбор композиций орнамента. Как известно, производство лепной керамики в древних обществах являлось женской прерогативой. Орудия из кости, скорее всего, изготавливались исключительно мужчинами, учитывая, что обработка кости требует значительных физических

усилий по сравнению с мягкой и пластичной глиной. Вероятно, это также сказывалось на разнице орнаментов при гравировке кости и украшении керамики в рамках одного памятника.

Как уже было отмечено, аналогии варфоломеевским орнаментированным изделиям из кости в других синхронных или стадияльно близких культурах немногочисленны и прослеживаются в самых общих чертах. Можно даже сказать, что аналогии имеются не столько собственно в орнаментах, а в самом факте наличия орнаментированных предметов. В кругу родственных культур Поволжья и Подонья обнаруживаются совпадения в категориях находок из кости, но нет ничего подобного в отношении их орнаментального оформления. Встречаются только простейшие элементы орнамента, например, шпатель с насечками по периметру на стоянке Джангар в Калмыкии; серия пронизок с насечками и оправа для вкладыша с крестовидными и V-образными знаками на стоянке Каир-Шак III в Северном Прикаспии (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1989. С. 41-43); грифельные кости лошади с насечками на Ивановской стоянке в лесостепном Волго-Уральском междуречье (Моргунова Н.Л., 1995. С. 131-132). Правда, на последней стоянке есть один предмет с заштрихованными треугольниками. Несколько разнообразнее украшены костяные изделия в Ракушечном Яру на Нижнем Дону: нарезки, прямые линии, ямки (Белановская Т.Д., 1983). Несколько идентичных орнаментальных элементов (зигзаг, ромб, сомкнутые ромбы, сверлины) стали известны среди костяных изделий на стоянке Раздорская 2 (Цыбрий В.В., Кияшко В.Я., 2003. С. 30-40).

Из более дальних степных аналогий следует отметить костяную пластину с орнаментом с о.Сурского (Неолит..., 1996. С. 43. Рис. 8, 11). Какое-то отдаленное сходство обнаруживается в орнаменте костяных браслетов из могильника Васильевка 2 (Телегин Д.Я., 1991. С. 45).

Если еще более расширить поиск в территориальных и хронологиче-

ских рамках и посмотреть аналогии в неолите и энеолите лесной зоны, то получается следующая картина. На стоянке Сахтыш II льяловской культуры найден плоский костяной “жезл” с орнаментом. Морфологически он близок в варфоломеевским шпателям; орнамент на нем составлен из тех же элементов, что и на шпателях – зигзаг, ромб, сетка. Но образуют эти элементы совершенно другую композицию (Искусство..., 1992. С. 80-81. Рис. 106). Схожий с варфоломеевским принцип размещения орнамента наблюдается на одной из костяных пластин волосовской культуры (Искусство..., 1992. С. 105. Рис. 141). Отдаленные параллели варфоломеевскому орнаменту известны даже далеко на севере, на стоянке Кузнечиха в г. Архангельске, где геометрический орнамент нанесен красной краской на обломке сосновой дощечки (Искусство..., 1992. С. 66. Рис. 85, 2).

Истоки сложного геометрического, и в первую очередь, меандрового орнамента следует искать в предшествующее время. Во всяком случае, ближайшие аналогии варфоломеевским меандрам обнаруживаются только среди находок Мезинской стоянки. Сразу следует отметить, что орнаментированные костяные изделия Мезинской стоянки тоже “выпадают” из характерного для палеолитического времени искусства (Бибикина В.И., 1965. С. 5). Возникновение мезинских меандров достаточно убедительно связывается с наблюдательностью первобытного гравера, который, постоянно сталкиваясь с естественным узором на срезе бивня мамонта, сумел переработать его в новую орнаментальную схему. Вопрос о первооснове варфоломеевского лабиринта-меандра пока остается открытым. Искать его истоки в чрезвычайно извилистых степных реках из-за того, что в большинстве своем они протекают в широтном направлении? Это представляется чересчур упрощенным и прямолинейным, несмотря на то, что и сам термин «меандр» возник от имени извилистой реки Б. Мендерес в Турции, которую древние греки называли Меандр. Попытаться связать варфоломеевский меандр с образом змеи? Но подобный “змеиный” орнамент характе-

рен для земледельческих народов, где он символизирует ход времени и смену времен года (Рыбаков Б.А., 1965. С. 44-45). Для населения Варфоломеевской стоянки, которое занималось охотой и где зарождающееся производящее хозяйство было связано исключительно с животноводством, такое объяснение также не подходит.

Некоторое сходство прослеживается с более поздними орнаментами на трипольской посуде, например, в композициях из лабиринта-меандра Варфоломеевки и “обегающей спиралью”, спирально-солнечным орнаментом трипольских сосудов, связываемого с идеей Времени (Рыбаков Б.А., 1965. С. 42-43). Но на Варфоломеевских орнаментах нет солярных знаков, а только меандр, который можно сопоставлять со спиралью, причем меандр нельзя соотнести с траекторией движения солнца, так как его направление гораздо более сложное. Вряд ли в данном случае спиральные орнаменты земледельцев-трипольцев и меандры охотников и скотоводов Варфоломеевской стоянки будут наполнены одинаковым смыслом.

Можно предположить, что подобный орнамент не имеет местных корней и употреблялся традиционно, с незапамятных времен. Возможно, это тот случай, когда сложившаяся схема орнамента просто передавалась из поколения в поколение. В этом плане характерен пример, который приводится для орнаментов на русских вышивках XIX века: “...вышивальщицы лишь бессознательно повторяли старые узоры, так как уже не могли объяснить их содержания. Эстетическое начало давно заслонило собой архаичный смысл” (Рыбаков Б.А., 1987. С. 460).

Подобное отношение к восприятию неолитического орнамента характерно и для современного человека, но в неолитическое время в орнамент, вероятно, скорее всего, еще вкладывался какой-то смысл. Это видно по избирательности нанесения орнамента – только на те орудия, с помощью которых изготавливались предметы, которые впоследствии орнаментировались сами, т.е. орнаментированные шпатели – для керамики, кото-

рая затем покрывалась орнаментом. Орнаментирована часть орудий для обработки кожи – следовательно и она, возможно, покрывалась каким-то орнаментом.

Но, с другой стороны, не исключена вероятность автохтонного происхождения этого оригинального орнамента. Об этом может свидетельствовать тот факт, что на костяных предметах нижнего слоя встречен простейший орнамент, сложный геометрический появляется в слое 2Б, а максимальное количество находок, украшенных лабиринтом-меандром, обнаружено в слое 2А (финальный неолит). Простейший вариант орнамента – лабиринт, заполняющий все орнаментальное поле. Затем орнаментальное поле делится на зоны геометрическими фигурами, в которые вписывается лабиринт. Далее лабиринт, ограниченный формой фигуры, – треугольника или ромба – изгибается и принимает вид меандра. По сравнению с палеолитическим меандром фигуры намного вычурнее. Самые сложные композиции дополняются сеткой или штриховкой, заполняющей углы элементов орнамента. По мнению Н.Н.Гуриной, пышный расцвет изобразительного искусства у населения Кольского полуострова в конце неолита – начале раннего металла был вызван ростом экономического благосостояния в связи с переходом к морским промыслам (Гурина Н.Н., 1986. С. 8). На Варфоломеевской стоянке наблюдается аналогичная картина. Расцвет искусства приходится на поздний неолит (слой 2А). Это время складывания производящего хозяйства; это был наиболее теплый и влажный период неолитического периода, а в культурном слое встречено максимальное количество костей лошади и других животных.

Приведенные аналогии показывают, что подобию и прототипы для орнаментов Варфоломеевской стоянки пока обнаруживаются в большей степени не только за пределами круга родственных культур, но и за пределами хронологических рамок неолита. В целом же орнаменты на костяных изделиях Варфоломеевской стоянки являются совершенно оригинальным

явлением и пока не находят полных повторений на других памятниках неолитической эпохи.

При всех вариациях отчетливо наблюдается сложение единого канона орнаментации определенного вида изделий – пластин, которые использовались в процессе производства керамики, а вторично – в качестве украшений.

О существовании устойчивой традиции и сложившихся приемах орнаментации кости говорит еще одна интересная категория изделий, которые очевидно, следует считать ученическими работами.

В отличие от пластин с орнаментом и шпателей-лощил, где орнамент наносился на предварительно подготовленное изделие (изготовление пластины из костяной заготовки, придание нужной формы, обработка поверхности скобелем и абразивом), “ученические” работы выполнялись на случайных обломках расколотых трубчатых костей и ребер без предварительной подготовки поверхности (рис. 92, 4; 97, 11; 98, 4; 106, 1). Линии нанесены неумело и неуверенно, в некоторых случаях резец срывался, оставляя следы за пределами намеченных сюжетов (рис. 92, 4). Элементы орнамента выстраиваются в узнаваемые композиции на описанных выше пластинах, но здесь нет продуманной ритмичности, на всех изделиях орнамент не завершен, а только произведена его разметка. В то же время эти предметы не могут считаться незаконченными, так как техника гравировки по кости исключает предварительную разметку непосредственно резцом и не допускает каких-либо исправлений – то есть перед нами не заготовки будущих изделий, а именно ученические наброски, тренировка гравера в овладении неподатливым материалом, требующего хорошего глазомера и уверенной, опытной руки.

Вторая группа. Антропоморфная скульптура. Представлена мелкой пластикой из путовых костей лошади. В отличие от пластин с орнаментом антропоморфная скульптура не является локальной особенностью

позднего неолита Заволжья. Аналогичные находки встречаются в степной и лесостепной зоне Евразии на неолитических стоянках (Ракушечный Яр на Нижнем Дону, Виловатовская стоянка на р. Самаре), а также энеолитических памятниках Заволжья (Алтата) и Северного Казахстана (Ботай и Кожай I) (рис. 238, 1-11). Долгое время назначение этих предметов оставалось неясным и только после изучения Варфоломеевской серии с несколько большей детализацией изображений (Килейников В.В., Юдин А.И., 1993), мы можем говорить о том, что это стилизованные статуэтки, схематично изображающие женщину.

Всего обнаружено 7 антропоморфных статуэток (рис. 93, 1-2; 94, 1-3; 95, 1, 2) и 4 заготовки (рис. 95, 3-5). В качестве исходной заготовки использовалась путовая кость лошади. Если ее рассматривать, расположив узкую (нижнюю) часть вверх, то наблюдается определенное сходство с женским торсом за счет естественной формы кости. Для усиления этого сходства поверхность заготовки тщательно обрабатывалась скобелем и абразивом, удалялись неровности и бугорки; в четырех случаях на тыльной стороне, в ее более широкой части глубокими пропилами выделены "ножки" (рис. 93, 1; 94, 2, 3; 95, 2). С тыльной же стороны одной заготовки при соскабливании и выравнивании были оставлены бугорки, имитирующие женскую грудь (рис. 93, 3). На шести статуэтках абразивом сформована легкая огранка по спинкам фигурок. Таким образом, вырезанные "ножки", грудь, огранка спины и естественные обводы кости делают в статуэтках вполне узнаваемой, хотя и сильно схематичной, фигуру сидящей женщины.

После пластической обработки и полировки на поверхность статуэток кремневыми пилками наносился орнамент: горизонтальные линии в средней и нижней части изделия, короткие насечки по естественным и сформованным граням. Относительно композиций на других костяных

предметах Варфоломеевской стоянки, орнаментация статуэток предельно лаконична, использованы самые простейшие элементы орнамента. Причем, при некоторых вариациях, расположение орнамента на всех статуэтках подчинено строгой закономерности. Во всех случаях статуэтка разделена в центральной части пояском из 1-4 линий, который опоясывает фигуру по всему периметру или нанесен только с лицевой стороны. Вторым поясок выгравирован по краю нижнего основания статуэток. Этим поясом очерчиваются и отделяются ноги от туловища. В двух случаях, под нижним пояском, с задней и боковых сторон статуэтки дополнительно нанесены зигзаг (рис. 94, 1) и полоса коротких вертикальных линий (рис. 94, 3). Вершины еще двух статуэток украшены прямыми и волнистыми линиями (рис. 93, 2; 94, 3).

На боковых сторонах и гранях по спинке почти всех статуэток сделаны короткие пропилены-насечки. Насечки нанесены группами от 5 до 18 штук. Небольшое количество скульптурок не позволяет пока сделать выводы о характере смысловой нагрузки количества насечек в группах. На двух статуэтках отсутствуют ножки или грудь, но идентичность орнамента не оставляет сомнений в их типологической принадлежности к группе схематичных антропоморфных скульптур. Следовательно, вполне возможно рассматривать и “заготовки” с Варфоломеевской стоянки, а также обнаруженные на других неолитических памятниках обработанные путовые кости с каким-либо орнаментом, как символические изображения женщин.

Подтверждением правильности интерпретации варфоломеевских статуэток как изображений женщин являются аналогичные изделия верхнепалеолитического времени. Статуэтка сидящего человека, вырезанная из метакарпальной кости мамонта, известна на позднепалеолитической стоянке Авдеево, где тело фигурки также передает естественная форма кости (Гвоздовер М.Д., 1950. С. 27). На малой антропоморфной скульптуре костенковско-авдеевских памятников выявлена устойчивая связь между ти-

пом фигурки и ее орнаментацией. Причем, схема расположения орнамента была единой для реалистических и схематических изображений (Гвоздовер М.Д., 1985а. С. 9-22; она же, 1985б. С. 37-38). Л.А. Яковлева проанализировала расположение орнамента на женской статуэтке из позднепалеолитической стоянки Елисеевичи и на метаподиях, фалангах, трубчатых костях, найденных там же, и доказала, что эти орнаментированные предметы также связаны с образом женщины (Яковлева Л.А., 1989. С. 43).

Антропоморфные стилизованные скульптурки из Варфоломеевки имеют двухчастное построение, что всегда подчеркивается рядами горизонтальных линий в средней части статуэтки, и это, вероятно, является культурной особенностью. В степной зоне Юго-Востока Европы по аналогичному принципу орнаментирована путовая кость лошади из Ракушечного Яра (Белановская Т.Д., 1983. С. 161. Рис. 1, 15). Антропоморфный характер статуэтки не вызывает сомнений, так как композиционно она полностью вписывается в варфоломеевские стандарты: разделена пояском в средней части, верхние и боковые грани покрыты рядами насечек (рис. 238, 1). Такое сходство явно не случайно, так как в орловской и ракушечной культуре наблюдаются значительные параллели и по другим признакам (Юдин А.И., 1998. С. 28-29). Очевиден также антропоморфный характер орнаментированной метаподии оленя, найденной в Ракушечном Яру. Определяющим признаком в этом случае выступает женский знак, появляющийся в искусстве антропоморфной пластики уже в начале верхнего палеолита (Столяр А.Д., 1972).

Статуэтка с Ивановской стоянки (рис. 238, 2), другого территориально и культурно близкого к Варфоломеевке памятника, украшена по спинке вертикальной цепочкой ромбов (Васильев И.Б. и др., 1980. С. 185). Такого орнамента нет на варфоломеевских скульптурках, но идентичные элементы часто встречаются на керамике.

Отличия антропоморфных статуэток на названных выше энеолитических памятниках за Уралом проявляются только в системе нанесения орнамента. Здесь применяется такой же принцип имитации женской фигуры путем подбора естественной кости соответствующей формы, что требовало минимального вмешательства древнего скульптора. При сравнении с наиболее представительной серией антропоморфных статуэток с поселения Ботай (Даниленко Т.А., 1985) сразу заметно, что для лицевой стороны скульптуры, как и на Варфоломеевке, выбрана тыльная сторона путовой кости. Здесь нанесен наиболее пышный орнамент и, в одном случае, женский знак. В расположении орнамента не применяется двухчастная композиционная схема (рис. 238, 3-8), характерная для статуэток Варфоломеевской стоянки.

Аналогичная картина наблюдается и на статуэтках из костей лошади, кулана и сайги терсекского памятника Кожай I (Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997. С. 62, 68-69). В отличие от ботайских, на них нанесен более простой орнамент, но он также не укладывается в варфоломеевскую схему. Несколько путовых костей украшены только по верхнему краю (рис. 238, 9-11).

Возможно, более упрощенная орнаментация (в палеолите антропоморфная скульптура развивалась по пути усиления схематизации) является хронологическим признаком, однако на находках Варфоломеевской стоянки эволюционный характер антропоморфной пластики не подтверждается. Материалы стоянки отражают функционирование орловской неолитической культуры на протяжении всего V тысячелетия до н.э. и по ним хорошо прослеживается эволюция в керамике, каменных орудиях, меньше – в изделиях из кости. Антропоморфные статуэтки залегали по всей толще неолитического слоя и все они выполнены в едином художественном стиле, сохранившемся на всем протяжении неолита. С другой стороны, на памятниках местного энеолита статуэток варфоломеевского типа нет, известны

только путовые кости с сериями насечек в верхней части (стоянка Алтата).

Объединяет поволжские и зауральские предметы мелкой костяной антропоморфной пластики тот факт, что на всех памятниках, где они найдены, или существовал культ лошади и ее кости составляли значительное количество в остеологических материалах (Варфоломеевка) или хозяйство имело развитый коневодческий характер (Ботай). Показателен и сам выбор путовых костей лошади (в большинстве случаев) в качестве исходной заготовки для статуэтки.

Таким образом, в результате анализа серии орнаментированных путовых костей лошади с Варфоломеевской стоянки определено, что они являются стилизованными статуэтками женщины. Аналогичные статуэтки бытовали в степных культурах Евразии и, вероятно, являются отражением женского культа, сложившегося еще в верхнем палеолите. Условный и схематичный принцип изображения женщины в последующие за палеолитом эпохи реализовывался по-разному в зависимости от местных культурных традиций: из рога и камня у лесных охотников, из глины у земледельцев и из путовых костей у первых скотоводов степей Евразии.

Третья группа. Зооморфные предметы. Находки этой группы немногочисленны, но очень выразительны и представляют особый интерес, так как показывают истоки сложения искусства следующего периода - раннего энеолита. Зооморфные предметы - это три фигурки лошадей, выполненных на тонкопластинчатых костях. Самая маленькая фигурка имеет длину 2,8 см и высоту 1,5 см (рис. 93, 5). Это изображение лошади наиболее схематично по сравнению с другими, но видовая принадлежность не вызывает сомнений. По холке лошади кость срезана под углом таким образом, что обнажившееся губчатое вещество очень удачно имитирует гриву. Также следует обратить внимание на две параллельные линии, прочерченные по морде, передним и задним ногам и брюху. В принципе, это можно было бы списать на техническую погрешность, но на второй фигурке ло-

шади совершенно явственно изображена уздечка и, поэтому, эти две параллельных линии привлекают к себе внимание.

Вторая фигурка наиболее крупная: длина 6,9 см, высота 3,5 см (рис. 93, 3). Приблизительно в центральной части просверлено отверстие, а на голове с обеих сторон кремневой пилкой сделаны глубокие пропилы, в том числе и два длинных по шее, и по одному глубокому пропилу по крупу. Скорее всего, этими пропилами обозначена уздечка. Как и у первой фигурки, ноги лошади обозначены весьма условно, хотя общий контур весьма динамичен и выразителен.

От третьей фигурки сохранилась только передняя половина. Здесь короткими насечками обозначена грива и просверлено отверстие для подвешивания. Высота 2,2 см (рис. 93, 4). Все три фигурки выполнены в одной художественной манере: головы лошадей опущены, они имеют короткие ноги и отвислый живот. Ближайшие аналогии обнаруживаются в раннеэнеолитических могильниках Поволжья: у с.Съезжее на реке Самаре и Липовый Овраг в Хвалынском районе Саратовской области. Фигурки лошадок из Варфоломеевки отличаются от них отсутствием гравировки мелких деталей по сравнению с находками из Липового Оврага и в то же время значительно большей реалистичностью по сравнению с предметами из Съезжего (Васильев И.Б. и др., 1980. С. 185; Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979; Васильев И.Б., 1985. С. 17).

Предметы искусства из других материалов, встреченные на Варфоломеевской стоянке, являются обычными находками на других неолитических и раннеэнеолитических стоянках.

Найдены обломки пяти утюжков. Один из утюжков, выполненный из темно-серого окаменевшего дерева, имеет поперечную полукруглую в сечении бороздку; перпендикулярно ей по верхней плоскости проточено около 10 линий (рис. 72, 7). Еще два аналогичных утюжка с параллель-

ными линиями по верхней поверхности изготовлены из серо-зеленой породы типа серпентинита и серо-черного камня с блестящими вкраплениями (рис. 102, 3; 81, 3). Несколько отличается обломок утюжка из плотной темно-серой породы с мелкозернистой примесью, дающей металлический блеск. Нижняя часть утюжка плоская, на округлой поверхности и боковой грани сохранились два полукруглых желобка. В центральной части, перпендикулярно желобку проточены две параллельные бороздки (рис. 102, 4). В слое 2 А (финальный неолит, вторая половина V тыс. до н.э.) обнаружен обломок глиняного утюжка, такой же формы, как и каменные. На его верхнюю сторону до обжига были нанесены продольные полосы в технике отступающего накола (рис. 66, 7).

Особый интерес представляет скипетр, найденный на территории Варфоломеевской стоянки, один из концов которого оформлен в виде головы животного. Скипетр изготовлен из сливного песчаника розовато-коричневого оттенка (цвет за счет примесей гидрооксида железа). Предмет полностью не сохранился (рис. 83).

Длина сохранившейся части – 18,7 см, максимальный диаметр – 6 см. Скульптурное изображение выполнено в условно-реалистической манере. Морда животного вытянутая, приплюснутый нос напоминает пяточок свиньи (в культурном слое найдено очень незначительное количество костей свиньи, преимущественно, в верхнем слое). В нижней части “пяточка” слегка намечены пасть и нижняя челюсть. Глаза обозначены выпуклыми окружностями. На верхнелобовой части, ближе к затылку, выступают небольшие уши, дугообразно опускающиеся к нижней челюсти и подчеркивающие форму головы. С уверенностью назвать вид изображенной особи нельзя, т.к. скульптура соединяет черты нескольких животных. В частности, передняя часть морды напоминает свинью, а длинные свисающие уши больше всего похожи на собачьи. Поверхность жезла тщательно отполирована. Кроме того, ближе к обломанной части на верхней, нижней и боко-

вых сторонах сделаны четыре плавно заглубленные плоскости, зашлифованные намного сильнее, чем остальная поверхность.

Аналогичные предметы известны на памятниках Восточной Европы еще со второй четверти XIX века по коллекции П.Н.Рыбникова на территории Карелии (Формозов А.А., 1986. С. 183)

Традиция использования подробных жезлов широко распространена и в неолите лесостепной и степной зоны. Они чаще всего известны как случайные находки, например, в Новоорском районе Оренбургской области (Моргунова Н.Л., 1995. С. 172. Рис. 76, 2), но зооморфный скипетр встречен и в культурном слое энеолитического поселения Лебяжинка IV в лесостепном Заволжье (Овчинникова Н.В., 1996. С. 13-14. Рис. 1).

Найдены два навершия булав: обломок круглой булавы диаметром 4,5 см из серо-коричневой плотной мелкозернистой породы и полностью сохранившаяся булава из мела. В данном случае интерес вызывает последняя. Она залегала на дне жилища слоя 2 А. Находка имеет подтреугольную форму, окончания лучей подчеркнуты двумя круговыми желобками. Сверху, вокруг сверлины также проточена окружность, от которой вершинами вниз опускаются треугольники (рис. 81, 2).

Традиционно считалось, что искусство степных народов на протяжении длительного времени носило исключительно орнаментальный характер, но мелкая зоо- и антропоморфная костяная пластика Варфоломеевской стоянки и других вышеназванных памятников неолитического времени позволяет предполагать широкое бытование изобразительных видов искусства на материалах, которые не сохранились в культурном слое. Это хорошо видно на примере стоянок лесной зоны, культурные слои которых залегают в болотах и торфяниках с хорошей сохранностью дерева. Без деревянных предметов искусства (скульптурные изображения животных и птиц), найденных там, искусство многих неолитических культур также считалось

бы только орнаментальным.

Долгое время чисто орнаментальным считалось и искусство культур степной бронзы. Однако редкие, хотя и схематичные, изображения людей, животных, колесниц на керамике эпохи бронзы (Отрощенко В.В., 1974; Галкин Л.Л., 1977; Кузнецова Л.В., Седова М.С., 1991; Матюхин А.Д., 1992) показывают, что людям того времени не было чуждо изобразительное творчество, но и они, вероятно, прилагали свои силы на недолговечных материалах. Выше уже приводилось логическое предположение по этому вопросу для Варфоломеевской стоянки: если орнаментом покрыты орудия для изготовления керамики, которая в свою очередь орнаментировалась, то, возможно, украшались и изделия из кожи, т.к. орудия для ее обработки тоже орнаментированы. Далее, можно предположить следующее. Орнамент на кости и керамике в пределах одной стоянки различается принципиальным образом, следовательно, и на кожаных предметах он был другим. А может там выполнялись сюжетные рисунки? Ведь есть же некое подобие пиктограмм на нескольких изделиях (рис. 86, 3; 92, 3; 103, 2).

Круг аналогий для искусства Варфоломеевки, в целом, очерчивается в сопредельных степных культурах неолита-раннего энеолита. За пределами нижневолжского региона, особенно явственно общие закономерности прослеживаются с ракушечной культурой Нижнего Дона. Это уже упоминавшиеся костяные изделия из Ракушечного Яра (орнаментированные предметы, антропоморфные статуэтки) и костяная фигурка быка из Раздорского I поселения (Кияшко В.Я., 1994. С. 129. Рис. 143). Последнее представляется особенно важным, так как к настоящему времени только в орловской и ракушечной культурах совместно встречаются антропоморфная и зооморфная пластика. Вероятно, это не случайное совпадение, которое не может быть объяснено стадийными причинами. Следует предполагать какую-то общую культурную основу или тесные культурные связи (Юдин А.И., 2000. С. 47-49).

Концентрация находок на Варфоломеевской стоянке возможно есть зримое свидетельство существования еще одного центра распространения неолитического искусства на территории Восточной Европы, получившем прямое продолжение в энеолитических памятниках последующего времени. Преемственность искусства мелкой пластики и традиционных орнаментов на территории Нижнего Поволжья видна в материалах раннеэнеолитических могильников Съезжее (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979) и Липовый овраг (Васильев И.Б., 1985). Если варфоломеевские фигурки лошадей выполнены в единой стилистической манере, то фигурки с могильников уже делятся на два типа. Один тип представлен изображениями лошадей в более реалистической манере и с большей детализацией по сравнению с варфоломеевскими находками. Другой тип, наоборот, отличается избыточной стилизацией.

Вопрос о преемственности искусства непосредственно связан с более общими вопросами развития культуры. Анализ материалов Варфоломеевской стоянки подтверждает вывод С.В.Ошибкиной о возможном существовании общих закономерностей в развитии искусства всей Евразии (Искусство..., 1992. С. 132). Этому может служить бытование костяных фигурок животных в одной стилистической традиции от Балтики до Нижнего Дона. Имеются в виду фигурка лося (Малмута, Латвия, раскопки И.А.Лозе - по А.А.Формозову, 1970. С. 199. Рис. 4, 9), скульптурки лошадей из Поволжья и изображение быка из Раздорского I поселения (Кияшко В.Я., 1987. С. 74. Рис. 1, 16).

С.В.Ошибкина также считает, что наблюдаемая специфика для различных культур и регионов носит этнический характер. Применительно к варфоломеевским материалам это также находит подтверждение. Действительно, прямые аналогии обнаруживаются к северу и северо-востоку от Варфоломеевки в материалах волго-уральской культуры, на юге и юго-западе — среди каиршакских и джангарских памятников и далее — в раку-

печеноярской культуре. Именно с этими культурами орловская обнаруживает максимальную степень культурной близости по комплексу археологических признаков.

Преемственность (основных принципов или идей) искусства от эпохи к эпохе хорошо прослеживается в искусстве малых форм. В палеолите для этого жанра основным сюжетом является изображение женщины и животных (Абрамова З.А., 1970. С. 78). Те же сюжеты, как было показано выше, характеризуют орловскую и ракушечноярскую культуры. Сохраняется и принцип отражения в искусстве наиболее важных сторон жизни. Если в палеолите на стоянках встречается много костей мамонта, то и его изображения доминируют. Аналогично и для Варфоломеевской стоянки - обильное количество костей лошади сопровождается изображениями лошади.

Таким образом, на примере одной относительно небольшой коллекции предметов декоративно-прикладного искусства становится возможным увидеть общую картину для степной зоны Юго-Восточной Европы, т.к. в культурном слое Варфоломеевской стоянки представлены практически все предметы неолитического искусства этого региона. По единичным предметам декоративно-прикладного искусства на различных памятниках ранее нельзя было предполагать какую-либо целостность в плане эволюции искусства неолитического населения. Варфоломеевская стоянка своей коллекцией не только объединяет эти разные в плане археологических культур памятники, но и выделяется среди них как по общему количеству типов и предметов искусства, так и совершенно оригинальным художественным стилем гравировки кости, который пока не находит аналогий. С учетом коллекции предметов искусства Варфоломеевской стоянки теперь степная зона Юго-Восточной Европы предстает перед нами как единое культурное пространство (в плане искусства) с возможным центром распространения искусства обработки кости из степного Заволжья.

Керамика стоянки отражает контакты с сопредельными областями, в разное время только менялась их направленность. В целом результат этих контактов во всех случаях приводил к двум вариантам культурной трансформации. В энеолитическую эпоху происходит сплав разнокультурных традиций и появление новых культурных типов. Наиболее яркий пример – керамика мариупольского круга (Хреков А.А., 1996. С. 64-77. Рис. 2, 1-10; 3, 10-4; 4, 1-13; 5, 7, 8, 10-12) (рис. 211; 212), которая, несомненно, претендует на самостоятельный культурный статус. В неолитическую эпоху все ограничивается появлением новых элементов в керамике под воздействием соседей без кардинальных изменений в общем облике керамического комплекса. В качестве примера можно указать на элементы орнаментации накольчатой керамики, имеющие, несомненно, южный, степной характер.

ГЛАВА 4. ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ. ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

В энеолитическое время культурная картина Нижнего Поволжья претерпевает значительные изменения и становится более мозаичной, что отражает сложные культурные процессы и синхронность существования разнокультурного населения.

4.1. Памятники прикаспийской культуры

Прикаспийская культура стала известна по результатам работ А.Н.Мелентьева в Северном Прикаспии. Основой для ее выделения и краткой характеристики послужили материалы материалов сборов на дюнных стоянках (Мелентьев А.Н., 1976б. С. 11-13). Материалы прикаспийской культуры включают профилированную плоскодонную керамику с воротниковым оформлением венчиков и орнаментом из прочерченных лент, меандров и лопастей, заполненных оттисками гребенки. Каменные изделия представлены крупными пластинами с ретушью, остриями на пластинах и продольных сколах, скребками, наконечниками стрел с двусторонней обработкой.

Характеристика прикаспийской культуры дополнена и конкретизирована в результате многолетних работ самарских археологов под руководством И.Б.Васильева в том же регионе (Васильев И.Б., 1981; Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985). Было впервые высказано предположение о смене микролитической кремневой традиции неолитического времени крупными кварцитовыми орудиями в раннем энеолите. Отмечена смена техники орнаментации керамики – от накольчатой и накольчато-прочерченной на гребенчато-прочерченную (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985).

С. 71-72). В то же время признавалось, что материалы прикаспийской культуры весьма немногочисленны.

Ареал прикаспийской культуры значительно расширился в северном направлении после обнаружения в 80-х годах прошлого века ряда стоянок и поселений в степном Заволжье и Волго-Уральском междуречье. Причем, в отличие от Северного Прикаспия, здесь большая часть памятников имеет хорошо сохранившийся культурный слой.

Прикаспийские памятники Заволжья располагаются вдоль борта Прикаспийской низменности. Сейчас материалы прикаспийской культуры известны на поселениях Орошаемое, Резвое, Передовое (р. Б.Узень), Кумыска (р.Торгун) и Варфоломеевка (р.М.Узень) (Юдин А.И., 1986. С. 44-50; он же, 1999. С. 130, 135; он же, 2004. С. 170-171). Две стоянки с прикаспийским инвентарем - Озинки 1 и Озинки 2 - исследовались в верховьях р.Б.Чалыкла (Лопатин В.А., 1989. С. 135-146) и на р.Деркул (Кузнецово 1) (Малов Н.М., 1986; он же, 1988).

Еще три пункта маркируют границы прикаспийской культуры. Выразительный фрагмент прикаспийской керамики найден на размытом водами Волгоградского водохранилища Скатовском поселении (Синицын И.В., 1959. С. 176-177). Это самая северная находка прикаспийской культуры по берегу Волги. В глубинном Заволжье прикаспийская культура поднялась на север до истоков р.Б.Узень. Здесь на Кушумской стоянке собрана коллекция крупных кварцитовых орудий на пластинах, происхождение которых вероятнее всего связывать с прикаспийской культурой (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991. С. 192-205). Еще один пункт с прикаспийскими находками – стоянка Лебязий Дол – занимает крайнее северо-восточное положение относительно остальных памятников и находится уже в бассейне р.Б.Иргиз (Юдин А.И., 1996. С. 29-33).

Из полутора десятков прикаспийских стоянок степного Заволжья восемь имеют сохранившийся культурный слой. Из них две стоянки одно-

слойные (Орошаемое и Озинки 2), на Варфоломеевке и Кумыске керамика отчленяется без проблем от неолитической, а еще на двух энеолитические находки легко отделяются от материалов эпохи поздней бронзы (Резвое, Озинки 1). Эти шесть опорных памятников вместе с материалами остальных заволжских стоянок позволяют наиболее полно охарактеризовать прикаспийскую культуру.

Стоянка Озинки 1.

Стоянка Озинки 1 – первый памятник прикаспийской культуры, обнаруженный в степном Заволжье. Стоянка открыта В.А.Лопатиным в 1977 году и исследовалась им в 1979 и в 1984 гг. (Лопатин В.А., 1985). Стоянка расположена на левом берегу старого русла р.Б.Чалыкла, напротив стоянки Озинки 2 (рис. 147, 2; 148, б). Стоянка содержит материалы эпохи поздней бронзы и энеолитические. Исследовано 406 кв. м культурного слоя. Сразу под гумусом залегал слой светло-серой супеси толщиной 20-25 см с находками срубной культуры. Под ним находился энеолитический горизонт – темно-бурая гумусированная супесь толщиной до 0,6 м. Он включал каменные орудия, отщепы, обломки костей животных и срубную керамику из верхнего слоя. Выразительная энеолитическая керамика не обнаружена, каменные находки идентичны орудиям стоянки Озинки 2. В культурном слое найдено 269 нуклеусов, пластин, орудий и несколько тысяч сколов и отщепов. До 85 процентов каменных изделий выполнено из серого кварцита, они более крупные по сравнению с кремневыми. Доминирует пластинчатая техника расщепления камня. Технология обработки кремня и кварцита совпадает; различия касаются только размеров орудий и первичных заготовок. Кремневые нуклеусы, пластины и орудия на них микролитичны (рис. 149 2-5), кварцитовые изделия имеют значительно более крупные размеры (рис. 149, 1). Встречены наконечники стрел и дротиков листовидной (с прямым или вогнутым основанием) и подтреугольной формы (рис. 149, 5-9) и перфораторы (рис. 149, 20). Ножи на отщепах подовальной

формы имеют одно- и двустороннюю обработку. Ножевидные пластины также использовались в качестве ножей, о чем свидетельствует выкрошенность их острых продольных граней (рис. 149, 10-11). Основную часть комплекса составляют скребки на отщепах – концевые, боковые, с ретушью на 3/4 или почти по всему периметру (рис. 149, 17-19). Хорошо представлены скребки на укороченных пластинах и массивных продольных сколах (рис. 149, 13-16).

Стоянка Озинки 2.

Памятник открыт В.А.Лопатиным в 1979 году и исследовался им в 1980 г. (Лопатин В.А., 1989. С. 135-146). Стоянка расположена на древнем русле правого берега р.Б.Чалыкла, в 3 км к юго-западу от пгт.Озинки Озинского района Саратовской области (рис. 147, 2; 148, 7). На стоянке вскрыто 306 кв. м культурного слоя. Памятник однослойный, содержит материалы только энеолитического времени. Раскопом исследовано сооружение типа землянки, овальное в плане, размерами 8x24 м (глубина 1-1,5 м от уровня дневной поверхности) и ориентированное по линии восток – запад. На дне зафиксированы остатки кострища диаметром 1 м. По мнению автора раскопок, характер находок и особенности их залегания (скопление каменных орудий и отходов их производства на полу сооружения, малое количество керамики) говорят о предназначении помещения для обработки камня.

Всего обнаружено 144 предмета из камня, из них свыше 60 % из серого кварцита, остальные из кремня и окремнелого известняка (рис. 150, 1-20). Также найдено свыше 3 тысяч отщепов, сколов и чешуек. Среди предметов со вторичной обработкой кварцитовые достигают 70 %. Техника расщепления камня – пластинчатая. На отщепах изготавливались скребки, ножи и немногочисленные проколки (рис. 150, 14-19). Для кварцитовых предметов характерны более крупные размеры по сравнению с аналогичными кремневыми. Кремень использовался, в основном, для получения

микропластин и орудий на них и небольших скребков на отщепах. Ножевидные пластины представлены сечениями. Максимальная длина целых экземпляров – 11 см. Ширина пластин варьирует от 0,5 до 3 см (рис. 150, 2, 4, 5).

Часть пластин ретуширована со спинки (рис. 150, 5, 9). На пластинах изготавливались ножи, комбинированные орудия - скребки-ножи и приблизительно треть всех скребков (рис. 150, 6, 10, 12). Остальные скребки выполнялись на отщепах различной величины и формы – от небольших округлых до крупных скребковидных. Ножи на отщепах имеют подовальную или листовидную форму с усеченным основанием (рис. 150, 7, 8, 14). Основания двустороннеобработанных наконечников стрел – прямые или с небольшой выемкой (рис. 150, 13). Найдена серия абразивных орудий из песчаника в виде небольших плиток с одной рабочей поверхностью. На одной из плиток имеется полукруглый продольный желобок глубиной до 1 см. Обнаружены обломок круглой кольцевидной подвески из белого известняка диаметром 2,5 см и заготовка для такого же изделия (рис. 150, 20).

Керамика стоянки представлена фрагментами трех выразительных сосудов. Внешняя поверхность сосудов слегка подлощена. Обжиг неравномерный, цвет внешней поверхности от светло-коричневого до темно-серого. В тесте глины имеется примесь толченой раковины. Один из сосудов реконструирован графически. Он имеет яйцевидную форму и округлое дно. Воротничковый венчик слегка отогнут наружу. Орнамент выполнен гребенчатым штампом - наклонные отпечатки по воротничку, горизонтальные по шейке и вертикальные по тулову. Диаметр сосуда по тулову 14,5 см, высота 16 см (рис. 151, 1). Еще один сосуд с несколько большим диаметром венчика орнаментирован наклонными оттисками веревочки по воротничку и горизонтальными под ним (рис. 151, 3). Фрагменты венчика

третьего сосуда имеют аналогичный орнамент, но у него отсутствует воротничок (рис. 151, 2).

Стоянка Кузнецово 1.

Восточнее озинских стоянок, на р.Деркул известна еще одна стоянка с прикаспийскими материалами, очень близкими вышеописанным – Кузнецово 1. Стоянка находится в 2 км к западу от с.Кузнецово Каменского района Уральской области, на краю надпойменной террасы правого берега р.Деркул (рис. 147, 3). В 1988 году Н.М.Маловым на стоянке было заложено два раскопа общей площадью 72 кв. м (Малов Н.М., 1988). Наибольший интерес представляет раскоп 2, где была встречена прикаспийская керамика. Под дерновым слоем залегал культурный слой, представлявший из себя темно-серый гумусированный суглинок толщиной до 0,8 м в заполнении котлована постройки.

В северной части раскопа исследована стена котлована, углубленного в материк на 0,4 м. Культурный слой включал обломки костей животных, фрагменты керамики, каменные орудия и отщепы.

Характер каменной индустрии аналогичен всем остальным памятникам прикаспийской культуры. Техника расщепления камня – пластинчатая. В качестве сырья использовался, преимущественно, кварцит светло-серых тонов, в меньшей степени кремень. Но количество орудий из кварцита и кремня приблизительно равно.

Керамика стоянки имеет типичный прикаспийский облик: сосуды с уплощенным или округлым дном, венчик имеет воротничковое утолщение, в тесте глины – примесь толченой ракушки. По воротничку отпечатаны вертикальные ряды гребенчатого штампа, в одном случае под воротничком нанесен ряд округлых наколов. Верхние половины сосудов украшены двойными прочерченными волнистыми линиями, пространство между ними заполнено оттисками гребенки (рис. 151, 6, 7). Имеется керамика с оттисками плоского штампа. Один из фрагментов из верхней части культур-

ного слоя имеет отогнутый наружу венчик и орнаментирован крупнозубчатым штампом, образующим двойной зигзаг по венчику и горизонтальные полосы по шейке. Орнаментирована и внутренняя сторона венчика (рис. 151, 5).

Поселение Орошаемое.

Находится в 1,5 км к северу от районного центра Александров Гай Саратовской области, на краю высокого обрывистого правого берега р.Б.Узень (рис. 147, 4; 148, 1). Под слоем гумуса залегает культурный слой мощностью 1,2 м. Он состоит из светло-коричневого суглинка, в нижней части имеет более светлый цвет и сильнее насыщен находками, в том числе и костями животных. Все предметы из слоя относятся к энеолитическому времени.

Большинство каменных находок изготовлено из кварцита. Исключение составляют 6 орудий и 14 отщепов из кремня и кремневой корки. Преобладает пластинчатая техника расщепления камня, на отщепах изготовлено всего 6 скребков. Из 144 каменных предметов, найденных в культурном слое, 59 - ножевидные пластины, сечения пластин и орудия на них. Ширина пластин колеблется от 7 до 35 мм, преобладают пластины шириной 14-15 мм и 20-25 мм. 11 экземпляров имеют ретушь по одному или двум краям, нанесенную со спинки, в двух случаях - со стороны брюшка (рис. 152, 9); на двух пластинах оформлены скоблевидные выемки. Концевые кварцитовые скребки на пластинах и укороченных пластинах, как правило, имеют округлое лезвие (рис. 152, 10-14, 16-21). Найдено 3 обломка наконечников стрел с двусторонней обработкой (рис. 152, 6-8).

Керамика представлена фрагментами светло-коричневого и черного цвета с обильной примесью толченой ракушки в тесте глины. Сосуды орнаментированы наклонными и горизонтальными отпечатками зубчатого штампа, разреженными наклонами треугольной и полукруглой форм. Вен-

чики сосудов имеют воротнички, выраженные в различной степени в зависимости от размеров, или просто отогнуты наружу (рис. 152, 1-5, 15).

Наиболее полно сохранились фрагменты двух крупных сосудов. Венчик одного сосуда с внешней и внутренней сторон орнаментирован наклонными оттисками крупнозубчатого штампа. Воротничковый венчик слегка отогнут наружу, а с внутренней стороны по шейке сформовано небольшое ребро. Сосуд украшает двойной зигзаг, внутри которого нанесены редкие подтреугольные наколы. Остальная поверхность заполнена горизонтальными отпечатками крупнозубчатого штампа. Фрагменты придонной части неорнаментированы (рис. 152, 1).

У второго сосуда воротничок выражен слабее, внутреннего ребра нет. Диаметр по венчику – 36 см. Воротничок украшен пятью горизонтальными линиями. По тулову нанесены подпрямоугольные "ленты" орнамента, оконтуренные прочерками. Внутреннее пространство "ленты" заполнено горизонтальными оттисками гребенки с немногочисленными включениями мелких подтреугольных наклонов (рис. 152, 15).

В культурном слое также встречены мелкие комочки охры и круглая бусина из створки пресноводного моллюска (Юдин А.И., 1986. С. 39-41).

Поселение Резвое.

Поселение расположено в 0,7 км к северо-востоку от п. Приузенский Алгайского района Саратовской области, на краю террасы левого берега р.Б.Узень (рис. 147, 5; 148, 2). В 1984 г. А.И.Юдин заложил здесь 4 шурфа общей площадью 16 кв. м. Культурный слой имеет толщину от 0,8 до 1,4 м и содержит прикаспийские материалы вместе с находками срубной культуры эпохи поздней бронзы. Значительное количество находок собрано на распахиваемой поверхности поселения. Фрагменты керамики энеолитического времени немногочисленны. Они отличаются легкой подлощенностью внешней поверхности, на внутренней стороне заметны следы неглубоких расчесов. Цвет керамики - светло-красный, в тесте глины - значи-

тельная примесь толченой ракушки. Орнамент - в виде полос оттисков зубчатого штампа, очерченных волнистыми линиями (рис. 153, 1-3). Найдено 86 каменных изделий: нуклеусов и сколов с нуклеусов 14, ножевидных пластин и орудий на пластинах 59, орудий на отщепах 13. В качестве сырья чаще всего использовался кварцит светло-серого или, изредка, светло-коричневого цветов. Орудия и ножевидные пластины из кремня (24 экз.) отличаются небольшими размерами. На отщепах изготовлены различные скребки. Нуклеусы для снятия пластин (7 экз.) призматические и конические, одноплощадочные. Из них 3 кремневых нуклеуса предназначены для получения микропластин от 4 до 6 мм шириной (рис. 153, 8-10). Они полностью повторяют формы нуклеусов поздненеолитического времени. Кварцитовые нуклеусы имеют более крупные размеры, основание одного использовалось в качестве отбойника (рис. 153, 4, 5). Ширина ножевидных пластин и их сечений колеблется от 6 до 25 мм. По этому показателю они разбиваются на 3 группы:

1. Микропластины шириной 6-9 мм. Большинство этих пластин ретушированы по одному или двум краям со стороны спинки. Одна пластина покрыта ретушью по брюшку и, вероятно, применялась как вкладыш.

2. Пластины шириной 11-14 мм. Служили заготовками для скребков.

3. Пластины шириной 15-25 мм. Ретушированы по одному или двум краям, встречены экземпляры со скоблевидными выемками (рис. 153, 11). Использовались для изготовления различных скребков (рис. 153, 6, 12-14). Несколько орудий выполнены на крупных пластинах и продольных сколах, ширина которых достигает 55 мм. Это скребки и пластины с ретушью и скоблевидными выемками (рис. 153, 7). Найден наконечник стрелы и два обломка из серого кварцита. Наконечник подтреугольной формы обработан пологой ретушью только с одной стороны (рис. 153, 15-17) (Юдин А.И., 1986, с. 45-47).

Скатовское поселение.

В настоящее время памятник полностью разрушен Волгоградским водохранилищем. Поселение обнаружено И.В.Синициным в начале 50 -х годов (Синицын И.В., 1959). Оно находилось на левом берегу Волги, в 1,5 км южнее устья р.Тарлык, в Ровенском районе Саратовской области (рис. 147, 6; 148, 9). В последующие годы памятник неоднократно осматривался археологами и была собрана большая коллекция находок. Многослойное поселение содержало материалы нескольких эпох - срубные, неолитические. Каменный инвентарь включает трапецию со струганной спинкой, пластины, скребки, острия и единственный в степном Заволжье наконечник стрелы кельтеминарского типа.

Представляет интерес фрагмент венчика воротничкового сосуда, который также можно отнести к позднему этапу прикаспийской культуры (рис. 153, 18). Венчик косо срезан внутрь, с внешней стороны по воротничку нанесен ряд наклонных отпечатков зубчатого штампа, под ним проходят 4 горизонтальных отиска веревочки, а еще ниже – полосы зубчатого штампа. В тесте глины – обильная примесь толченой ракушки.

Кушумская стоянка.

На уже упоминавшейся Кушумской стоянке у истоков р. Большой Узень (рис. 148, 10) вместе с неолитическими находками встречено большое количество предметов энеолитического времени (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991. С. 192-204). Энеолитические находки вычлняются из общей массы типологически. К прикаспийскому кругу в первую очередь можно отнести крупные ножевидные пластины из кварцита и орудия на них (рис. 154, 1-25, 26), округлые кварцитовые отбойники (рис. 154, 26, 28). Ширина ножевидных пластин из кварцита изменяется от 6 до 41 мм, встречены единичные макропластины шириной до 70 мм. Максимальное количество кварцитовых пластин имеет ширину от 12 до 21 мм, что хорошо соотносится с параметрами пластин на прикаспийских памятниках. Ножевидные

пластины использовались при изготовлении ножей и концевых скребков (рис. 154, 14-20, 22-24).

К несомненно энеолитическим прикаспийским следует отнести двустороннеобработанные наконечники стрел листовидной и подтреугольной форм с прямыми и выемчатыми основаниями. Кварцитовые макроорудия, подобные кушумским, составляют основу комплексов стоянок Озинки I и II, поселений Резвое и Орошаемое – наиболее показательных памятников прикаспийской культуры степной зоны Нижнего Поволжья. Естественно, что к прикаспийским материалам относится и часть материалов из кремня и яшмы, так как микроорудия также являются обязательной частью прикаспийских комплексов.

Стоянка Лебяжий Дол.

Стоянка расположена в урочище Лебяжий Дол, по краю правого берега древнего русла р.Солянки (левый приток р.Камелик, бассейн р.Б.Иргиз), в 3,5 км к северо-западу от села того же названия (Юдин А.И., 1995, с. 29-31) (рис. 148, 21). В настоящее время древнее русло искусственно заглублено и служит водосбросным каналом пруда во время весенних паводков, плотина которого находится в 0,5 км выше по течению. Современное русло реки проходит приблизительно в 1 км западнее. Памятник занимает склон террасы, поверхность его слабо задернована. Вдоль канала и в южной части стоянки культурный слой почти полностью смыт весенними паводками, а в восточной части перекрыт суглинистыми отложениями.

В центральной части стоянки, там, где культурный слой не размыт и не перекрыт позднейшими наносами, был заложен шурф площадью 2х2 м, который показал, что слой переотложен и, вероятно, перемещен с более высоких участков террасы. Все находки собраны в той части стоянки, где этот слой размывается.

Обнаружено около полутора десятков фрагментов керамики с примесью толченой раковины и (в нескольких случаях) талька. Керамика сильно окатана и орнамент сохранился только на одном тонкостенном фрагменте – параллельные ряды подтреугольного накола, выполненного в отступающей технике (рис. 155, 1).

Комплекс каменных предметов включает два уплощенных нуклеуса подпризматической и конической формы (рис. 155, 2, 3). Нуклеусы одноплощадочные, с прямой и скошенной площадками. Скалывание производилось, преимущественно, с одной плоскости. Нижняя часть одного из них вторично использовалась в качестве скребка (рис. 155, 3). Ширина трех десятков сечений ножевидных пластин варьирует от 4 до 45 мм (рис. 155, 4, 9, 12-14). Ширина пластины обычно зависит от сырья: узкие всегда изготовлены из кремня, широкие – из кварцита. Часть из них имеет одно- или двухстороннюю ретушь со спинки, за исключением одной кремневой микропластины с ретушью по двум сторонам брюшка (рис. 155, 5).

Найдены 4 орудия на сечениях макропластин с краевой притупляющей ретушью (рис. 156, 8, 10, 11, 13).

Скребки (26 экз.) представлены различными типами на пластинах и отщепах из кварцита и кремня (рис. 155, 10-13, 15, 16; 156, 4-6, 9, 12); имеются также концевой скребок на укороченной пластине и скребок на пластинчатом отщепе из яшмовидной породы (рис. 156, 3, 7).

Обнаружены орудия с двусторонней обработкой пологой ретушью. Это наконечники стрел (3 полных формы и 7 обломков) (рис. 155, 17-22) и 3 обломка кварцитовых листовидных ножей (рис. 155, 23; 156, 1, 2).

Несколько орудий имеют скоблевидные выемки дополнительно к основному лезвию (рис. 155, 11; 156, 8, 9). Две трети орудий и заглавок выполнены из светло-серого кварцита, остальные – из кремня различных цветов. Кроме того, обнаружены нуклевидный обломок кварцита с негати-

вами снятия отщепов, большое количество отщепов, сколов и чешуек из кварцита и кремня.

Выразительная коллекция прикаспийской керамики получена из нижнего слоя поселения **Кумыска** на р.Торгун (рис. 196, 1-14). Она будет рассмотрена ниже, при описании энеолитической коллекции этого многослойного поселения.

Разрозненные, но характерные материалы прикаспийской культуры стали известны и на ряде стоянок, еще не подвергавшихся раскопкам, но среди подъемного материала которых широко представлены пластинчатые кварцитовые макроорудия в сочетании с небольшими предметами из кремня (**Новостепное, Еремеевка 1 и 2, Чалыкла 1, Титово**, группа памятников по р.Деркул) (рис. 148, 17-19). Коллекции последних немногочисленны, но указывают на ареал культуры. Также известны разрозненные фрагменты прикаспийской керамики на многослойных поселениях. Например, на многослойном поселении Урочище Мартышкино на Правобережье Волги, у южной кромки лесостепи. Энеолитические материалы этого поселения отнесены И.Б.Васильевым к алексеевскому типу. Но там же найден фрагмент крупного воротничкового сосуда, светло-коричневого цвета, украшенного ложношнуровым и гребенчатым орнаментом, и имеющим примесь толченой ракушки в тесте глины (рис. 168, 3). Фрагмент аналогичного венчика известен в фондах Энгельсского краеведческого музея (рис. 168, 4). Он происходит из Саратовского Заволжья, но, к сожалению, депаспортизирован. Подобную керамику можно сопоставить только с прикаспийской.

Материалы этих нижневолжских памятников с кварцито-кремневой индустрией и воротничковой керамикой по всем технико-типологическим показателям составляют единую культурную группу и аналогичны памятникам прикаспийской культуры в сопредельном регионе - зоне пустынь и полупустынь Северного Прикаспия.

В Северном Прикаспии известно более 20 пунктов находений прикаспийских материалов (**Курпеже-Молла, Кок-Мурун, Кошалак, Истай, Шонай, Исекей** и др.) (рис. 148, *11-16*), но только на одном – Курпеже-Молла был обнаружен сохранившийся культурный слой.

Стоянка Курпеже-Молла.

Стоянка располагалась на склоне котловины выдувания крупной песчаной гряды, в 70 км к северо-востоку от ст. Досанг Красноярского района Астраханской области, на территории Ганюшкинского района Атырауской области Казахстана (рис. 147, *11*; 148, *7*) (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985. С. 58-75; Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. С. 125-127, 137).

Артефакты – фрагменты керамики от 6-7 сосудов, кремневые и кварцитовые изделия, кости животных и обломок медного острия – собраны на трех скоплениях на территории памятника. Поскольку встречена только прикаспийская керамика, то кремново-кварцитовый инвентарь связывается с ней.

Воротничковые сосуды имеют подлощенную внешнюю поверхность; внутренняя зачищена гребенчатым штампом. Тесто глины содержит обильную примесь толченой раковины. Основные орнаментальные композиции – сложные меандры, заполненные гребенкой (рис. 157, *1-8*).

Каменная индустрия представлена изделиями из серого кварцита (55,4 %) и кремня (44,6%) темно-серого, молочного и коричневого цветов. Орудия включают: ножевидные пластины, ретушированные со спинки по одной или двум граням; концевые скребки различных типов; скребки с круговой ретушью и ретушью на $\frac{3}{4}$ периметра; острия на пластинах и продольных сколах; наконечники стрел с двусторонней обработкой. Часть орудий отличается небольшими размерами (рис. 157, *9-35*).

Находки на остальных памятниках этого региона (рис. 148, *12-16*) – Кок-Мурун, Шонай Восточная 3, Кошалак (три пункта, рис. 157, *36, 37*) – типологически аналогичны находкам Курпеже-Моллы. Встречены два

фрагмента воротничковой керамики (Истай, Же-калган), орнаментированные, в отличие от другой керамики, в технике отступающего накола.

Общая характеристика прикаспийской культуры

Обобщенная характеристика прикаспийской культуры выглядит следующим образом. Всего в степной зоне и Прикаспии известно свыше трех с половиной десятков памятников, содержащих материалы прикаспийской культуры. Керамика Заволжья и Северного Прикаспия по основным технико-типологическим показателям идентична. В тесте глины обязательна примесь толченой раковины. Внешняя поверхность сосудов очень часто подлощена, на внутренней почти всегда имеются следы сглаживания гребенчатым штампом. Цвет внешней поверхности - от красно-кирпичного до черного. Большинство сосудов имеют воротничковый наплыв на венчике, который выражен в различной степени и, иногда, внутренний желобок или ребро. Сосуды небольших размеров округлодонные, крупные сосуды полностью не реконструируются, но, судя по фрагментам днищ, были плоскодонные. Орнаментирована керамика сочетанием прочерка и гребенки, реже встречаются треугольные или полукруглые разреженные наколы. В нескольких случаях встречены оттиски шнура. Воротничковый наплыв почти всегда подчеркнут вертикальными или наклонными отпечатками зубчатого штампа, на туловище преобладает горизонтальное расположение орнамента. Характерны двойные прочерки, расстояние между которыми заполнялось оттисками зубчатого штампа. Ленты такого орнамента образуют сложные фигуры (рис. 152, 15; 157, 1).

Керамический комплекс включает и безворотничковые сосуды, у которых венчик только слегка отогнут наружу. Принадлежность этих сосудов к одному комплексу подтверждается идентичностью орнаментов (Озинки 2) (рис. 151, 2, 3). Для каменных изделий преимущественно использовался кварцит, но полного вытеснения кремня не произошло. Если в верхнем слое Варфоломеевки, где фиксируется появление прикаспийской

керамики, доля кварцитовых изделий не превышает 15 %, то на собственно прикаспийских стоянках она варьирует от 50 до 85 %. Доминирует кварцит серых тонов, изредка встречается красноватых и желтоватых оттенков. Кремень разнообразен, но преобладает желвачный местного происхождения.

Основная техника расщепления камня - пластинчатая. Пластинчатые нуклеусы представлены коническими и призматическими типами с прямыми площадками. Кварцитовые нуклеусы - с круговым скалыванием, среди кремневых есть плоские с односторонним скалыванием или двух-трехсторонние. Почти все нуклеусы имеют одну площадку, только среди призматических кварцитовых встречаются двухплощадочные.

Характерная особенность комплексов каменных орудий – сочетание микро- и макротехники. Микротехника использовалась при получении кремневых пластин преобладающей шириной 5-6 мм, макротехника – для изготовления кварцитовых пластин и сколов, достигающих в некоторых случаях 45-55 мм ширины. Соответственно различается и длина пластин: до 4-5 см кремневые и до 15 см кварцитовые. Поскольку большая часть орудий выполнялась на пластинах, то эта разница в размерах сохранялась и среди орудий, выполненных из разного сырья: мелкие кремневые и крупные кварцитовые. Несмотря на это, типологически орудия составляют единый комплекс. Основу комплекса составляют орудия на пластинах шириной 11-15 мм.

Наиболее характерные категории орудий: ножевидные пластины и крупные продольные сколы с притупляющей краевой ретушью, скребки различных типов на пластинах, продольных сколах и отщепах, ножи на пластинах и отщепах подовальной формы (в т.ч. двустороннеобработанные), наконечники стрел листовидные и ромбовидные с усеченным или выемчатым основанием, наконечники стрел подтреугольной формы. Характерны небольшие пластины-вкладыши с брюшковой ретушью и круп-

ные орудия скобляще-режущего типа. В культурном слое также встречены бусины из створок речной раковины, абразивные плитки из песчаника и мелкие комочки охры.

Для населения прикаспийской культуры степного Заволжья характерны долговременные поселения, толщина культурного слоя на стоянках достигает 1,4 м. На всех стоянках найдены многочисленные кости животных. Так как в верхнем слое Варфоломеевки определена домашняя фауна, то вполне правомерно предполагать существование производящего хозяйства и на более поздних прикаспийских памятниках. Наличие костей домашних животных зафиксировано и на стоянках самарской культуры (Моргунова Н.Л., 1986. С. 12-14).

На трех стоянках (Кумыска, Озинки 2, Скатовка) встречена керамика с оттисками веревочки, что подтверждает возможность разделения памятников прикаспийской культуры на два хронологических этапа, подобно самарской культуре. Часть керамики на этих памятниках по орнаментации и форме близка поздней самарской, но это не противоречит отнесению их к прикаспийскому кругу, так как родственность двух культур настолько очевидна, что существует мнение о возможности их рассмотрения в рамках одного культурного образования (Барынкин П.П., 1990. С. 34-35).

Пока не известны погребальные памятники прикаспийской культуры. Учитывая принадлежность культуры к мариупольскому культурному кругу, так же как и самарской, можно предполагать, что погребальный обряд будет близок к последней. В северной части Нижнего Поволжья к настоящему времени исследован только один могильник мариупольского времени – Липовый овраг (Васильев И.Б., 1985, с. 3-19) (рис. 147, 9). Могильник Липовый овраг не содержал керамики, но по погребальному обряду и инвентарю он отнесен к самарской культуре (рис. 158, 1-13).

4.2. Поселения и грунтовые могильники хвалынской культуры

Хвалынская энеолитическая культура была охарактеризована по результатам исследования эпонимного могильника на севере Саратовской области (Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1979; 1990). Культура локализуется в пределах полупустынной, степной и лесостепной зон Поволжья, а ее отдельные материальные проявления известны и севернее. Хвалынская культура представлена стоянками, грунтовыми могильниками и подкурганными захоронениями. На всей территории распространения культура выступает как единое целое, без каких либо локальных вариантов (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986. С. 14).

Подробная история исследований памятников и изучения хвалынской культуры приводятся в работе В.Г.Фадеева (Фадеев В.Г., 2003. С. 100-117). Остановимся лишь на нескольких ключевых моментах, касающихся непосредственно рассматриваемой территории.

Исследования трех крупных грунтовых могильников – двух Хвалынских (I и II) и Хлопковского предоставили исследователям богатейшую источниковую базу. Особенное значение приобрели исследования поселенческих памятников хвалынской культуры в Северном Прикаспии (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988; Барынкин П.П., 1989).

Исследования Хвалынских могильников вкупе с бытовыми памятниками коренным образом изменили наши представления об энеолите региона. Всеми признается, что хвалынская культура легла в основу формирования ямной культуры Поволжья. И.Б.Васильев сделал вывод о существовании в среднем энеолите хвалынско-среднестоговской культурно-исторической области, которая сформировалась на основе раннеэнеолитических культур мариупольского круга – самарской, прикаспийской, нижнедонской (Васильев И.Б., 1981). Памятники, территория и хронология получают дальнейшую характеристику в совместной работе И.Б.Васильева и А.Т.Синюка (1985). Хвалынская культура соотносится со средним этапом

энеолита, частично синхронизируясь с предыдущими мариупольскими памятниками. Однако существует и мнение о синхронности хвалынских поселений Северного Прикаспия с поселениями, оставившего комплексы «воротничковой керамики» (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1998).

Единого мнения у других исследователей хвалынских памятников относительно их хронологии нет, но в целом, признается существование культуры в пределах IV тыс. до н.э., а по калиброванным значениям радиоуглеродных дат начало хвалынской культуры опускается до середины V тыс. до н.э.

Памятники хвалынского типа в степном Заволжье, в отличие от прикаспийских, представлены в основном погребальными подкурганскими комплексами (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992). Из поселенческих к хвалынским можно отнести только один - многослойное поселение Кумыска, но и то в достаточной степени условно, так как небольшая серия хвалынской керамики является скорее хронологическим репером, чем показателем культурной принадлежности (Юдин А.И., 1999).

Итоговая характеристика всей хвалынской культуры, распространенной далеко за пределами Нижнего Поволжья, проведена в работе И.Б.Васильева (Васильев И.Б., 2003а. С. 61-99).

Хвалынские и Хлопковский могильники

Хвалынские могильники (рис. 147, 10; 159, 1, 2) служат эталоном при определении культурной принадлежности не только погребальных комплексов, но и поселенческих. Хвалынский I могильник, локализуясь на севере Саратовской области, практически на границе Среднего и Нижнего Поволжья полностью введен в научный оборот и в данном случае не нуждается в подробном описании. Отметим только его наиболее характерные особенности.

Для Хвалынского I могильника характерно компактное расположение погребений на площади около 30x26 м. Закономерности в их располо-

жении не отмечалось. Могильные ямы неглубокие, часть перекрыта каменными закладами. Поза погребенных неустойчива, но преобладает положение скорченно на спине, ноги согнуты в коленях и поставлены коленями вверх; руки согнуты в локтях и кистями положены на таз. Также отмечены погребения на левом или правом боку, полусидя и даже сидя. Преобладающая ориентировка погребенных северо-восточная, реже – северо-западная и восточная. Костяки с разной степенью интенсивности окрашены охрой.

Хвалынский I и II могильники отличаются разнообразным и богатым погребальным инвентарем, который располагается в погребениях, многочисленных жертвенниках и на площади памятника.

Керамика могильников имеет ряд характерных особенностей и легко узнаваема на фоне другой энеолитической. Она представлена колоколовидной, мешковидной, шаровидной и чашевидной формами. Для всех форм сосудов характерно утолщение различного профиля на внешней стороне венчика и ребро на внутренней. Все сосуды имеют округлую или приостренную форму днищ. Орнамент покрывает весь сосуд или его верхнюю часть. Композиции составлены из горизонтальных оттисков плетеных фактур, аммонитов, наколов, разделенных горизонтальными прямыми или волнистыми линиями. У многих сосудов орнамент покрывает также срез венчика и его внутреннюю часть. В тесте глины обязательна обильная примесь дробленой раковины.

Среди других категорий погребального инвентаря преобладают украшения, выполненные из различных материалов. Это бусы из раковины, кости и камня; пронизки и подвески из ископаемых раковин; костяные бочковидные пронизи, кольца; подвески из клыка кабана; прямоугольные пластины из клыка кабана и раковины.

На фоне других энеолитических памятников региона Хвалынские I и II могильники содержат необычайно много изделий из меди: кольца, круг-

лые и спиральные подвески, овальные бляшки с отверстиями или пуансонным орнаментом (рис. 160, 1-9).

Каменные изделия включают крупные ножевидные пластины, наконечники дротиков, шлифованные тесла, топоры-клевцы и скипетры наиболее схематичной формы (Васильев И.Б., 2003).

Менее введены в научный оборот материалы Хлопковского могильника, расположенного в ста с небольшим киломерах ниже по Волге, у с. Березняки Воскресенского района Саратовской области (рис. 147, 11; 159, 3). Энеолитический могильник расположен на территории Хлопкова городища и перекрыт культурными слоями эпохи бронзы и раннего железного века. С 1977 года Н.М.Малов на протяжении нескольких полевых сезонов производил исследования памятника (Малов Н.М., 1982. С. 82-94; он же, 1987. С. 189-190). Городище и могильник расположены на высоком правом берегу р.Волги, в 6 км выше по течению от с.Березняки Воскресенского района Саратовской области. В физико-географическом отношении место расположения могильника – южная граница лесостепи в Саратовском Правобережье. Исследовано около 2-х десятков энеолитических погребений, в научный оборот пока введено 9. Все погребения были совершены в материке – плотном опочном камне – и перекрыты культурными слоями эпохи бронзы и РЖВ. Погребения располагались четырьмя рядами в направлении северо-запад – юго-восток. Поза погребенных, как и в Хвалынских могильниках, не всегда устойчива. Преобладают погребения на спине скорченно, с последующим завалом костей ног влево или вправо. Степень скорченности различная. Есть погребение с завалом на правый бок. Ниже в качестве примера приводятся краткие описания наиболее показательных в плане обряда и инвентаря погребений.

Погребение 1.

Могильная яма не прослеживалась. Погребенный лежал на спине, головой на северо-восток, скорченно, пятки поджаты к тазу. Руки покой-

ника были слегка согнуты в локтях и положены на живот. Под тазовыми костями сохранилась красная охра, найдены 5 бусин из створок речных раковин (рис. 158, 4) и обломок клыка животного со сверлиной. В ногах, в осыпи обнаружен фрагмент стенки крупного лепного сосуда с примесью толченой раковины в тесте глины. Фрагмент украшен ложношнуровым, накольчатым и прочерченным орнаментом (рис. 161, 3). Автор публикации пишет о сложности соотнесения фрагмента этого сосуда с погребением. В то же время, в культурном слое аналогичная керамика отсутствует.

Погребение 2.

Прослежена могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная по линии северо-восток – юго-запад. На дне ямы лежал скелет ребенка, на спине, скорченно, ноги впоследствии упали влево. Руки вытянуты вдоль туловища, пальцы правой руки находились около таза. Детский скелет подстилает слой охры толщиной 3-4 см. Охрой были посыпаны сам погребенный и все дно могилы. Вокруг черепа ребенка найдено 17 костяных пронизок (рис. 161, 9), слева от черепа лежало два астрагала лошади, песчаниковый шарик диаметром 3 см (рис. 161, 8) и миниатюрный сероглиняный сосудик с примесью толченой раковины в тесте глины (рис. 161, 1). Срез венчика и поверхность сосуда украшены горизонтальными рядами оттисков мелкозубчатого штампа с зоноразделителями в виде прочерченной волнистой линии. Под левым плечом лежал плоский нож, изготовленный из расколотой трубчатой кости. Напротив левого локтя лежали: астрагал лошади, створка речной раковины и две створки ископаемых раковин *Pectunculus* с отверстиями (рис. 161, 7). В ногах стоял вверх дном крупный серглиняный сосуд с утолщенным венчиком. Сосуд на две трети сверху украшен горизонтальными рядами наколов (рис. 161, 2).

Погребение 3.

Могильная яма имела подпрямоугольную форму и ориентирована по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад. Погребенный лежал на

спине, сильно скорченно, с завалом на правый бок. Левая рука погребенного вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте, а кисть протянута к плечу (рис. 161, 12). Скелет и дно могилы посыпаны слоем охры толщиной до 3-4 см. Погребение безынвентарное.

Погребение 4.

Погребение располагалось в могильной яме подпрямоугольной формы с округлыми углами, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Одна сторона могилы разрушена обрывом (рис. 161, 11). В заполнении могильной ямы обнаружена глиняная молоточковидная зооморфная фигурка (рис. 161, 10). В верхней части находки есть налеп-шишечка, напоминающий морду животного. Ниже налепа круглый стержень покрыт зубчатым орнаментом в виде опускающейся спирали.

На дне могилы лежал скелет скорченно на спине, ориентированный черепом на северо-восток. Череп был отделен от туловища и положен теменем к нему, на левую височную кость. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти положены под таз. Скелет посыпан охрой несколько слабее, чем предыдущие. За черепом лежали фрагменты сосуда, который по форме, технологии изготовления и орнаментации аналогичен сосуду с наколами из погребения 2, но имеет более крупный размер. В ногах погребенного было совершено еще одно, вторичное захоронение. Оно включало череп и кости ног, сложенные пакетом.

Погребение 5.

Погребение также было совершено в могильной яме подпрямоугольной формы и ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Скелет лежал на спине, сильно скорченно – пятки поджаты вплотную к тазу. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте и положена на живот. Скелет и дно могилы посыпана охрой, достигающей толщины 3 см. Вокруг шейных позвонков, вплотную друг к другу залегали 74 плоские бусины из обожженной глины диаметром 5 мм и толщиной до 2 мм.

Погребение 6.

Погребение совершено в подпрямоугольной яме, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Погребенный был положен на спину, скорченно – ноги впоследствии упали влево. Руки вытянуты вдоль туловища (рис. 161, 13). Погребенный и дно могилы были посыпаны охрой слоем толщиной до 2 см. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 7.

Погребение совершено в подпрямоугольной яме с округлыми углами, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. На дне могилы лежал скелет взрослого человека, на спине, скорченно, ноги завалились влево. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте и положена на грудь (рис. 161, 14). Дно могилы и скелет посыпаны охрой.

Погребение 8.

Могильная яма имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Погребенный был положен на спину, сильно скорченно. Руки согнуты в локтях и уложены на груди. Погребенный и дно могилы посыпаны охрой. Погребение безынвентарное.

Погребение 10.

Могильная яма подпрямоугольной формы ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Скелет лежал на спине, слабо скорченно, руки вытянуты вдоль туловища. Судя по расположению пяточных костей, возможно, ноги были повернуты вправо. Скелет и дно могилы посыпаны охрой.

Таким образом, при наличии устойчивого погребального обряда (ориентировка головой в северо-восточную часть круга, положение на спине, неглубокие подпрямоугольной формы могильные ямы), имеется и ряд различий не принципиального характера. Это различные пропорции могильных ям, различная степень скорченности, неустойчивое положение рук. Все это характерно и для погребений Хвалыньских могильников. Инвентарь погребений также

хорошо сопоставляется с Хвалынскими комплексами. Особенно ярко это проявляется при сравнении керамики, принадлежность которой (как хвалынской, так и хлопковской) к одной культуре не вызывает сомнений.

При исследовании Хлопковского могильника в 1985 году были обнаружены еще три захоронения (№№ 19-21), содержащих керамику, бусы, костяные гарпуны, орудия из кремня. Наиболее интересны два каменных зооморфных скипетра, один из которых стилизованно изображает голову лошади с уздечкой (Малов Н.М., 1987. С. 189-190). Аналогичные скипетры в виде стилизованных или реалистичных изображений голов лошадей имели широкое распространение в энеолите Европы (Крюкова Е.А., 2003. С. 136-143).

Задолго до раскопок грунтовых могильников отдельные подкурганые захоронения типа Бережновка I 5/22 (Синицын И.В., 1959. С. 71) (рис. 170, 5), Архара 27/1, 2 (Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1966. С. 10-11, 93-94), Политотдельское 12/15 (Смирнов К.Ф., 1959. С. 261) (рис. 170, 1, 2) предполагали наличие пласта доямных памятников. После исследования эталонных грунтовых могильников Хвалынского и Хлопковского стало возможным культурно-хронологическое определение еще нескольких аналогичных энеолитических погребений в Нижнем Поволжье: на Ивановском поселении в окрестностях г.Хвалынска (Орехов В.Ф., 1916), на Утесе Степана Разина (Фисенко В.А., 1968. С. 22. Рис. 11), в окрестностях г.Камышина (Шендаков Г.Н., 1963), Задонно-Авилковский могильник неподалеку от хутора Репина (Малов Н.М., 1982. С. 92).

Материалы их не столь выразительны, как на Хвалынских могильниках, но они очерчивают регион культуры.

Поселения в Прикастии

Стоянка Кара-Худук

Стоянка Кара-Худук – опорный и наиболее исследованный памятник хвалынской культуры в нижнем течении Волги. Энеолитическая стоянка Кара-Худук находится в 28 км к северу от ст.Сероглазово Харабалинского

района Астраханской области (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1988. С. 123-142) (рис. 147, 12; 159, 4). Остатки культурного слоя исследованы на площади 372 кв. м. Мощность культурного слоя – 20 см, в очагах и зольниках – до 50-60 см. Остатков жилищ не обнаружено. По ряду признаков определено, что культурный слой отложился за сравнительно небольшой промежуток времени. Кроме керамики и каменных предметов в слое хорошо сохранились остеологические материалы.

Керамическая коллекция стоянки включает фрагменты от приблизительно 30-35 сосудов (рис. 162, 1-33; 163, 36-46). Все фрагменты содержат в тесте глины обильную примесь толченой раковины. Судя по сохранившимся фрагментам, сосуды имели вытянутое тулово с плавной профилировкой, прикрытым устьем и округлым дном. Орнаментированы сосуды в верхней половине, но встречаются и придонные части с орнаментом. На многих сосудах орнаментом также покрывались срез и внутренняя сторона венчика.

По форме венчиков керамика разделена на две группы. Первая группа представлена сосудами с утолщенными венчиками, имеющими в профиль различную форму (рис. 162, 2, 4, 5; 163, 36-42, 45-46). Керамика украшена оттисками зубчатого штампа с косым зубцом (рис. 162, 2, 3, 5, 23, 33), створок раковин кардиума и аммонита (рис. 162, 1-5; 163, 36-46). При орнаментации также использовался прочерк в виде зигзага или волнистой линии (рис. 163, 39, 41, 46).

Вторая группа представлена сосудами с венчиками без утолщений, отогнутыми наружу (7 экз.) (рис. 162, 6, 8, 10, 11, 14). В этой группе преобладает накольчато-прочерченная техника орнаментации (рис. 162, 6, 8, 10, 12). Несколько сосудов сочетают признаки обеих групп (рис. 162, 11, 13-15). На стоянке также найдены фрагменты небольшого чашевидного сосуда с носиком-сливом (рис. 162, 23) и обломки двух пряслиц из стенок сосудов (рис. 162, 25, 28).

Керамический комплекс одновременен. Об этом свидетельствуют аналогичная технология изготовления, близкими формами сосудов, наличием синкретической группы керамики, отражающей признаки первой и второй групп.

Каменная индустрия носит ярко выраженный пластинчатый характер. Всего обнаружено 485 предметов из камня, большая часть которых происходит из кремня различных цветов. 12, 5% предметов изготовлены из серого и коричневатого кварцита. 70 % коллекции составляли изделия без вторичной обработки и ножевидные пластины. Пластины по ширине варьируют от 0,6 см до 2,2 см, преобладают – шириной от 1,4 см до 1,7 см.

Изделия со вторичной обработкой представлены по большей части скребками на пластинах (рис. 163, 13-16, 29-33) и пластинами с ретушью (рис. 163, 1-9). Несколько пластин с ретушью вероятно являлись ножами (рис. 163, 1-5). Третьей по численности категорией являются острия с ретушью со спинки или с брюшка (рис. 163, 20-24, 28). Встретился один наконечник стрелы с двусторонней обработкой. Представляют интерес своим ранним обликом две пластины с пильчатой ретушью со стороны брюшка (рис. 163, 10, 11) и прямоугольный микролит (рис. 163, 12). Найден, возможно, обломок шлифованной булавы из плотного белого камня. Также имеются в коллекции резчики (рис. 163, 25-27), резец (рис. 163, 18), скобель и нуклеусы (рис. 163, 34, 35). Авторы публикации отметили высокую вероятность культурного единства комплекса каменного инвентаря.

Стоянка Каир-Шак VI.

Стоянка находится в Красноярском районе Астраханской области, в 30 км к северу от станции Кагаш (Барынкин П.П., 1989. С. 106-118) (рис. 147, 13; 159, 5). На памятнике вскрыто около 100 кв. м культурного слоя. Керамика представлена многочисленными фрагментами от 19-20 сосудов (рис. 164, 1-12; 165, 1-15). Тесто глины сосудов включало обильную примесь мелкотолченой раковины. Сосуды имеют плавную профилировку,

прикрытое устье и отогнутый венчик. Днища сосудов представлены округло-коническими формами (рис. 165, 12, 15), а в одном случае встречено небольшое уплощенное днище (рис. 165, 14).

По форме венчиков и особенностям орнамента сосудов разделены на две группы. К первой группе отнесены сосуды с утолщениями на внешней стороне венчика (ок. 75%) (рис. 164, 1, 2, 6, 7, 9, 11). Сосуды этой группы чаще всего орнаментированы оттисками раковин (аммонит, кардиум), тонкого перевитого шнура, гребенчатого штампа (рис. 164, 1-12). Орнамент обычно плотно покрывает верхнюю часть сосуда. Композиции просты: горизонтальные ряды оттисков, с делителями зон в виде полос наколов различной формы или нескольких рядов прочерченного зигзага. У сосудов орнаментированы также внешний край, срез и внутренняя сторона венчиков.

Вторая группа керамики представлена сосудами с высокими уплощенными венчиками (рис. 165, 1). Здесь преобладает орнамент, выполненный в прочерчено-накольчатой и гребенчатой технике. Орнамент, по сравнению с первой группой, более геометричен (165, 1-4). Фрагменты двух сосудов сочетают в себе признаки обеих групп (рис. 165, 9).

Коллекция каменных изделий включает более 400 предметов, три четверти которых – изделия без вторичной обработки. В качестве сырья использовались кремний и кварцит различных цветов. Среди изделий без вторичной обработки преобладали кварцитовые (ок. 61%), а среди орудий со вторичной обработкой – кремневые (ок. 67%).

Изделия без вторичной обработки представлены сколами с нуклеусов (рис. 166, 1, 5, 6), пластинами, отщепами, чешуйками. Индустрия изделий со вторичной обработкой носит ярко выраженный пластинчатый характер. Здесь преобладают ножевидные пластины с краевой ретушью (рис. 166, 2-4, 7-9). Второй массовой категорией орудий являются скребки на пластинах и укороченных пластинах обычных для Нижнего Поволжья ти-

пов. Двустороннеобработанные наконечники стрел имеют прямые или вогнутые основания (рис. 166, 10-15). Острия обработаны ретушью со спинки, в одном случае имеется подработка и с брюшка (рис. 166, 16-24). Обнаружена также пластина-вкладыш, длинные стороны которой обработаны противоположащей ретушью (рис. 166, 25) и две бусины из ископаемой раковины *Cardium ed.* (рис. 166, 26, 27).

Как керамический, так орудийный комплексы, а также характер залегания находок в культурном слое показывают одновременность находок стоянки.

В песках Северного Прикаспия встречен еще ряд стоянок и остатков могильников, в материалах которых хорошо вычленяется хвалынский компонент. На одной из этих стоянок - Комбак-тэ сохранился непереотложенный культурный слой, давший выразительную коллекцию хвалынской керамики (Васильев И.Б., 2003. С. 92. рис. 12). На более чем 10 стоянках культурные слои развезены (рис. 147, 14-18; 159, 6-10). Это стоянки Кошалак (рис. 167, 1, 6), Тау-тюбе (рис. 167, 2, 3, 7), Истай (рис. 167, 4, 5), Болхуны (рис. 167, 8), Северный Букей, Шестнадцатая буровая (Васильев И.Б., 2003а. С. 94, 95. Рис. 14; 15). Находки на могильниках Ак-Жунас, Новый Караузек и Нарым-бай представлены изделиями из камня и раковины, находящими аналогии на Хвалынских могильниках (рис. 167, 9-17).

Хвалынские проявления в степной зоне

Небольшая серия хвалынской керамики найдена в энеолитическом слое поселения Кумыска (рис. 147, 31; 159, 11; 198, 1-4, 7, 8). Энеолитический слой насыщен находками сильнее других. Здесь найдено свыше 3,5 тысяч каменных предметов, фрагменты и развалы, приблизительно от 95 сосудов, которые условно распределяются на 4 группы.

Судя по ряду признаков, большая часть энеолитической керамики (за исключением прикаспийской, тяготеющей к нижней части слоя), несмотря на разнотипность, одновременна.

В нижней части культурного слоя отложились неолитические материалы. Совместно с ними и несколько выше залегала керамика прикаспийской культуры. В целом, прикаспийская керамика занимала нижнюю часть энеолитического слоя. Вся остальная энеолитическая керамика, в том числе и хвалынская, занимала верхнюю часть слоя.

Немногочисленная хвалынская керамика равномерно распределялась по всей исследованной площади стоянки. Сосуды имеют утолщенные валикообразные или подтреугольные венчики, орнаментированные по внутренней стороне или срезу. Два сосуда имели просто резко отогнутый наружу венчик. Стенки сосудов украшены горизонтальными, вертикальными и наклонными отпечатками плотно поставленного зубчатого штампа и оттисками раковины (рис. 195, 1-5, 7, 8). Один сосуд не орнаментирован. Встречена придонная часть плоскодонного сосуда, орнаментированного аналогичным образом. Цвет сосудов черный или светло-коричневый, в тесте глины обязательна примесь толченой раковины.

Поселение Кумыска пока единственный памятник в степном Заволжье, среди материалов которого имеется небольшая серия хвалынской керамики и наиболее удаленным от Волги (погребальные памятники приурочены к берегу Волги). Это указывает на то, что подобные памятники были распространены и в степной зоне Волго-Уральского междуречья.

Отдельные фрагменты хвалынской керамики встречены в глубинном Заволжье на стоянке Алтата (рис. 176, 12). Здесь фрагменты хвалынского сосуда залегали совместно с керамикой алтатинского типа.

Несколько фрагментов типичной хвалынской керамики обнаружено на энеолитической стоянке Царица I в 10 км к западу от Волгограда. Они имеют валикообразные утолщенные венчики и орнаментированы шнуром и оттисками аммонита (рис. 168, 1, 2). Следует отметить, что на Царице, как и на Алтате есть серия керамики с желобчатыми венчиками.

Общая характеристика хвалынских поселений

П.П.Барынкин при общей характеристике хвалынских поселений отмечает, что для их керамических комплексов характерны два основных типа сосудов: с утолщенными венчиками и высокими уплощенными венчиками. Основу керамического комплекса составляют сосуды, орнаментированные зубчатым штампом. Из другой техники орнаментации чаще всего используются оттиски раковин – аммонита и кардиума, перевитой шнур, прочерченные и накольчато-прочерченные линии.

Комплексы каменных изделий отличаются сочетанием кварцита и кремня, микро- и макротехники, широким использованием техники двусторонней обработки, а также устойчивым набором орудий: пластины с краевой ретушью, концевые скребки, двухстороннеобработанные наконечники стрел и микроорудия. Отмечается отсутствие связи между комплексами изделий из камня неолита и каменными изделиями хвалынской культуры (Барынкин П.П., 1992. С. 11-17).

В первых же публикациях материалы стоянок безоговорочно связывались с Хвалынским могильником, несмотря на огромное расстояние, разделявшее их. И.Б.Васильев отметил лишь, что поселенческая керамика имеет более крупные размеры и чаще орнаментировалась отпечатками раковин ископаемых моллюсков; на керамики также полностью отсутствуют черты инокультурных воздействий, в частности при украшении сосудов не использовалась «шагающая гребенка» (Васильев И.Б., 2003а. С. 69-70).

4.3. Подкурганные энеолитические захоронения

После исследования Хвалынского I грунтового могильника исследователи сразу обратили внимание на несколько подкурганных захоронений, в инвентаре которых прослеживались четкие параллели с хвалынскими. Некоторая часть этих погребений и ранее относились к энеолитическим или наиболее ранним ямным.

В частности, Н.Я.Мерперт в своей работе «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья» (1974) определяет наиболее ранними 13 скорченных погребений (первая подгруппа первой обрядовой группы) и 5 вытянутых погребений второй обрядовой группы (Мерперт Н.Я., 1974. С. 46, 54). По обряду захоронения и набору погребального инвентаря погребения из первой обрядовой группы несомненно сопоставляются с хвалынскими грунтовыми.

В.Ф.Фисенко также на основе стратиграфических данных выделил древнейший этап подкурганных захоронений ямной культуры (Фисенко В.Ф., 1970. С. 32, 49), в основном совпадающих с первым хронологическим горизонтом Н.Я.Мерперта. Несколько древнейших погребений среди ямных памятников Нижнего Поволжья были отмечены В.М.Даниленко и отнесены им к бережновской фазе среднестоговского периода ямной культуры (Даниленко В.Н., 1974. С. 56. Рис. 32, 1; С. 59-61, 66-68).

Материалы Хвалынского I грунтового могильника предоставили возможность к известным ранее энеолитическим подкурганным погребениям добавить ряд новых (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. С. 18-27) и охарактеризовать их как энеолитические погребения хвалынско-бережновского типа.

Среди древнейших погребений с инвентарем, наиболее известно из Бережновки 1, кург. 5, погр. 22 (Синицын И.В., 1959. С. 72) (рис. 147, 19; 159, 14; 173). Как уже было сказано, оно отнесено Н.Я.Мерпертом к первому варианту первой обрядовой группы, то есть, к группе древнейших в его схеме. В отличие от других захоронений этой группы, руки погребенного не были вытянуты вдоль туловища.

В этой же группе выделяется своей неординарностью одно из погребений Ровенского могильника - кург. 3, погр. 11 (Синицын И.В., 1966, с. 33, рис. 4, 4) (рис. 147, 20; 159, 17; 173). Прямоугольная могильная яма имеет по две ступеньки вдоль длинных сторон. На дне могилы лежал ске-

лет взрослого человека, головой на восток, скорченно на спине, руки положены на таз. К югу от него, на нижней ступеньке обнаружен скелет ребенка в той же позе, вокруг шейных позвонков и на груди которого собрано около 100 бусин из раковины. В этом же кургане во впускном погребении 5 были обнаружены фрагменты сосуда, отнесенного И.В.Синициным к раннесрубным (полтавкинским). В публикации иллюстрация сосуда отсутствовала, и в дальнейшем это погребение считалось позднеямным. После исследования Хвалынского могильника этот сосуд можно сопоставить только с керамикой хвалынского типа. Он имеет сильно утолщенный венчик с внутренним ребром, орнаментирован наколами овальной и треугольной лопаточки, в тесте глины - примесь толченой раковины (рис. 170, 4). Погребение 5 совершено в насыпи кургана, скелет ребенка лежал на спине, головой на восток, кости и дно могилы посыпаны охрой. Хвалынский сосуд позволяет утверждать, что погребения 11 и 5 разделены небольшим отрезком времени и относятся к одному хронологическому периоду.

Наибольшее количество хвалынских погребений содержал курган 9 Бережновского 2 могильника (рис. 147, 19; 159, 15). Курган содержал 13 ранних погребений, отнесенных Н.Я.Мерпертом к различным обрядовым группам и хронологическим горизонтам ямной культуры (рис. 169). Два из них, в том числе основное, были разрушены грабительской ямой, в заполнении которой найдены фрагменты сосуда хвалынского типа (Синицын И.В., 1960. С. 11). Несколько погребений с восточной ориентировкой определены Н.Я.Мерпертом как древнейшие. Погребение 2, которое перекрывает одновременно погребение 16 и погребение 10, он не относит к первому хронологическому горизонту, поскольку погребение 10 входит в третью обрядовую группу и второй хронологический горизонт. Этот случай позволил Н.Я.Мерперту сделать вывод о длительном существовании первого варианта первой обрядовой группы на протяжении первого и второго этапов ямной культуры (Мерперт Н.Я., 1974. С. 39), то есть погребения

ние 11 является наиболее поздним среди первого варианта первой обрядовой группы. Но с таким же основанием можно утверждать, что данный факт обратной стратиграфии указывает на раннее время погребения 10, несмотря на то, что оно относится к третьей обрядовой группе.

Захоронение 10, очевидно, отделено небольшим временным от погребения 9, совершенного по аналогичному обряду. Инвентарь этих погребений – кремневые ножи, костяные "флейты", височные подвески из чистой меди, бусы из створок раковины, костяные пронизки, - находит аналогии в Хвалынских могильниках. В этом же кургане еще три погребения имели инвентарь: 5, 17 и 18. Погребение 17 совершено в овальной могильной яме. Скелет лежал на спине, скорченно, черепом на запад-юго-запад. В могиле найдено шесть изделий из кремня, в том числе сегмент. Погребение 18 разрушено, но, судя по сохранившимся костям, скелет лежал на спине, скорченно, черепом на юго-запад. В этой могиле найдено каменное кольцо, подобное находкам в Хвалынском могильнике, но меньшего диаметра. Такое же кольцо и кремневые изделия найдены в погребении 5 из этого кургана, где два скелета, оба с трепанированными черепами, ориентированными на юго-запад, лежали на левом боку.

Все вышеперечисленные захоронения из этого кургана увязываются по инвентарю в единый комплекс, а по обряду делятся на две группы с ориентировкой на восток-северо-восток и запад-юго-запад. Еще 9 погребений не имели инвентаря, но также были ориентированы на ВСВ или ЗЮЗ. Все энеолитические погребения этого кургана совершены в материке. Они объединяются еще такими признаками, как обильная посыпка охрой и наличие перекрытия. Кроме того, в трех могилах (5, 9 и 18), относящихся к трем разным обрядовым группам по Н.Я.Мерперту, так же, как и в заполнении грабительской ямы над основным и 20-ым погребениями, были найдены кости сайгака.

В связи с этим, представляется возможным все захоронения ямной культуры этого кургана рассматривать как единый комплекс и к числу древнейших относить не только погребения с восточной ориентировкой (1 обрядовая группа по Н.Я.Мерперту), но и захоронения с северо-восточной (3 группа) и юго-западной (4 группа) ориентировками.

В степном Заволжье захоронение с юго-западной ориентировкой, скорченно, на левом боку и с энеолитической посудой было встречено в Политотдельском, курган 13, погр. 15 (рис. 147, 21; 159, 20). Оно совершено в овальной могильной яме со ступеньками и сопровождалось двумя сосудами (рис. 170, 1, 2) (Смирнов К.Ф., 1959. С. 267). В настоящее время можно сказать, что не только инвентарь, но и обряд погребения из Политотдельского не является исключением для энеолитических курганных захоронений. Погребение 15 из кургана 12 в Политотдельском было впускным, следовательно, основное захоронение 18, совершенное по аналогичному обряду, не может относиться к более позднему времени.

Еще три захоронения хвалынского типа были исследованы в 80-е годы прошлого века: курган близ устья р.Тарлык, погребение в дюне у с.Ново-Привольное и погребение 1 в кург. Энгельс-Анисовка.

В 1983 г. А.И.Юдин исследовал энеолитическое погребение в Ровенском районе Саратовской области, близ устья р.Тарлык (рис. 147, 22; 159, 16). Планиграфически данный курган являлся самым северо-восточным в Скатовской курганной группе, исследовавшейся И.В.Синициным в 1953 году. Тогда здесь насчитывалось до 70 курганов (Синицын И.В., 1959. С. 159).

Часть кургана размыта Волгой, а в оставшейся исследовано 7 захоронений, одно из которых (погр. 6) относится к энеолиту. В юго-восточном секторе кургана, на уровне погребенной почвы найден фрагмент венчика сосуда. Венчик имеет утолщение, характерное для керамики Хвалынских могильников. Орнаментирован оттисками аммонита, образующими волни-

стую линию (рис. 17, 2). Данный фрагмент можно связать только с погребением 6, так как остальные принадлежали к срубной культуре эпохи поздней бронзы. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована длинной стороной по линии юго-запад – северо-восток и имеет следующие размеры: длина 1,9 м, ширина 1,2 м, глубина в материке 0,25 м. Часть могилы уничтожена Волгоградским водохранилищем. Погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, череп немного повернут влево. Умерший лежал скорченно, что было видно по положению костей ног, торчавших из обрыва, но в процессе раскопок кости ног были извлечены любопытными местными жителями. О скорченности погребенного говорит и близость тазовых костей к юго-западному краю могильной ямы. На черепе заметны следы охры, а у плечевой кости левой руки лежала костяная пронизка (рис. 171, 1-3).

В 1985 г. в Ровенском районе энеолитическое погребение исследовано И.И.Дремовым при раскопках дюны у с.Новопривольное (рис. 147, 23; 159, 19). Дюна воспринималась древними людьми как курган, здесь кроме энеолитического, находилось 22 срубных погребения и сарматское. Древнейшее погребение было совершено в овальной могильной яме, ориентированной по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток. В засыпке могилы, на глубине 0,75 м от поверхности найден придонный фрагмент сосуда, лежавший вверх дном на подсыпке из охры. Края сосуда имели старый излом и пропитались охрой. В качестве отощителя использовались растительная примесь и мелкотолченая ракушка (рис. 171, 8). На этой же глубине, также на подсыпке из охры, лежала ножевидная пластина из кремня длиной 10,9 см и шириной 1,1 см (рис. 171, 6). На глубине 1,15 м зачищен сильно скорченный скелет ребенка, лежавший черепом на северо-северо-восток. Все дно могилы и скелет посыпаны охрой (рис. 171, 5). В районе черепа встречено большое количество мелких бусин, а на груди - костяные пронизки (рис. 171, 4, 7).

В 1985 году в г.Энгельсе Саратовской области, рядом с шоссе на Анисовку И.И.Дремов исследовал разрушенный карьером курган (рис. 147, 24; 159, 18). Ранее здесь находилась курганная группа, ныне полностью разрушенная, частично исследовавшаяся И.В.Синицыным в 1941 г.

Из четырех погребений, найденных в исследованном кургане, три относятся к эпохе средневековья, а одно (погр. 1) – к энеолиту. Энеолитическое погребение основное, находилось в прямоугольной могиле по линии запад-восток. Ширина могилы 2,8 м, длина не установлена, так как западная часть могилы разрушена карьером (рис. 172, 1). В заполнении могилы найдено два бараньих черепа. Они располагались над головами погребенных, причем, крупный - над головой взрослого, а меньший - ребенка. Все дно могилы обильно посыпано охрой.

В центральной части дно прорезано средневековым захоронением. Южная часть могилы повышалась ступенькой высотой 10-15 см. Рядом с северной стенкой могилы лежал скелет мужчины 45-50 лет (определение А.В.Шевченко). Погребенный был положен головой на восток-северо-восток, скорченно на спине, коленями вверх (ноги завалились влево, на ступеньку). Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть покоилась на тазовых костях. Возле черепа взрослого человека найдено несколько обломков лепного сосуда с утолщенным венчиком. По верхнему краю венчика и по шейке сосуда нанесены ряды оттисков узкой подтреугольной лопаточки. Остальная часть тулова не орнаментирована; судя по нескольким фрагментам придонной части, сосуд имел круглое дно (рис. 18, 3). Тесто глины содержит примесь толченой раковины. Возле локтя правой руки лежал бесформенный обломок крупнозернистого песчаника. Под черепом лежал зуб коровы с прорезьями у основания (рис. 172, 2). Он прикрывал овальное отверстие в черепе диаметром до 2,5 см. По мнению А.В.Шевченко, это результат искусственной трепанации, причем, следы зарастания незначительны. Южнее скелета взрослого человека, на

краю ступеньки, лежал скелет ребенка. Поза и ориентировка такая же, как и у взрослого – скорченно на спине. В южной части могилы, не ее дне найден крупный комок охры (диаметром до 10 см).

Еще два погребения были исследованы в кургане у ст. Паницкая (рис. 159, 21) в Красноармейского района Саратовской области (раскопки Р.А.Мимохода).

В кургане обнаружено 7 разновременных погребений, два из них (погр. 6 и 7) относятся к энеолитическому времени. Погребения обнаружены под центральной частью насыпи и совершены по одному обряду. Они основные, содержали парные захоронения – взрослого и ребенка.

Могильная яма погребения 6 подпрямоугольной формы с округлыми углами и немного расширяющаяся в ногах погребенного была едва заглублена в материк. В могиле были погребены взрослый (скелет 1) и ребенок (скелет 2).

Скелет 1. Лежал на спине, скорченно – ноги были подтянуты пятками к тазу и поставлены коленями вверх. В дальнейшем они завалились вправо. Руки погребенного были вытянуты вдоль туловища и слегка раскинуты в стороны. Затылочная часть черепа была слегка приподнята. Скелет ориентирован черепом на восток-северо-восток.

Скелет 2. Лежал на спине между туловищем и левой рукой скелета 1. Череп детского скелета покоился на левом плече взрослого на правой височной кости. Руки были вытянуты вдоль туловища. Ноги, как и у взрослого скелета были подняты коленями вверх и также упали вправо.

Погребальный инвентарь представлен керамическим сосудом, который лежал на дне могилы между черепом скелета 1 и стенкой могильной ямы. Небольшой керамический сосуд имеет плавный S – овидный профиль и округлое дно. Венчик сосуда слегка утолщен и отогнут наружу. Вся внешняя поверхность сосуда украшена параллельными горизонтальными рядами оттисков зубчатого штампа. По верхнему краю венчика орнамент

дополнен короткими наклонными рядами отпечатков того же штампа. Суд имеет светло коричневый цвет, в тесте глины отмечена обильная примесь толченой ракушки (рис. 170, 6).

Парное погребение 7 сильно повреждено землероями, но судя по остаткам костей погребенных, это была аналогия погребения 6. Подпрямоугольная с округлыми углами была ориентирована длинными сторонами по линии юго-запад – северо-восток, максимальная глубина в материке 8 см. По остаткам костей погребенных установлено, что в могиле было совершено два захоронения – взрослое (скелет 1) и детское (скелет 2).

Скелет 1. Лежал на спине, головой на северо-восток и, судя по небольшим размерам могильной ямы, скорченно.

Скелет 2. Детский скелет находился между левой рукой взрослого и стенкой могильной ямы. Скелет лежал на спине, скорченно, черепом на северо-восток.

Погребальный инвентарь представлен двумя грифельными костями животного, лежавших у кистей рук скелета 1 (рис. 24).

Не исключено, что погребениям 6 и 7 синхронно или совершено с небольшим хронологическим запаздыванием детское безынвентарное погребение 5, устроенное в южной поле кургана. Неглубокая (до 0,2 м) могильная яма подпрямоугольной формы имела округлые углы, особенно сильно скругленные в ногах могильной ямы. На дне могилы лежали разрозненные кости детского скелета, по которым устанавливается, что умерший был положен на спине, скорченно, головой на северо-восток. Вероятно, погребение также является основным.

Общая характеристика подкурганных энеолитических захоронений

Таким образом, в настоящее время в Нижнем Поволжье исследовано 22 энеолитических подкурганных захоронения из 7 курганов и одно дюнное: Бережновка 1, кург. 5, погр. 22; Бережнока II, кург. 9, погр. 2, 5, 8-12, 16-21; Ровное, кург. 3, погр. 5, 11; Энгельс-Анисовка, погр. 1; Тарлык,

кург. 1, погр. 6; Политотдельское, кург. 12, погр. 15, 18; Паницкая, погр. 6 и 7; Новопривольное, погр. 16 (рис. 173).

Погребальный обряд этой группы древнейших подкурганых захоронений не отличается стабильностью. Ориентировка тяготеет к северо-восточному или юго-западному секторам, руки вытянуты или лежат кистями на тазовых костях. Все погребения обильно посыпаны охрой, но в трех случаях охра зафиксирована только на черепе. Шесть взрослых захоронений сопровождались погребениями детей или подростков, причем, в двух случаях дети лежали на ступеньках могильной ямы. Четыре могилы имели ступеньки. По форме преобладают прямоугольные могилы, но имеются и овальные. Глубина и величина могил различны, следы перекрытия отмечены не везде. Наряду с основными могилами в курганах есть и впускные.

При сравнении погребального обряда с Хвалынскими и Хлопковским могильниками обнаруживается совпадение по многим признакам (рис. 174). Погребенные лежали скорченно, с вытянутыми или сложенными на животе руками. Ориентировки грунтовых захоронений, так же, как и подкурганых неустойчивы, но преобладают северо-восточные направления. Имеются погребения обильно посыпанные охрой, но встречаются и неокрашенные. В грунтовых могильниках, как и в курганах, могилы имели овальную и подпрямоугольную форму (Васильев И.Б., 1981, с. 42; Малов Н.М., 1982, с. 85-89).

Находки сосудов в подкурганых захоронениях немногочисленны, по форме и орнаменту они аналогичны хвалынской керамике. Сосуды имеют венчики с характерным валикообразным утолщением, округлое тулово и, судя по трем экземплярам, круглое дно (рис. 170, 2, 5, 6). Орнамент выполнен наколами, насечками, оттисками зубчатого штампа и створкой раковины. Орнаментальные композиции чаще всего составлены из рядов горизонтальных линий по тулову и вертикальных или наклонных по вен-

чику. Орнамент покрывает срез венчика и его внутреннюю сторону. Подобно хвалынской керамике, в двух случаях орнаментальные зоны разделяются волнистыми прочерченными линиями (рис. 170, 3, 5). Тесто глины в изломе черное, с обильной примесью толченой раковины.

Самой массовой категорией находок являются мелкие круглые бусы из раковины. В степном Заволжье бусы встречены в Ровном, кург. 5, погр. 1; Новопривольном, погр. 16; Бережновке II, кург. 9, погр. 26. Подобные бусы широко распространены в энеолитических памятниках Восточной Европы, в том числе и хвалынских могильниках (рис. 160, 30, 31). Костяные пронизки, найденные в Бережновке, кург. 9, погр. 16, в Новопривольном, погр. 16, в кургане Тарлык, погр. 6 и длинные трубочки из полой кости - "флейты" из Бережновки II, к. 9, п. 9 и 10, также имеют аналогии в памятниках энеолита хвалынского круга. И.Б.Васильев обратил внимание на сходство кремневых ножей и медных височных подвесок из Бережновки II, кург. 9, погр. 9 и Хвалынского могильника (Васильев И.Б., 1981. С. 44). Приведенные выше аналогии показывают, что инвентарь подкурганых погребений по всем категориям совпадает с материалами Хвалынского могильника. Следует только отметить, что в грунтовых погребениях количество категорий погребального инвентаря значительно шире.

Учитывая аналогии в обряде и совпадение категорий инвентаря, включая керамику, можно говорить о хронологической и культурной близости подкурганых погребений с грунтовыми хвалынскими.

4.4. Памятники алтатинского типа

Памятники алтатинского типа названы по эпонимной стоянке Алтата в степном Заволжье. Фактически именно с этой стоянки было начато изучение энеолитических поселений в Заволжье. Долгое время стоянка Алтата оставалась единственным памятником с сохранившимся и частично исследованным культурным слоем. Стоянка была открыта Ю.В.Деревягиным,

который в конце 60-х – первой половине 70-х гг. произвел здесь небольшие раскопки (Деревягин Ю.В., 1970. С. 150; он же, 1971. С.160). Затем Алтата исследовалась Д.Я.Телегиным (Телегин Д.Я., 1976) и в 1989-1990 гг. Н.М.Маловым.

В первых же публикациях материалов стоянки отмечено культурное своеобразие алтатинского комплекса и отсутствие близких аналогий (Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974. С. 253; Телегин Д.Я., 1981. С. 17). Поэтому датировка стоянки определялась по разному: неолитом (Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974. С. 249-253), финальным неолитом-ранним энеолитом (Телегин Д.Я., 1976. С. 26), рубежом дошнурового и шнурового периодов среднестоговской культуры (Еремин В.И., 1977. С. 67), поздним энеолитом (Васильев И.Б., 1981. С. 44-50). Подобные разночтения материалов одного памятника объясняются не только отсутствием близких аналогий, но и относительно небольшой керамической коллекцией. И.Б.Васильев отнес Алтату к памятникам алексеевского типа в сводной работе по энеолиту Поволжья. Памятники алексеевского типа находятся на значительном удалении друг от друга и почти все материалы происходят со стоянок с разрушенным культурным слоем. Полные аналогии в комплексах этих памятников не прослеживаются, что отмечает и И.Б.Васильев (Васильев И.Б., 1981. С. 44-50).

В 80-е гг. исследован ряд новых энеолитических памятников, материалы которых обладают устойчивым набором культурных признаков и идентичны находкам на стоянке Алтата. После исследования поселения Пшеничного, где была получена представительная выборка керамики и каменных орудий, предложено объединить все эти стоянки в один культурный тип - алтатинский (Юдин А.И., 1989 б. С. 148-167). Дополнительные исследования стоянки Алтата, проведенные Н.М.Маловым в 1989-1990 гг. подтвердили правомерность выделения памятников алтатинского типа.

Известные к настоящему времени памятники алтатинского типа занимают компактную территорию в бассейнах рр. Большой и Малый Узени, Торгун и, судя по материалам местонахождений, основная зона их распространения - степи Волго-Уральского междуречья. Однако накопление новых материалов позволило рассмотреть также и некоторые энеолитические стоянки Волгоградского Правобережья через призму алтатинских признаков. Позднее стали известны памятники, сопоставимые по части параметров с алтатинскими и значительно севернее, в лесостепном Посурье (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003. С. 138-154).

Алтатинские памятники Заволжья

В Заволжье известно 7 памятников алтатинского типа с сохранившимся культурным слоем. Это Алтата и Пшеничное, на которых производились раскопки, стоянки Монахов-I (Юдин А.И., 1986. С. 37-40), Петропавловская (Черкасова Е.В., 1992. С. 18-22), Непряхино и Первомайская (Юдин А.И., 1991), где были заложены разведочные шурфы и стоянка Ветелки у плотины Варфоломеевского водохранилища. Последняя обнаружена Ю.А.Лаврушиным при геологическом описании стратиграфии обрывистых берегов р.М.Узень и для нее получена радиоуглеродная дата.

Стоянка Алтата.

Стоянка расположена на правом берегу р.Алтаты, в 3 км к востоку-северо-востоку от села того же названия, в Дергачевском районе Саратовской области (рис. 147, 25; 175, 1). С начала 70-х годов стоянка раскапывалась Ю.В.Деревягиным, Д.Я.Телегиным и Н.М.Маловым (Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974; Телегин Д.Я., 1976, 1981; Еремин В.И., 1976; Малов Н.М., 1991).

Исследовано свыше 400 кв. м культурного слоя, который достигает толщины 1,8 м. Культурный слой стоянки переотложен, перестилается слоями светло-серой супеси и "стекает" в реку. Находки обнаружены по всей толще слоя, а анализ послойного залегания керамики из раскопок по-

следних лет показал, что фрагменты одного и того же сосуда залегают во всех трех гумусированных слоях. Кроме того, все высокие поймы на всем протяжении р.Алтаты, идентичные той, на краю которой расположена стоянка, сложены аналогичным образом - чередование слоев темного гумуса и светлого суглинка. Поэтому материалы стоянки можно рассматривать только суммарно, учитывая явную переотложенность культурного слоя. Вероятно, именно этим объясняется немногочисленность керамики и ее фрагментарность.

Керамика не поддается реконструкции, но по сохранившимся фрагментам установлено, что по форме сосуда делятся на три группы: с выраженной шейкой и отогнутым венчиком (рис. 176, 2-4); с прикрытым устьем (рис. 176, 7, 8, 11); слабопрофилированные (рис. 176, 6, 9). В тесте глины сосудов имеется примесь толченой раковины.

Срезы венчиков большинства сосудов орнаментированы (рис. 176, 1, 3, 4, 9, 9). Орнамент по тулову чаще всего наносился гребенкой, довольно много гусенички, есть фрагменты с шагающей гребенкой (рис. 176, 5, 9), коротким трехзубым штампом, отступающим наколом, глубоким треугольным наколом, овальными насечками и в одном случае перевитой веревочкой. Основные орнаментальные композиции: сочетание наклонных и вертикальных оттисков гребенки, разделенных горизонтальными строчками гребенки; наклонные оттиски длинного гребенчатого штампа с горизонтальными разделителями из полукруглых насечек; несколько видов плетенки. Небольшая часть коллекции представлена керамикой, находящей аналогии в неолитических комплексах. Это фрагменты керамики типично орловского облика и гребенчатая керамика, находящая аналогии в неолите лесостепного Поволжья (рис. 176, 13-18). Кроме того, встречен фрагмент хвалынского сосуда (рис. 176, 12).

Комплекс каменных орудий Алтаты обладает ярко выраженным своеобразием по отношению к другим энеолитическим культурным обра-

зованиям региона. Подавляющее большинство орудий изготовлено из кварцита, изделия из кремня единичны. В качестве основных заготовок для орудий использовались отщепы. Немногочисленные пластины короткие, не имеют правильной огранки. На таких пластинах изготавливались перфораторы (рис. 177, 8, 9) и скребки (рис. 177, 11, 12). Самая представительная категория орудий - небольшие (2,5-3,5 см в поперечнике) скребки на отщепах, в том числе двойные и с зеркальным расположением лезвий (рис. 177, 10, 13-23). Большой серией представлены наконечники различных типов - ромбовидные, листовидные, подтреугольные, черешковые с прямыми или выемчатыми основаниями (рис. 177, 1-3, 5, 6). Часто встречаются крупные (до 15-18 см длиной) ромбовидные, подовальные и серповидные ножи со сплошной двусторонней обработкой (рис. 177, 4, 7).

Поселение Пшеничное.

Поселение обнаружено на правом берегу р.Торгун в Старополтавкинском районе Волгоградской области (рис. 147, 26; 175, 2). Оно расположено на узком мысу, образованном правым берегом Торгуна и левым берегом р.Водянки, впадающей в Торгун. Почти весь культурный слой разрушен при сооружении плотины (верхний слой эпохи средней бронзы уничтожен полностью). В 1986 году А.И.Юдин исследовал 300 кв. м оставшейся нижней части культурного слоя.

На северной окраине памятника вскрыта хозяйственная яма, в которой среди костей животных обнаружены фрагменты трех сосудов и скол молочно-серого камня (рис. 178, 1-4). Орнаментированы сосуды гребенкой, веревочкой и перевитым шнуром. Цвет керамики черный, в тесте глины примесь толченой ракушки.

На площади раскопа находки залежали неравномерно. Основная часть изделий из камня и керамики обнаружена в месте скопления костей, которое располагалось в центральной, наиболее глубокой части раскопа, и представляло в плане овальное пятно размерами 8x22 м. Всего в культур-

ном слое найдено 650 предметов из камня и фрагменты керамики приблизительно от 90 сосудов.

Накольчатая керамика представлена небольшими фрагментами от 15 сосудов (рис. 179, 1-15). На двух фрагментах накол сочетается с гребенкой (рис. 179, 13, 14) и на одном - с овальными насечками (рис. 179, 8). Цвет черепков варьирует от красно-коричневого до черного. Тесто плотное, примесь толченой ракушки – от обильной до едва уловимой. В этой группе выделяются фрагменты трех венчиков, украшенных отдельно поставленными наколами различной формы (рис. 179, 16-18).

Гребенчатая керамика разделяется на три группы. К первой группе относятся фрагменты венчиков от 13 сосудов. Все они имеют различную примесь толченой ракушки в тесте. Цвет керамики изменяется от красно-коричневого до черного. Сосуды первой группы имеют округлое тулово, хорошо выраженную шейку и резко отогнутый венчик, иногда слегка желобчатый (рис. 178, 1, 4; 180, 1-9; 181, 1; 182, 1-3). Диаметр сосудов по венчику от 20 до 27 см. Венчики орнаментированы вертикальными, наклонными или горизонтальными оттисками гребенчатого штампа. Еще один ряд наклонных оттисков штампа проходит по краю венчика или его срезу. Шейка часто выделяется полосой овальных насечек (рис. 180, 1; 182, 2, 3), рядами оттисков перевитой веревочки (рис. 178, 3) или горизонтальными полосами крупнозубчатого штампа (рис. 178, 4). Венчики двух сосудов не орнаментированы (рис. 180, 7, 8). В трех случаях под шейкой проходит ряд треугольников (рис. 178, 3, 4; 180, 5), но найдены фрагменты боковин и с другими видами геометрического орнамента. Судя по большому количеству неорнаментированных боковин, в основном украшалась верхняя треть сосуда. Но встречено несколько орнаментированных боковин и обломки придонной части, покрытые гребенчатым штампом (рис. 182, 7-12, 16, 17).

Вторая группа керамики представлена прямыми или со слегка прикрытым устьем сосудами. Верхний край венчиков плоский или скошен во внутрь (рис. 178, 9; 181, 2, 3, 9; 182, 4-6, 15). Часть венчиков имеет небольшой наплыв с внешней стороны (рис. 178, 11; 181, 1, 6, 7). Керамика орнаментирована гребенчатым штампом, коротким штампом на створке раковины, насечками, "гусеничками". Значительное количество сосудов украшено только по верхнему краю венчиков. Графически реконструируется нижняя половина плоскодонного сосуда (рис. 181, 11). Тесто глины всегда плотное, с небольшой, едва уловимой, примесью толченой раковины. Из этой серии выделяется сосуд со слегка утолщенным венчиком, который по рыхлой фактуре теста, обильной примеси органики и раковины аналогичен керамике первой группы. Украшен оттисками длинного гребенчатого штампа, разделенных овальными насечками. С внутренней стороны венчика отпечатаны 2 ряда веревочки (рис. 178, 6).

К третьей группе относится слегка профилированная керамика. По плотности черепка, составу примесей и элементам орнамента она сочетает признаки 1 и 2-ой группы (рис. 178, 5, 8; 181, 4; 182, 13). Один из фрагментов венчика сосуда третьей группы украшен шагающей гребенкой (рис. 182, 13). Также встречены фрагменты боковин, орнаментированных шагающей гребенкой (рис. 178, 12, 13; 182, 14).

Несмотря на кажущуюся эклектичность керамической коллекции, она представляет из себя единый комплекс, что подтверждается проведенной корреляцией взаимовстречаемости элементов орнамента на посуде всех групп (Юдин А.И., 1989. С. 150). Все три группы энеолитической керамики несомненно составляют единый культурный комплекс. Большинство элементов орнамента (гребенка, овальные насечки, штамп на створке раковины, веревочка) украшают посуду всех групп. В этом плане особенно показательна керамика, орнаментированная коротким гребенчатым штампом на створке раковины (рис. 181). Сосуды первой и второй групп сильно

различаются по форме, но керамика третьей группы выступает как бы промежуточной формой между ними. Вся энеолитическая керамика залегала совместно, преимущественно в районе костища. О принадлежности керамики к одному культурному типу свидетельствуют и каменные изделия, которые невозможно расчленить на несколько комплексов.

Каменные орудия поселения Пшеничное, как и орудия Алтаты, легко отделяются от других энеолитических комплексов Заволжья.

Каменные изделия характеризуются двумя основными признаками: серый кварцит как основное сырье и использование отщепов в качестве главной заготовки для орудий. Всего найдено около 200 орудий и изделий со вторичной обработкой и свыше 400 отщепов и сколов без обработки. Предметы из кремня составляют всего 4,5 % от общего количества, а ножевидные пластины и орудия на них - 13,2 %. Причем все пластины аморфны, среди них почти нет пластин правильной формы.

Самую многочисленную категорию орудий составляют скребки на отщепах (рис. 183, 1-47). Скребки на отщепах морфологически разнообразны, часто встречаются скребки с зеркальным расположением лезвий (рис. 183, 26, 28-32). Вторая по численности категория - отщепы с ретушью.

На пластинчатых и плоских отщепах выполнена выразительная серия ножей. Простейшие из них подвергались вторичной обработке только по краю лезвия (рис. 184, 2, 4, 12, 14, 18, 23). Большая часть ножей покрыта сплошной двусторонней ретушью (рис. 184, 7-10, 13, 17). Данные ножи по форме близки к наконечникам дротиков, но последние отличаются способом оформления основания. Интересной находкой является крупный кварцитовый кинжал (рис. 185, 1).

Наконечники дротиков и стрел с прямым или выемчатым основанием представлены несколькими типами: подтреугольные, ромбовидные и листовидные с усеченным основанием, черешковые, с выемчатым основа-

нием (рис. 185, 2-22). Выделяется своей нетипичностью наконечник с боковыми выемками (рис. 185, 11). Небольшая серия пластинчатых изделий включает пластины шириной от 8 до 24 мм, пластины с ретушью и скребки. Уникальной находкой является трапеция со струганной спинкой из серого полосчатого камня (рис. 185, 12). Трапеция найдена в северо-восточной части раскопа, вне скопления костей, но в одном квадрате с керамикой первой группы.

Поселение Монахов 1.

Поселение расположено в 4 км к западу от с. Монахов Алгайского района Саратовской области, на левом берегу р. Б. Узень (рис. 147, 27; 175, 3). В 1984 году на поселении вскрыто 28 кв. м культурного слоя (Юдин А.И., 1986. С. 37-40). Поселение двухслойное. Верхний слой мощностью 0,4-0,5 м сформировался в эпоху средней бронзы. Культурный слой энеолитического времени отделен от слоя бронзового века 20-30 сантиметровой прослойкой светло-желтого суглинка. Мощность нижнего культурного слоя 25-50 см.

Керамический комплекс нижнего энеолитического слоя состоит из фрагментов приблизительно 10 сосудов. Вся керамика черного и темно-серого цвета, в тесте глины добавлено различное количество толченой ракушки. Как и на стоянках Алтата и Пшеничное, здесь керамический комплекс включает керамику неолитического облика, залегающую совместно с энеолитической.

В керамике неолитического облика примесь ракушки небольшая. Орнаментированы эти сосуды сочетанием горизонтальных и наклонных рядов наколов различной формы, выполненных в отступающей технике, и вертикальными рядами мелкозубчатого штампа, разделенными наклонными вдавлениями подовальной формы (рис. 186, 4, 6, 8).

Другая часть керамики содержит в тесте обильную примесь толченой ракушки и имеет значительно меньшую толщину стенок (от 5 до 8 мм)

по сравнению с неолитоидной (от 7 до 12 мм). Прямосрезанные и округлые венчики сосудов отогнуты наружу. Керамика украшена отпечатками зубчатого штампа, вертикальными рядами шагающей гребенки, а также горизонтальной елочкой, разделенной полосами зубчатого штампа. В некоторых случаях орнамент заходит на срез венчика или даже его внутреннюю часть. Несколько венчиков не имеют орнамента, шейка одного сосуда выделена желобком (рис. 186, 1-3, 5, 10).

Коллекция каменных находок из культурного слоя включает 104 предмета. Кроме кремневого скребка и наконечника стрелы из кремневой корки все остальные находки кварцитовые. К орудиям и пластинам относятся 24 предмета. Большинство орудий (11 экз.) - это скребки на отщепах различной формы (рис. 186, 11, 16, 18, 20, 21). 5 скребков изготовлено на сечениях ножевидных пластин (рис. 186, 19, 22-25). Найдено орудие со скоблевидной выемкой (рис. 186, 17), 3 наконечника стрел различных типов и обломок наконечника дротика, обработанных двусторонней ретушью (рис. 186, 12-15).

Набор категорий каменных орудий и их технико-типологические признаки полностью идентичны более представительным коллекциям Пшеничного и Алтаты.

Стоянка Первомайская.

Стоянка находится на юго-восточной окраине с. Лохмотовка Новоузенского района Саратовской области, на краю высокого обрывистого левого берега Варфоломеевского водохранилища (р. М. Узень) (рис. 147, 28; 195, 4). Культурный слой обнажается на протяжении 110 м. В 1990 году А.И. Юдин заложил здесь небольшой разведочный шурф. Под дерновым слоем залегал светло-желтый суглинок (до 0,5 м). Ниже находился слой светло-серого суглинка с небольшой примесью гумуса (до 0,8 м). Этот слой подстилается материковой глиной. Находки залегают сразу под гумусом во всех слоях до материка. Слои светлого суглинка содержат их чрез-

вычайно мало, основная часть находок залегала в слоях гумусированного суглинка, но тоже в незначительном количестве. Размытость границ между слоями и слабая насыщенность находками указывают на переотложенный характер культурных напластований.

В шурфе найдены фрагменты от двух сосудов. Оба сосуда украшены шнуровым орнаментом (рис. 187, 9). Предметы из камня представлены четырьмя десятками кварцитовых отщепов, небольшими округлыми скребками на отщепах, отщепами с ретушью, двумя сечениями ножевидных пластин и двумя наконечниками стрел - подтреугольным с прямым основанием и листовидным с усеченным основанием и небольшой выемкой. Вместе с материалами из размытого культурного слоя коллекция стоянки по всем своим признакам полностью сопоставляется с вышеописанными памятниками (рис. 187, 1-13; 188, 1-39).

Первая группа керамики Первомайской стоянки представлена фрагментом толстостенного, слегка желобчатого и отогнутого наружу венчика. Он орнаментирован вертикальными оттисками гребенчатого штампа, по шейке проходит поясок бесформенных наколов (рис. 187, 12).

Вторая группа - прямостенные сосуды - включает: фрагмент Т-образного венчика, украшенного по срезу гребенкой (рис. 187, 3); фрагмент венчика с прочерком по внешнему краю (рис. 187, 8).

Неолитоидная керамика представлена фрагментом округлого венчика с глубокими полукруглыми вдавлениями по обеим сторонам среза. По внешней поверхности нанесен ряд скобковидных наколов (рис. 187, 1).

Вся керамика содержит обильную примесь толченой раковины, стенки многих фрагментов обработаны зубчатым штампом. Орнамент выполнен гребенкой (в том числе шагающей), наколами различной формы, веревочкой и перевитым шнуром.

Каменные изделия (кроме находок из шурфа) включают 23 кварцитовых предмета и 3 кремневых (рис. 31, 1-39). Кварцитовые предметы: 4

сечения ножевидных пластин, ножевидная пластина с краевой ретушью, 2 концевых скребка на пластинах, 2 скребка на коротких продольных сколах, острие на пластинчатом отщепе, отщеп с ретушью, 9 скребков на отщепах, в том числе 1 дублированный, 2 обломка ножей на отщепах, наконечник стрелы ромбической формы и обломок листовидного наконечника с прямыми основаниями. Кремневые предметы: концевой скребок на отщепе, скребок на отщепе с ретушью на 3/4 и трапеция со струганной спинкой (рис. 188, 11). Последняя находка, как и в комплексе Пшеничного, указывает на сохранение неолитических традиций не только в керамике, но и в каменной индустрии.

Петропавловская стоянка.

Стоянка обнаружена и частично исследована Е.В.Черкасовой в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века (Черкасова Е.В., 1992. С. 18-22). Памятник расположен в Дергачевском районе Саратовской области, на правом обрывистом берегу р.Алтаты, в 7 км от с.Петропавловки (рис. 147, 29; 175, 5).

На стоянке был заложен небольшой разведочный раскоп площадью 16 кв.м. Культурный слой перекрыт пойменными отложениями из гумусированных суглинков мощностью 1,8 м. Толщина самого культурного слоя, залегающего на материковой глине, достигает 0,4 м. Кроме предметов из камня и керамики в слое найдены обломки костей животных, створки речных раковин, угольки и комочки обожженной глины.

Обнаруженные фрагменты керамики принадлежат, как минимум, четырём сосудам с обильной примесью толченой ракушки в тесте глины. Типологически сосуды относятся ко второй и третьей группам алтатинской керамики: с прикрытым устьем и профилированные (рис. 189, 1-4). Орнаментирована керамика оттисками гребенчатого штампа, образующего зигзаг, волну (изогнутый штамп), а также вертикальные и наклонные ряды отпечатков зубчатого штампа, которые разделены горизонтальными

строчками наклонных оттисков короткого двузубого штампа (рис. 189, 1-11).

Комплекс каменных предметов включает несколько десятков кварцитовых отщепов, сколов и несколько орудий: крупный кварцитовый нож листовидной формы с усеченным основанием (рис. 189, 12), два кремневых скребка на укороченной пластине и отщепе (рис. 189, 13, 15) и скребок из кварцита (рис. 189, 14).

Стоянка Ветелки.

В 1990 году Ю.А.Лаврушиным при зачистке берегов р.М.Узень для геологического описания стратиграфии в районе плотины Варфоломеевского водохранилища в 5 км к юго-западу от с. Ветелки Александровогайского района Саратовской области была обнаружена энеолитическая стоянка (рис. 147, 30; 175, 6). Культурный слой достигал толщины 1 м и включал находки только энеолитического времени. Найденные фрагменты керамики имели примесь толченой ракушки в тесте глины, орнамент нанесен коротким четырехзубым штампом. Собрано 3 скребка на отщепах, дублированный скребок на продольном сколе, 23 отщепа (все из кварцита) и один кремневый скребок на отщепе.

Несмотря на малочисленность материалов, их принадлежность к алтатинскому типу не вызывает сомнений.

В основании культурного слоя обнаружено скопление створок речных ракушек *Unio*. Радиоуглеродная дата, полученная по этим ракушкам, показала раннеэнеолитический возраст стоянки.

Многослойная стоянка Непряхино.

На многослойной стоянке Непряхино (рис. 175, 10) кроме палеолитических материалов известны и энеолитические. Уже упоминался факт разработки пласта кварцита в последующие за палеолитом эпохи. Кварцит из месторождений в районе Непряхино встречен практически на всех степ-

ных заволжских памятниках неолита-энеолита. Особенно активно светло-серый кварцит использовался алтатинским населением.

Находки алтатинского типа залежали в нижней части гумусного слоя и составляли на исследованном участке самую верхнюю часть свиты культурных слоев. Здесь найден фрагмент сильно отогнутого и слегка желобчатого венчика сосуда. Тесто глины содержит примесь толченой раковины. Срез венчика и шейка сосуда украшены оттисками мелкозубчатого штампа и наколами (рис. 190, 1).

Каменный инвентарь представлен только кварцитовыми предметами. Нуклеусы разнообразны: конический, два торцовых, два клиновидных, шесть грубых призматических, три двуплощадочных встречного скалывания (рис. 190, 2). Сколы верхнего слоя отличаются небольшими размерами относительно нижележащих находок, но значительно крупнее местных неолитических. Средняя длина отщепов и пластин – 6,2 см. Пластин немного, всего 3,6%. В орудийном наборе преобладают скребки различных типов на отщепах и скребла (рис. 190, 3-8). Найдены незаконченные орудия с двусторонней обработкой, в том числе две заготовки подтреугольных наколочников стрел.

В слое также найдены две запястных кости и фаланга овцы/козы (определения А.К.Каспарова, ИИМК РАН) (Захариков А.П., 1997. С. 99-106).

Общая характеристика алтатинских памятников

Материальные комплексы алтатинских памятников отличаются ярко выраженным своеобразием, что сразу выделяет их среди других энеолитических культур. Керамика рассмотренных выше памятников распределяется на три основные группы (рис. 191, 1-10):

1. Сосуды с выраженной шейкой и желобчатым венчиком.
2. Сосуды с прямыми стенками или слегка прикрытым устьем (непрофилированные).
3. Профилированные сосуды.

Эти три основные формы представлены на всех памятниках, имеющих достаточную выборку. Несмотря на значительную разницу форм керамика едина в плане технологии изготовления и способах нанесения орнамента. Вся керамика содержит примесь толченой раковины в тесте глины, широко использовался гребенчатый штамп для сглаживания поверхности.

Принадлежность всех трех групп керамики к одному культурному комплексу убедительно проявляется при анализе соотношения групп и элементов орнамента, наиболее часто встречающихся на сосудах (Юдин А.И., 1989. С. 150. Табл. 1). Из восьми основных элементов орнамента (зубчатый штамп с полукруглыми насечками, гребенчатый штамп, крупнозубчатый штамп и личинки, шнур, наколы различной формы, плетенка, шагающая гребенка) пять элементов отмечено среди керамики всех трех групп и по одному элементу на сосудах первой и второй, второй и третьей, первой и третьей групп. Общим признаком для керамики всех памятников является обязательное присутствие на части керамики неолитоидной орнаментации, как степного характера, так и более северного, лесостепного. Черты позднего лесостепного неолита проявляются в появлении таких орнаментальных композиций как наклонные ряды гребенчатого штампа, разделенные овальными насечками; косая сетка; плетенка; вертикальный зигзаг. К примеру, из 13 основных: орнаментальных композиций, выполненных гребенкой, на керамике неолитических стоянок междуречья Суры и Мокши, с алтатинскими совпадают 7 (Третьяков В.П., Выборнов А.А., 1988. С. 65. Рис. 15.). Близкая картина наблюдается и при сравнении алтатинских орнаментальных композиций (рис. 178, 6; 182, 3, 12; 186, 7; 187, 11) с украшениями на керамике средневожской неолитической культуры (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. С. 109. Рис. 43, 31-38, 55-63).

Степной компонент проявляется в накольчатой орнаментации орловского характера. Некоторые орнаментальные композиции полностью по-

вторяют орловские (рис. 182, 8, 12) но выполнены не отступающим наколом, а гребенкой. Ближе всего к неолитическим формам сосудов стоит керамика второй группы, но неолитоидный орнамент встречается и на сосудах типично энеолитических форм.

Это привело к причудливому смешению разнокультурных признаков на одном сосуде: высокий желобчатый венчик с выделенной шейкой и типично неолитическим орнаментом: наклонными рядами длинной гребенки, разделенными овальными наколами (рис. 182, 2, 3); неолитический орнамент и форма в сочетании с оттисками веревочки по внутренней стороне венчика (рис. 178, 6). При этом весь керамический комплекс отличается единой технологией производства: органические примеси, штриховая зачистка поверхности, способ обжига. На алтатинской керамике наблюдается не механическое смешение разнокультурных черт, а их органический сплав, придающий данному комплексу неповторимость и легкоузнаваемость.

Наличие неолитоидной керамики на всех алтатинских памятниках не может рассматриваться в качестве чужеродного элемента, случайно попавшего в комплекс, так как в трех случаях (Пшеничное, Петропавловка, Монахов I) бесспорно ее залегание совместно с энеолитической. Принадлежность керамики к одному культурному комплексу подтверждается и однородными по составу наборами каменных орудий. Комплексы орудий из камня на всех памятниках не могут быть расчленены на неолитические и энеолитические в силу их специфичности как по выбору исходного сырья (кварцит), так и из-за отсутствия части категорий орудий в неолитическое время в степном Заволжье (орудия со сплошной двусторонней обработкой).

Основным сырьем служил мелкозернистый кварцит (сливной или кварцитовидный песчаник) светло-серых тонов. Количество кварцитовых предметов в комплексах колеблется от 92 % на Первомайской стоянке до

99 % на поселении Монахов I (табл. 20). Максимальное количество кварцитовых изделий на стоянках других энеолитических культур Заволжья - 85%, а обычно значительно меньше. Аналогично материалам прикаспийских памятников, из кремня выполнялись орудия небольших размеров (скребки и ножи на отщепах, скребки на пластинах, наконечники стрел), типологически не отличающиеся от более массивных кварцитовых. Преобладание отщепной техники расщепления камня - еще одна особенность рассматриваемых комплексов. Орудия на отщепах составляют от 75 % на Первомайской стоянке до 92 % на поселении Пшеничном. Основной заготовкой служил небольшой (1,5 - 4 см) отщеп округлой, овальной или подпрямоугольной формы, а также пластинчатые отщепы. Ножевидные пластины с параллельными краями немногочисленны. Чаще всего они короткие, спинка не имеет одинаковой огранки по всей длине. Противолежащие концы пластины могут сильно варьировать по ширине и толщине. Большинство пластин использовалось для получения ножей и концевых скребков. Все памятники характеризуются наличием устойчивых наборов нескольких основных категорий орудий на отщепах (табл. 20).

1. Скребки на отщепах. Самая многочисленная категория орудий. Скребки на отщепах - наиболее часто встречаемые находки на всем протяжении нео-энеолитической эпохи. В данном случае скребки не только типологически разнообразны, среди них выработаны стандартные формы, устойчиво повторяющиеся на всех памятниках. Скребки редко превышают 5 см в поперечнике, их основные виды:

- округлые или овальные; с ретушью на $3/4$ или по всему периметру (рис. 183, 4, 33, 35, 42, 45);

- подпрямоугольные и трапециевидные концевые, иногда ретушь заходит на одну или обе боковые грани (рис. 177, 10, 14, 22);

- скребки с гранью на спинке; ретушь на сторонах параллельных грани или на $3/4$ периметра (рис. 177, 18, 21);

- подовальные и подпрямоугольные с двумя рабочими лезвиями на противоположных концах с внешней и внутренней сторон или лезвия образуют прямой угол, но на разных сторонах орудия (рис. 177, 13; 26, 28-32);

- округлые с высоким профилем (рис. 183, 10, 35).

2. Ножи с двухсторонней обработкой. Варьируют в размерах в зависимости от вида:

- ромбовидные, наиболее крупные из всех (рис. 177, 4);

- листовидные и листовидные с усеченным или слегка скошенным основанием (рис. 184, 5-7; 185, 1);

- подовальные - единственный из всех типов ножей, где в некоторых случаях ретушью покрыта не вся поверхность (рис. 184, 18).

Уникальной формой является серповидный нож с усеченным основанием со стоянки Алтата (рис. 177, 7).

3. Наконечники стрел и дротиков включают следующие виды:

- листовидные с прямым усеченным или выемчатым основанием (рис. 177, 1; 185, 5, 21, 22);

- ромбовидные с прямым усеченным или круглым основанием (рис. 185, 9);

- ромбовидные асимметричные с максимальным расширением в верхней части пера и выемчатым основанием (рис. 185, 10; 186, 14);

- подтреугольные с прямым основанием (рис. 185, 2; 186, 13);

- черешковые (рис. 177, 2; 185, 6).

4. Орудия скобляще-режущего типа. Немногочисленны, но являются характерной особенностью комплексов, принципиальным образом отличаясь от подобных в прикаспийской культуре, где они выполнялись на макропластинах и крупных продольных сколах. В алтатинских комплексах - на крупных отщепах различной формы с массивным основанием и однодвусторонней притупляющей ретушью.

Этими категориями не исчерпываются комплексы каменных орудий алтатинских памятников. Они включают также нуклеусы, крупные скребла, скребки на пластинах и продольных сколах, проколки, отбойники, абразивные орудия из песчаника, две кремневые трапеции со струганной спинкой. Но именно четыре вышеназванных категории изделий плюс комплекс керамики с неолитическими чертами являются теми признаками, по которым данные стоянки вычлняются из общей массы энеолитических памятников степного Заволжья. Эти характерные черты комплексов позволяют объединить их в один культурный тип и назвать его алтатинским типом памятников по первой исследованной стоянке. При объединении названных памятников в один культурный тип и отсечении правобережных типа Алексеевки, расположенных в лесостепи, материалы алтатинских стоянок приобретают необходимое единство по основным культуuroопределяющим признакам.

Таким образом, как уже было сказано выше, памятники алтатинского типа локализуются на достаточно компактной территории в бассейнах рр.Б. и М.Узени и р.Торгун, а судя по материалам местонахождений, зона их распространения охватывает южную часть степной полосы Волго-Уральского междуречья.

Памятники алтатинского типа Правобережья Волги

Несколько памятников на Правобережье Волги по ряду параметров вполне сопоставимы с алтатинскими стоянками.

Царица I и II.

Стоянки Царица I и II расположены в 10 км к западу от г.Волгограда, в долине притока Волги р.Царицы (рис. 147, 38; 175, 7). На стоянке Царица I, расположенной на высоком берегу Царицынской балки, исследовано раскопками 127 кв. м. Находки эпохи бронзы, неолита и энеолита залегают до глубины 4 м, но собственно культурный слой не превышал толщины в

1,3 м. Среди керамики стоянки преобладают энеолитические формы (рис. 168, 1, 2; 191, 4-7; 192, 1-4).

Керамика стоянки представлена следующими группами:

1. Крупные округлобокие сосуды с резко отогнутым и хорошо выделенным, иногда желобчатым, венчиком. Сосуды орнаментированы только по шейке и краю или срезу венчика (рис. 191, 4-6; 192, 1). Орнамент выполнен скобковидными и ногтевидными насечками (горизонтальные ряды) и мелкозубчатым штампом (наклонные оттиски). Внешняя поверхность сосудов имеет черный цвет и покрыта глубокими разнонаправленными расчесами. В тесте глины имеется значительная примесь толченой раковины. Данная группа керамики в какой-то степени может быть сопоставлена с первой группой гребенчатой керамики алтатинского поселения Пшеничное, отличаясь более плавной профилировкой. Исследователями данная керамика реконструируется как округлодонная, но в культурном слое встречены обломки плоских днищ.

2. Крупные толстостенные сосуды со слегка прикрытым устьем. Сосуды украшены под венчиком рядом выпуклых жемчужин, выдавленных с внутренней стороны. Внешняя поверхность сосудов черная и покрыта рядами разнонаправленных расчесов (рис. 192, 5). Тесто глины содержит примесь крупной толченой раковины. По составу теста и способу оформления внешней поверхности эти сосуды не отличаются от керамики первой группы. По морфологическим признакам керамика более всего сопоставима с репинскими формами. Близкий по форме и орнаменту сосуд имеется на поселении Кумыска в Волгоградском Заволжье.

3. Третья группа керамики представлена типично хвалынскими сосудами. Фрагмент одного венчика полностью покрыт с внешней стороны оттисками шнура (рис. 168, 1). Другой сосуд украшен шнуровым орнаментом по внешней стороне валикообразного венчика, а внутренняя поверхность венчика и тулово покрыты оттисками аммонита (рис. 168, 2). В тесте сосу-

дов имеется примесь мелкотолченой раковины. Найден также фрагмент округлого дна от хвалынского сосуда.

4. В нижней части культурного слоя обнаружена небольшая серия тонкостенной керамики с небольшой примесью толченой раковины в тесте глины. На нескольких фрагментах есть едва заметные разреженные наколы-ямки. Также обнаружен развал небольшого сосудика с округлым дном и S-овидным профилем. Внешняя поверхность сосуда заглажена и слегка подлощена. В тесте глины также имеется небольшая примесь мелкотолченой раковины (рис. 192, 2).

Коллекция изделий из камня немногочисленна. Орудия изготовлены из кремня коричневого и черного тонов. Исключение составляет одна ножевидная пластина из кварцита, хотя среди отходов производства абсолютное большинство составляют предметы из кварцита. Орудия представлены скребками на отщепах, скребками на укороченных пластинах, ножевидными пластинами и отщепами с ретушью.

Культурный слой стоянки включал большое количество обломков костей животных, часть которых была подвергнута остеологическому определению (Третьяков В.П., 1974. С. 211-212). В верхней части культурного слоя определены только домашние виды животных: овца, коза и лошадь. В нижней части культурного слоя кроме домашних, также залежали кости диких животных – кулана, медведя и суслика.

Стоянка Царица II расположена напротив стоянки Царица I, на другом берегу балки. Сохранилась окраинная часть стоянки с культурным слоем толщиной до 0,4 м. Немногочисленные материалы аналогичны находкам на стоянке Царица I. Это фрагменты керамики от профилированного сосуда, близкого керамике первой группы Царицы I. Сосуд украшен бордюрным орнаментом, выполненным оттисками личиночного штампа. Внешняя поверхность покрыта расчесами; в тесте глины имеется примесь толченой раковины (рис. 192, 3). Фрагмент второго сосуда покрыт рядами

плотно поставленных треугольных наколов и принадлежит к керамике репинского круга (рис. 192, 4). Найдено несколько отщепов и 1 орудие из кремня. Определения фаунистических остатков показало их совпадение с видами животных на стоянке Царица I.

Латошинка.

Многослойное поселение расположено на высокой надпойменной террасе правого берега Волги в 1,5 км выше плотины Волжской ГЭС. Стоянка располагается на обоих берегах разрезающего ее оврага. На стоянке вскрыто шурфами 70 кв. м культурного слоя на площади около 1 гектара. Культурные напластования составляли 0,95 м от дневной поверхности. Ранние находки залегали в нижней части культурного слоя (Третьяков В.П., 1974. С. 208-213; Еремин В.И., 1977. С. 57-59).

Керамика стоянки своеобразна и разнообразна (рис. 194, 1-4). Она представлена профилированными формами, сосудами с прикрытым устьем, сосудами с желобчатым венчиком. Керамический комплекс включает две культурно-хронологические группы: энеолитическую керамику и керамику репинской культуры ранней бронзы (рис. 194, 3). В обеих группах встречается керамика с примесью толченой раковины в тесте глины. Энеолитическая керамика находит параллели среди керамики поселений Кумыска и Пшеничное в Волгоградском Заволжье.

Каменные изделия (уплощенные нуклеусы, нуклеусы со скалыванием по части периметра, скребки с высокой спинкой, ножевидные пластины с ретушью, орудие со сплошной двусторонней обработкой) изготовлены из галечного кремня серых и коричневых оттенков (59%), серого кварцита (36%) и окаменелого дерева (5%) (рис. 194, 5-10).

Каменка I.

Стоянка расположена в 1 км к юго-востоку от с.Каменка Дубовского района Волгоградской области, на правом берегу р. Пичуга Нижняя. Культурный слой имел мощность до 0,4 м и был исследован на площади около

20 кв. м. Керамика стоянки представлена фрагментами сосудов открытой формы с прямым венчиком. Большая часть керамики орнаментирована горизонтальными рядами серповидных насечек (рис. 193, 5, 6, 9, 10). Встречается керамика, украшенная оттисками плоского штампа (рис. 193, 1, 2, 4). Фрагмент одного из венчиков имеет внутренний наплыв и примесь толченой ракушки в тесте глины (рис. 193, 1). Каменные орудия стоянки отличаются пластинчатостью, хотя большинство орудий изготовлено на отщепках. Среди орудий преобладают концевые скребки на отщепках различных типов, встречаются двустороннеобработанные формы. В качестве сырья использовался кремний, окаменевшее дерево и кварцит (Третьяков В.П., 1974. С. 8-9; Еремин В.И., 1975. С. 103-109).

4.5. Многослойное поселение Кумыска

Многослойное поселение Кумыска – единственный памятник в Заповольжье, на котором представлены материалы нескольких энеолитических культур. Поселение расположено на левом берегу р.Торгун (приток р. Еруслан), на южной окраине с. Кумыска Палласовского района Волгоградской области (рис. 2, 17; 147, 31). Поселение исследовалось А.И.Юдиным в 1985-1986 гг. Вскрыто около 470 кв. м культурного слоя. Культурные напластования памятника достигают двух метров и хорошо стратифицированы, слои разных эпох на большей площади поселения разделены прослойками светлого суглинка (Юдин А.И., 1999. С. 122-157). Особый интерес представляет энеолитический слой, содержащий разнокультурную керамику.

Первый и второй сверху слои сформировались в эпоху поздней и средней бронзы. Энеолитический пласт отделен от предыдущих прослойкой суглинка толщиной 0,2 м. Этот слой на некоторых участках достигает толщины 0,7 м, но на большей части раскопа не превышает 0,4 м, причем, находки концентрировались в верхней его части.

Энеолитический слой насыщен находками сильнее других. Здесь найдено около 4,5 тысяч каменных предметов, большое количество костей животных, небольшие комочки красной охры, а также фрагменты и развалы, приблизительно, от 95 сосудов, которые можно распределить на 4 основные группы. Судя по ряду признаков, большая часть энеолитической керамики, несмотря на свою разнотипность, отложилась в культурном слое на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени.

Основная масса керамики, как и каменных орудий, находилась в верхних двадцати-тридцати сантиметрах энеолитического слоя, глубже количество находок резко сокращалось и относилось к неолитическому времени. Создается впечатление, что население энеолитической эпохи существовало здесь довольно непродолжительное время, а в нижнюю часть слоя находки попадали в результате их механического перемещения. Возможно, именно этим объясняется чрезвычайная фрагментарность керамики. Дело в том, что энеолитический слой залегает не на материковой глине, и даже не на достаточно плотном суглинке, как остальные слои, а на мягких аллювиальных отложениях, заполнивших речную пойму. Граница между энеолитическим слоем и этим “материком” визуально не прослеживается и фиксируется только наличием или отсутствием находок (рис. 195, 1, 2). В пользу одновременности керамики свидетельствуют и значительные совпадения технологических признаков на типологически различных группах сосудов. Например, во всех группах большинство керамики имеет примесь толченой раковины в тесте глины и неравномерный обжиг.

Керамика прикаспийской культуры (первая группа)

Первая группа керамики включает сосуды с воротничковым оформлением венчика. Воротничок в большинстве случаев выражен слабо, венчики слегка отогнуты наружу. Черепки имеют светло-коричневый или черный цвет. Тесто глины с примесью толченой раковины, выгоревшей органики или без заметных примесей, но почти всегда черепок рыхлый и

хрупкий. Керамика орнаментирована прочерченными линиями, зубчатым штампом, полой камышинкой (рис. 196, 1-7). В трех случаях украшена внутренняя сторона венчика (рис. 196, 1, 2, 8). Фрагменты одного сосуда покрыты отпечатками веревочки (рис. 196, 9).

В нижней части энеолитического слоя, практически на одном уровне с немногочисленными находками неолитического времени, найден развал сосуда с воротничковым оформлением венчика. Реконструируется его верхняя половина. Диаметр по краю венчика 14 см. Венчик украшен с внутренней стороны наклонными, а с внешней – горизонтальными прочерченными линиями. Под венчиком прочерчены зигзаг, линии и нанесены наклонные оттиски зубчатого штампа. Ниже, по тулову сосуда проходит орнаментальный пояс из прочерченных линий, пространство между которыми заполнено горизонтальными рядами зубчатого штампа. Симметрия в орнаментации сосуда отсутствует. Тесто глины имеет обильную примесь мелкотолченой раковины. Цвет внешней поверхности и в изломе черный. Судя по большому количеству неорнаментированных обломков, нижняя часть сосуда орнаментом не покрывалась (рис. 196, 8). Большая часть керамики этой группы, в отличие от остальной энеолитической, залегала в нижней половине слоя, вдоль берега реки, соприкасаясь с неолитическими материалами. Причем, типологически несколько фрагментов очень близки к позднеэнеолитическим (рис. 196, 1, 2).

Фрагменты от еще нескольких профилированных сосудов не имели воротничкового оформления венчиков, но по остальным признакам (форма, способ орнаментации, состав глиняного теста и качество обжига) полностью соответствуют керамике первой группы (рис. 196, 10-14).

Керамика второй группы

Керамика второй группы в количественном отношении доминирует над остальной и составляет основу энеолитического комплекса стоянки. Она представлена банками с прямыми стенками или слегка прикрытым

устьем, а также слабопрофилированными сосудами (рис. 197, 1-19; 200, 1; 201, 1-7). Керамика имеет, преимущественно, черный цвет, в значительной части фрагментов наличествует примесь толченой раковины, придающая ей хрупкость. При отсутствии заметных примесей черепок несколько прочнее, но все равно уступает по плотности и толщине катакомбной керамике из второго слоя поселения. Срезы венчиков плоские, приостренные, округлые или слегка скошены. В некоторых случаях срез венчика украшен зубчатым штампом (рис. 197, 1-3, 5, 8, 9, 17), а иногда орнаментирована и внутренняя сторона (рис. 197, 1, 10, 17).

Восстанавливаемых форм нет. Керамика орнаментирована оттисками зубчатого штампа, шагающей гребенкой, полой тростинкой, насечками, коротким трехзубым штампом. Встречены венчики с глубокими ямочными вдавлениями, образующими на внутренней стороне выпуклые “жемчужины”, венчики с редкими треугольными наколами и неорнаментированные. Из названных элементов орнамента чаще всего составлялись горизонтальные и вертикальные елочные композиции (рис. 201, 1, 3, 6; 197, 3, 4, 10 - 15). Один из округлобоких сосудов со стянутым устьем и небольшим отогнутым наружу венчиком украшен вертикальными полосами шагающей гребенки (рис. 197, 13). Тесто глины плотное, цвет в изломе – черный, примеси ракушки нет. Аналогичный по форме и орнаментации сосуд найден на алтатинском поселении Монахов I (Юдин А.И., 1986. С. 39. Рис. 2, 1). Орнаментированные фрагменты с шагающей гребенкой встречены и в нижней части энеолитического слоя Кумыски (рис. 200, 5-8).

Часть керамики, также украшенной елочными композициями, имеет более сильную профилировку (рис. 200, 1; 201, 1), чем остальные сосуды этой группы.

Керамика третьей группы (хвалынская культура)

Керамика третьей группы немногочисленна и имеет очень характерный облик, позволяющий отнести ее к хвалынской энеолитической куль-

туре. Цвет сосудов черный или светло-коричневый, в тесте глины – примесь толченой раковины. Сосуды имеют утолщенные валикообразные или подтреугольные венчики, орнаментированные по внутренней стороне или срезу. Стенки сосудов украшены горизонтальными, вертикальными или наклонными отпечатками плотно поставленного гребенчатого штампа (рис. 198, 1-4) или оттисками ископаемой раковины (рис. 198, 5). Встречена придонная часть плоскодонного сосуда, орнаментированная аналогичным образом. Фрагменты нескольких сосудов не имеют таких характерных по форме венчиков, но по остальным характеристикам могут быть отнесены к этой группе (рис. 198, 7, 8).

Керамика четвертой группы

Сосуды четвертой группы отличаются высоким раструбовидным венчиком, а элементы орнамента почти всегда включают треугольник. Цвет фрагментов разнообразный, обжиг неравномерный. Один крупный округлобокий сосуд с выделенной шейкой и резко отогнутым венчиком украшен тремя рядами треугольников. Черепки от него рыхлые и пористые от выгоревшей растительной примеси (рис. 199, 1). Высокий венчик другого сосуда, имеющего примесь раковины, украшен рядами перевитого шнура. Отпечатки этого же шнура образуют геометрический орнамент на тулове (рис. 199, 2).

Еще один сосуд имеет "гофрированный" венчик. Тулово его украшено вертикальными оттисками четырехзубого штампа на створке раковины, образующими треугольники (рис. 199, 3). Встречен сосуд, венчик которого орнаментирован с внешней стороны, по срезу и на значительную глубину с внутренней. Снаружи отпечатаны горизонтальные ряды зубчатого штампа, по верхнему краю проходит зигзаг, а внутри – горизонтальная елочка (рис. 199, 4). Тулово его также украшено рядами треугольников. Найдены фрагменты венчика, украшенного отпечатками ложного шнура снаружи, изнутри и по срезу (рис. 199, 5).

Кроме четырех основных групп керамики в энеолитическом слое встречены фрагменты сосудов других типов. Количество их пока невелико и, поэтому, в отдельные группы они пока не выделены. Фрагменты одного сосуда резко отличаются от остальных энеолитических. Невысокий прямой венчик сосуда резко переходит в округлое тулово. Черепок толстый, очень плотный, красно-кирпичного цвета, с примесью речного песка (рис. 198, б). Красно-кирпичные фрагменты боковин этого сосуда в нескольких случаях плавно изменяют свой цвет до черного. Фрагменты сосуда были распределены по значительной площади поселения и все они найдены в верхней части энеолитического слоя, т.е. с основной массой энеолитической керамики. По своим характеристикам этот сосуд обнаруживает некоторое сходство с майкопской керамикой.

Фрагменты еще одного сосуда по составу теста и способу орнаментации - прочерк и узкий подтреугольный накол – перекликаются с неолитическими материалами региона (рис. 200, 2). Обломки нескольких орнаментированных боковин обнаруживают сходство с алтатинской керамикой (рис. 200, 3, 4) (Юдин А.И., 1989. Рис. 2).

Небольшое количество боковин сосудов было украшено шагающей гребенкой (рис. 200, 5-8). Эта керамика, как говорилось ранее, залегала в нижней части энеолитического слоя, на одном уровне с частью керамики 1 группы и позднейшими неолитическими материалами. Выше отмечалось, что черепки, украшенные шагающей гребенкой, отличаются плотной структурой без заметных примесей. Только в одном случае отмечена примесь мелкотолченой раковины (рис. 200, 7).

Еще два фрагмента имеют явный ямно-репинский облик и были обнаружены в нестратифицированной части памятника, но их облик позволяет видеть в них итог энеолитического развития населения стоянки (рис. 201, 8, 9).

Орудия и изделия из камня и кости

Комплекс каменных находок включает 4486 экз. Ниже приводится суммарная характеристика каменных орудий и изделий для всей энеолитической эпохи, так как в силу условий их залегания не представляется возможным связать с конкретными керамическими комплексами.

По составу сырья каменные изделия распределяются следующим образом: из кварцита – 3180 экз. (70,8%); из кремня – 1255 экз. (28,0%); из песчаника и мелкозернистых пород камня - 26 экз. (0,6%); из яшмы – 21 экз. (0,5%) и окаменевшего дерева - 5 экз. (0,1%).

Из кремня изготовлены по большей части орудия на пластинах, орудия на отщепах преимущественно кварцитовые. Причем, чем крупнее размеры орудия, тем больше вероятность, что оно изготовлено из кварцита (изредка встречаются крупные орудия и из кремня, но почти всегда с остатками кремневой корки). Объяснение этому следует искать в качестве исходного сырья - кварцит в Заволжье известен в виде выходов на поверхность мощных (толщиной более метра) пластов, а кремень изредка встречается в виде небольших галек. Аналогичная картина (из кремня – орудия небольших размеров и по большей части на пластинах, из кварцита – орудия намного крупнее) отмечена и на других памятниках региона, в том числе и однослойных, с материалами, принадлежащими одной культуре (Юдин А.И., 1995. С. 11, 12).

Преобладает пластинчатая техника расщепления камня, хотя и орудия на отщепах составляют значительную часть коллекции.

Предметы первичного расщепления представлены нуклеусами для снятия пластин и отщепов. Типологически нуклеусы не отличаются от позднеэнеолитических: коннические, призматические, плоские со скалыванием пластин с одной стороны, уплощенные со скалыванием по части периметра. Все нуклеусы одноплощадочные, несколько плоских и уплощенных нуклеусов имеют скошенную площадку, остальные – прямоплощадоч-

ные. Нуклеусы для снятия отщепов также имеют одну, хорошо выраженную площадку. Самые крупные из них после дополнительной подработки использовались вторично как рубящие орудия.

Ножевидные пластины представлены, по большей части, сечениями. Ширина кремневых пластин варьирует от 0,5 см до 2,0 см, изредка встречаются экземпляры шириной до 3,0 см. Кварцитовые имеют ширину от 0,9 см до 3,9 см. Самая крупная реберчатая пластина из кварцита имеет ширину 5 см при 2 см высоты в сечении. Судя по ретуши, образовавшейся во время работы, часть пластин использовалась в качестве орудий без вторичной обработки.

Предметы со вторичной обработкой.

Наиболее многочисленную категорию орудий представляют скребки на отщепах. Скребки на отщепах характеризуются разнообразием форм и размеров: сегментовидные, округлые, подтреугольные, подовальные, высокой формы, атипичные (рис. 202, 1-26, 28-34). На части орудий оформлены скоблевидные выемки, как на скребковом лезвии, так и на других гранях (рис. 202, 7, 13, 19, 32). Иногда углы скребков подправлены резцовыми сколами.

Немногочисленные скрёбла отличаются от скребков более крупными размерами, высокими спинками и крупными фасетками ретуши, нанесенной под прямым или тупым углом. Изготавливались на массивных продольных сколах (рис. 203, 10, 11, 13, 14), а одно скребло выполнено на расколоте кремневой гальке (рис. 202, 27).

Вторую по численности категорию составляют скребки на продольных сколах и укороченных пластинах (рис. 203, 4; 204, 1-3, 5, 6, 9, 12, 14-16, 19-22, 24-32, 34-39, 41). Намного массивнее в поперечном сечении по сравнению со скребками на ножевидных пластинах. Рукоять скребка – это проксимальная часть продольного скола, на усеченной дистальной части сформировано округлое или скошенное лезвие. Многие скребки имеют

трапециевидную форму (рис. 204, 9, 14, 22). Ретушь может заходить и на боковые стороны (рис. 204, 1, 22, 31). Иногда подретуширована и рукоять с брюшка (рис. 204, 28). У нескольких экземпляров на углу лезвия имеются резцовые сколы (рис. 204, 14).

Ножевидные пластины с ретушью и ножи на пластинах составляют третью по численности категорию орудий (рис. 203, 3, 12; 205, 1-18, 22, 23, 25, 26, 29-31). По техническим характеристикам они идентичны ножевидным пластинам без вторичной обработки. Притупляющая ретушь наносилась исключительно со стороны спинки. Ряд пластин с регулярной ретушью типологически выделен в категорию ножей. У некоторых из них дистальный конец оформлен в виде скребка (рис. 205, 1-9, 17, 22, 30).

Следующую по численности группу составляют скребки на сечениях пластин (рис. 204, 4, 7, 8, 10, 11, 13, 18, 23, 33, 40; 205, 19, 27, 32-35). При изготовлении концевых скребков использовались сечения пластин всех размеров. Лезвия полукруглые или скошенные. Часть орудий дополнительно подработана притупляющей ретушью по одной или двум сторонам со спинки (рис. 203, 1, 2, 5), встречаются скребки с рабочими лезвиями на двух концах или по всему периметру (рис. 204, 10, 11, 17).

Ножи на отщепах выполнены на крупных плоских отщепах и представлены листовидной, подовальной, округлой и иными формами (рис. 203, 17-22, 24; 206, 1-13). Имеют двустороннюю обработку, во многих случаях полая, приостряющая ретушь покрывает всю поверхность орудия. Некоторые ножи морфологически близки к наконечникам дротиков, но кромка лезвия отличается характерной волнистостью (рис. 206, 12, 13), иногда вершина имеет округлую форму (рис. 206, 14) или использовалась в качестве перфоратора (рис. 206, 1). Встречаются переходные типы, когда орудия на пластинчатых отщепах ретушировались так же, как и ножи на пластинах (рис. 205, 20, 24; 203, 17, 18, 21, 22).

Наконечники стрел и дротиков представлены полным спектром типов, характерных для энеолитического времени (рис. 207, 1-26; 208, 1-15).

Наконечники на ножевидных пластинах (рис. 208, 16-18) встречены в Нижнем Поволжье в материалах раннеэнеолитического могильника Липовый овраг. Наконечники других типов – одтреугольной (высокой и низкой), листовидной и ромбовидной форм с прямыми, скошенными или слегка выемчатыми основаниями – имеют широкое распространение в энеолитических культурах Нижнего Поволжья.

Разнообразием отличаются и перфораторы – от изящных на тонких ножевидных пластинах до крупных, выполненных на массивных продольных сколах (рис. 205, 28; 208, 19-24).

Другие категории каменных изделий представлены ножевидными пластинами-вкладышами (также характерными для раннеэнеолитического времени) (рис. 203, 6-8), орудиями со скоблевидными выемками (рис. 203, 15, 23, 25), немногочисленными резцами на углу пластин (рис. 203, 9), кварцевыми отбойниками и абразивными плитками из крупнозернистого песчаника красно-коричневого и светло-коричневого цветов.

Шлифованные орудия изготовлены из различных материалов: обломок “утюжка” из плотной мелкозернистой породы темно-серого цвета (рис. 209, 4); обломок крупного тесла из плотной породы светло-серого цвета (рис. 209, 5) и тесло из молочно-белого кремня (рис. 209, 6).

Изделия из кости представлены всего тремя экземплярами. Одно из орудий имеет форму тесла. Изготовлено из расколотой трубчатой кости. Внешняя сторона полностью отполирована, с тыльной стороны – только рабочая кромка (рис. 209, 3). Обломок рабочей части другого орудия имеет долотовидную форму (рис. 209, 2). Также найдена костяная трубочка с ровно обрезанными и заполированными концами (рис. 209, 1).

В целом, можно отметить, что, несмотря на наличие в комплексе разнокультурной керамики, которая находит достаточно далекие (в географическом плане) аналогии, категории и типы каменных орудий не выходят за рамки известных в Заволжье. Например, набор каменных орудий

полностью соответствует коллекции Кушумской стоянки, где к настоящему времени наиболее полно представлены изделия нео-энеолитической эпохи, встречаемые на местных памятниках (Сайгин Ф.И., Юдин А.И., 1991. С. 192-205). Крупные кварцитовые пластины и орудия на пластинах (ножи, скребки) типичны для материалов энеолитических стоянок и поселений прикаспийской культуры в Волго-Уральском междуречье: Резвое (рис. 153, 6, 7), Орошаемое (рис. 152, 16, 20), Озинки-I и II (рис. 149, 13, 16; 150, 5, 12), Кушумская (рис. 154, 7-9, 12, 24, 25).

4.6. Памятники лесостепного Правобережья.

Памятники Алексеевского типа

Памятники алексеевского типа получили название по эпонимной стоянке, исследованной на севере Саратовской области, в лесостепном Правобережье (Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1977. С. 66-76).

Сопоставление материалов Алексеевской стоянки (рис. 147, 33) с рядом аналогичных коллекций керамики с желобчатым венчиком в Нижнем Поволжье позволило И.Б.Васильеву выделить новый тип памятников (алексеевских) (Васильев И.Б., 1981. С. 44-50). Керамика алексеевских памятников (рис. 210, 1-19) сочетает в себе черты среднестоговской, наиболее ранней репинской, волосовской культур, а также с керамикой лесного неолита и энеолита (в последних случаях это характерный орнамент из чередующихся длинных и коротких отпечатков зубчатого штампа) (рис. 210, 1, 10, 13, 15). К характерным особенностям Алексеевской керамики можно отнести орнаментацию среза венчика и внутренней поверхности шейки, обильную примесь ракушки в тесте глины, а также технику нанесения орнамента: чередующийся короткий и длинный зубчатый штамп, иногда с косым зубцом, имитирующим веревочку; собственно веревочка; гусеничка. Каменный инвентарь разнообразен: нуклеусы, наконечники стрел, дротиков и копий, ножи, скребки, скребла, перфораторы, ножевидные пласти-

ны (рис. 210, 20-53). Преобладают изделия из кремня, но 12% орудий изготовлено из кварцита.

Алексеевская керамика с грибовидными и желобчатыми венчиками встречена также в ближайших окрестностях Алексеевской стоянки у сел Ст.Яблонка, Ивановка, Черемшаны (рис. 210, 17-19). По мнению И.Б.Васильева к кругу алексеевских памятников также относятся стоянки Мартышкино (рис. 147, 34) на Правобережье юга Саратовской области, Алтата в степном Заволжье, Латошинка, Царица 1 в Волгоградском Правобережье, Кошалак, Шонай, Исекей в Северном Прикаспии. Но если с материалами Мартышкино в Правобережье наблюдается несомненное сходство (рис. 210, 16), то с остальными стоянками сходство наблюдается весьма отдаленное и только по отдельным признакам.

И.Б.Васильев отмечает, что, в отличие от самарской или прикаспийской культур, в чертах материальных комплексов памятников алтатинского типа не наблюдается полного единства. Подчеркивается, что на Алексеевской стоянке отражаются значительные северные воздействия лесного населения в позднеэнеолитическое время.

Памятники с воротничковой керамикой

На северо-западе Саратовской области, в лесостепном Прихоперье в результате работ в 80-90-е годы прошлого века А.А.Хрекова стал известен ряд памятников, содержащих воротничковую керамику (Хреков А.А., 1996. С. 64-77), сочетающую культурные признаки лесной и степной зон. Ее формы и орнаменты находят близкие аналогии в культурах мариупольской области.

Стоянка Инясево занимает дюну в широкой пойме правого берега р.Хопер близ с.Инясево Романовского района Саратовской области (рис. 147, 35). Исследовалась А.А.Хрековым с 1986 по 1991 гг. Всего вскрыто 640 кв. м культурного слоя. Стоянка содержала неолитические и раннеэнеолитические материалы, залежавшие совместно. Энеолитическая керамика

представлена сосудами с яйцевидным туловом с прямым или слегка отогнутым венчиком. Форма днищ не устанавливается. Характерной особенностью сосудов является наличие воротничкового утолщения под венчиком, имеющего различную форму (рис. 211, 2, 5, 8, 10, 11, 15, 16). В тесте глины отмечены примеси песка, органики и охристой красной крошки. При орнаментации керамики чаще всего использовались различные гребенчатые штампы. Прочерченными линиями подчеркивался воротничок и оконтуривались ленты оттисков гребенчатого штампа. Автор отмечает наибольшую схожесть инясевской керамики с раннеэнеолитическими материалами Среднего Дона.

На остальных стоянках Саратовского Прихоперья воротничковая керамика встречается эпизодически, например, на многослойной стоянке у с.Подгорное Романовского района (рис. 147, 36; 211, 12).

Наиболее полная коллекция керамики мариупольского облика встречена на Шапкинских стоянках на р.Вороне в Мучкапском районе Тамбовской области (рис. 147, 37). Территориально это уже не Нижнее Поволжье, но в культурном плане все эти памятники составляют единый пласт и расстояние между ними не превышает десятков километров.

Многослойная стоянка Шапкино VI отличается наиболее представительной коллекцией энеолитических материалов. Стоянка занимает мыс коренной террасы левого берега р.Вороны, правого притока Хопра. Стоянка открыта А.А.Хрековым в 1985 году (Хреков А.А., 1987) и исследовалась им в 1991-1993 гг. На стоянке вскрыто 608 кв. м культурных напластований, содержащих находки различных эпох – от неолита до раннего железного века.

Основная часть воротничковой керамики залегала в 6-ом слое (44 %). Это выше раннеэнеолитической, на одном уровне с накольчатой и прочерченной неолитической и ниже ямочно-гребенчатой (табл. 18). Все сосуды близки по технологическим признакам. Большинство из них в тесте имеют

растительную примесь и мелкий песок. Цвет поверхностей серовато-коричневый и коричневый. Внешние поверхности подлощены, внутренние заглажены щепой. Характерной особенностью сосудов является воротничковое утолщение с внешней стороны венчика. Края венчиков приострены или закруглены, с внутренней стороны наблюдается желобок. Форма сосудов, вероятно, близка к яйцевидной с более или менее выделенным воротничковым венчиком. Весьма характерным признаком орнаментации являются прочерченные линии, оконтуривающие оттиски гребенчатого штампа (рис. 211, 1, 4, 7, 13, 17; 212, 2-8). Интересны фрагменты одного прямостенного сосуда с грибовидным утолщением венчика и таким же орнаментом, как и на воротничковой керамике (рис. 211, 4). Фрагменты еще одного сосуда не имеют воротничкового оформления венчика. Венчик его отогнут наружу и шейка подчеркнута линией сдвоенных наколов. Под венчиком нанесены полосы плотно поставленного мелкозубчатого штампа, оконтуренного прочерченными линиями (рис. 214, 7), что позволяет рассматривать его в одном ряду с мариупольскими.

Вся мариупольская керамика стоянки распределяется на две группы. К первой группе относятся сосуды с широкими воротничковыми венчиками и желобком с внутренней стороны, а ко второй - сосуды с коротким валикообразным или подтреугольным в сечении воротничком. Керамика первой группы находит близкие аналогии в раннеэнеолитических материалах Среднего и отчасти Нижнего Дона, а второй группы – среди материалов самарской и прикаспийской культур.

На других шапкинских стоянках раннеэнеолитическая керамика немногочисленна. На стоянке Шапкино III фрагменты воротничкового сосуда, напоминающие по некоторым признакам самарскую керамику, встречены в одном слое с ямочно-гребенчатой керамикой (рис. 212, 1). Здесь же обнаружены фрагменты двух сосудов «хвалынского облика» (рис. 211, 3,

б). На стоянке Шапкино IV встречена воротничковая керамика второго типа, имеющая больше прикаспийских черт (рис. 211, 9, 14).

Очевидно, в контактной зоне нескольких групп памятников – донских и волжских – следует ожидать выявления в будущем серии стоянок со своеобразной керамикой мариупольского облика, которые смогут претендовать на самостоятельный культурный статус.

Памятники с гребенчатой керамикой

На стоянках лесостепного Прихоперья – Шапкино I, VI, Подгорное, Инясево, Рассказань III среди другой энеолитической керамики встречаются небольшие коллекции керамики с оттисками гребенчатого штампа различной конфигурации (рис. 213; 1-15). Керамика подобного облика относится исследователями ко времени позднего энеолита. Но чистых ее комплексов нет, как и нет ее устоявшегося названия. На наиболее изученной стоянке Шапкино VI основная масса керамики залегала в 5 и 6 слоях (36 и 38 % соответственно), в целом же, распределение керамики по стратиграфической колонке показывает ее наиболее поздний возраст относительно остальной энеолитической (табл. 18).

Сосуды этой группы изготовлены из глины с добавлением обильной растительной примеси. Обжиг слабый, тесто рыхлое и слоится. На внутренней и внешней сторонах заметны следы штриховой зачистки. Фрагменты, в основном, происходят от прямостенных или яйцевидных сосудов (рис. 213, 1-7, 15). Одним экземпляром представлена миниатюрная мисочка (рис. 213, 8). Венчики приостренные, скошены вовнутрь, округлые или плоские. Некоторые из них грибовидно утолщены. Разреженный орнамент, видимо покрывал лишь часть тулова. Ведущим элементом являются оттиски различных гребенчатых штампов: среднего, мелкозубчатого, короткого трех-четырёхзубого и пунктирного. Нередко гребенчатые оттиски дугообразно изогнуты (рис 213, 9). На единичных экземплярах отмечены наколы.

Композиционные построения довольно просты – горизонтальные ряды оттисков различных штампов. Иногда орнамент покрывает поверхность без всякой системы. Ввиду сильной фрагментированности этой керамики из-за рыхлости теста и ее относительно небольшого количества достаточно трудно подобрать ей круг близких аналогий за пределами лесостепного Прихоперья. Если рассматривать только орнамент, без остальных признаков, то круг аналогий значительно расширяется за счет материалов поздне-энеолитических памятников Среднего Поволжья и степного Заволжья. Некоторое сходство наблюдается с частью керамики алексеевского типа со стоянок Правобережья Волги (Васильев, 1981, с. 44-50). По всем признакам керамика все же стоит ближе к кругу волосовских древностей, хотя и не отвечает многим технико-типологическим параметрам волосовских комплексов.

Однако часть керамики достаточно близка к волосовской. Подобная керамика немногочисленна. Например, керамики этой группы на Шапкино VI обнаружено всего 2%. Стратиграфически она также тяготеет к 5 и 6 пластам. Судя по венчикам и стенкам, это были прямостенные формы сосудов. Тесто глины рыхлое, слоющееся, с примесью органики и раковины. Скорее всего, керамика волосовского типа относится к разным хронологическим периодам (рис. 213, 11-14).

Подобная керамика широко распространена в лесостепной зоне Поволжья, где ее появление связывают с населением бассейна р. Суры, а также Ульяновского и Казанского Поволжья - одним из основных районов волосовской культуры (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С. 62-64). Вероятнее всего, и в данном случае керамика волосовского типа попадала в северную, лесостепную часть Нижнего Поволжья с севера, из центральной области волосовских памятников. Немногочисленность керамики волосовского типа на памятниках Прихоперья, очевидно, свидетельствует об эпизодическом проникновении волосовского населения или их культурных

традиций в лесостепную зону. Аналогичная картина отмечается и для соседнего региона – Верхнего Посурья, которое также не входило в зону сложения волосовской культуры и где волосовские памятники, за редким исключением, представлены небольшими сезонными стоянками (Ставицкий В.В., 1997. С. 28-32).

Относительно гребенчатой керамики лесостепного Прихоперья предлагается и другая версия ее происхождения. Предполагается, что данная гребенчатая керамика относится ко времени формирования среднестоговских древностей, сосуществует какое-то время с мариупольскими памятниками и продолжает бытовать вплоть до появления памятников алексеевского типа. Учитывая своеобразие гребенчатой керамики и отсутствие полных аналогий в сопредельных регионах, предложено называть ее керамикой шапкинского типа (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003. С. 131-133, 138).

Как уже упоминалось, наиболее представительная коллекция керамики и каменных орудий происходит со стоянки Шапкино VI. Как и на заволжской стоянке Кумыска, здесь также представлены материалы финала этнокультурного развития энеолитического населения – на поселении Шапкино VI встречена керамика ямно-репинского типа и иванобугорская. Количество ее невелико и в отдельные группы она не выделена. Ямно-репинская керамика описана ниже, в соответствующем разделе.

На поселении также известна небольшая группа пережиточно энеолитической керамики - иванобугорская. Керамика отличается своей характерной орнаментацией, которая включает ромбовидные композиции гребенчатого штампа (рис. 214, 1, 3, 5, 6), но иногда имеются совершенно оригинальные фрагменты (рис. 214, 2, 4).

Каменные орудия региона и их отличие от степных, также хорошо иллюстрируются материалами Шапкино VI. Обращаясь к описанию каменных изделий, встреченных на стоянке Шапкино VI, надо прежде всего

отметить сложность, а порою и невозможность отчленения разновременных и разнокультурных комплексов. Большинство предметов находилось в пределах 5-7 пласта (50-70 см) и стратиграфически не разделялось, поэтому ниже приводится их суммарное описание.

Всего на стоянке обнаружено 1914 каменных предметов: 1436 кремневых, 396 кварцитовых и 82 из других пород камня.

Для изготовления орудий использовался некачественный, разноцветный валунный или галечный кремень и сероватый кварцит различной структуры. Основной заготовкой является отщеп. Лишь незначительное количество изделий выполнено на пластинах. Многие орудия полифункциональны и, судя по сработанности, использовались длительное время. Наиболее распространенными приемами обработки камня являются ретушь и скол. Шлифовка отмечена на единичных экземплярах и при изготовлении орудий из мягких пород камня.

Основная часть нуклеусов предназначена для снятия отщепов и имеет аморфную форму со следами бессистемного скалывания (рис. 214, 8, 9). Пластины получали с призматических двуплощадочных нуклеусов. Иногда в качестве площадок использовались и боковые стороны. Встречено несколько конических нуклеусов для скалывания микропластин. Сработанные нуклеусы в некоторых случаях употреблялись как отбойники и отжимники-ретушеры (рис. 12, 10, 11).

Характерной особенностью пластин является их плохая огранка. Призматические пластины со вторичной обработкой явление исключительное, единичными экземплярами представлены микропластины (рис. 214, 12, 13). Пластины средних размеров использовались в качестве ножей, резчиков и резцов (рис. 214, 14-16). Некоторые изделия на пластинах – наконечники стрел, подработанные со стороны брюшка (рис. 214, 19), концевой скребок на удлиненной реберчатой пластине с выделенной головкой – имеют довольно ранний облик и могут быть соотнесены с тычковой кера-

микой. Сечения пластин (рис. 214, 17, 18), вероятно, выполнявших функцию вкладышей, зачастую по режущим краям сработаны и выкрошены.

Почти все пластины, сечения и орудия на них тяготеют к нижним горизонтам культурного слоя.

Изделия на отщепах более многочисленны. Для изготовления ножей использовались отщепы с подработанными одно- или двусторонней ретушью краями, а иногда и без дополнительной подработки. В последнем случае лезвия обычно имеют следы заполированности от работы. Среди орудий на отщепах довольно многочисленную группу составляют резцы. Они представлены следующими типами: угловыми (рис. 215, 1), срединными (рис. 215, 2), двойными и клювовидными (рис. 215, 3, 4). Функционально резцам близки резчики, изготовленные на аморфных отщепах, один из углов которых приострен сколами, реже ретушью (рис. 215, 5-7). Скобели имеют различные вариации. Чаще всего это отщепы с выемками на одной или двух сторонах (рис. 215, 8). Некоторые орудия труда были комбинированными и выполняли одновременно роль скобеля и скребка (рис. 215, 9), резца и скребка (рис. 215, 10), ножа, скребка и скобеля (рис. 215, 11). Среди находок имеются проколки и сверла, жальца которых выделены ретушью и сколами (рис. 215, 12 - 14).

В группе скребков встречаются орудия концевое типа со скошенными, дугообразными и веерообразными лезвиями. Форма скребков, в основном, подчинена форме отщепа. Рабочая часть оформлена, обычно, односторонней притупляющей ретушью и сколами (рис. 215, 19, 20, 23, 24).

Крупные орудия представлены топориками, скреблами, стругами, долотами и провертками (рис. 215, 15, 16, 21, 22). Одно из тесел имеет пришлифованный край (рис. 215, 21).

Встречены наконечники стрел трех видов – ромбовидные (рис. 215, 17) и листовидные (рис. 215, 18) с усеченными основаниями, с небольшим

черешком (рис. 215, 10) и более массивные листовидные наконечники дротиков из кварцита (рис. 216, 8, 9).

Кварцитовые орудия в целом крупнее кремневых. Кроме того, ножевидные пластины из кварцита (соответственно и орудия на пластинах) отличаются от кремневых более правильной призматической огранкой (рис. 216, 1-21). Встречены конические нуклеусы для снятия микропластин и сами микропластины, но в небольшом количестве (рис. 217, 6, 7). Из кварцитовых орудий хорошо представлены различные категории скребков, скребел, скобелей и ножей (рис. 216, 1, 2, 14 - 20). Также обнаружены отбойники и ретушер.

Орудия из мягких пород камня представлены шлифованными сланцевыми теслами и их обломками (рис. 217, 1 - 3, 9), “утюжками” (рис. 217, 4, 5), абразивами-терочниками (рис. 217, 7), пестами, боласами, листовидной мотыжкой со сверлиной (рис. 217, 6).

В целом, набор каменных орудий по технико-типологическим признакам и составу сырья не выходит за рамки обычных категорий орудий региона от раннего неолита - наконечники стрел на пластинах (рис. 121, 19, 20) - до позднего энеолита.

4.7. Памятники репинской культуры

Историографический обзор проблемы культурной дефиниции репинских памятников на первых этапах ее изучения подробно приводится А.Т.Синюком (Синюк А.Т., 1981, С. 14, 15). Репинская культура получила свое название по эпонимному памятнику Репин Хутор на Среднем Дону, исследованному И.В.Синициным (1957). Керамика представлена несколькими типами. Самыми характерными являются сосуды с резко отогнутым желобчатым венчиком с пояском жемчужин-вдавлений по шейке сосуда. Но встречаются чашевидные сосуды с плавным профилем. Орнамент обычно занимает верхнюю треть сосуда, имеет простейший геометриче-

ский вид, но разнообразен по технике выполнения: различной формы насечки и наколы, гусенички, оттиски шнура, гребенка (рис. 218, 1-20). В тесте глины есть примесь крупной толченой раковины. Каменные орудия немногочисленны, выполнены на крупных невыразительных пластинах (рис. 218, 21-23).

Первоначально всеми исследователями эти памятники рассматривались исключительно в рамках ямной культуры. В дальнейшем, с накоплением новых материалов, ямная культурная принадлежность поселений с характерной керамикой, а также редких вытянутых подкурганых захоронений с аналогичной керамикой стало подвергаться все большему сомнению. Проанализировав материалы этой своеобразной группа памятников, А.Т.Синюк неоспоримо доказал их принадлежность к самостоятельной – репинской – культуре. (Синюк А.Т., 1981. С. 8-20). По его мнению, формирование репинской культуры происходит на Среднем Дону, на позднем этапе культуры репинское население расселяется далеко за пределами первоначального ареала.

Одной из таких территорий с поздне репинскими материалами является Северный Прикаспий. Здесь в 80-е годы прошлого века самарскими археологами под руководством И.Б.Васильева был обнаружен ряд стоянок с материалами, аналогичными репинским (Истай, Комбактэ, Кошалак, Шоная восточная), в том числе с сохранившимся культурным слоем и остатками жилых сооружений (Кзыл-хак I и Кзыл-хак II). Культурно-хронологическое положение данных материалов определяется исследователями не совсем точно. Они относились то к позднему энеолиту, то к ранней бронзе. Аналогии им отмечались среди репинской и более поздней ямно-репинской (переходной к собственно ямной) керамики (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. С. 139-140).

Еще до раскопок реперных стоянок было отмечено, что прикаспийские репинские керамические материалы отличаются большим разнообра-

зием форм и орнаментов, нежели находки с территории «ядра» репинской культуры на Дону (Васильев И.Б., 1981. С. 50-51).

Наиболее всестороннему анализу материалы Северного Прикаспия были подвергнуты П.П.Барынкиным, который пришел к выводу о раннеямной принадлежности этих памятников (Барынкин П.П., 1992. С. 18-20).

Севернее, в степной зоне Заволжья и лесостепи Правобережья находки репинской керамики исключительно редки, а памятники репинской культуры, за исключением редких подкурганых погребений, не известны.

Репинская культура в Прикаспии

Поселение Кзыл-хак I

Поселение находится в 30 км к северу от крайней восточной протоки волжской дельты Кигач, в 1,3 км к юго-западу от поселка Третья ферма совхоза Аксарайский (рис. 147, 32). Поселение занимает центральную часть останца; сохранившийся культурный слой перекрыт эоловым песком толщиной до 1 м (Барынкин П.П., 1986. С. 80-94).

На поселении зафиксированы остатки жилища энеолитического времени, котлован которого имел в плане неправильно-овальную форму. Длина котлована по линии север-юг 5,8 м, по линии запад-восток – 4,6 м. Предполагается, что жилище представляло из себя кратковременную конструкцию типа шалаша или навеса с неглубоким котлованом. В заполнении жилища был обнаружен полностью сохранившийся сосуд (рис. 219, 16). На площади поселения также обнаружены зольники и очаги с проколами.

Керамический комплекс представлен фрагментами от приблизительно 110 сосудов (рис. 219, 1-20, 29-37; 220, 1-17). Сосуды горшковидной формы имеют раздутое тулово, прикрытое устье и округло-коническое днище. По форме венчиков сосуды делятся на две группы. В первую группу включены сосуды с отогнутым венчиком, хорошо выраженной шейкой и желобком с внутренней стороны (рис. 219, 4, 13, 32; 220, 1, 2, 15, 17).

Вторую группу составляют сосуды с невысокими прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками (рис. 219, 5, 6, 9, 10, 14; 220, 4, 5, 7-9).

В орнаментации сосудов отмечен ряд характерных особенностей, самая яркая из которых – поясок жемчужин под венчиком. Большая часть керамики орнаментирована. Орнаментальные композиции включают одну-три зоны в верхней половине сосуда. Доминирует накольчатая техника орнаментации. Использовались также прочерк, оттиски шнура, пальцевые защипы, насечки в придонной части. Поверхность сосудов покрыта разнонаправленной штриховкой, в тесте глины отмечена обильная примесь толченой раковины.

Каменные орудия немногочисленны. Это обломок круглой булавы (рис. 219, 27) и пест из серого мелкокристаллического камня (рис. 219, 28), а также 12 отщепов из серого кварцита без вторичной обработки.

Кроме того, на поселении найдена серия толстостенных створок речных раковин *Unio* с ретушированными кромками (рис. 219, 21-26). Трасологически определено, что данные створки могли использоваться при обработке кожи и керамики.

Первоначально памятник интерпретировался как позднеэнеолитический (Барынкин П.П., 1986. С. 93), а в дальнейшем рассматривался в ряду памятников ранней бронзы (Барынкин П.П., 1992. С. 18).

Стоянка Кзыл-хак II

Стоянка расположена в песчаном массиве Кзыл-хак, в 2-2,5 км южнее поселения Кзыл-хак I (рис. 147, 32). За два полевых сезона 1985-1986 гг. исследовано около 500 кв. м (Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1998. С. 179-192). На стоянке исследованы остатки двухкамерного жилища. Камеры были заглублены в материк и соединялись переходом.

В культурном слое стоянки обнаружены фрагменты приблизительно от 80 сосудов. Все сосуды имеют яйцевидную форму и округлоконические днища (рис. 221, 1-33). Как и на предыдущем памятнике, сосу-

ды распределяются на две группы по форме венчиков: сосуды с выраженной шейкой, прямым или отогнутым венчиком (рис. 221, 1-4, 24, 29, 31) и сосуды без шейки с прямыми стенками в верхней части (рис. 221, 17, 18, 22). Поверхность сосудов заглажена или покрыта штриховкой; в тесте глины примесь толченой раковины. Более чем три четверти сосудов орнаментированы. Орнамент занимает верхнюю половину сосудов и выполнен в накольчатой, зубчатой и шнуровой технике. На шейках сосудов в большинстве случаев имеется поясок ямок-жемчужин, выполненных глубокими вдавлениями с внутренней стороны, но иногда и с внешней.

Авторами публикации отмечается отсутствие аналогичных поселенческих комплексов в степном Заволжье, а сами керамические комплексы прикаспийских памятников сопоставляются с керамикой Ливенцовки III, 4-го слоя Самсоновки и 8-го слоя Раздорской стоянки Нижнего Дона. В Заволжье аналогичная или близкая керамика встречается только в погребальных комплексах ямной культуры.

Репинские реплики в степном Заволжье и лесостепном Правобережье

Поселений с выраженными комплексами репинской керамики в степной зоне Заволжья, как уже было сказано, не известно.

На поселении Кумыска в верховьях р. Торгун обнаружено несколько фрагментов ямно-репинского облика. Один из крупных сосудов имел прямой венчик, под которым проходил ряд выпуклых жемчужин, образованных глубокими вдавлениями с внутренней стороны. Срез венчика украшен оттисками гребенчатого штампа, а с внешней стороны сосуд украшен в верхней части пятью рядами оттисков веревочки, под которыми такими же оттисками выполнены висячие треугольники (рис. 201, 8). От другого сосуда сохранились фрагменты слегка отогнутого наружу венчика. По шейке сосуд был украшен глубокими вдавлениями с внешней стороны, ниже которых сохранилась полоса наколов (рис. 201, 9). Найден также небольшой фрагмент венчика с глубоким круглым вдавлением с внешней стороны (рис. 201, 4). Данные

фрагменты обнаружены в северной, нестратифицированной части памятника. Представляется, что они имеют достаточно поздний возраст, так как по составу теста, качеству обжига и способу заглаживания поверхности они значительно отличаются от любой энеолитической керамики памятника, но по этим же признакам идентичны катакомбным сосудам Кумыски.

Один репинский фрагмент керамики был найден на левом берегу Волги, близ устья р. Тарлык, на Скатовском поселении. Сосуд имел отогнутый наружу венчик и глубокие ямки-вдавления по внешней поверхности. Венчик и его срез орнаментированы полосами крупных подтреугольных наколов (рис. 222, 1). Тесто глины рыхлое от выгоревшей растительной примеси и включает незначительную примесь толченой раковины. Еще один фрагмент репинской керамики был обнаружен при раскопках поселения срубной культуры Милорадовка I в верховьях р.Б.Узень (Лопатин В.А., Миронов В.Г., 1982. С. 154-156).

Для степного Поволжья полностью подтверждается положение, высказанное И.Б.Васильевым и А.Т.Синюком, о том, что на позднем этапе репинская культура проявляется лишь отдельными памятниками или элементами традиций (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С. 59).

Поздняя ямно-репинская керамика элизодически встречается и на Правобережье, в лесостепной зоне Прихоперья, например, на поселении Шапкино VI. Количество ее невелико, однако эти сосуды очень хорошо выделяются из общей массы и заслуживают отдельного упоминания.

Венчики ямно-репинских сосудов прямые или немного отогнуты наружу. Они довольно массивные и от тулова почти всегда отделены пояском крупных ямок. Тесто глины довольно рыхлое, включает примесь растительности и редких зерен шамота и охры. Цвет черепков коричневый и светло-коричневый. Стенки сосудов покрыты ямчатыми вдавлениями, оттисками в виде подковки, скобки и ложного перевитого шнура. Орнамент наносился и с внутренней стороны венчика (рис. 222, 2-7). На Правобережье Волги извест-

ны еще два пункта с немногочисленными находками репинской керамики – Черемшанская и II Старо-Яблонская стоянки в районе г.Хвалынска (Васильев И.Б., 1981. С. 51).

Погребения репинской культуры

Также немногочисленны и репинские погребения в степном Поволжье. Впервые на погребения, которые затем стали связывать с репинской культурой, обратил внимание К.Ф.Смирнов, который считал их древнейшими в древнеямной культуре (Смирнов К.Ф., 1959. С. 307; он же, 1960. С. 205). Подробную характеристику и анализ этих погребений дал Н.Я.Мерперт в работе, посвященной ямной культуре Волго-Уральского междуречья (1974). Эти погребения отнесены им ко второй обрядовой группе и отличаются вытянутым положением скелетов. По остальным признакам – ориентировка, посыпка охрой, форма могильной ямы - вытянутые погребения аналогичны остальным древнеямным. Вытянутых погребений мало, всего 7% от числа ямных. Н.Я.Мерперт отметил длительное существование вытянутых погребений, но древнейшие из них залегали выше скорченных погребений первой обрядовой группы. К числу древнейших вытянутых погребений он отнес пять захоронений: Быково I, кург. 4, погр. 10; Бережновка I, кург. 3, погр. 10; Быково I, кург. 12, погр. 7; Быково I, кург. 17, погр. 3 и Быково II, кург. 2, погр. 3 (Мерперт Н.Я., 1974. С. 47-51).

И.Б.Васильев и А.Т.Синюк подтвердили правильность выводов Н.Я.Мерперта о длительности существования вытянутых подкурганых захоронений и о другой, не ямной культурной принадлежности. По их мнению репинская культура в степи была поглощена «культурами ямного мира» (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С. 58-61).

4.8. Периодизация и хронология энеолита Нижнего Поволжья

Общие вопросы периодизации и хронологии энеолитических памятников

Энеолитическая эпоха степной зоны Нижнего Поволжья представле-

на тремя основными группами памятников (прикапийские, хвалынские, алтатинские), отличающихся по культурной принадлежности, сосуществующих на каких-то отрезках времени и, в какой-то степени, соотносящихся с тремя выделенными ранее этапами медно-каменного века. Членение поволжского энеолита на три этапа помогло осмыслить и систематизировать накопившиеся к 80-м годам прошлого века материалы (Васильев И.Б., 1981). Но на данной стадии исследования трехступенчатая схема последовательной смены культур уже не отражает всего многообразия культурных процессов в Нижнем Поволжье на рубеже каменного и бронзового веков. Приведенные выше примеры взаимовстречаемости разнокультурной керамики на стоянках Нижнего Поволжья свидетельствуют о полилинейном развитии памятников различной культурной принадлежности.

На основании новых материалов и калиброванных дат, И.Б.Васильев уточнил свою периодизацию. Он выделил два крупных этапа развития энеолита на всей территории степи и лесостепи Восточной Европы. Первый этап – это ранний и развитой энеолит, время существования культур мариупольской культурно-исторической области; второй этап – развитой и поздний энеолит, время существования хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общности (Васильев И.Б., 2003в. С. 58). В данном случае из схемы исключен развитой энеолит как самостоятельный этап и признано параллельное существование мариупольских и хвалынской культур.

Более подробную периодизацию разработал Д.Я.Телегин для памятников неолита и энеолита юго-запада Восточной Европы. Ранненеолитический период охватывает хронологический отрезок от 6500 до 5500 лет до н.э. Это время формирования и развития буго-днестровской, сурской, ракушечной, горнокрымской и др. культур, а также древнейших могильников мариупольского типа. Вторым, значительно более продолжительным этапом является нео-энеолитический период, когда появление

культур энеолита шло параллельно с дальнейшим развитием неолитических культур. Нео-энеолитический период разделен на три этапа: этап А раннетрипольско-мариупольский (Триполье А, мариупольские могильники второго этапа – 5500-4500 л. до н.э.); этап В среднетрипольско-среднеостоговский (Триполье В, среднеостоговская и новоданиловская культура, – 4500-3500 л. до н.э.); этап С позднетрипольский-нижнемихайловский (Триполье С, нижнемихайловские, животиловские памятники – 3500-3000/2800 л. до н.э.) (Телегин Д.Я., 1999. С. 28).

В дальнейшем, в этой схеме были уточнены только абсолютные даты при сохранении основного принципа периодизации – раннеэнеолитический период и длительный период сосуществования неолитических и энеолитических культур, включающий три этапа (Телегин и др., 2001. С. 125-133).

Данная схема «работает» применительно и к нео-энеолитическим памятникам Нижнего Поволжья с необходимыми поправками на местные условия, так как всякое построение схем культурно-хронологического развития должно учитывать специфические условия различных регионов, поскольку существование древнего населения было жестко детерминировано рядом объективных природно-климатических факторов. В противном случае, когда схема строится для широкого региона, включающего несколько физико-географических зон, внутри нее практически нельзя учесть неизбежную разницу в темпах культурного развития отдельных областей.

*Параллельное существование неолитических
и энеолитических памятников*

Начало энеолитической эпохи в Нижнем Поволжье – это появление памятников прикаспийской культуры, сложившихся на основе местного неолита. Это время контактов с населением северных, лесостепных районов Поволжья, в результате которых происходит сложение прикаспийской культуры. На двух многослойных памятниках – Варфоломеевке и Кумыске – прослеживается процесс эволюции орловской неолитической

культуры в раннюю прикаспийскую или, по меньшей мере, их сосуществование.

В хронологии памятников нео-энеолитического периода Нижнего Поволжья остается много неясных вопросов, так как данные радиоуглеродных определений зачастую противоречат стратиграфическим наблюдениям.

Калиброванные радиоуглеродные определения для хвалынской культуры в основной массе относятся к первой половине V тыс. до н.э., то есть она предшествует позднеэнеолитическому слою 2 А Варфоломеевки, в котором отмечено начало формирования прикаспийской культуры. Длительное сосуществование орловского и хвалынского населения, даже при различной хозяйственной ориентации, все равно нашло бы отражение в материалах памятников. Но этого нет. Материальные свидетельства контактов появляются только на втором этапе самарской культуры в Среднем Поволжье, в степном Поволжье памятники орловской и прикаспийской культур с одной стороны, и хвалынской с другой, не пересекаются, за исключением Кумыски, но там прикаспийская керамика залегает ниже хвалынской.

Нет достоверных данных и о синхронности хвалынских и неолитических сероглазовских комплексов в песках Северного Прикаспия. Исследователи отмечают, что формирование комплексов хвалынской культуры и местных позднеэнеолитических сероглазовских комплексов типа Тентек-Сор происходит в одном ландшафтно-климатическом периоде, но «каких-либо фактов типологического смыкания этих комплексов не отмечено, тогда как выявлен единичный случай типологического пересечения «воротничкового» и тентексорского типа» (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1995. С. 162). Синхронизация позднеэнеолитических и хвалынских памятников проводится по ряду косвенных признаков при признании того факта, что при нынешнем состоянии источников нет прямых данных об их сосуществова-

нии (Барынкин П.П., 2003а. С. 49), а калиброванные радиоуглеродные определения не дают однозначного ответа, так как дата по хвалынской стоянке Кара-Худук 3884±67 (УПИ-431) считается омоложенной, а дата другой хвалынской стоянки Комбак-тэ – 4880±192 (ГИН-6226) – более чем на 500 лет старше определения для поздненеолитической стоянки Тентек-сор (4326±165, ГИН-6177).

На северной окраине мариупольской области, в лесостепном Среднем Поволжье сосуществование поздненеолитического и энеолитического населения документировано очень хорошо. В первую очередь это материалы Съезженского могильника, в керамике которого исследователями сразу были определены местный неолитический, пришлый степной и синкретический комплексы. Но все контакты на этапе раннего энеолита происходят между самарской культурой и поздненеолитическим камским населением (чернашкинским или левшинским по О.Н.Бадеру), в результате чего в нижнем течении р.Камы, на границе лесной и лесостепной зон появляются памятники русско-азибейского типа (Васильев И.Б., 2003а. С. 49). Появление хвалынской керамики здесь относят ко второму, ивановско-токскому периоду самарской культуры. Таким образом, как в Нижнем Поволжье, так и в Среднем по материалам памятников отмечено параллельное существование мариупольского (прикаспийского и самарского) и поздненеолитического населения, а хронологическое сосуществование неолитического и хвалынского населения предполагается исключительно на основе радиоуглеродных определений.

Хронология хвалынских памятников

Из всех энеолитических памятников Нижнего Поволжья наиболее разработанную хронологию имеют хвалынские. Все исследователи в настоящее время согласны с достаточно ранней датой хвалынских памятников.

Хвалынская энеолитическая культура датируется И.Б.Васильевым

второй и третьей четвертью IV тыс. до н.э. по традиционной хронологии, при этом последняя четверть IV тыс. до н.э. считается переходным периодом к «городцовой» ямной культуре. Если же учитывать калиброванные определения, то хронология хвалынской энеолитической культуры опускается в V тыс. до н.э. Отмечается, что эти даты соответствуют хронологическим схемам для балкано-карпатского энеолита, а также хронологии новоданиловской и среднестоговской культур (И.Б.Васильев, 2003а. С. 75).

Однако, как это показано в сводной таблице дат (Телегин Д.Я. и др., 2001. С. 132. Рис. 61) для памятников неолита и энеолита юга Восточной Европы, в целом, калиброванные даты Хвалынского могильника приходятся на первую половину V тыс. до н.э., тогда как даты ранней среднестоговской и новоданиловской культур расположились во второй половине V-начале IV тыс. до н.э.

Что касается времени бытования подкурганных захоронений с хвалынской керамикой, то на хронологическую близость с бескурганными энеолитическими могильниками указывает наличие зооморфных скипетров в хвалынских могильниках, в погребении ямной культуры в Архаринском кургане в Калмыкии (Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. С. 10, 11, 93, 94. Табл. 34, 2) и Хлопковском могильнике (Малов Н.М., 1982. С. 189). Подобный скипетр известен на трипольском поселении Верхние Жоры 1 в Молдавии, относящемся к этапу В I (Яровой Е.В., 1985. С. 105-106).

К настоящему времени у большинства исследователей не возникает возражений о полной синхронизации подкурганных погребений с грунтовыми. Нет никаких данных о разновременности хвалынских и подкурганных (ямно-бережновских) погребений. С одной стороны время бережновских погребений определялось как АВ I, то есть немного позднее хвалынских (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. С. 29), с другой стороны, может быть, подкурганный обряд – это чисто степная черта и подкурганные захоронения полностью синхронны грунтовым.

Пока хвалынская культура хронологически не расчленяется и только наличие шнуровой орнаментации на части ее дает возможность предположить существование этапов в ее развитии. В среднестоговской культуре начало второго (шнурового) определяется рубежом V-IV тысячелетий до н.э. (Телегин и др., 2001. С. 7). Следовательно, хвалынская керамика со шнуровой орнаментацией теоретически может существовать и в IV тыс. до н.э. Время появления шнура в Нижнем Поволжье представляется особенно важным, так как на памятниках алтатинского типа шнур встречается совместно с неолитоидной керамикой, а также с хвалынской.

На керамике Хвалынского могильника шнуровой орнамент не встречен. Однако следует указать, что типично хвалынский по форме фрагмент сосуда, украшенный оттисками ложного шнура, имеется в коллекции стоянки Царица 1 в Волгограде (Еремин В.И., 1976. Рис. 6, 5) (рис. 168, 1). В погребении 1 Хлопковского могильника найден фрагмент керамики с оттисками шнура, правда, его принадлежность к могильнику остается под сомнением (Малов Н.М., 1982, с. 84-85. Рис. 4, 7) (рис. 161, 3). Сосуд хвалынского типа, украшенный ложношнуровым орнаментом, происходит из Кошалака в Северном Прикаспии (Дубягин П.С. и др., 1962, с. 101, рис. 7, 1). Хвалынская керамика, украшенная перевитым шнуром, обычно предшествующим собственно шнуру, известна на стоянке Кара-Худук в Северном Прикаспии (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1989. С. 123-142). В целом, этих данных пока явно недостаточно для обоснования разделения хвалынских памятников на ранние и поздние. Тем более что в условиях Нижнего Поволжья шнуровой орнамент может и не являться хронологическим признаком, так как в сопредельном регионе – степном Приуралье – шнуровая орнаментация известна с раннего энеолита и зачастую, по наблюдениям С.В.Богданова, это не шнур, а оттиски аммонитов. К раннему энеолиту С.В.Богданов относит хвалынско-бережновские и съезженские (самарские) памятники и синхронизирует их (Богданов С.В., 2004. С. 242-244).

*Хронология прикаспийских памятников и
их хронологическое соотношение с хвалынскими памятниками*

Определение хронологического положения прикаспийских памятников затруднено отсутствием радиоуглеродных определений, а также могильников, по погребальному инвентарю которых можно проводить широкие территориальные сопоставления, как это было сделано для хвалынских могильников. Было высказано предположение, что прикаспийская культура в пределах южной части Нижнего Поволжья прошла в своем развитии два этапа по аналогии с самарской культурой. Предполагается, что к раннему времени относится керамика с четкой, стандартной формой плоского воротничкового венчика и сложной системой орнаментики в виде прочерченных контуров, заполненных шагающей гребенкой. Более поздняя группа включает сосуды с разнообразной формой венчиков и упрощенным орнаментом из гребенчатого штампа и насечек и имеющие, как и самарская керамика ивановско-токского этапа некоторые черты, сближающие ее с хвалынской (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1986. С. 14).

Попытка расчленить воротничковые комплексы керамики прикаспийских стоянок степного Заволжья (северная часть Нижнего Поволжья) в зависимости от формы венчика показала следующее. Форма венчика, его толщина и массивность почти всегда зависят от размеров сосуда и этот признак в хронологическом отношении не работает. Например, среди, несомненно, самой ранней воротничковой керамики с Варфоломеевки, большая часть воротничков как бы "выдавлена" наружу и выражена слабо, и такие же воротнички представлены большой серией на Ивановской стоянке второго этапа самарской культуры. Аналогичная картина наблюдается и среди находок поздненеолитического и раннеэнеолитического времени на Кумыске. Не может являться надежным хронологическим индикатором и легкая желобчатость на внутренней стороне венчика, которая отмечена как характерный признак местной позднеэнеолитической керамики

(слой 2 А Варфоломеевки).

Отсутствует жесткая зависимость между формой венчика и способом нанесения орнамента. Гребенка, сочетание гребенки и накола, шнур встречаются на сосудах с различной формой воротничков.

Если с этой точки зрения посмотреть на более северные (самарские) и южные комплексы воротничковой керамики, то там будет, в общем-то, близкая картина. Следует учитывать, что первый этап самарской культуры выделен по погребальному памятнику, а второй – по поселенческим материалам, и давать соответствующую поправку на неизбежную разницу в ритуальной и бытовой керамике. Кроме того, в закрытом комплексе Съезжинского могильника форма воротничков не столь уж однотипна и единообразна: есть венчики и с легкой желобчатостью и отогнутые.

В какой-то степени можно ориентироваться на время появления шнуровой орнаментации, так как уже давно отмечена тенденция к увеличению количества керамики, орнаментированной шнуром, к концу энеолитической эпохи на различных памятниках юго-востока Европы (Васильев И.Б., 2003а. С. 71). Но на степных заволжских памятниках шнуровая орнаментация керамики кроме Кумыски, встречена только на Озинках II (рис. 151, 1, 2) и Скатовке (рис. 153, 2), где нет достаточной выборки для обоснованных выводов.

Еще одним критерием для определения второго этапа самарской культуры является время появления хвалынской керамики в культурном слое самарских стоянок. Из заволжских памятников только в верхней части энеолитического слоя Кумыски встречена хвалынская керамика, залегающая выше прикаспийской, но на одном уровне с прикаспийской со шнуровым орнаментом (рис. 196; 9).

Все это показывает, что в плане культурного и хронологического соотношения прикаспийских и хвалынских памятников остается еще много неясностей. По материалам поселенческих памятников Заволжья сейчас

представляется, что это две самостоятельные линии развития, сосуществовавшие какое-то время в развитом энеолите. Было ли такое параллельное сосуществование на раннем этапе (если принимать во внимание ранние даты Хвалынских могильников) – на данном уровне источниковедческой базы этот вопрос остается открытым для территории Нижнего Поволжья.

Совершенно определенно можно говорить о существовании в это время алтатинской линии развития – это подтверждается находкой фрагментов хвалынского сосуда в культурном слое Алтаты.

Таким образом, наиболее достоверными представляются данные стратиграфических наблюдений о залегании хвалынской и мариупольской керамики в степной зоне Восточной Европы. И.Б.Васильев приводит исчерпывающий список стратиграфических наблюдений за последовательностью отложений мариупольских и хвалынских материалов (Васильев И.Б., 2003а. С. 70-71). Ближайшим памятником к Нижнему Поволжью, где в стратиграфической колонке отмечено более высокое залегание хвалынской керамики относительно мариупольской является Раздорское I поселение на Нижнем Дону (Кияшко В.Я., 1987. С. 79).

Близкая картина наблюдается и в Среднем Поволжье, но единого мнения о хронологическом положении хвалынских и самарских памятников нет. Так П.П.Барынкин считает, что съезженский и хвалынские комплексы синхронны. Керамический комплекс Съезжего двухкомпонентен. Воротничковый компонент связан с аналогичной керамикой степной зоны, второй компонент происходит от местного позднего неолита – средне-волжской культуры. Причем в степном компоненте ведущую роль играли хвалынские комплексы, а влияние съезжинских было минимальным (Барынкин П.П., 2001 С. 39). Синхронизация проводится на основании наличия керамики хвалынской по форме, но со съезженской орнаментацией (логичнее предполагать появление такой гибридной керамики на втором этапе самарской культуры), а также на факте взаимовстречаемости плос-

кодонной гребенчатой керамики совместно с хвалынской в поселенческих комплексах и присутствие ее в керамическом комплексе Съезженского могильника. Из последнего факта делается вывод о взаимном сосуществовании всех трех культурных компонентов – местного неолитического, хвалынского и съезженского (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991. С. 102).

Но прямыми стратиграфическими наблюдениями полная синхронизация хвалынских и самарских комплексов не подтверждается. В степном Заволжье картина аналогичная: находок хвалынской керамики с прикаспийской нет, но есть хвалынская и алтатинская в одном слое, а на Кумыске хвалынская керамика залегает выше прикаспийской.

Другая точка зрения, отстаивавшаяся И.Б.Васильевым, на наш взгляд, более аргументирована. Признается вероятность синхронизации второго этапа самарской культуры и хвалынской на том основании, что на одной и той же территории имеются памятники второго этапа самарской культуры, чистые хвалынские и памятники с керамикой того и другого типов, залегающей в одном слое (Васильев И.Б., 1999. С. 93). Стратифицированные памятники сопредельных со Средним Поволжьем регионах (Кумыска, Раздоры, памятники лесостепного Подонья) показывают более раннее отложение слоев с мариупольской керамикой. Об этом говорят и стратиграфические наблюдения на Мариупольском могильнике, где есть основные вытянутые погребения и более поздние впускные скорченные с медными браслетами, соответствующими инвентарю хвалынских могильников.

Хронологический приоритет мариупольских культур над хвалынскими не исключает возможности частичного сосуществования поздне-неолитических и мариупольских, мариупольских и хвалынско-среднестоговских, хвалынско-среднестоговских и позднеэнеолитических материалов (Васильев, 2003 б. С. 78).

Как показывают материалы поселенческих памятников Нижнего По-

волжья, здесь также не происходит резкой смены одной культуры на другую, а существует определенный интервал времени совместного существования, в течение которого происходит сплав культурных традиций. Особенно наглядно это проявляется в синкретичных комплексах алтатинских и алексеевских стоянок.

Хронология алтатинских и алексеевских памятников

Как уже было сказано выше, начало формирования памятников алтатинского типа где-то должно совпадать с началом ивановско-токского этапа самарской культуры. Материальный комплекс алтатинских памятников наследует значительно больше черт позднего лесостепного неолита по сравнению с прикаспийским, и дает основания предполагать пришлый характер какой-то части населения, оставившего данные памятники. Хронологическое смыкание алтатинских памятников с ранними прикаспийскими пока недостаточно надежно подтверждается материалами - комплекс керамики самой ранней стоянки Петропавловки немногочислен и, возможно, не отражает все типы керамики, бытовавшей на памятнике. Однако ряд ранних признаков в алтатинской керамике мог сформироваться только при условии контакта с поздненеолитическим населением. Подтверждением этому может являться уже упоминавшаяся радиоуглеродная дата, полученная для стоянки Ветелки близ плотины Варфоломеевского водохранилища: 5790±80 лет назад (ГИН 6554) или 4631±98 в калиброванном значении. Определение произведено по ракушке, залегавшей в основании культурного слоя, содержавшего гребенчатую керамику и кварцитовые орудия. Существование алтатинских стоянок на развитом этапе энеолита также подтверждается находкой хвалынской керамики в культурном слое стоянки Алтата.

В позднем энеолите алтатинская линия развития представлена поселениями Пшеничное и Первомайское. При консервации ранних черт, отмеченных в керамическом комплексе данных памятников, они отличаются

от предшествующих широким использованием шнуrowого орнамента, являющегося на части керамики основным орнаментальным элементом. Появляются черты, отсутствовавшие в более ранних комплексах: толстостенность и желобчатость венчиков, грубые расчески на поверхности (рис. 180, 1-9; 187, 9, 12). Прослеживаются параллели с хвалынской керамикой, которую можно считать поздней, так как она сочетает черты второй и третьей групп керамики Кумыски (рис. 198, 7, 8) и керамикой четвертой группы Кумыски (рис. 199, 1-5). Ряд сходных элементов обнаруживается на стоянке Царица 1 (рис. 192, 1). Типологически позднеэнеолитические памятники могут быть синхронизированы с VI-VII слоями Раздорского поселения.

Хронологические рамки позднего энеолита ограничиваются временем появления памятников "городцовской" ямной культуры. По Д.Я.Телегину это рубеж IV-III тысячелетий до н.э. (Телегин Д.Я. и др., 2001. С. 130). Близкую дату приводит В.А.Трифонов – 3200-3000 лет до н.э. – время раннеямных памятников с репинскими чертами. В синхрохронологических построениях В.А.Трифорова период позднего энеолита (за Хвалыньским могильником) на территории Нижнего Поволжья не заполнен конкретными памятниками (Трифонов В.А., 2001. С. 78-79) и по нашему мнению, это время существования позднего алтатинского населения, а также населения, оставившего памятники типа Кумыски. К последнему этапу энеолита следует отнести и памятники алексеевского типа, локализованные в лесостепи и вдоль лесистого правого берега Нижней Волги.

Впрочем, как уже было сказано ранее, трехступенчатая модель культурного процесса лишь частично отражает существовавшие реалии в энеолите Нижнего Поволжья. Ниже будет показано, что при сопоставлении стратиграфических данных и естественнонаучных определений и отдавая предпочтение последним для энеолитической эпохи региона вырисовывается несколько иная картина культурно-исторического развития.

*Хронологический разрыв между хвалынской и ямной культурами
и проблема его заполнения*

После получения калиброванных дат по Хвалынскому могильнику в существовавшей хронологической схеме Нижнего Поволжья появились два крупных несоответствия. Первое – это несовпадение калиброванных радиоуглеродных дат с данными стратиграфических наблюдений. Все данные стратиграфии показывают смену поздненеолитических комплексов прикаспийскими (мариупольскими) при определенном сосуществовании в период формирования новой культуры, а на следующем этапе – сосуществование мариупольских и хвалынских комплексов. А по данным калиброванных радиоуглеродных определений, хвалынские комплексы не только древнее прикаспийских, но и ряда поздненеолитических (слой 2А Варфоломеевки) и синхронны первому этапу позднего неолита (слой 2Б Варфоломеевки).

Второе несоответствие – это значительный хронологический разрыв между хвалынскими и ранними ямными памятниками. Первоначально складывалось впечатление, что этот разрыв составлял более тысячи лет (Турецкий М.А., 2001. С. 126), но постепенно разрыв стал сокращаться. Действительно, калиброванные определения для Хвалынска показывают максимум дат для первой половины V тыс. до н.э., но по аналогиям в материальных комплексах среднестоговской и новоданиловской культур можно говорить о продолжении существования хвалынской культуры в IV тыс. до н.э. по меньшей мере, на протяжении первой четверти, так как балкано-карпатский металлургический очаг, металл которого широко представлен в Хвалынских могильниках, прекращает функционировать где-то между 3800-3700 лет до н.э. (Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000. С. 21). Кроме того, на некоторых фрагментах керамики отмечена шнуровая орнаментация, появление которой относят к началу IV тыс. до н.э. Наиболее же нижние даты для ранней ямной культуры с керамикой репинского

облика отсчитываются с рубежа третьей-четвертой четверти IV тыс. до н.э. Но и в этом случае, хронологический разрыв составляет около полутысячелетия.

В хронологической схеме неолита-бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы В.А.Трифорова разрыв между хвалынскими и ранними ямными с репинским чертами также составляет около 500 лет при отсутствии каких-либо памятников в Нижнем Поволжье. Предполагается, что это время существования репинской культуры (Трифоров В.А., 2001. С. 75-79. Табл. 1), присутствие которой в степной зоне пока представлено единичными фрагментами керамики.

Этот разрыв в первоначальной схеме И.Б.Васильева для памятников Нижнего Поволжья был заполнен немногочисленными памятниками алексеевского типа и древнейшими подкурганскими захоронениями типа Бережновка I 5/22. Но, как оказалось позднее, алексеевские памятники характеризуют материальную культуру лесостепного, а не степного населения, а подкурганские захоронения в хронологическом и культурном отношении находятся ближе к хвалынским комплексам, чем к ямным.

Можно конечно считать, что этот хиатус заполняется позднейшими памятниками хвалынской культуры, которую, как говорилось выше, невозможно сейчас расчленивать на хронологические этапы. Как одну из возможностей, подобное решение проблемы допускает Ю.Я.Рассамакин (Рассамакин Ю.Я., 2001. С. 87), но вполне вероятно эту проблему разрешить при привлечении бытовых памятников степного Заволжья периода развитого и позднего энеолита.

Наиболее интересным памятником, отражающим процесс сплава различных культурных традиций на развитом этапе энеолита, а также характеризующим поздний этап энеолита, является поселение Кумыска. Сочетание хвалынской, поздней прикаспийской, константиновско-среднестоговского облика и керамики, пока не находящей аналогий в ме-

стном энеолите, показывает существование активных интеграционных процессов, происходивших в это время. Материалы Кумыски показывают сплав хвалынской и поздней прикаспийской керамики, появление керамики второй группы, получившей распространение в дальнейшем. Выше уже говорилось, что вторая группа керамики Кумыски не встречается в раннем энеолите и, судя по профилировке и ряду орнаментальных композиций, получает свое дальнейшее развитие на последнем этапе энеолита (в поздних алтатинских комплексах) и в ранней бронзе (рис. 197, 1-19; 200, 1-4; 201, 1-3, 5-7). Среди алтатинской керамики (поселение Пшеничное) встречаются сосуды, происхождение которых можно связать с керамикой четвертой группы Кумыски (с константиновско-среднестоговскими чертами).

Второй этап энеолита Нижнего Поволжья, как уже было сказано, представлен, кроме части материалов энеолитического слоя Кумыски, алтатинскими комплексами, которые продолжают функционировать на позднем этапе энеолита и могут заполнить лакуну между хвалынской и ямной культурой. Об относительно раннем времени появления алтатинских комплексов и их синхронности второму этапу самарской культуры уже говорилось. В отличие от прикаспийских и хвалынских комплексов, среди алтатинских материалов легко выделяются как ранние, хронологически смыкающиеся с концом первого этапа энеолита и, следовательно, с финалом неолита, так и поздние, доживающие до репинского времени. Подтверждением этому служит не только керамика, находящая аналогии в VI-VII слоях Раздорского I поселения, но и в каменном инвентаре. В этом плане особенно показательны флажковидные наконечники стрел, характерные для Константиновских и майкопских комплексов.

Наличие флажковидных наконечников на Кумыске позволяет предполагать, что какая-то часть материалов Кумыски также относится к позднему периоду энеолита. Вероятнее всего это керамика второй группы, так как аналогии ей в раннем энеолите неизвестны.

Длительное одновременное существование разнокультурных памятников в энеолите Поволжья, вероятно, продолжалось и в позднейший период, так как маловероятно, что ямная культура могла сложиться только на основе алтатинской линии культурного развития. Во всяком случае, анализ соотношения орнаментов и форм сосудов, проведенный М.А.Турецким для ямных сосудов Поволжья, показал, что именно древнейшим формам сосудов, появившимся еще в хвалынское время (тип III-I), соответствует максимальное количество (II) элементов орнамента (Турецкий М.А., 1988. С. 78-91). Полный набор этих элементов можно получить, только соединив комплексы Кумыски (вторая группа керамики, продолжение существования прикаспийской линии развития) и поздних алтатинских (изначально синкретичных), что говорит о многокомпонентности сложения ямной культуры в Заволжье.

ГЛАВА 5. КУЛЬТУРОГЕНЕЗ ЭПОХИ НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

5.1. Нижневолжская культурная общность и прикаспийская культура: традиции и инновации в процессе культурогенеза

Исследования последних лет показывают, что ранний энеолит степного Заволжья сложился преимущественно на местной основе. Территория распространения неолитических памятников орловской культуры совпадает с ареалом самых северных стоянок прикаспийской раннеэнеолитической культуры.

Памятники прикаспийской культуры, первоначально охарактеризованной на материалах стоянок Северного Прикаспия (Мелентьев А.Н., 1976; Васильев И.Б., 1981; Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985), в дальнейшем были обнаружены севернее, в степной зоне Заволжья. После открытия могильника у с. Съезжее на р. Самаре (Васильев И.В., Матвеева Г.И., 1979) стала известна самарская культура, материалы которой также обнаружили на ряде стоянок лесостепного Заволжья (рис. 224; 228-230), что позволило выделить два этапа в ее развитии (Моргунова Н.Л., 1984).

Зона контакта этих двух культур не устанавливалась, поскольку к моменту их выделения на территории, разделяющей юг лесостепного Поволжья и Северный Прикаспий, энеолитические памятники, за исключением стоянки Алтата, не были известны. В настоящее время очевидно, что степная зона Поволжья входила в ареал прикаспийской культуры.

Часть керамики на заволжских стоянках прикаспийской культуры по орнаментации и форме близка поздней самарской, но это не противоречит отнесению их к прикаспийскому кругу, так как родственность двух культур настолько очевидна, что существует мнение о необходимости их рассмотрения в рамках одного культурного образования.

Если детально рассмотреть основные признаки мариупольской культурно-исторической области, куда входят прикаспийская и самарская культуры, а также нижнедонская и азово-днепровская, то можно увидеть, что начало их формирования относится ко времени слоя 2 А Варфоломеевской стоянки. Выделенные основные признаки памятников мариупольской области в равной степени относятся и к стоянкам прикаспийской культуры степного Заволжья, несмотря на то, что многие из этих признаков непосредственно на памятниках указанного региона не встречены, ввиду их небольшой исследованности. И.Б.Васильев и А.Т.Синюк отмечают восемь признаков раннеэнеолитических культур мариупольской области (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С. 31). Рассмотрим их в указанной последовательности применительно к материалам двух верхних слоев Варфоломеевки. Разумеется, мы не обнаружим полного тождества, но имеющиеся параллели весьма показательны в плане преемственности между орловскими и прикаспийскими материалами.

1. "Воротничковые сосуды с преобладанием плоскодонных форм".

Самый ранний сосуд с воротничком и еще сохранившимся внутренним наплывом найден в слое 2 А (рис. 57, 7). Практически вся керамика верхних слоев плоскодонна, за исключением двух чаш.

Сопоставляя прикаспийскую керамику с поздней неолитической, можно отметить ряд общих признаков: примесь толченой раковины в тесте глины, подлощенность внешней поверхности и расчесы по внутренней, орнаментация днищ. В верхнем слое увеличивается до 24% количество профилированной керамики, тогда как в нижних слоях она составляла 5-12%. В связи с увеличением размеров сосудов в позднем неолите появляется внутренний наплыв по венчику, который затем трансформируется в воротничок с внешней стороны. Менее прослеживается преемственность в орнаментации, но 12 % керамики верхнего слоя Варфоломеевки имеет в ка-

честве одного из орнаментальных элементов волнистую линию, часто встречаемую на энеолитических сосудах.

В нижнем слое найден гребенчатый штамп на створке раковины (рис. 99, 17), но использовался он, по данным трасологического анализа, исключительно для выравнивания стенок сосудов. В слое 2А ребро на тулове одного сосуда подчеркнуто коротким четырехзубым (скобковидным) штампом (рис. 49, 1), в верхнем слое гребенкой уже орнаментировано четыре сосуда (рис. 69, 1-4). Интересно, что на одном из них оттиски гребенки «протаскивались» по поверхности, как бы имитируя технику отступающего накола. С другой стороны, на воротничковом сосуде с поселения Орошаемое плотно поставленный накол почти неотличим от гребенчатого штампа (рис. 152, 15). Еще на двух прикаспийских сосудах «гребенка» сочетается с наколом (рис. 152, 1,4), а на стоянках Же-Калган и Истай в Северном Прикаспии имеются воротничковые сосуды с накольчатым орнаментом (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985. С. 70-71).

2. "Специфический комплекс украшений, включающий прямоугольные пластины из клыков кабана, бусы, раковинные пронизки, подвески из зубов оленя, изображения животных из костяных пластин и др."

Все эти украшения почти в полном наборе находят близкие аналогии в слое 2 А. Это: две плоские пластины из эмали клыков кабана, обработанные каменным скобелем и абразивом (рис. 99, 22), бусы из створки раковины *Unio* диаметром 6-9 мм (рис. 99, 1-6), подвески из зубов лошади, оленя и других животных с пропиленными бороздками или высверленными отверстиями (рис. 99, 18-21), подвески из створок морских раковин *Pectunculus* (рис. 99, 7-12), пронизки из раковин моллюсков *Dentalium* и трубчатых птичьих костей (рис. 99, 13-16).

3. "Наличие крупных ножевидных пластин".

Специфика заволжских прикаспийских памятников проявляется в широком использовании кварцита в качестве сырья при изготовлении ка-

менных орудий. Выше уже отмечалось, что происходит постепенное увеличение кремневых ножевидных пластин Варфоломеевки от нижнего слоя к верхнему (соответственно и орудий), а в верхнем слое появляются сечения крупных кварцитовых пластин и орудия на них, ширина которых достигает 35 мм (рис. 82, 9). Происходит увеличение высоты трапеций со струганной спинкой до 23-27 мм (рис. 82, 10, 15-16). В верхнем слое орудия из кварцита составляют 15%, тогда как в остальных – не более 2-3%. Комплексы каменных орудий прикаспийских памятников Заволжья всегда включают микролитические орудия из кремня и крупные орудия на кварцитовых пластинах. Типологически кремневые и кварцитовые орудия едины, различаясь только размерами. В свою очередь, кремневые орудия (за исключением двусторонних форм), идентичны неолитическим.

4. "Крупные и мелкие каменные тесла и долота".

Из шлифованных орудий в слое 2А найдено: тесло из молочно-белого кремня высотой более 7 см (рис. 80, 18), тесло из зеленого нефрита трапециевидной формы высотой 2,7 см (рис. 80, 19), обломок плоского "утюжка" из светло-зеленой породы (рис. 81, 3), навершие булавы из мела (рис. 81, 2). Навершие булавы имеет подтреугольную форму, значительно отличаясь от крестовидной булавы Мариупольского могильника (Макаренко М., 1933. С. 61. Рис. 11; С. 78. Рис. 38), но окончания лучей уже отделены двумя круговыми желобками. Обломок еще одной круглой булавы диаметром 4,5 см из серо-коричневой плотной мелкозернистой породы найден в размытой части стоянки (рис. 81, 1).

Единственная находка фрагмента каменной булавы на сопредельных территориях известна на поздненеолитической стоянке Тентексор (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В., 1986, с. 22, рис. 12), широкое бытование подобных предметов начинается в последующие эпохи.

Признаки 5-7 характеризуют погребальный обряд населения Мариупольской культурно-исторической области. Все поздненеолитические по-

гребения степного Заволжья обнаружены при исследовании Варфоломеевской стоянки. Захоронения еще не вынесены за пределы поселения и не образуют компактного могильника, отсутствует единый погребальный обряд. Тем не менее, некоторые параллели все же прослеживаются.

5. "Грунтовые коллективные могильники с обрядом вытянутых погребений и жертвенниками".

С двумя верхними слоями стоянки можно синхронизировать четыре погребения. Два из них скорченные, на правом боку, один умерший положен вытянуто на спине, поза одного погребенного (ребенка) не установлена. Бедный погребальный инвентарь сопровождает только вытянутое погребение (№ 3) – несколько бусин из створки речной раковины, две створки раковины *Unio*, два меловых камня под ступнями и пласт красной охры у ног. Таким образом, существовали два погребальных обряда, жертвенников рядом с погребениями нет.

6. "Отсутствие керамики при костяках и наличие ее на жертвенных площадках".

Погребения керамикой не сопровождались, жертвенные площадки (если они существовали) проследить в культурном слое, насыщенном артефактами, практически невозможно. Правда, рядом с погребением 3 был обнаружен развал сосуда с костями животных и рыб. В отличие от остальной керамики стоянки сосуд имел чрезвычайно слабый обжиг, что в какой-то мере может указывать на его ритуальный характер. В двух случаях жертвенники включали развалы неолитических сосудов, но они не могут быть связаны с погребениями в силу планиграфического и стратиграфического расположения.

7. "Жертвенники с костями лошадей".

На мариупольских могильниках они включают, кроме черепов и костей лошади, керамику и другие вещи и непосредственно связаны с погребениями. На стоянке жертвенники (в данном случае название чисто услов-

ное) в слое 2А никакой связи с захоронениями не обнаруживают, они устраивались в толще культурного слоя. «Жертвенники» представляют из себя плотно уложенные кучки передних резцов лошади – от нескольких десятков до нескольких сотен. Часть резцов имеет от 1 до 13 коротких пропилов, выполненных кремневой пилкой с внутренней стороны корня. В одном случае в центре такого жертвенника находился развал неолитического сосуда (рис. 50), а в другом – медная пластина прямоугольной формы с овальным концом (рис. 81, 4). Предмет был обложен несколькими слоями зубов, что полностью исключает его случайное попадание в культурный слой.

8. "Украшения из золота и чистой меди балканского происхождения".

В слое 2 А обнаружен медный предмет, описанный выше. Он имеет два сквозных отверстия и, вероятно, использовался в качестве подвески или в культовых целях (рис. 81, 4). Во всяком случае ни на одном костяном изделии следов обработки металлическими орудиями пока не обнаружено.

К восьми признакам мариупольских памятников, названных И.Б. Васильевым и А.Т. Синюком, следует добавить еще два для прикаспийских памятников Заволжья. Это широкое распространение гребенчатой орнаментации керамики и появление двустороннеобработанных каменных орудий (ножи, разнообразные наконечники стрел и дротиков). И только эти два признака нашли очень малое отражение в материальных комплексах местного неолита. Остальные же мариупольские традиции, как видно из приведенного сравнения, начинают формироваться уже в позднем неолите. Причем большинство из них – в слое 2 А, где еще нет воротничковой и гребенчатой керамики прикаспийского облика и каменных орудий с двусторонней обработкой.

Своеобразный облик керамики из слоя 2А и находка там металлического изделия создали впечатление об относительно позднем возрасте ма-

териалов из этого горизонта. Подобные материалы предлагалось синхронизировать с памятниками мариупольского типа (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. С. 44-45). В данном случае появление металлического предмета не сопровождалось какими-либо принципиальными изменениями в хозяйстве или материальном облике орловской культуры, что еще раз подтвердило «возможность спорадического проникновения извне медных изделий в материалы неолитических культур» (Синюк А.Т., 1988. С. 8). Слой 2А перекрыт верхним слоем с гребенчатой керамикой, причем вполне архаичной, сохраняющей и традиции накольчатой техники орнаментации. Именно гребенчатую керамику следует считать индикатором энеолитического времени в Заволжье. Необходимо подчеркнуть, что воротничковые сосуды с гребенчатой орнаментацией из верхнего слоя не выглядят там инокультурными, а являются итогом развития орловской керамики. Внутренний наплыв трансформируется в воротничок, происходит смена накольчатой техники орнаментации на гребенчатую. Близкая картина наблюдается на Джангаре, где гребенчатая керамика верхней части первого слоя формировалась на основе неолитической (Кольцов П.М., 1988. С. 86-87). При всех изменениях внешнего облика керамики технология ее изготовления остается неизменной – сохраняются те же примеси в тесте глины, способы формовки и обработки поверхности, качество обжига.

Энеолитические инновации – гребенчатая традиция орнаментации керамики, двусторонне обработанные каменные орудия, кварцито-кремневые комплексы орудий – непременно нашли бы отражение в материалах слоя 2А в случае его синхронности с мариупольскими памятниками.

Но гребенчатая керамика и большее количество кварцитовых изделий отмечены только в верхнем слое. С этим же слоем следует связывать обломок кварцитового наконечника стрелы, найденного на поверхности

стоянки, являющегося единственной двусторонней формой среди материалов памятника.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Можно предполагать автохтонность прикаспийских племен, поскольку маловероятно наследование пришельцами культурных традиций в таком объеме, как это прослеживается между орловской и прикаспийской культурами.

2. Культурогенез прикаспийской культуры происходил на основе поздних орловских памятников, но под влиянием лесостепного населения, привнесшего инновации: смену накольчатой керамики гребенчатой и появление каменных орудий с двусторонней обработкой.

Это не отрицает возможности непосредственного проникновения носителей гребенчатой керамики и новых типов каменных орудий в среду степного населения Нижнего Поволжья, что подтверждается рядом своеобразных энеолитических памятников алтатинского типа, в керамическом комплексе которых имеется гребенчатая керамика северного облика (Юдин А.И., 1989б; Черкасова Е.В., 1992).

Традиции гребенчатой орнаментации керамики и широкое использование кварцитовых двустороннеобработанных орудий, хотя и были подготовлены предшествующим развитием материальной культуры (что наблюдается при анализе хронологических горизонтов Варфоломеевки), только с началом энеолита стали характеризовать прикаспийскую культуру Заволжья. Резкая смена накольчатой керамики гребенчатой и появление кварцито-кремневой индустрии в Нижнем Поволжье отмечалась всеми исследователями. Причем на сопредельных территориях, среди культур с накольчатой керамикой переход к гребенчатой традиции орнаментации происходит в достаточной степени постепенно и отмечается повсеместно в позднеэнеолитическое время.

На раннем этапе среднедонской неолитической культуры встречаются единичные фрагменты гребенчатой керамики, а на Черкасской стоянке отмечено 5 % гребенчатой, хотя и "фиксируется безраздельное господство накольчатой керамики" (Синюк А.Т., 1986. С. 62, 80-81). Более широкое распространение гребенчатый штамп получает на втором этапе существования культуры в связи с приходом населения с ямочно-гребенчатой керамикой (Синюк А.Т., 1986. С. 136-142).

На поселении Раздорское 1 на Нижнем Дону гребенчатый штамп и шагающая гребенка появляются в поздненеолитическом слое (II), а в третьем слое с воротничковой керамикой зубчатый штамп доминирует над наколом (Кияшко В.Я., 1987. С. 73-75).

Даже на наиболее близком в культурном плане к Варфоломеевке памятнике – стоянке Джангар в верхнем слое, не содержащем воротничковой керамики, отмечено 1,85 % гребенчатой (Кольцов П.М., 1988. С. 85-86).

Постепенность не фиксируется только в пределах Нижнего Поволжья, в зонах степи, полупустыни и пустыни. Здесь отмечается столь резкий переход к использованию гребенчатого штампа при орнаментации керамики и доминированию кварцевой индустрии. Следовательно, можно предположить, что именно на этой территории в наиболее ярком виде проявился процесс заимствования инноваций с сопредельных территорий. И если регион, откуда пришли традиции гребенчатой орнаментации и двусторонней обработки камня, не вызывает сомнений – лесостепное Поволжье, активные связи с которым явно прослеживаются в неолитическую эпоху, то более сложным остается вопрос о конкретном механизме заимствований, о том, кто являлся носителем этих инноваций.

Формирование прикаспийской энеолитической культуры на основе орловской и, судя по ее территории, поздней сероглазовской происходило практически одновременно с появлением на этой же территории памятни-

ков другой энеолитической культурной ориентации: хвалынской культуры и алтатинского типа. Однако основной период развития и функционирования хвалынских и алтатинских памятников пришелся на более позднее время. Подтверждением синхронности прикаспийского и хвалынского населения может служить древнейшая находка медного изделия на Варфоломеевской стоянке в позднеэнеолитическом слое 2 А, но его связь с хвалынским населением пока определяется чисто теоретически, исходя из того, что в это время в Нижнем Поволжье не было другой металлоносной культуры.

Аналогичная картина отмечена для всех сопредельных регионов регионов степи и лесостепи. Например, для неолитического времени сопредельного с Поволжьем региона – Подонья уже в середине 80-х годов прошлого века было обосновано параллельное существование памятников, которые мы относим к разным эпохам, и введены такие понятия, как “перезжиточноэнеолитическая” и “перезжиточнонеолитическая” культуры для лесостепного Подонья (Синюк А.Т., 1986).

Параллельное развитие неолитических и энеолитических памятников на Украине на протяжении продолжительного отрезка времени (приблизительно от середины VI – до начала III тыс. до н.э.) предложено называть нео-энеолитической эпохой (Телегин Д.Я. и др., 2001. С. 125-130). Сейчас уже очевидно, что такой подход вполне оправдан для неолитических и раннеэнеолитических памятников Нижнего Поволжья, но в других хронологических рамках.

5.2. Культурные процессы в среде энеолитического населения и проблема формирования памятников раннего бронзового века

Культурная ситуация на раннем этапе энеолита

В плане решения поставленных проблем для энеолита Нижнего Поволжья, в первую очередь необходимо в общих чертах рассмотреть этно-

культурную ситуацию на протяжении энеолита в регионе. В отличие от неолита, основная часть характеристики которого базируется на материалах стратифицированных стоянок Варфоломеевка и Джангар, для энеолита в Нижнем Поволжье таких памятников нет, по большей части они либо однокультурны, либо содержат смешанные материалы.

Некоторое исключение составляет многослойное поселение Кумыска на р.Торгун в материалах которого отражается процесс сплава различных культурных традиций и формирования новых на протяжении энеолитической эпохи.

Как уже было представлено в главе 4, керамическая коллекция поселения включает четыре основные группы энеолитической керамики. Принадлежность керамики первой группы (рис. 196, 1-14) энеолитического слоя к прикаспийской культуре не вызывает сомнений. Аналогичная керамика встречается на энеолитических памятниках степного Заволжья (Юдин А.И., 1994. С. 82-83) и южнее, в Северном Прикаспии (Васильев И.Б., 1981. С. 12-14).

Также не вызывает затруднений культурная привязка керамики третьей группы (рис. 198, 1-5, 7, 8). Подобная керамика широко представлена в Хвалынских энеолитических могильниках (Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990) и на ряде поселенческих памятников в Северном Прикаспии (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985; они же, 1988; Барынкин П.П., 1989).

Керамика второй группы (рис. 197, 1-19; 200, 1; 201, 1-7) близких аналогий в Нижнем Поволжье пока не имеет. Можно только отметить совпадение елочной орнаментации части керамики этой группы с орнаментом на известном сосуде из энеолитического погребения 15 кургана 12 в Политотдельском (рис. 170, 1) (Смирнов К.Ф., 1959. С. 267. Рис. 22, 16), плоскодонная форма которого вызвала многие споры относительно его хронологии (Васильев И.Б., 1981. С. 23).

Полностью восстанавливаемых сосудов на Кумыске нет, но, судя по имеющимся фрагментам придонных частей и днищ, керамика второй группы была, в основном, плоскодонной. Учитывая, что керамика второй группы составляет основную массу в энеолитическом слое, именно с ней следует связывать культурное определение всего слоя.

Можно отметить значительное совпадение технико-типологических характеристик – банки и профилированные сосуды, гребенчатая орнаментация и орнаментальные композиции, включающие вертикальную елочку (рис. 197, 1-17), жемчужины, орнаментация среза и внутренней стороны венчика, примесь ракушки в тесте глины – с керамикой токского типа лесостепной зоны Волго-Уральского междуречья (Моргунова Н.Л., 1995, с. 64, рис. 62; 63) (рис. 226, 1-8; 227, 1-12). Правда на Кумыске нет столь характерных для лесостепи горизонтальных зоноразделителей в композициях орнаментов на керамике.

Очень близкие аналогии керамике второй группы Кумыски находят-ся среди керамики основной группы II Большераковской стоянки в лесостепном Заволжье. Например, группа слабопрофилированной керамики с орнаментом по срезу венчика или внутренней стороне на II Большераковской (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991, с. 110, рис. 10, 1-6) сопоставима с такой же керамикой на Кумыске (рис. 197, 1-6, 17). На двух сосудах есть даже пояски ямок-вдавлений под венчиком (рис. 197, 8, 9), совершенно не характерных для степи, и в то же время являющихся ярким индикатором лесостепного энеолита.

Керамика четвертой группы (рис. 199, 1-5) в степном Поволжье также пока не встречена. Сосуды с высокими и хорошо выделенными венчиками изредка встречаются на алтатинских памятниках. Один из таких памятников – поселение Пшеничное – расположен в четырех километрах от Кумыски, выше по р. Торгун (Юдин А.И., 1989). При сравнении коллекций Кумыски и Пшеничного сразу становится видно, что памятники относятся

к разным культурным типам. Различия касаются как керамики, так и каменных орудий. Тем не менее, в комплексе Пшеничного встречен крупный сосуд (диаметр по венчику 27 см) с высоким и резко отогнутым наружу венчиком. Одним из элементов декора является полоса треугольников, заполненных оттисками веревочки; в тесте глины обильная примесь толченой раковины (рис. 178, 3). На всех трех группах керамики Пшеничного отмечены оттиски короткого трех-четырёхзубого штампа на створке раковины (рис. 181, 1-11), который встречен и на керамике четвертой группы Кумыски (рис. 199, 3).

Формы сосудов четвертой группы (рис. 199, 1-5) обнаруживают определенное сходство с материалами энеолитических памятников Нижнего Дона. Это: керамика V и особенно VI-VII слоев поселения Раздорское I (Кияшко В.Я., 1987. С. 75-77. Рис. 2; он же, 1994. С. 30-31. Рис. 6, 4, 7; 7, 1, 3); керамика 1-ой группы Константиновского поселения, где близкие по форме сосуды отличаются способом орнаментации – на Константиновском поселении керамика этого типа украшена, преимущественно, оттисками веревочки (Кияшко В.Я., 1994. Рис. 17, 1, 2; 18, 1; 20), а на Кумыске – зубчатым штампом; керамика 3-ей группы поселения Ливенцовка I (Братченко С.Н., 1969. С. 212. Рис. 2, 2). А.Л.Нечитайло также сопоставляет керамику четвертой группы Кумыски с керамикой нижнего слоя Ливенцовки I (Нечитайло А.Л., 1997. С. 54-56). Некоторые отдаленные параллели можно провести и с керамикой среднестоговского облика Среднего Дона (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Табл. 26, 28), но сосуды Кумыски отличаются несколько более высокими венчиками и иной техникой орнаментации.

Таким образом, из нижнего слоя поселения Кумыска получены материалы позднего неолита и нескольких культур и культурных типов энеолитического времени. Представляется весьма заманчивым на материалах одного памятника на основании типолого-сравнительного анализа выстроить модель развития местного энеолита от его зарождения до финальной

стадии, но стратиграфические данные пока не дают такой возможности. Пока несомненно только более раннее отложение в культурном слое поздне-неолитической, части прикаспийской и орнаментированной шагающей гребенкой керамики.

Для понимания культурных процессов этого времени необходимо еще раз кратко вернуться к стратиграфической и планиграфической ситуации на поселении (рис. 195, 1, 2). Итак, находки нижнего пласта концентрируются вдоль берега реки. Они относятся к неолитическому времени (рис. 108, 1-23), часть каменных изделий имеет довольно ранний облик (в пределах неолитической эпохи), но основная масса каменных орудий и керамика типологически соответствуют верхнему слою Варфоломеевки. Неолитические находки перекрываются раннеэнеолитическими прикаспийскими, причем часть керамики залегает совместно, на одном уровне. Ранее уже говорилось о типологической близости части прикаспийской и поздне-неолитической керамики. На одном уровне с прикаспийской, но в квадратах, удаленных от берега реки, залегала керамика, украшенная шагающей гребенкой. Раннеэнеолитическая прикаспийская и керамика с шагающей гребенкой залегали в нижней части энеолитического слоя. Верхняя половина энеолитического слоя была на порядок сильнее насыщена находками и содержала энеолитическую керамику всех четырех групп плюс фрагменты уникальных сосудов.

Совместное залегание хвалынской, поздней прикаспийской и керамики второй и четвертой групп указывает на сложные культурные процессы, происходившие в это время. Такое сочетание керамики показывает, что материалы Кумыски относятся к тому хронологическому отрезку, когда начинает распространяться традиция шнуровой орнаментации керамики и еще существует традиция воротничкового оформления венчиков. Вторая группа керамики, численно преобладающая над другими, практически не встречается в раннем энеолите и, судя по профилировке и ряду орнамен-

тальных композиций, получает свое дальнейшее развитие на последнем этапе энеолита. Ряд сходных черт в керамике есть на позднейших алтатинских памятниках. В частности, на Пшеничном, содержащем поздний алтатинский материал, отражается воздействие керамики четвертой группы, что проявляется в появлении высоких, раструбовидных венчиков, неизвестных на ранних алтатинских памятниках.

Среди хвалынской керамики выделяется ряд сосудов, являющихся как бы промежуточным звеном между третьей (хвалынской) и второй группами. Они имеют невысокий, отогнутый наружу венчик, в отличие от хвалынских, не валикообразный, а плоский или слегка утолщенный в месте изгиба (рис. 198, 7, 8). По качеству обжига и составу теста сосуды аналогичны хвалынским. Орнамент покрывает сосуды с той же закономерностью, что и хвалынские – кроме тулова еще срез и внутреннюю сторону венчика, но значительно разреженнее.

Вероятно, на этой ступени развития заволжского энеолита происходит сплав и слияние нескольких культурных традиций – поздней прикаспийской, хвалынской и алтатинской. Керамика четвертой группы и керамика, орнаментированная шагающей гребенкой, указывают на существование определенных культурных контактов с сопредельными регионами – нижнедонским и средневожским.

В лесостепном Правобережье Нижнего Поволжья также наблюдается на определенном этапе сосуществование, как минимум, трех культурных энеолитических групп, прослеженных на ряде памятников Прихоперья (Хреков А.А., Юдин А.И., 2003. С. 28-30. Табл. 1) (табл. 18).

Аналогичная картина, когда прослеживается одновременное бытование керамики различных культурных типов, отмечается Н.Л. Моргуновой для лесостепной зоны Волго-Уральского междуречья. Н.Л. Моргунова синхронизирует керамику токского типа (находящую ряд параллелей с со-

судами второй группы Кумыски) с хвалынской и поздней самарской (Моргунова Н.Л., 1995. С. 63 - 65).

О миграциях и культурных диффузиях в энеолитическое время

В настоящее время в регионе известны стоянки прикаспийской культуры, памятники алтатинского и алексеевского типов, грунтовые могильники хвалынской культуры, подкурганые погребения ямно-бережновского типа. Очень сложная этнокультурная ситуация зафиксирована на поселении Кумыска, где отмечена керамика четырех культурных типов, в том числе хвалынская. На южной границе лесостепи исследованы хвалынские и самарские грунтовые могильники. Как минимум три культурных группы известно в лесостепном Прихоперье.

Значительно более пестрая этнокультурная картина энеолита Нижнего Поволжья по сравнению с неолитом объясняется появлением подвижного скотоводческого хозяйства, вызвавшего миграции населения и культурные диффузии.

Реконструируя в целом картину культурной динамики, сразу возникает вопрос о механизме культурных заимствований – это миграции или диффузии? По этому вопросу у исследователей нет единого мнения, и для энеолитических культур предлагаются различные варианты. Несомненно одно – культурное развитие в этот период проходило в тесной связи с аналогичными процессами лесостепи Поволжья.

Этот вопрос основательно разработан И.Б.Васильевым для энеолитических культур Среднего и Нижнего Поволжья. Он отмечает значительные культурные связи с более западными культурами Приазовья и Причерноморья – нижнедонской и днепро-донецкой позднего этапа. Намного меньше связей с населением восточных и юго-восточных областей, но следует учитывать слабую изученность этих регионов. Однако уже есть данные о существовании связей и в этих направлениях. Это кельтеминарский могильник Тумек-Кичиджик в низовьях Амударьи, материалы которого

сравниваются с находками на Съезженском могильнике (Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986. С. 74), а также исследованные на Мангышлаке памятники шебирского типа (Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998), находящие прямые аналогии в материалах хвалынской культуры Поволжья.

Население хвалынской культуры оказало значительное культурное влияние на северные поздненеолитические культуры и, вероятно, способствовала их переходу к энеолиту (волосово, гарино) и появлению скотоводческого хозяйства.

И.Б.Васильев пишет, что в лесостепном Поволжье на раннем и развитом этапах энеолита наблюдается стабильность в развитии, но на позднем этапе она нарушается – с севера на юг по Волге продвинулись племена волосовской культуры, из Приуралья – племена бельского типа и в бассейне р.Самары сформировались памятники токского типа.

В Правобережье Волги появляются памятники алексеевского типа, которые И.Б.Васильев относил к кругу памятников среднестоговского типа. Среднестоговское население вместе с репинским заходит и в Заволжье, а в степи на базе хвалынской культуры складывается древнеямная (Васильев И.Б., 2000, с. 81-84).

Формирование самарской археологической культуры в лесостепном Поволжье также напрямую увязывается с предполагаемыми юго-западными культурными импульсами, по-видимому, из Приазовья, а также со значительным усилением культурных контактов на территории степи и лесостепи Восточной Европы в период перехода от неолита к раннему энеолиту. Эти широкие контакты и привели к сложению мариупольской культурно-исторической области в целом и самарской культуры в частности (Васильев И.Б., 2003б. С. 73).

Наряду с юго-западными и западными культурными импульсами, оказывавшими влияние на развитие населения Нижнего Поволжья, не ме-

нее важными являются культурные контакты с территориями к северу – с племенами лесостепи и леса. Устанавливаются длительные и взаимовыгодные связи, значительно изменившие культурный облик и хозяйство населения лесного мира, а также обогатившие орудийный набор и керамические комплексы степного населения. Так, по данным В.В.Никитина, в развитии энеолите (первая половина IV тыс. до н.э.) фиксируется взаимовлияние лесных и лесостепных культур, которое маркируется отдельными орнаментальными композициями, появлением валика или воротничка на ямочно-гребенчатой керамике Поволжья, проникновением в среду лесостепного населения северных (лесных) орнаментов и фигурных кремней. С другой стороны, отмечается прямое проникновение в левобережье Средней Волги носителей хвалынских древностей на рубеже V-IV тыс. до н.э. (Никитин В.В., 2001. С. 53-54).

Следует сразу сказать, что лесные орнаменты проникают не только в лесостепь, но и намного южнее, через всю степную зону – керамика с типичным северным орнаментом обнаружена на алтатинском поселении Монахов 1 (рис. 186, 7), расположенном на границе современной степи и полупустыни. Керамика с идентичным орнаментом известна и на других алтатинских памятниках – стоянке Алтата (рис. 176, 13), поселении Пшеничном (рис. 178, 6; 182, 2, 3), Первомайской (рис. 187, 12) и Петропавловской (рис. 189, 8, 9, 10, 11) стоянках.

Интенсивность культурных связей хорошо видна на примере формирования памятников русско-азибейского типа, когда на втором этапе развития самарская культура широко распространяется в Волго-Уральской лесостепи вплоть до нижнего Прикамья, оказывая значительное влияние на местную камскую неолитическую культуру с гребенчатой керамикой и привносит производящее хозяйство, новые обряды погребения, формы керамики и орнаменты (Васильев И.Б., 1999. С. 91).

О культурных контактах леса и лесостепи на позднем этапе энеолита пишет Н.В.Овчинникова. В это время фиксируется продвижение финно-угорских племен из лесных районов Поволжья и Приуралья на территорию поволжской лесостепи. В итоге этого продвижения формируются памятники токского типа как результат метисации волосовских, гаринских и местных лесостепных культурных традиций (Овчинникова Н.В., 2001. С. 54-55).

В лесостепи к западу от Волги – в Примокшанье и Верхнем Посурье отмечены контакты с населением мариупольской области (в данном случае – нижнедонским), которое проникло в северные районы лесостепи, а также с хвалынским. Это нашло отражение в керамических коллекциях имеркских стоянок на верхней Суре, среди керамики стоянки Инясево и Шапкинских стоянках в Прихоперье. По мнению А.И.Королева эти культурные связи со степным населением были продолжительными, хотя и не очень интенсивными (Королев А.И. 2000. С. 88-91).

Достаточно существенные культурные связи населения хвалынской энеолитической культуры Нижнего Поволжья предполагаются с Северным Кавказом. Здесь памятники хвалынской культуры сопоставляются с предмайкопским энеолитическим горизонтом (Нальчик, Бамут, Грозный, Комарово, Верхний Акбаш, Веселая Роща и др.) (Васильев И.Б., 2003а. С. 75).

Подобные контакты были характерны также с племенами других степных культур Юго-Восточной Европы, что дало основание ряду исследователей рассматривать европейские степи как зону широких интеграционных процессов энеолитических племен, особенно на последнем этапе энеолита. Эти интеграционные процессы, вызванные естественными природными возможностями и благоприятными условиями жизни человека, способствовали унификации идеологических представлений и появлению идентичных черт в материальной культуре населения от Задунавья до Поволжья и Терека (Нечитайло А.Л., 2002. С. 160).

Данная степная энеолитическая общность, частично захватившая даже степное Приуралье, а возможно и Зауралье (где С.В.Богданов идентифицировал материалы типа Касимча-Суворово), позднее оформилась в «городцовскую» древнеямную культуру (Богданов С.В., 2000а. С. 17).

Широкие культурные контакты степного населения Нижнего Поволжья очень хорошо прослеживаются по материалам памятников, начиная еще с позднего неолита, ярким свидетельством чего является находка медной пластины в слое 2А Варфоломеевской стоянки. Керамические комплексы хвалынской культуры отражают взаимодействие как с населением Северного Кавказа, так и лесостепи Поволжья. Влияние племен лесного культурного мира явно отразилось на керамике алтатинских стоянок. Общеизвестны и еще более показательны связи поволжского населения с культурами степной полосы от Балкан до Урала по многочисленным и информативным материалам Хлопковского и Хвалынских могильников.

*Происхождение керамики с гребенчатой техникой орнаментации
в Нижнем Поволжье*

Отмеченные выше контакты степного населения с северными соседями, раннее проникновение накольчатой керамики в среду населения камской культуры неизбежно вызывали и обратные культурные импульсы, приведшие к появлению гребенчатой орнаментации керамики в степи. В неолитическое время в технике орнаментации керамики из коллекций степных стоянок безраздельно господствовали накол и, в меньшей степени, прочерк. В степном Заволжье первая керамика с гребенчатой орнаментацией появляется только в верхнем слое Варфоломеевки и составляет ничтожную долю процента. Причем гребенкой орнаментирована воротничковая керамика, залегающая совместно с позднейшей неолитической. Такая же картина наблюдается и на стоянке Джангар в Северо-Западном Прикаспии – здесь гребенчатая керамика в очень небольшом количестве появля-

ется в верхнем слое. На другом берегу Волги, в Северном Прикаспии на поздненеолитической керамике тентексорского типа гребенка вообще не встречена.

Совершенно иная картина наблюдалась в лесостепном Поволжье, где гребенчатая керамика, наряду с накольчатой, была широко распространена в развитом неолите. А.А.Выборнов приводит убедительные факты о достаточно раннем проникновении накольчатой техники орнаментации из степи в Среднее Поволжье и вплоть до Нижнего Прикамья. Что же касается гребенчатой керамики, по мнению А.А.Выборнова, вероятно, эта орнаментация имела местное средневожское происхождение. Однако не отрицается возможность того, что техника гребенчатой орнаментации заимствовалась населением развитого этапа средневожской неолитической культуры, синхронным хуторскому периоду неолита Прикамья, а возможно и ранее. То есть, гребенчатая посуда в средневожской культуре – это эволюция лесостепной традиции в сочетании с импульсами из лесного Прикамья на разных этапах развития нео-энеолитического населения (Выборнов А.А., 2002. С. 64-70).

О происхождении гребенчатой керамики с севера косвенно может свидетельствовать то, что самарская культура выглядит достаточно монолитным образованием, и это, по мнению И.Б.Васильева и Н.В.Овчинниковой, говорит о длительном процессе взаимодействия в степи разнокультурных групп населения в эпоху неолита (Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000. С. 223).

Об этом же свидетельствуют более поздние памятники токского типа, где культурное развитие энеолитического населения происходило при явной лесной доминанте. Отмечается, что керамика токского типа близка материалам волосовско-гаринско-борских памятников более северных районов Поволжья и Прикамья, в частности к керамике бельской группы поселений в Приуралье. Близость токских материалов волосовско-

гаринским и отличие их от ямных говорит о северном характере этой культурной группы (Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000. С. 231).

Скорее всего, именно с памятниками токсского типа возможно связывать часть алтатинских орнаментов – гребенка, фигурные наколы, короткие зоноразделители (рис. 189, 2, 8-11).

Гребенчатая керамика составляет основную группу II Большераковской стоянки на р.Сок в самарском лесостепном Заволжье. Сосуды включают примесь толченой раковины, в орнаментации преобладают вертикальные и наклонные оттиски гребенчатых штампов с зоноразделителями. Эта группа керамики сопоставляется: на севере с кругом гаринско-борских памятников; на востоке – находит детальные соответствия в керамических комплексах памятников степного Приуралья, которые выделены в токсский и турганикский культурные типы; на юге – синхронизируется с Алексеевской стоянкой и поселением в Урочище Мартышкино. В степном Заволжье отмечена близость основной группы большераковской керамики с прямостенными и с намеченным венчиком сосудами с монотонной гребенчатой орнаментацией поселения Пшеничного (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991. С. 114-115).

Авторы исследования II Большераковской стоянки П.П.Барынкин и Е.В.Козин считают возможным говорить о существовании особой группы памятников степной зоны с комплексами керамики гаринско-борского облика, включающей кроме II Большераковской, стоянки бассейна р.Самары (Виловатовская, Турганикская, Ивановская, Ст.Елшанская и II Ст.Елшанская, поселение Пшеничное в степном Заволжье, Алексеевскую и Ивановскую стоянки в саратовском Правобережье и объясняют сходство части керамики с комплексами гаринско-борских памятников Вятки и Прикамья их генетической близостью (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991. С. 116).

В данном случае для нас не столь важно является ли традиция гребенчатой орнаментации местной или пришлой в лесостепной зоне Повол-

жья. Главным является сам факт наличия на северной окраине степной зоны значительного массива населения с глубокими традициями использования гребенчатого орнамента, в том числе и шагающей гребенки, которая является наиболее характерной чертой нео-энеолитических культур лесостепного региона (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1995. С. 147).

Украшение сосудов шагающей гребенкой было широко распространено на ранних этапах энеолита как в лесостепном Поволжье (напр.: Васильев И.Б., 1981. С. 89-91. Табл. 4, 6; Моргунова Н.Л., 1986. С. 32, 33. Рис. 2, 2; 4, 6, 7, 10; Овчинникова Н.В., 1995. С. 171-173. Рис. 4-6), так и южнее, в Прикаспии (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1985. С. 60, 61. Рис. 1; 2, 5, 7). На промежуточной территории, в степном Заволжье керамика, орнаментированная шагающей гребенкой, встречается в небольшом количестве почти на всех алтатинских памятниках (рис. 175, 9; 178, 12-14; 186, 1; 187, 5, 11) и среди керамики поселения Кумыска (рис. 197, 13; 200, 5-8).

Таким образом, наиболее вероятным местом заимствования техники гребенчатой орнаментации керамики является территория лесостепного Поволжья. В свою очередь распространение накольчатой техники в лесостепных комплексах Среднего Поволжья определяется как результат культурного воздействия с юга, из Нижнего Поволжья (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. С. 41-55). Постоянные контакты лесостепного и степного населения, вероятно, привели к еще одной степной инновации – технике двухсторонней обработки камня, на чем мы остановимся ниже.

Абсолютное преобладание гребенчатой техники орнаментации керамики отмечается в степи уже с раннего энеолита и на протяжении всего энеолита накольчатый орнамент занимал подчиненное место в украшении керамики.

Формирование прикаспийской культуры

Энеолитическое время в Нижнем Поволжье традиционно начинают с прикаспийской культуры мариупольской культурно-исторической области.

Основные культурные признаки прикаспийских памятников начинают формироваться в недрах неолитической орловской культуры, что хорошо отразилось в материалах слоя 2 А Варфоломеевской стоянки и было подробно рассмотрено выше.

Обнаруженные параллели в поздней орловской и ранней прикаспийской культурах нельзя объяснить сосуществованием на определенном хронологическом отрезке и простым взаимовлиянием. Ранний энеолит Нижнего Поволжья, несомненно, формировался на местной позднеолитической основе. Однако в новой культуре появился ряд инноваций в силу внешних культурных воздействий, как это сейчас уже видно, со стороны лесостепного населения.

Выделение алтатинских памятников в самостоятельный культурный тип и предполагаемое их длительное существование нам представляется особенно существенным в плане попытки решения вопроса о появлении гребенчатой керамики и кварцевой индустрии в раннеэнеолитической прикаспийской культуре. Эти два новых признака по сравнению с позднеолитическим временем создают иллюзию резкой смены населения на рубеже эпох, хотя, как уже было неоднократно замечено существуют черт преемственности по другим признакам.

На севере, в пограничье степи и лесостепи племена прикаспийской культуры соприкасались с самарской культурой лесостепного Поволжья и Волго-Уралья, также входившей в мариупольскую область культур воротничковой керамики.

Установлено, что в сложении самарской культуры принимали участие северное (камское) неолитическое население, местное лесостепное и южное степное неолитическое (Васильев, 2003б. С. 73).

В основу прикаспийской культуры также легли три основных компонента. Два первых компонента - это местное позднеолитическое нижневолжское население орловской и сероглазовской культур. Наследование

комплекса местных неолитических признаков – технологические особенности керамики, своеобразные украшения, переход к макротехнике в обработке камня, появление шлифованных тесел и долот и т.д. – было подробно рассмотрено выше. Картографирование сероглазовских и орловских памятников с одной стороны, и прикаспийских с другой, показывает совпадение территории их распространения (рис. 2 и рис. 143).

Третий, лесостепной компонент выражен значительно слабее, но, тем не менее, прослеживается в орнаментации керамики гребенкой и шагающей гребенкой, которые в данном случае могут иметь только северное происхождение.

Необходимо уточнить, что северные степные районы Саратовской области в энеолитическом плане исследованы очень слабо, поэтому пока нельзя с точностью указать границу между прикаспийской и самарской культурами. Скорее всего, это будет естественная граница степи и лесостепи в энеолитическое время. Однако наиболее вероятным представляется, что четкой границы и не было, а просто по мере приближения к лесостепи в керамических комплексах будет возрастать количество северных признаков.

Однако памятники мариупольской культурно-исторической области Нижнего Поволжья рассматриваются и под другим углом зрения, в значительной степени не совпадающим с первоначальной концепцией И.Б.Васильева. Эта точка зрения наиболее последовательно отражена в работах П.П.Барынкина. По его мнению, говорить о существовании отдельных самарской и прикаспийской культур нет оснований, а в Поволжье от Самарской Луки до Каспия есть только малочисленные комплексы «воротничковой» керамики, составленные «единичными сосудами, и такими же малочисленными наборами каменных изделий, которые ограничиваются набором пластин и концевых скребков».

Культурная доминанта на протяжении раннего и развитого энеолита отдается населению хвалынской культуры, которое существует одновременно с носителями керамики «воротничкового» культурного типа (Барынкин П.П., 2003а. С. 49- 50).

П.П.Барынкин постоянно подчеркивает малую репрезентативность «воротничковых» комплексов, но материалы даже лесостепной зоны За-волжья не подтверждают этого, т.к. ряд стоянок (Ивановская, Турганикская, Токская, Кузьминковская, Лебяжинка III, Чесноковская) включают значительное количество самарской (ивановской) энеолитической керамики. В лесостепи Правобережья, в Прихоперье существует ряд стоянок (Шапкино III, IV, VI; Инясево; Подгорное) с представительными комплексами своеобразной керамики мариупольского облика, на которой отразился сплав местных и степных традиций (рис. 211, 1-17; 212, 1-8). Эти материалы наглядно показывают существование мощного, культурно сложившегося пласта мариупольских «воротничковых» памятников, имеющих свои территориальные особенности. Если «воротничковые» комплексы были малочисленны, то как самарская культура могла оказать существенное влияние на формирование более северного лесного энеолита (Васильев И.Б., 2000. С. 82) в результате которого сложились памятники русско-азибейского типа в Нижнем Прикамье и агидельская культура в Приуралье? П.П.Барынкин появление воротничковых комплексов в Приуралье связывает с хвалынскими племенами из степной зоны, а съезженскому населению отводится минимальная роль, что обосновывается их малочисленностью как в степи, так и в лесостепи. Сам же процесс культурного проникновения носит диффузионный характер с весьма ограниченным проникновением инокультурного населения (Барынкин П.П., 2001. С. 39).

Близкой точки зрения придерживается С.В.Богданов. Он считает, что в раннем энеолите степного Приуралья существовали синхронно две линии культурного развития – хвалынская и съезженская. По его мнению,

воротничковая керамика Ивановской и Турганикской стоянок скорее относится не к особой «самарской» культуре, а к одной из локальных групп памятников хвалынско-бережновского типа (Богданов С.В., 2004. С. 224). Таким образом, в лесостепном и степном Волго-Уралье культурная доминанта в раннем энеолите признается за хвалынской культурой, а памятники мариупольского круга не играли существенной роли в этногенетических процессах энеолитического времени.

Однако для степей Нижнего Поволжья культурная картина раннего энеолита представляется несколько иной. Лесостепь – это контактная зона двух культурных миров, здесь всегда происходила культурная метисация лесного и степного населения и «чистые», однокультурные комплексы здесь весьма редки. Культурный генезис лучше рассматривать в степи, где однокультурные памятники, по которым можно составить облик археологической культуры, встречаются чаще.

В самом южном регионе Нижнего Поволжья – полупустынях и пустынях Северного Прикаспия – памятники прикаспийской культуры с сохранившимся культурным слоем, скорее исключение (Курпеже-Молла), чем правило. И если характеризовать прикаспийскую культуру только на их основе, то тогда следует согласиться с мнением П.П.Барынкина о малой репрезентативности «воротничковых» комплексов. Но совершенно иная картина наблюдается в степной зоне Заволжья, где имеется ряд памятников с культурным слоем, в т.ч. «чистые» комплексы без каких-либо признаков наличия хвалынских материалов. На прикаспийских памятниках Заволжья пока не встречены прямые следы контактов разнокультурного населения, как, например, на Большераковской II стоянке на р.Сок в лесостепном Заволжье, где известна позднеэнеолитическая и хвалынская керамика с самарским орнаментом (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991, с. 101, рис. 4, 1, 3, 4) (рис. 223, 1, 3, 4).

Коллекции прикаспийской керамики из степной зоны немногочисленны, но это объясняется небольшой вскрытой площадью на памятниках, которых насчитывается только в степной зоне свыше полутора десятков.. Сами памятники зачастую имеют мощный культурный слой, отложившийся именно в прикаспийское время. На поселении Орошаемое исследовался культурный слой мощностью до 1,2 м, на стоянке Кузнецово 1 – до 0,8 м в котловане жилища, на стоянке Озинки 1 – 0,6 м.

Памятники прикаспийской культуры с воротничковой керамикой наследуют значительную часть местных поздненеолитических признаков, сложение же культуры проходило не без участия более северного, лесостепного населения и нет ничего странного в том, что чем ближе к побережью Каспия, тем меньшее количество памятников было оставлено прикаспийским населением. К тому же следует учитывать природно-географический фактор, в силу которого в Северном Прикаспии не всегда были благоприятные условия для обитания населения и оно не могло находиться там круглый год.

Появление наиболее характерной черты мариупольской керамики – воротничка на венчике – также не следует связывать с территорией Нижнего или Среднего Дона (Барынкин П.П., 2003 а. С. 8). На примере Варфоломеевской стоянки хорошо видна эволюция внутреннего напыла в воротничок по схеме: венчик с внутренним напылом и орнаментом с обеих сторон → венчик с внутренним напылом, воротничком и орнаментом с обеих сторон → венчик с воротничком и орнаментом с обеих сторон → венчик с воротничком и орнаментом только с внешней стороны. То есть, состояние источников на данный момент позволяет с большой степенью вероятности говорить о конвергентности возникновения этого признака.

Таким образом, мы можем констатировать, что культурогенез прикаспийской культуры происходил на местной поздненеолитической основе при активном участии лесостепного населения. Прикаспийские памятники

локализуются на территории сероглазовской и орловской культур, имеют значительные культурные отложения, свидетельствующие о длительном периоде бытования в рамках энеолитической эпохи.

Формирование памятников алтатинского и алексеевского типов

Стоянка Алтата, давшая название типу энеолитических памятников, первоначально рассматривалась в одной культурной группе с алексеевскими. Однако по мере накопления новых полевых материалов, несмотря на ряд общих признаков в керамике, все же стало очевидно культурное различие между лесостепными алексеевскими и степными алтатинскими стоянками, что дало основание выделить алтатинский тип памятников (Юдин А.И., 1989б. С. 148-167; он же, 1995. С. 11-12). Происхождение алтатинских памятников связывается с местными позднеэнеолитическими племенами, а также с населением лесного культурного мира и культурным влиянием нижнедонского населения.

В материалах памятников алексеевского типа отчетливо прослеживаются черты поздней среднестоговской и репинской культур (расчесы на поверхности сосудов, желобчатые венчики, шнуровой и гусеничный орнамент). Часть алексеевской керамики украшена елочным орнаментом с чередованием оттисков длинного и короткого гребенчатого штампа, что наиболее характерно для лесных культур неолита-энеолита, а такие признаки, как рыхлая структура, примесь толченой раковины в тесте глины, загнутые внутрь и грибовидные венчики находят параллели в волосовской керамике. Всегда отмечается, что памятники алексеевского типа, занимающие лесостепную зону, сочетают в себе южные степные черты и северные лесные (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С. 62; Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000. С. 238).

П.П.Барынкин и Е.В.Козин, как уже говорилось выше, в материалах и Алексеевской стоянки и алтатинского поселения Пшеничное выделяют керамику гаринско-борского облика. Аналогичная керамика составляет

основу керамического комплекса II Большераковской стоянки в лесостепном Заволжье. На поселении Пшеничном к керамике гаринско-борского облика они относят прямостенные и с намеченными венчиками сосуды, украшенные горизонтальной гребенкой. Керамика с желобчатыми венчиками сопоставляется с 5-7 слоями Раздорского I поселения на Нижнем Дону (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991. С. 114-115). Таким образом, и в этом случае исследователи в материалах самого представительного алтатинского памятника отмечают северные лесные черты и южные степные.

После раскопок поселения Русское Труево 2 на Верхней Суре, В.В.Ставицкий отнес его, а также поселение Старая Яксарка у одноименного села в Шемышейском районе Пензенской области, к памятникам алтатинского типа. Хронологическое положение последнего долгое время оставалось неопределенным (Ставицкий В.В., 2002. С. 93, 94). К сожалению, керамический комплекс Старой Яксарки немногочислен и невыразителен. В нем нет характерных алтатинских форм и орнаментов (Зими́на М.П., 1980. С. 58. Рис. 1, 1-16), а в тесте глины вместо примеси толченой раковины отмечена растительная примесь. Более сопоставим с алтатинским комплексом каменных орудий – наконечники, ножи, скребки, три четверти которых были изготовлены из кварцита (Зими́на М.П., 1980. С. 58-61. Рис. 3).

Если говорить о комплексе поселения Русское Труево 2, то он также не вполне отвечает всем технико-типологическим показателям алтатинских памятников Заволжья, хотя по ряду параметров очень близок к ним.

При сравнении комплексов каменных орудий сразу заметна разница в выборе сырья. На Русском Труево 2, при преимущественном использовании кварцита, орудия из кремня составляют ок. 27 %. В степной зоне Поволжья на некоторых стоянках прикаспийской культуры доля кремневых изделий может снижаться и до 15%, но даже в этом случае алтатинские комплексы визуально легко отчленяются от других неолитических и энео-

литических, так как кремневые изделия в них составляют всего от 1 до 8%.

В качестве первичной заготовки в Русском Труево 2 и алтатинских стоянках использовался преимущественно отщеп. Совпадает набор категорий орудий, где основу составляют скребки, ножи, наконечники стрел и дротиков. Но в Русском Труево 2 основная часть наконечников имеет хорошо выраженный черешок различной формы (Ставицкий В.В., 2002. С. 95, рис. 2, 1-8, 11-14, 17-20), тогда как на алтатинских памятниках абсолютное большинство наконечников имеет прямое усеченное или с выемкой основание, а черешковые наконечники встречаются намного реже. Скребки, наиболее многочисленная категория орудий, на алтатинских памятниках намного разнообразнее. В Русском Труево 2 нет одного характернейшего для алтатинских комплексов типа скребков - с зеркальным расположением лезвий, т.е. когда рабочие лезвия расположены по двум сторонам скребка – но одно с брюшка, а другое со спинки (рис. 183, 26, 28-32).

С керамикой параллелей меньше. Из трех основных форм алтатинской керамики – с выраженной шейкой и желобчатым венчиком, прямостенные и профилированные – на Русском Труево 2 в основном представлена третья форма, то есть профилированные сосуды. С полной уверенностью с алтатинскими можно сопоставить фрагменты сосуда с желобчатым венчиком (Ставицкий В.В., 2002. С. 102. Рис. 7, 4). Конечно, следует учитывать относительно небольшое количество керамики с Русского Труево 2, но, тем не менее, для алтатинской керамики характерна раковинная, а не органическая примесь, более широкое использование гребенчатого штампа, более плотная постановка орнамента и его геометризм, что не отмечается на труевской керамике. Кроме того, как было показано выше, одной из отличительных черт алтатинского керамического комплекса является

наличие неолитических (степных или лесостепных) признаков в орнаментации.

То есть, при ряде совпадающих признаков, налицо и местное своеобразие сурских памятников алтатинского облика. Возможно, это один из примеров конвергенции, когда на разное в своей основе энеолитическое население оказывали культурное воздействие одни и те же внешние силы, а возможно, как полагает В.В.Ставицкий, это результат генетического единства. Различия он объясняет хронологическими и территориальными причинами: присурские памятники, вероятно, бытовали в более позднее время и к тому же расположены они значительно севернее основной группы алтатинских.

Как аргумент в пользу более поздней хронологической позиции Русского Труево 2 В.В.Ставицкий приводит находки асимметричных стрел, близких к флажковым Константиновского поселения, датируемых там Трипольем С 1 – первая четверть III тыс. до н.э. (Ставицкий В.В., 2002. С. 94).

По мнению В.В.Ставицкого на алтатинских сосудах с гребенкой фиксируется не лесостепное влияние, а влияние керамики токского и турганинского типов, на которой эта орнаментация появилась под влиянием более северной камской. Отсюда следует вывод, что лесостепное население Самарского Заволжья могло принять участие в формировании памятников алтатинского типа не ранее, чем на втором ивановско-токском этапе существования самарской культуры. Но непосредственного перемещения населения в степь не было, наоборот степное население переселялось на север и к тому же для лесостепного населения всегда была характерна пластинчатая техника обработки камня (Ставицкий В.В., 2002. С. 97). Однако последнее утверждение не совсем верно. По данным Р.С.Габяшева с накольчатой керамикой приустьевой части Камы орудий на пластинах встречено всего 32,7%; в комплексах с гребенчатой керамикой того же региона

орудия на пластинах составляли 19,7%; в усть-камских комплексах со смешанными накольчато-гребенчатыми комплексами – 27,2% и только на памятниках с гребенчатой керамикой Икско-Бельского междуречья орудия на пластинах превышают половину от общего числа – 58% (Габяшев Р.С., 2003. С. 128). Более того, несмотря на то, что каменные комплексы местных неолитических групп сформировались на основе пластинчатого мезолита, сочетание пластинчато-отщеповой техники обработки камня в Нижнем Прикамье объясняется влиянием более южных культур с развитой пластинчатой индустрией (Габяшев Р.С., 2003. С. 126). То есть культурные контакты существовали, пластинчатая техника связывается со степным влиянием, соответственно, с этими же процессами можно связывать появление отщеповой техники в степи.

По В.В.Ставицкому, широкое использование кварцита, пластинчатость, формы наконечников стрел и дротиков, формы керамики и само происхождение алтатинских памятников следует связывать со смещением части населения среднестоговской культуры на территорию Заволжья, где оно, вероятно, вступает в контакт с населением самарской культуры, на ее втором этапе развития (Ставицкий В.В., 2002. С. 101). С ним можно согласиться, но только в плане части керамических форм, особенно с резко отогнутым, желобчатым венчиком, не находящих даже отдаленных аналогий в лесостепном мире. Однако аналогичная керамика имела широкое бытование на Нижнем Дону, а культурные контакты нижнедонского и нижневолжского населения достаточно отчетливо прослеживаются еще с неолитического времени (Юдин А.И., 2000. С. 47-49). Что же касается сложения алтатинских памятников, то западный импульс, вероятно, более справедлив применительно к лесостепной зоне, но не степи, так как алтатинские памятники очень сильно отличаются по культууроопределяющим признакам от всех лесостепных и включают черты южных, степных культур.

В.В.Ставицкий отмечает донское влияние в комплексе стоянки самарской культуры Лебяжинка III на основании наличия асимметричных наконечников стрел и наконечника с черешком в виде рыбьего хвоста. В то же время отмечается, что сходство каменных орудий Лебяжинки III и Русское Труево 2 свидетельствует об обратном влиянии самарских культурных традиций на алтатинские. Последнее замечание для нас кажется особенно интересным, так как это влияние в заволжских степных памятниках ярко проявилось в орнаментике керамики. Например, полосы шагающей гребенки, столь характерные для Лебяжинки III (Овчинникова Н.В., 1995. С. 171-173. Рис. 4-6) (рис. 228; 229, 1, 4, 5; 230, 1, 6), встречаются на алтатинских.

Но особенно показательным, что на алтатинских и Лебяжинке III совпадают наборы категорий каменных орудий и доминирует отщепная техника получения заготовки. Алтатинские стоянки выделяются среди других нижневолжских энеолитических памятников абсолютным преобладанием кварцита среди остального каменного сырья, а на Лебяжинке III среди всех каменных находок кварцитовые составляют около 40%, правда, орудия из кварцита единичны. Количественное распределение орудий по категориям практически не отличается от алтатинских памятников (Овчинникова Н.В., 1995, с. 188, табл. IV), где также преобладают скребки, ножи, наконечники дротиков и стрел. На последних необходимо остановиться подробнее.

Наконечники стрел степных, но не алтатинских, памятников в значительной степени отличаются от лесостепных. В прикаспийской культуре они представлены подтреугольными или листовидными формами с прямым или выемчатым основанием (рис. 149, 7, 8; 153, 15), в одном случае с черешком, близком к типу «рыбка» (рис. 149, 5). В хвалынских памятниках известны наконечники стрел вытянутой подтреугольной формы с прямым (рис. 166, 12) или слегка выемчатым основанием (рис. 166, 15), а также на

пластинах с частичной подработкой поверхности и, в одном случае – флажковидный на Хвалынском I могильнике (рис. 160, 37).

Наиболее разнообразны и многочисленны находки наконечников стрел среди каменных изделий алтатинских комплексов: листовидные и подтреугольные с прямым основанием (рис. 185, 5, 2); овальной формы (рис. 185, 20); с вытянутым насадом (рис. 186, 13, 14); с намечающимся черешком (рис. 177, 2; 185, 9); черешковый наконечник (рис. 185, 6); флажковидные (рис. 185, 10; 188, 14); с асимметричными (рис. 185, 15) и выемчатыми основаниями (рис. 185, 18, 19, 21). Нетрудно заметить, что комплекс наконечников стрел с алтатинских стоянок, включает как северные, лесостепные типы, находящие аналогии на Лебяжике III (овальные, с асимметричным основанием, с вытянутым насадом) (рис. 231, 1-23), так и чисто степные.

Среди всех памятников степной зоны Юго-Восточной Европы наибольшая коллекция наконечников стрел происходит с Константиновского поселения на Нижнем Дону – почти семьсот экземпляров. Все они рассмотрены в специальной работе (Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н., 2000), ряд выводов которой представляет несомненный интерес в плане сравнения с алтатинскими памятниками, на которых также находки наконечников стрел более часты по сравнению со стоянками других энеолитических культур. Подтреугольные наконечники стрел с прямыми основаниями принято связывать со среднестоговскими племенами, а флажковидные имеют наибольшее распространение на Нижнем Дону и памятниках майкопского круга, в то время как черешковые наконечники («с сильно выделенным черешком»), встреченные на Константиновском поселении в двух экземплярах, обнаруживают аналогии в Южном Приуралье (Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н., 2000. С. 242-243). Все три перечисленных типа наконечников стрел обнаружены на алтатинских памятниках, что показывает широкие культурные связи алтатинского населения. Эти связи нашли отраже-

ние и в керамическом комплексе, сочетающем в себе местный компонент, плюс керамика лесостепного и нижнедонского облика.

Причем контакты населения Поволжья и Нижнего Дона не были эпизодическими, что видно по представительной коллекции наконечников стрел поселения Кумыска, где также встречены нижнедонские и нижневожские степные и лесостепные типы наконечников стрел, в том числе и флажковидные (рис. 207, 10, 12, 15, 20; 208, 13).

Совершенно иная картина наблюдается на Алексеевских стоянках. Алтатинские и алексеевские памятники обнаруживают определенную близость между собой в той части керамики, где отражается северное культурное влияние, но совершенно несопоставимы по каменному инвентарю. К сожалению, мы практически не имеем чистых комплексов алексеевского типа, происходящих из неразрушенного культурного слоя, но и по имеющимся коллекциям каменных изделий (рис. 210, 20-53) видно качественное отличие от алтатинских материалов. Здесь преобладают орудия из кремня, шире номенклатура орудий, наконечники стрел не находят южных, нижнедонских аналогий, нет подтреугольных наконечников и с выемчатыми основаниями. По всему комплексу признаков видна бóльшая культурная ориентированность на лесостепь, в отличие от Алтаты – чисто степного явления. Правомерность культурного разграничения алтатинских и алексеевских памятников подтверждает их географическая локализация: линия разграничения пришлась на границу степи и лесостеп; все степные памятники в Заволжье и степном Волго-Донье оказались по комплексу признаков алтатинскими, а лесостепные – алексеевскими. Соответственно и «алтатинские» памятники, исследуемые на территории Пензенской области следует сопоставлять с алексеевскими, где комплекс северных черт проявляется более отчетливо. В комплексах алтатинской керамики нашло отражение влияние северных, гребенчатых традиций орнаментации, а также нижнедонские культурные влияния. Репинский компонент проявился здесь

менее всего, что видно даже по отдельным фрагментам репинской керамики с территории Нижнего Поволжья, которые по составу теста, способам обработки поверхности, технике орнаментации практически не находят параллелей в алтатинской керамике.

На всем протяжении нео-энеолитической эпохи в Нижнем Поволжье доминируют меридиональные связи и перемещение населения происходило вдоль Волги начиная с мезолитического времени.

Лесостепное население Среднего Поволжья в неолитическое время в силу своего расположения между двумя культурными мирами – лесным и степным – аккумулировало и сплავило себе культурные черты обоих миров. Контакты степных и лесостепных племен отражаются в керамике, начиная с раннего этапа средневожской неолитической культуры (или второго этапа волго-уральской). Наиболее активное воздействие степного населения орловской культуры на северных соседей отмечается в конце развитого (второго) периода и это отчетливо прослеживается по керамике с накольчатым орнаментом и раковинными примесями. Но на заключительном, третьем этапе средневожской культуры в орнаментации керамики уже господствует техника гребенчатой орнаментации керамики как следствие усилившихся культурных контактов с лесными позднеэнеолитическими племенами.

Не исключено, что культурные контакты могли сопровождаться некоторыми перемещениями населения в южном направлении за пределы лесостепи, что отразилось в появлении керамики камского облика на памятниках не только степи, но и современного пограничья степи и полупустыни (рис. 186, 7). Северный, лесостепной культурный комплекс стал одним из компонентов сложения памятников алтатинского типа. Памятники алтатинского типа – это результат слияния автохтонных и пришлых культурных традиций, не только из поволжской лесостепи, но и с территории

Нижнего и Среднего Дона, что маркируется керамикой с желобчатыми венчиками.

Абсолютное преобладание гребенчатой техники орнаментации степной керамики отмечено с раннего энеолита. Накольчатый орнамент сохранялся, но занимал подчиненное место в украшении керамики. Следовательно, начало сложения гибридных гребенчато-накольчатых комплексов алтатинской керамики должно относиться к финалу неолита, так как позднее уже не существовало населения-носителя накольчатой керамики. Следует согласиться с В.В.Ставицким, что наиболее благоприятный период для формирования комплекса алтатинской керамики – это второй, ивановско-токский этап развития самарской культуры в лесостепи (Ставицкий В.В., 2002. С. 97). Здесь нет никакого противоречия относительно финала неолита, так как, судя по всему, он и приходится как раз на конец первого, съезженского этапа самарской культуры, то есть, позднеэнеолитические и раннеэнеолитические памятники какое-то время сосуществуют, что будет рассмотрено ниже. Причем накольчатая керамика алтатинских стоянок имеет в своей основе лесостепные наколы, отличающиеся меньшей глубиной и большей разреженностью. Типично орловская орнаментация встречается редко.

Орнамент гребенчатой алтатинской керамики хорошо сопоставляется со средневожским неолитическим, особенно показательны сосуды, украшенные коротким изогнутым штампом (рис. 181, 1-11) и длинным гребенчатым штампом с разделителями в виде насечек (рис. 178, 6; 182, 3).

Контакты с южными территориями проявились в керамике с отогнутыми желобчатыми венчиками, находящей аналогии на Раздорском I поселении в четвертом (Кияшко В.Я., 1994. С. 92. Рис. 6, 9) – седьмых слоях и где с пятого слоя отмечен переход на отщепную технику обработки камня (Кияшко В.Я., 1994. С. 29-30).

Северные импульсы продолжались и в позднем энеолите. Не случайно время существования стоянки Алтаты, пока не появились более представительные комплексы, определялось разными исследователями от неолита до позднего энеолита.

При всем отмеченном единстве технико-типологических признаков в керамическом комплексе алтатинских памятников обнаруживаются и некоторые различия хронологического порядка, когда на одних стоянках (Петропавловка) преобладает керамика с неолитической техникой орнаментации (рис. 189, 1-11), а на других (Пшеничное) – с ярко выраженным желобчатым венчиком и включающая отпечатки веревочки в качестве одного из элементов украшения (рис. 178, 3, 8; 180, 1-9). Это предполагает достаточно длительное существование алтатинских памятников в рамках энеолитической эпохи. В настоящее время в нашем распоряжении нет достоверно раннеэнеолитических алтатинских коллекций, но сложение керамического комплекса с сохранением явно неолитических признаков по всей логике могло произойти только в конце неолитической эпохи.

Алтатинские памятники, возможно, отражают этапы «вливаний» инокультурного населения в степь на протяжении энеолита.

Достаточно раннюю хронологическую позицию части алтатинских памятников определяет находка фрагментов хвалынской керамики совместно с алтатинской в нижней части культурного слоя стоянки Алтата (раскопки Н.М.Малова в 1989-90 гг.). Это позволяет отнести начало функционирования стоянки, как минимум, к середине IV тыс. до н.э. – вероятной верхней дате хвалынских памятников. Но не исключена возможность синхронизации алтатинских и хвалынских памятников на значительном хронологическом отрезке, так как в нашем распоряжении имеется еще более ранняя радиоуглеродная дата, полученная на стоянке Ветёлки, обнаруженной Ю.А.Лаврушиным близ плотины Варфоломеевского водохранилища на р.М.Узень, – 5790±80 лет назад (ГИН 6554), что в целом показывает не-

сколько более раннюю хронологическую позицию по сравнению со вторым этапом позднего неолита (слой 2А Варфоломеевской стоянки), для которого некалиброванные даты укладываются в промежуток от 5430±60 л.н. (Ки 3589) до 5220±50 л.н. (Ки 3596).

Проблема сложения хвалынской культуры

Проблема происхождения хвалынской культуры представляется более сложной, так как в местных неолитических и раннеэнеолитических памятниках пока не обнаружены материалы, которые достоверно могли бы являться субстрактной основой для хвалынской культуры.

И.Б.Васильев считал хвалынскую культуру автохтонной, сложившейся на территории степного и южного лесостепного Поволжья на основе двух культур мариупольской области – самарской и прикаспийской. Данное утверждение основывалось на сравнении погребального обряда и инвентаря эталонных могильников самарской и хвалынской культур – Съезженского и Хвалынского I, которые действительно имеют многие общие черты, правда значительная часть их (грунтовые могильники без внешних признаков, наличие охры в погребениях, бусы, пронизки и подвески из раконы, крупные ножевидные пластины, примесь толченой глины в керамическом тесте) широко распространена и на могильниках других степных культур юго-восточной Европы. По мнению И.Б.Васильева, все различия в обряде и инвентаре могильников отражают их хронологическое соотношение, генетическая преемственность между мариупольским и хвалынско-среднестоговским населением прослеживается только в Поволжье, а формирование среднестоговской культуры проходило под постоянным давлением хвалынской (Васильев И.Б., 1981. С. 34-42).

Хвалынская культура занимала территорию бытования предшествующих самарской и прикаспийской культур, но значительно превышала территорию Нижнего Поволжья, занимая большую часть степного Волго-Уральского междуречья, пески Северного Прикаспия, южную лесостепь, а

на северо-западе вклинивается в лесную зону. После исследования памятников шебирского типа на полуострове Мангышлак (Астафьев А.Е., 1989; Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998) И.Б.Васильев согласился с мнением авторов раскопок, что племена хвалынской культуры, сформировавшейся в степном и лесостепном Поволжье, заселили и территорию Восточного Прикаспия (Васильев И.Б., 2003а. С. 62).

Сами исследователи памятников шебирского типа на полуострове Мангышлак не связывают их происхождение с местными культурами неолита и энеолита, а происхождение керамических орнаментов ищут далеко за пределами хвалынской ойкумены. Предполагается, что в конце V тыс. до н.э. или ранее из балкано-дунайской земледельческо-скотоводческой зоны в Поволжье перемещается какое-то население, выступающее носителем традиций дунайско-древневосточной культурной зоны. Взаимодействие этих мигрантов и автохтонного населения постепенно привело к формированию хвалынской культуры. В Поволжье пришлое население балкано-дунайского происхождения связывается с прикаспийскими стоянками, на которых обнаружена воротничковая керамика с ленточно-меандровой орнаментацией и кремнево-кварцевой индустрией (Астафьев А.Е., Баландина Г.В., 1998. С. 153-156).

Однако по мере исследования шебирских памятников, часть исследователей стала связывать происхождение хвалынской культуры именно с ними. Еще до широкого исследования шебирских памятников, П.П.Барынкин на основании сочетания двусторонне обработанных наконечников и геометризованных микролитов хвалынских стоянок Северного Прикаспия сопоставлял их с Восточным Прикаспием (Джебел, III слой), а также с памятниками Северного Кавказа на основании наличия ряда категорий каменных изделий: микропластин-вкладышей, прямоугольника, пластин с притупленным краем и выделенной головкой (Барынкин П.П., 1992. С. 15).

Что же касается ареала Северного Прикаспия, где известны хвалынские поселения с толщиной культурных напластований до 1 м, то связь с местным неолитом здесь не прослеживается и ограничена только наличием пластинчатой техники раскалывания камня. Остальные различия в комплексах керамики и каменных артефактов существенны и отражают отсутствие генетических связей между неолитом и энеолитом (Барынкин П.П., 2003а. С. 49).

О наличии или отсутствии преемственности между мариупольскими и хвалынскими памятниками единого мнения пока нет, что вызвано, в первую очередь, спорами о хронологическом соотношении этих культурных типов памятников. Однако при сравнении двух могильников – Съезжего и Хвалынска – параллели по инвентарю обнаруживаются только в украшениях, крупных ножевидных пластинах и теслах при существенной разнице в керамике и основных культуuroопределяющих признаках погребального обряда.

Более сопоставимы между собой комплексы каменного инвентаря прикаспийских и хвалынских поселений. Их объединяет пластинчатая индустрия, сочетание микро- и макротехники, кремнево-кварцитовое сырье. Набор основных категорий орудий близок по составу: скребки различных типов, пластины с ретушью, перфораторы, наконечники стрел и дротиков с двусторонней обработкой. Основные различия касаются каменного сырья. На прикаспийских памятниках из кварцита изготовлено 55-85% орудий, а на хвалынских – 12-33%.

На примере керамики Большераковской II стоянки на р.Сок П.П.Барынкин считает, что имеющаяся там хвалынский сосуд с «воротничковой» орнаментацией (рис. 223, 4) является результатом реального взаимодействия носителей этих культурных комплексов. Аналогичную картину взаимосвязи воротничковой и хвалынской посуды по орнаментации

ции отмечена им также на керамике комплекса слоя 3 Раздорской I стоянки (Барынкин П.П., 2003б. С. 4-5).

П.П.Барынкин согласен с мнением А.Е.Астафьева и Г.В.Баландиной о балкано-древневосточных корнях происхождения «воротничкового» орнамента, но не согласен, с тем, что генезис хвалынской культуры произошел на основе «воротничкового» культурного типа, носители которого принесли его в степи Поволжья, так как, по его мнению, хвалынский и воротничковый комплексы синхронны, и это сужает время контактов с земледельцами Триполья (П.П.Барынкин П.П., 2003б. С. 4-10).

По мнению Н.Л.Моргуновой в лесостепи в энеолитическую эпоху доминировали племена самарской культуры, в то время как в степи прикаспийскую культуру раннего энеолита сменяет хвалынская и вступает в контакты с самарской на втором (ивановско-токском) этапе ее развития. Прикаспийская культура формируется при активном взаимодействии с самарской, а вопрос о происхождении хвалынской культуры не может быть решен окончательно, так как хвалынская культура генетически не связана с прикаспийской (Моргунова Н.Л., 1995. С. 70-72).

Точку зрения А.Е.Астафьева и Г.В.Баландиной о миграции носителей черт хвалынской культуры из балкано-дунайской земледельческой зоны не поддерживает В.В.Ставицкий и полагает, что наиболее ранние памятники хвалынской культуры появились на территории Восточного Прикаспия, на полуострове Мангышлак, то есть происхождение хвалынской культуры связывает с памятниками шебирского типа.

Он присоединяется к точке зрения С.В.Богданова о северомесопотамских прототипах отдельных категорий хвалынского инвентаря и об их корреляции с материалами раннеэнеолитических памятников Центрального и Северного Кавказа. Однако на материале имеющихся источников для проблемы происхождения хвалынской культуры однозначного решения нет.

В отличие от П.П.Барынкина, синхронизирующего хвалынские и сарматское («воротничковые комплексы»), В.В.Ставицкий отдает хронологический приоритет сарматской культуре на территории лесостепи. По его мнению, первоначально хвалынское население обитало только в степных районах Прикаспия, и в это время шел процесс параллельного развития сарматской культуры первого этапа в более северном, лесостепном регионе. В.В.Ставицкий особо подчеркивает, что местное население уже до прихода хвалынцев испытало воздействие сарматов, и приводит ряд конкретных примеров. Перемещение части хвалынских племен в северном направлении связывается с ухудшением природно-климатических условий в результате аридизации климата (Ставицкий В.В., 2003. С. 59).

На наш взгляд, наиболее аргументированные данные о появлении хвалынского населения в Нижнем Поволжье приводит И.В.Горащук. Обработав коллекции каменных артефактов двух опорных стоянок хвалынской культуры в Нижнем Поволжье (Каир-Шак VI и Кара-Худук) и Гундоровского поселения в Среднем Поволжье, он пришел к весьма интересным выводам. Основой технологии производства орудий в хвалынской культуре было получение крупных ножевидных пластин. Техника двусторонней обработки пластин «предстает в неразвитом виде», что свидетельствует о заимствовании этой техники. Кроме того, шлифованные орудия (исключительно обломки и сколы с готовых форм), в отличие от остальных, не изготавливались на стоянке, а являлись импортом.

И.В.Горащук указывает на полную идентичность поволжских хвалыньских пластинчатых комплексов каменных орудий с комплексами памятников шебирского типа на полуострове Мангышлак, но при этом в мангышлакских комплексах полностью отсутствуют двустороннеобработанные и шлифованные орудия. То есть, происходит нарастание признака, который отсутствует на Мангышлаке и появляется по мере продвижения на северо-восток в Поволжье. Отсюда делается предположение, что хва-

лынское население приходит в Поволжье с территории Мангышлака. Но исследователи шебирских памятников – А.Е.Астафьев и Г.В.Баландина – уверены в отсутствии местных неолитических корней шебирских стоянок и, в свою очередь считают, что шебирские племена пришли на Мангышлак с северо-запада. Для разрешения этого противоречия И.В.Горащук определяет истоки самой характерной технологической особенности производства каменных пластин – прием усиленного отжима. Среди нескольких технологий усиленного отжима (вместе с сочетанием простого отжима и изготовлением пластин непосредственно на стоянке) наиболее близкой к шебирско-хвалынской оказалась технология памятников Передней Азии. Более того, некоторые орнаментальные композиции шебирской керамики находят прямые аналогии в росписях керамики поселения Сиалка 2 Иранского плато и Джейтун в Таджикистане (И.В.Горащук, 2003. С. 118-125). И.В.Горащук реконструирует возможный процесс сложения хвалынской культуры: по мере продвижения на северо-запад, в Нижнее Поволжье традиции шебирского населения обогащаются за счет контактов с местными племенами мариупольского культурного круга техникой двусторонней обработки камня, которая появилась в Нижнем Поволжье в результате контактов с северным, лесостепным населением Средней Волги.

И.В.Горащук также считает, что самарская культура появляется на территории Среднего Поволжья раньше хвалынской, а на позднем этапе самарской культуры они сосуществуют (Горащук И.В., 2003. С. 125-127).

Таким образом, по вопросу о происхождении хвалынской культуры существует, как минимум три точки зрения: хвалынская культура автохтонная и сложилась на основе прикаспийских и самарских памятников мариупольской культурно-исторической области; карпато-балканское происхождение основных культурных черт; юго-восточное происхождение памятников хвалынской культуры. Первая точка зрения пока не подтверждается в достаточной степени материалами весьма информативных мо-

гильников, а также поселений. Вторая точка зрения о западных заимствованиях (и прикаспийских памятниках как отражении западной миграции) опровергается материалами поздних неолитических слоев Варфоломеевки и Кумыски, показывающими сложение прикаспийской культуры на местной неолитической основе при заимствовании некоторых керамических черт не на далеком западе, а в соседней лесостепи. К настоящему времени наиболее аргументированной представляется точка зрения о юго-восточных, переднеазиатских корнях хвалынской культуры, окончательное сложение которой произошло в степях Нижнего Поволжья.

О том, что истоки хвалынской культурной традиции следует искать за пределами нижневолжского региона свидетельствуют и данные палеоантропологии. А.А.Хохлов отмечает неоднородность краниологических серий хвалынских могильников и делает вывод, что «древнехвалынское население складывалось в результате культурных и биологических контактов пришлого европеоидного и местного, в основном, уралоидного населения», а некоторые особенности европеоидного компонента предполагают его близость к средиземноморским формам (Хохлов А.А., 1998. С. 17).

Поздний этап культуuroгенеза энеолита Нижнего Поволжья.

Репинские памятники и проблемы сложения ямной культуры

Следующий этап этногенеза нижнего Поволжья связан с формированием древнеямной культуры раннего бронзового века. Мы не знаем точного механизма сложения ямной культуры, но уже с уверенностью можем назвать пласт памятников, на основе которых произошло сложение древнеямных памятников Нижнего Поволжья.

Все исследователи отмечают хронологический разрыв между хвалынской и ямной культурами на территории Нижнего Поволжья и принимают попытки заполнить этот хиатус.

И.Б.Васильев первым отметил генетическую близость материалов хвалынской энеолитической культуры с памятниками ямной курганной

культуры на основании существенной близости и преемственности их основных культурных компонентов. И.Б.Васильев не рассматривает хвалынскую культуру как всеобщую и единственную подоснову для всех вариантов ямной культурно-исторической общности. Но глобальное явление – ямная общность степей Юго-Восточной Европы – имела достаточно обширный центр происхождения, и подосновой этой общности является пласт родственных культур – хвалынская (для Волго-Уральского региона), среднестоговская, новоданиловская и др.

Отсюда следует очень важный вывод об отсутствии на современном этапе изученности на карте Евразии места для источника миграции племен ямной общности в восточно-европейскую степь и лесостепь. Поэтому, высказанная ранее многими исследователями точка зрения о степях Юго-Восточной Европы как прародине индоевропейцев получает подтверждение и обоснование конкретным материалом (Васильев И.Б., 2003а. С. 63).

Как одно из подтверждений генетической преемственности хвалынской и ямной культур Волго-Уралья, И.Б.Васильев приводит данные палеоантропологических исследований А.А.Хохлова, который считает, что антропологический тип населения, оставившего ямные курганы в степном Поволжье и Приуралье, очень сходен с поволжскими черепами из подкурганых погребений ямно-бережновского типа (Бережновка I, 5/22, Бережновка II, 9/10) и энеолитическими из Хвалынского I могильника (Хохлов, 2000. С. 312).

Еще одно подтверждение непрерывности развития от хвалынской культуры к ямной исследователи видят в одном грунтовом погребении ямной культуры в степном Заволжье у с.Екатериновка Приволжского района Самарской области. Само погребение разрушено; могила была впущена в материк на 20-30 см. Сохранился сосуд, наиболее ранний среди классических ямных, по форме он близок к керамике второй хронологической группы Нижнего Поволжья по схеме Н.Я.Мерперта. Также отмечена неко-

торая близость с керамикой первой хронологической группы, особенно с сосудом из Бережновка I, 5/22 (рис. 170, 5). Сосуд из Екатериновки является еще одним аргументом, показывающим связь между хвалынской и ямной культурами. Высказывается предположение, что на позднем этапе хвалынской культуры бескурганый обряд сосуществует с курганным, а в Екатериновке имеется свидетельство обратного явления – курганный, в целом ямный обряд, сосуществует с единичными грунтовыми захоронениями (Васильев И.Б., Фадеев В.Г., 2004 С. 43-46).

В целом, по мнению И.Б.Васильева, в позднем энеолите в лесостепи и степи Нижнего Поволжья происходил сложный процесс взаимодействия племен хвалынской культуры и населения, оставившего памятники других энеолитических культурных типов (репинская культура, алтатинский, алексеевский и турганикский культурные типы), в результате чего сформировалась ямная культура Поволжья (Васильев И.Б., 2003в. С. 55). Однако многие звенья этого процесса до конца не ясны и существует ряд спорных вопросов.

Так, например, по мнению В.А.Трифонова убедительность поволжской модели формирования ямной культуры, когда проводится непрерывная линия развития Хвалынк – Бережновка – ямная культура, в значительной степени ослабляют два момента. Во-первых, отсутствуют данные, подтверждающие принадлежность погребений типа Бережновка I, 5/22 к более поздней и отличной от хвалынской культуре. Вероятно, в степи существовала практика подкурганных захоронений в среде хвалынской культуры, практиковавшаяся еще с предшествующего мариупольского времени, и нет оснований относить бережновские погребения к собственно ямной культуре. Во-вторых, в керамической традиции отсутствует хвалынское наследие, а в древнеямных погребениях доминирует керамика репинской культуры, которая послужила основным компонентом в сложении ямной культуры. По мнению В.А.Трифонова «первоначальный этап фор-

мирования ямной культуры есть не что иное, как распространение репинской в степные районы. Этот процесс носил характер колонизации с основанием многочисленных долговременных поселений и стоянок» (Трифонов В.А., 1996. С. 4-5).

Последнее утверждение, может быть, и верно для лесостепного Поволжья, где обнаружены небольшие коллекции репинской керамики (Шигонское поселение, II Большераковская, Черемшанская, II Старо-Яблонская стоянки) но никак не подходит для степного Заволжья, где находки репинской керамики единичны, и тем более для Северного Прикаспия, где обнаружены значительные поселения репинской культуры, но в силу природных условий отсутствовало местное позднеэнеолитическое население. В этом регионе происходило простое заселение пустующих территорий племенами уже вполне сформировавшейся репинской культуры.

Сложение ямной культуры Нижнего Поволжья являлось только частью широких этногенетических процессов, происходивших в степях Восточной Европы на рубеже энеолита – бронзы. И в данном случае раскрытие механизмов сложения культуры раннебронзового века невозможно без учета этнокультурной ситуации в прилегающих районах, где наблюдались аналогичные процессы культурной трансформации. Одним из таких районов является Нижнее Подонье.

На Нижнем Дону выявлено намного больше материалов, как поселенческих, так и погребальных, следующих в хронологическом отношении за хвалынскими. Наиболее показательный пример – погребение 7 кургана 5 курганной группы Мухин II у г.Аксай Ростовской области. В погребении, устроенном на уровне древнего горизонта естественного всхолмления, обнаружено три детских скелета (скорченные, два на боку, один на спине), ориентированных строго на запад. Дно могилы густо посыпано темно-красной охрой. Находки представлены кремневым отщепом и двумя остро-

донными сосудами с высокими отогнутыми венчиками (Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997. С. 46, 49. Рис. 6).

Данное погребение резко отличается от более ранних, входящих в состав нижнедонской подгруппы энеолитических погребений, что, по мнению названных авторов, свидетельствует, если не об иной линии культурного развития, то о несколько более поздней хронологической позиции погребения 7. Оба сосуда из могилы С.Е.Жеребилов ранее сопоставлял с керамикой из хут. Попова и Стрильчей Скели, а В.Я.Кияшко относит их к материалам первой группы погребений Нижнего Подонья.

Авторы публикации считают, что по технико-типологическим параметрам сосуды близки к третьей группе керамики нижнего слоя поселения Ливенцовка на Дону. Материалы нижнего слоя Ливенцовки С.Н.Братченко сопоставляет с рядом памятников на Украине: остров Похилый, Виноградный, Средний Стог II (средний слой) и отмечает, что погребений соответствующих Ливенцовке I на Дону пока не открыто.

Авторы также отмечают, что с материалами нижнего слоя Ливенцовки О.Г.Шапошникова сближает керамику энеолитического слоя (второй горизонт) поселения Раздольное на Кальмиусе и синхронизирует этот слой поселения со вторым этапом среднестоговской культуры, что по Д.Я.Телегину соответствует заключительному этапу (1) волошского этапа этой культуры (Нечитайло А.Л., Е.В.Козюменко, С.Е.Жеребилов, 1997, с. 53).

Широкое распространение керамики, аналогичной аксайской, позволило говорить о собственно ливенцовской культуре на Нижнем Дону и прилегающих областях Приазовья. Более того, ливенцовская линия развития прослеживается в степном Заволжье среди керамики четвертой группы Кумыски. В хронологическом отношении ливенцовская керамика сменяет нижнедонскую энеолитическую. Примечательно, что относительно погребальных памятников Нижнего Дона авторы пишут о несколько более

позднем положении скорченных на боку погребенных с западной ориентировкой и сосудами ливенцовского (кумысского) типа по сравнению со скорченными на спине и сопровождаемые кремневыми ножами и перламутровыми украшениями. Эти памятники ливенцовской культуры (нижний слой Ливенцовки I и аналогичные ему поселенческие материалы, по С.Н.Братченко соответствующие Триполью В II) существуют на Дону в IV тыс. до н.э. (Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е., 1997. С. 40-57).

Таким образом, через аналогии с Нижним Доном мы можем с уверенностью поместить керамику четвертой группы поселения Кумыска в степном Заволжье (рис. 199, 1-5) между хвалынскими (хвалынско-бережновскими) и собственно ямными памятниками. Всеми исследователями признается, что пока хвалынская культура представляется хронологически нерасчленяемой и следовательно искать позднеэнеолитические комплексы следует вне хвалынской культурной среды. Более поздний возраст подкурганых бережновских погребений относительно Хвалынских могильников предполагается по факту отсутствия большого количества металлических изделий по сравнению с инвентарем хвалынских захоронений, что связано с прекращением функционирования балкано-карпатского металлургического очага между 3800-3700 лет до н.э. Хронологическое положение бережновских подкурганых захоронений может трактоваться в нескольких вариантах: 1) они синхронны хвалынским грунтовым могильникам; 2) они частично синхронны хвалынским и переживают их; 3) они следуют за хвалынскими и смыкаются с «городцовскими» ямными погребениями.

Если принять за основу исключительно первый вариант хронологической позиции бережновских захоронений, то заполнять лакуну между хвалынской и ямной культурами необходимо поселенческими материалами. Такие материалы уже есть. Кроме керамики поселения Кумыска, это комплексы алтатинских памятников.

Хронологические позиции энеолитических комплексов Кумыски и алтатинских памятников уточняются при сравнении со стратиграфическими горизонтами Раздорского I поселения на Нижнем Дону. Естественно, что полного тождества хронологической колонке Раздорского I поселения в степной зоне Нижнего Поволжья мы не обнаружим в силу более тесной связи процессов культуругенеза с культурами лесного мира, но общие тенденции прослеживаются весьма отчетливо. На Раздорском I поселении в IV слое обнаружена керамика, сопоставляемая с хвалынской (Кияшко В.Я., 1987. С. 75-79), среди каменных изделий еще сохраняются пластины, но двустороннеобработанные орудия преобладают. Такие же двустороннеобработанные изделия характерны для алтатинских памятников и на стоянке Алтата встречены фрагменты хвалынского сосуда (рис. 176, 12). В IV слое Раздорского I поселения появляется керамика с желобчатым венчиком (Кияшко В.Я., 1994. С. 92. Рис. 6, 9), столь характерная для алтатинских памятников (рис. 180, 5; 181, 5).

В V слое пластины исчезают полностью, а обычный орнамент – сетчатые и паркетные мотивы. Аналогичные мотивы прослеживаются на алтатинской керамике поселения Пшеничное (рис. 182, 8, 11, 12, 16, 17). Начиная с V слоя и по VII слой включительно, прослеживаются определенные параллели с находками из Кумыски. Уже упоминалось, что наибольшее сходство керамики 4 группы Кумыски (рис. 199, 1-5) обнаруживается именно на Раздорском I поселении, равно как и наличие на Кумыске серии флажковидных наконечников стрел (рис. 207, 10, 12, 15, 20; 208, 13). Хронологическое положение хвалынско-бережновских подкурганых погребений, как уже говорилось, может толковаться неоднозначно в плане частичной или полной синхронизации с грунтовыми хвалынскими захоронениями. Поселенческие же материалы алтатинских памятников и Кумыски, несомненно заполняют хронологическую лауну между хвалынскими и ранними ямно-репинскими памятниками.

Особенно показателен в этом плане пример Кумыски, где поздние признаки выступают в комплексе: керамика с высокими венчиками, находящая аналогии в V-VII слоях Раздорского поселения; двустороннеобработанные формы наконечников стрел и дротиков, в том числе флажковидные, датируемые рубежом позднего энеолита – ранней бронзы. Вместе с керамикой IV группы на Кумыске встречены фрагменты красноглиняного сосуда с невысоким прямым венчиком, резко переходящим в округлое тулово (рис. 198, б). По своим характеристикам фрагменты этого сосуда обнаруживают параллели среди майкопской керамики, да и находки фрагментов ямно-репинской керамики (рис. 201, 4, 8, 9) также не случайны и указывают на хронологическое положение основной массы керамики поселения Кумыска.

В более западных районах, относительно Нижнего Поволжья, на примере Александровского могильника Ю.А.Рассамакин наметил возможность выделения переходного периода, следующего за временем бытования памятников Прекукутени III – конец Триполье А и Кукутени А – Триполье В/1, Раздорское I – слои IV-V, Свободное-Замок, Хвалынские и Хлопковский могильник. Переходная группа памятников синхронна появлению и развитию майкопских памятников. Но это касается более западных территорий, в Поволжье, по мнению Ю.А.Рассамакина, пока нет данных, позволяющих говорить об этапах хвалынской культуры (Рассамакин Ю.А., 1999. С. 95-100).

В Северном Прикаспии, по данным П.П.Барынкина, существовал перерыв в культурном развитии в период между энеолитом – ранней бронзой, в то время как на территории Нижнего Дона этого период представлен 5-7 слоями Раздорской I стоянки, а районах к северу от Прикаспийской низменности, то есть в степной зоне Нижнего Поволжья, бытуют комплексы типа поселения Пшеничное и часть комплекса керамики стоянки Кумыска, которые типологически соответствуют комплексам 6 и 7 слоев сто-

янки Раздорская» (Барынкин П.П., 2003. С. 54-55, 59). Правда здесь, проявляется некоторая методологическая некорректность: при хронологических построениях для раннего энеолита раздорская колонка не используется, т.к. противоречит утверждению о полной синхронности хвалынских и «воротничковых» (самарских и прикаспийских) комплексов, а для позднего энеолита-ранней бронзы как аргумент привлекается.

Таким образом, на данном этапе исследования мы можем говорить о поздних алтатинских комплексах и части комплекса Кумыски как субстратной основе для сложения раннеямных памятников.

Памятники ранней бронзы в Нижнем Поволжье представлены поселениями репинского типа в Северном Прикаспии и подкурганскими захоронениями в степной зоне.

В.А.Трифонов, считая репинскую культуру первым этапом ямной, писал, что репинская культура расширялась на юго-восток за счет поглощения области распространения хвалынской культуры, а на юго-запад и юг – за счет позднесреднеднепровской, константиновской и майкопской культур. Причем процесс этот был весьма длительным – между концом хвалынской культуры и началом позднеямного периода и охватывал все IV тыс. до н.э., исключая его последнюю четверть (Трифонов В.А., 1996. С. 4-5). На основании анализа керамики поселений с комплексами репинского типа в Северном Прикаспии, П.П.Барынкин подверг сомнению тезис о хронологическом приоритете среднедонской группы репинской культуры, так как на североприкаспийских памятниках совместно залегали две группы керамики – «репинскохуторская» с высокими желобчатыми венчиками и сосудами прикрытой формы без особого оформления венчиков, объединенных рядом переходных форм. Формирование прикаспийской группы поселений ранней бронзы связывается с высокой степенью взаимодействия населения Поволжья и Подонья в это время. Это подтверждается совпадением радиоуглеродных определений: 3820±28 л.н. (УПИ-428),

4107+-201 л.н. (УПИ-557) для Северного Прикаспия с датами из курганных ямных погребений Волгоградского Правобережья (Барынкин П.П., 2003а. С. 52).

По предположению А.В.Кияшко становление и расцвет ямной культуры произошли под воздействием западного импульса – карпато-балканского очага культуригенеза. В противовес ему П.Ф.Кузнецов считает, что генерирующее влияние карпато-балканского очага культуригенеза сказывалось в большей степени в эпоху энеолита. По его мнению, первичный очаг культуригенеза для степных культур эпохи ранней бронзы всей Восточной Европы вполне вероятно возник в контактной зоне майкопской и раннеямной культур. Это степная зона Нижней Волги и Северного Прикаспия, где существовала раннеямная культура, сходная с репинской Среднего Подонья, но не тождественная ей (Кузнецов П.Ф., 2004. С. 29-30).

Таким образом, мы отчетливо видим недостающий пласт памятников, которые могут служить недостающим звеном между хвалынской и ямной культурами в Нижнем Поволжье. Сам же процесс формирования ямной культуры не нашел археологического отражения, тем более что для периода позднего энеолита мы оперируем поселенческими материалами, а для ранней бронзы – погребальными.

Этнокультурный процесс на Нижней Волге от позднего неолита до ранней бронзы иллюстрируется таблицей стратиграфического соотношения памятников орловской, прикаспийской, хвалынской культур и стоянок алтатинского культурного типа (табл. 21).

*Культурогенез и хозяйственное развитие энеолитического населения
Нижнего Поволжья*

Для понимания процессов полилинейного культуригенеза групп населения различной культурной ориентации имеет смысл более подробно

рассмотреть хозяйство энеолитических племен и определить возможность существования их в одной природно-климатической зоне, но в различных экологических нишах.

По мнению С.В.Богданова в энеолитический период невозможно параллельное развитие на одной территории двух разнокультурных групп, занимающих одни и те же экологические ниши. Данный вывод сделан на основании отсутствия материальных подтверждений контактов населения Пшеничного (алтатинский тип) и хвалынских памятников Поволжья и Северного Прикаспия (Богданов С.В., 2000а, с. 9).

В отличие от С.В.Богданова, П.П.Барынкин, основываясь на данных об оптимизации ландшафтно-климатических условий степей юго-востока Европы в раннем энеолите, увеличивших демографическую емкость ландшафтов, считает возможным одновременное существование различных культурных групп, имевших разные культурно-хозяйственные уклады (Барынкин П.П., 2003а. С. 50).

Что же показывают археологические источники для территории Нижнего Поволжья? Вопреки мнению С.В.Богданова, на стоянке Алтата есть фрагменты хвалынской керамики, залегающей в одном слое с алтатинской (рис. 176, 12), что свидетельствует об их синхронности на развитом этапе энеолита. Хвалынская керамика встречена и в степном Првобережье, неа алтатинской стоянке Царица I (рис. 168, 1, 2). Вполне вероятно, что хвалынское и алтатинское население сумело найти для себя разные ниши в пределах одной природно-климатической зоны, ведя разные типы хозяйства. Прослеживается одна закономерность, связанная с расположением поселений и могильников хвалынской культуры в пределах южной части Среднего и в Нижнем Поволжье. В лесостепи и северной степи хвалынская керамика составляет достаточно крупные и устойчивые серии на поселениях, а умершие погребены в грунтовых могильниках. В степной зоне керамика на поселениях встречается очень редко и в незначительном количе-

стве и здесь практикуется курганный погребальный обряд. В песках Прикаспия есть поселения с представительными сериями хвалынской керамики и, вероятно, грунтовые могильники.

Объяснение этому может быть следующее. В Прикаспии, в более суровых природно-климатических условиях местное население было немногочисленным и пришедшие сюда хвалынские племена занимали практически всю территорию. К тому же не исключено, что часть хвалынских стоянок являлась остатками сезонных поселений. На севере, в лесостепной зоне, экологически намного более емкой по сравнению со степью, хвалынское население также могло основывать свои поселения и вступать в какие-то контакты с местными племенами. В степной же зоне, где также существовало местное население, но объем биомассы был меньшим, хвалынское население вело более подвижный образ жизни, что отразилось в малом количестве керамики на поселениях и курганном обряде захоронения.

Встает вопрос о времени появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье, так как только оно могло позволить параллельное развитие культур в степи, и определения культур с производящим хозяйством. Поскольку Нижнее Поволжье является частью степного пояса Евразии, то, несомненно, развитие хозяйства происходило в русле общих тенденций энеолитического времени.

Вопросы механизма, времени и истоков возникновения скотоводства пока далеки от своего окончательного разрешения. Большинство исследователей, занимающихся проблемами формирования скотоводческих культур Поволжья и Приуралья, сходятся во мнении о заимствовании культуры скотоводства из ближневосточного региона. Вопрос стоит лишь в том, какими путями скотоводство пришло в степи Юго-Восточной Европы и было ли это связано с массовыми перемещениями населения.

По мнению С.В.Богданова распространение пастушеской культуры в указанном регионе происходило под воздействием «своего рода культуртрегеров – мигрантов с периферии ближневосточно-балканских земледельческо-скотоводческих центров», которые были знакомы с кочевыми формами скотоводства и медью. В зоне контакта ближневосточного и балканского культурных миров – в Предкавказье и Волго-Уральских степях – сложились курганные культуры кочевых скотоводов (Богданов С.В., 2000б. С. 10-11). В данном случае автор предполагает, как минимум, два пути и два источника происхождения скотоводства в Волго-Уралье.

А.Л. Нечитайло, опираясь на последние данные по палеоклимату (Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., 1999; Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995; Кременецкий К.Ф., 1991), когда на энеолитическое время приходится климатический оптимум атлантического периода голоцена (6500- 5800 лет назад по калиброванным датам), приводит убедительные свидетельства достаточно благоприятных климатических условий обитаний человека. Наиболее существенным является то, что степень воздействия человека на окружающую среду была незначительной, пастбищная территория была освоена не более чем на 1% (Нечитайло А.Н., 2002, с. 159; она же, 2003, с. 107-110).

Несмотря на благоприятные условия для ведения скотоводства, хозяйственное развитие населения степной зоны имело свою специфику, также отмеченную исследователями. Активно разрабатывается вопрос о последовательном сезонном освоении отдельных территорий, так как в северной части степной зоны был невозможен круглогодичный выпас скота из-за высокого уровня снежного покрова в зимнее время.

В то же время в южной части степной зоны – в Прикаспии в зимнее время практически не было снега и в этот регион могло перемещаться пастушеское население в наиболее суровые месяцы. С наступлением тепла и появлением травы население возвращалось к месту постоянного проживания.

ния. Возможность подобной модели скотоводческого хозяйства отмечена для Северо-Западного Прикаспия, Подонья, Приуралья (Шишлина Н.И., 2003. С. 66). Такой способ ведения хозяйства существовал и в более позднее время в эпоху бронзы (Качалова Н.К., 1985. С. 39; Лопатин В.А., 2002. С. 65-66) и являлся обычной практикой для территории Нижнего Поволжья в средневековое время, что хорошо известно по многочисленным письменным источникам.

Схема выглядит вполне логичной, но работает ли она для энеолитического времени, ведь в таком случае поселенческая керамика степи и полупустыни должна быть идентична? Сравнение керамики поселенческих памятников северной и южной частей Нижнего Поволжья показывает, что модель отгонного животноводства вполне применима для энеолитического времени. Вариабельность форм и орнаментов на прикаспийской керамике севера и юга Нижнего Поволжья незначительна, памятники не обладают локальными и четко выраженными особенностями. Для всей керамики характерно наличие в комплексе серии сосудов с воротничковым оформлением венчиков, легкой подлощенностью внешней поверхности, примесью толченой раковины в тесте глины и орнаментацией очерченными лентами орнамента в виде волны или меандра и заполненными гребенчатым штампом (рис. 151, 6, 7; 152, 15; 157, 1, 4, 8). Возможно, именно сезонным характером пребывания прикаспийского населения в Северном Прикаспии объясняется отсутствие здесь значительного количества долговременных памятников.

К настоящему времени можно с уверенностью говорить о наличии долговременных, не сезонных поселений в степи для прикаспийского и алтатинского населения. Не вполне ясна ситуация с хвалынскими племенами. С одной стороны они являлись проводниками производящего хозяйства — скотоводства и должны, несомненно, быть способными преодолевать значительные степные пространства. С другой стороны, имеются стационар-

ные поселения в лесостепи и Прикаспии, свидетельствующие об оседлом хозяйстве. В степи же находятся только единичные проявления керамики на поселениях и подкурганые погребения.

Относительно населения самарской культуры И.Б.Васильев писал, что оно вело оседлый образ жизни и специализировалось на скотоводстве. Ведущую роль в хозяйстве играла лошадь. Вместе с тем продолжали практиковаться охота и рыболовства (Васильев И.Б., 2003. С. 73; Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000. С. 221).

В целом, материалы прикаспийских поселений дают сходную картину с самарскими, и несомненно оседлый образ жизни прикаспийского населения в степи. В то же время, по мнению П.П.Барынкина предположение о скотоводческом характере населения с комплексом «воротничковой» керамики, высказанное после исследований могильника у с.Съезжее, пока прямо не подтверждается, а в хозяйстве населения доминировала охота (Барынкин П.П., 2003а. С. 55). На мой взгляд, особого противоречия здесь нет, так как охота долгое время продолжала оставаться важной отраслью хозяйства, даже в некоторых случаях вплоть до средневековья, как например, у славян лесостепного Подонья в VIII-XI вв., где почти на всех памятниках количество костей и особей диких животных больше домашних, и в ряде случаев разница весьма существенна (Винников А.З., 1995. С. 43-52).

Относительно скотоводческой направленности хозяйства населения хвалынской культуры сомнений у исследователей нет. Хвалынские племена разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, но большую роль в хозяйстве играли и присваивающие отрасли хозяйства – охота, рыболовство и собирательство. В Хвалынском II могильнике найдено древнейшее в Поволжье погребение металлурга (Васильев И.Б., 1999. С. 93; Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000ю, С. 228).

Вероятно, именно к хозяйственной модели хвалынской культуры будет в наибольшей степени справедливо применение термина сезонное

освоение территории. Но, если в неолитическое время передвижения в меридиональном направлении осуществлялось лишь под давлением экологических кризисов в Северном Прикаспии, то в энеолитическое время эти передвижения вызваны сезонными перекочевками, с чем согласны все исследователи. Это касается хвалынского населения, у которого керамика обнаруживает идентичность от Прикаспия до лесостепи. Самарская же и прикаспийская все же обладают некоторыми различиями, вызванными различной неолитической подосновой этих культур. Здесь мы можем говорить о сезонных перекочевках только в рамках прикаспийской культуры.

По мнению И.В.Горащука, именно скотоводческий характер хозяйства хвалынских племен способствовал их естественному продвижению из полупустыни в степь в поисках лучших пастбищ, так как вполне естественна сезонная перекочевка от дельты Волги до Среднего Поволжья. В качестве доказательства И.В.Горащук приводит факт расположения стоянок хвалынской и синкретической самарско-хвалынской культуры в пойменных лугах, доступных только в летнее время (Горащук И.С., 2003. С. 127).

Стоянки прикаспийской культуры степной зоны к поймам не приурочены, а наоборот занимают высокие края надпойменных террас, что может в какой-то степени свидетельствовать о круглогодичном проживании, а в сезонных откочевках участвовала только какая-то часть населения.

Синхронно с культурами, уже знакомыми с животноводством, население лесостепи - токсские, волосовские, гаринские племена, испытавшие сильное культурное влияние лесного населения, практиковало исключительно присваивающие формы хозяйства (Васильев И.Б., Овчинникова Н.В, 2000, с. 238).

В эпоху энеолита заметную роль в жизни населения начинает играть коневодство, а концу энеолита происходит переход к подвижным формам скотоводства с параллельным формированием уральского варианта ямной

культуры. Начало этого периода относят к репинскому времени (Моргунова Н.Л., 2002. С. 155).

О характере хозяйства населения в какой-то мере можно судить по его жилищам. Сведений о стационарных жилищах энеолитического населения Нижней Волги немного. Определено, что на хвалынской стоянке Кара-Худук в Северном Прикаспии были жилища наземного типа, от которых сохранились хозяйственные и очажные ямы (Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. С. 128).

Напротив, для мариупольского населения Нижнего Поволжья характерны жилища полуземляночного типа, наследующие неолитические традиции. В степной зоне исследовано одно жилище на прикаспийской стоянке Озинки II. Сооружение типа полуземлянки было большей своей частью устроено в мягком лессе. Котлован был заглублен на 1 м от уровня древней поверхности, в плане имел овальную форму размерами 24 x 8 м и ориентирован по линии восток-запад (Лопатин В.А., 1989. С. 136-137. Рис. 1).

Несколько жилищ полуземляночного типа исследовано на поселениях самарской культуры. Длинные вытянутые котлованы жилищ сохранили следы опорно-столбовых конструкций. На основании характерного распределения находок, когда их большая часть концентрируется в пределах котлована полуземлянки, предполагается функционирование жилищ в холодное время года (Овчинникова Н.В., 1999. С. 100-101).

В степном Поволжье полуземлянки с каркасно-столбовой конструкцией известны с неолитического времени. Котлованы таких жилищ исследованы в трех слоях Варфоломеевки, на Орловской стоянке, на стоянках Каиршак III и Тентексор. Учитывая культурную преемственность неолитического и прикаспийского населения можно предполагать широкое распространение построек этого типа в среде мариупольского населения Нижнего Поволжья.

Несомненно, что уровень развития хозяйства был напрямую связан с уровнем социальной организации общества. Для хвалынской энеолитической культуры есть многочисленные данные о достаточно высоком уровне развития: комплексное хозяйство, включая производящее (скотоводство), сложный погребальный обряд с признаками социальной дифференциации, широкое использование и производство изделий из меди, относительно большое количество исследованных памятников. Все это говорит о достаточно сложной социальной структуре общества. Высказано предположение о принадлежности населения хвалынской культуры к раннеиндоевропейским народам (Васильев И.Б., 1999. С. 93).

А.Л.Нечитайло отметила общие черты идеологии для энеолитических племен степей Юго-Восточной Европы (суворовская, новоданиловская, предкавказская и нижеволжская культурные группы). Общие черты нашли отражение в единых нормах погребального ритуала по всей евразийской степи в энеолитическое время. Сходные природно-климатические условия и хозяйственный уклад степных племен выработали близкие типы вещей в облике материальной культуры. Все это привело к определенной унифицированности в идеологических представлениях и характере производств среди энеолитических культур степной зоны Юго-Восточной Европы (Нечитайло А.Л., 2003. С. 111-113). А.Л.Нечитайло рассматривает сложные и разнонаправленные процессы передвижений степных племен, которые «были распространителями, с одной стороны, западных, с другой – юго-восточных, кавказских влияний». Сходство черт материальной и духовной культуры, способа ведения хозяйства позволяют говорить об этническом сходстве четырех указанных культурных групп и объединить их в рамках европейской степной общности эпохи энеолита. Причем отмечается, что при общем сходстве, каждая из культурных групп сохраняет и свои культурные особенности (Нечитайло А.Л., 1996. С. 26, 27).

Последнее представляется особенно важным в плане понимания появления культур ямной общности с достаточно единым обликом материальной культуры и устойчивым погребальным обрядом на фоне массы разнокультурных памятников позднего степного энеолита. Можно совершенно точно сказать, что европейская степная общность эпохи неолита подготовила и предопределила как единство, так и вариабельность сменявшейся ее ямной общности степей Восточной Европы.

Учитывая состояние источниковедческой базы и имея выработанные современной наукой различные модели культурно-исторического развития населения предпримем попытку совместить их с археологическим материалом. В данном случае объяснять происхождение нео-энеолитических культур и общностей следует исходя, в первую очередь из внутренних процессов, хотя прослеживаются и широкие миграционные процессы. Как справедливо пишет Э.С.Маркарян, “в ходе адаптации человека к окружающей среде приспособительный эффект достигается средствами “социокультурной перестройки” (Маркарян Э.С., 1981а. С. 146). Несомненно автохтонное происхождение орловской и прикаспийской культур и также несомненна эклектичность алтатинской группы памятников, сложение которой можно объяснить только миграциями населения из сопредельных регионов.

Возможно, объяснение можно найти через дробление общности на компактные группы и интенсификацию связей внутри них в случае возникновения экстремальных условий для ее существования (Deacon H.J., 1989. P. 560). Во всяком случае в предьямный период мы имеем достаточно мозаичную этнокультурную картину в Нижнем Поволжье. Следует согласиться с мнением, что источниками и объектами культурогенеза являются группы (блоки) культур, расположенных в сходных природно-климатических условиях и имеющих близкий хозяйственно-культурный

тип (Горбунов В.С., 1991. С. 11), что опять же в данном случае подтверждается полилинейным развитием группы культур в позднем энеолите.

5.3. Закономерности и общие тенденции культурно-исторических процессов в Нижнем Поволжье на протяжении неолита и энеолита

Таким образом, изучив материалы бытовых и погребальных памятников неолитического и энеолитического населения Нижнего Поволжья и рассмотрев все вопросы, связанные с культурной динамикой – процессами формирования, развития и трансформации археологических культур и культурных типов, мы получаем возможность определить закономерности и общие тенденции культурно-исторических процессов в регионе на достаточно продолжительном хронологическом отрезке – немногим менее трех тысячелетий.

Для реконструкции культурно-исторических процессов в Нижнем Поволжье на протяжении неолита и энеолита было выполнено многоуровневое исследование, в которое включало систематизацию археологического материала по культурным и хронологическим признакам и описание материальных комплексов археологических памятников от раннего неолита до финала энеолита по единому стандарту. Это дало возможность проследить генезис материальных комплексов, отметить периоды инноваций и трансформаций на рубеже неолита – энеолита и в конце энеолитической эпохи. Сравнение культурно-хронологических комплексов с культурами сопредельных регионов позволяет увидеть культурную эволюцию нижне-волжского населения на широком историческом фоне и его включение на каждом новом этапе в более широкую культурную область, что стимулировало поступательное развитие общества.

Накопление материалов по исследуемому периоду показало нелинейность развития культурных процессов в позднем каменном веке и на рубеже каменного и бронзового веков. От простой схемы последователь-

ной смены культур исследователи пришли к выводу о синхронности этапов разных культур в рамках энеолита, затем о синхронности позднего неолита и раннего энеолита, а для лесостепной зоны появляются данные о смыкании позднего пережиточного неолита с ранним бронзовым веком (Синюк А.Т., Гапочка С.Н., 2005, с. 50-51). Если неолитический период предстает перед нами как поступательное развитие нижеволжской культурной общности, имеющей четкую локализацию как во времени, так и в пространстве (рис. 239), то в энеолитическое время картина культурной эволюции вырисовывается сложная, многогранная, выходящая за пределы Нижнего Поволжья и пока еще далекая от своего завершения. В результате проделанной работы теперь можно утверждать, что на территории Нижнего Поволжья имел место не только нео-энеолитический период, когда существовали орловские и прикаспийские племена, но также происходило параллельное развитие других энеолитических культур и культурных типов памятников (культурных линий развития), легших в основу формирования ямной культуры.

Пока остается недостаточно изученным ранний неолит региона, который в перспективе может многое прояснить в процессе становления неолитических культур Восточной Европы, так как в силу своего географического положения Нижнее Поволжье является транзитным пунктом распространения достижений древнейших земледельческо-скотоводческих очагов через территорию Кавказа и Восточного Прикаспия. Хорошо прослеживается влияние Кавказа в процессе становления мезолитических культур южной половины Нижнего Поволжья, которые затем легли в основу раннего неолита региона. Вероятно, как уже было сказано, и само знакомство с керамикой шло под воздействием кавказского импульса через население Нижнего Дона или напрямую.

Переднеазиатское влияние прослеживается слабее, в виде отдельных проявлений в материальных комплексах. В частности это сосуды, близкие

к ладьевидным формам в сероглазовских (каиршакских) и орловских коллекциях; несколько орудий из нефрита, происходящего с современной территории Афганистана или Пакистана; обычай окрашивать полы и стены жилищ красной краской.

Факт сложения на единой генетической основе нижневолжской культурной общности уже к середине VI тыс. до н.э. (табл. 19), на среднем этапе неолита наглядно подтверждается материальными комплексами сероглазовской, джангарской и орловской культур, для которых всегда отмечается накольчато-прочерченная плоскодонная керамика и пластинчатый орудийный комплекс с геометрическими микролитами. Поскольку мы имеем дело с самостоятельными культурами, то в некоторых параметрах комплексов керамики и каменных орудий есть различия. Однако даже при беглом сравнении с окружающими культурными областями нижневолжский неолит выделяется на их фоне стабильностью своих основных культуроопределяющих признаков на протяжении всей неолитической эпохи.

Культурное единство общности не препятствовало самостоятельному культурному развитию населения разных регионов Нижнего Поволжья, где отдельные культуры имеют ряд собственных признаков. Максимального подъема в своем развитии нижневолжская неолитическая общность достигает к концу неолитической эпохи, во второй половине V тыс. до н.э., что проявляется в увеличении количества памятников, расширении площади стоянок и мощности культурных напластований, развитии керамического комплекса, зарождении производящего хозяйства.

Все культуры нижневолжской общности эволюционировали в одном направлении, но уровень развития северных (орловских) племен региона оказался несколько выше – здесь сложилось комплексное присваивающее хозяйство, на основе которого зародилось производящее хозяйство – скотоводство; здесь произошло первое знакомство неолитического нижневолжского населения с металлом; на этапе позднего неолита можно гово-

речь о сложении очага искусства, в первую очередь декоративно-прикладного, с ярко выраженным самобытным стилем; это же население оказывало сильное культурное воздействие на северные лесостепные племена.

Нижневолжская культурная общность сыграла значительную роль в формировании развитого и позднего этапов неолита юга лесостепи, в керамике и пластинчатой части комплексов каменных орудий которого отчетливо видно южное культурное воздействие (рис. 140, 3; 141-143).

Культуры нижневолжской общности, в целом, обнаруживают ряд параллелей с ракушечноярской культурой Нижнего Дона, что объясняется возможной близкой мезолитической подосновой, а расположение в одной природной зоне и в смежных регионах способствовало культурным контактам. С другими, более западными неолитическими культурами черты общего порядка проявляются только в среде степных культур азово-черноморской области. В юго-восточном направлении нижневолжская общность осуществляла культурный обмен с неолитическими культурами Восточного Прикаспия, но эти связи пока недостаточно документированы.

Неолит Нижнего Поволжья также представлен стоянками лесостепной зоны в северо-западной части региона (Прихоперье), отличающихся коренным образом от степных. Стоянки Прихоперья включают комплексы с тычковой (точечно-накольчатой) керамикой; накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой среднедонского типа; ямочно-гребенчатой и дронихинской (ранний комплекс) керамикой. Все культуры и культурные типы памятников локализованы в донском бассейне и их функционирование связано с традициями лесостепного неолита среднедонского и средневолжского регионов (Ставицкий В.В., Хреков А.А., 2003). Нижневолжские неолитические культурные традиции здесь проявляются очень слабо и на периферийных памятниках. Намного больше общих черт появляется со времени раннего энеолита, когда лесостепной и степной регионы Нижнего

Поволжья начинают развиваться в рамках генезиса мариупольской культурно-исторической области.

Основу культурных черт населения восточной части мариупольской области составили культурное наследие и достижения неолитических культур нижневолжской общности. Поздненеолитическое население нижневолжской общности явилось основным субстратом при сложении прикаспийской энеолитической культуры.

Наследие культур нижневолжской общности проявляется в формах, составе теста, способах орнаментации раннеэнеолитической керамики. Техничко-типологические характеристики энеолитических комплексов каменных орудий также сложились в недрах местного неолита, где на позднем этапе отмечается общее увеличение параметров первичных заготовок, постепенное увеличение доли кварцитового сырья. Неолитическое наследие проявилось также в сохранении традиций художественной обработки кости. Мощный пласт энеолитических памятников, особенно в северной части Нижнего Поволжья, был подготовлен всем предыдущим развитием местного поздненеолитического населения, культурные достижения которого легли в основу прикаспийской энеолитической культуры.

Как уже говорилось, одним из главных итогов изучения энеолита Нижнего Поволжья явилось установление факта длительного параллельного развития нескольких культур в позднем неолите - энеолите, что еще в недавнем прошлом допускалось только для культур экологически более емкой лесостепной зоны. Рассмотрим это подробнее. В V тыс. до н.э. на территории Нижнего Поволжья синхронно развивались поздненеолитические культуры нижневолжской общности, прикаспийская культура, хвалынская культура и памятники алтатинского культурного типа. Пока остается много неясностей в хронологических позициях поздненеолитических и энеолитических памятников, так как материальных свидетельств в виде импортов или технологических заимствований в коллекциях исследован-

ных стоянок немного, а синхронизация хвалынских комплексов с поздним нижневолжским неолитом пока может быть проведена только по данным радиоуглеродных определений. Предполагается, что пришлые скотоводческие хвалынские племена, занимали разные хозяйственные ниши с неолитическим населением, так как экологический резерв региона, особенно его южных районов, невелик. Последнее, вероятно, явилось одной из причин расселения хвалынского населения вверх по Волге.

Культурно-историческое развитие населения Нижнего Поволжья на протяжении энеолита проходило на фоне достаточно пестрой культурной картины и завершилось культурной интеграцией с формированием единых идеологических представлений, что стимулировалось переходом к подвижному скотоводству и выразилось в сложении местного варианта древнеямной культуры. Это было время широкого восприятия производящего хозяйства и широких культурных связей, нашедших отражение в материальных комплексах поселенческих памятников и наборах погребального инвентаря. Особая роль в этих процессах принадлежала населению хвалынской культуры.

Хронологическая схема сосуществования памятников неолита-энеолита Среднего и Нижнего Поволжья, предложенная в одной из последних работ И.Б.Васильева, когда выделяются два этапа в развитии энеолита (1 - ранний и развитой, 2 - развитой и поздний) отразила синхронность поздних неолитических и энеолитических памятников и подтвердила необходимость пересмотра схем развития культур (Васильев И.Б., 2003 в. С. 58). В этом плане интересно отметить различную трактовку памятников мариупольской культурно-исторической области. Украинскими исследователями они включаются в неолитическое время, а российскими – в энеолитическое. Выделение значительного по продолжительности неоэнеолитического периода (Телегин Д.Я. и др., 2001. С. 124-133) весьма своевременно и необходимо, так как убирает искусственную границу меж-

ду неолитическими и энеолитическими памятниками не только в случае простого хронологического сосуществования, но и в случае эволюционного перехода от неолита к энеолиту. Длительность этого периода будет различаться в зависимости от природно-географического региона и скорости культурного развития.

Для степей Нижнего Поволжья процесс культуругенеза, синхронизация и смена культур и типов памятников представлены в таблицах 21 и 22, которые объективно отражают картину культурного генезиса по состоянию источников и степени их изученности на данный момент.

Культуругенез прикаспийской культуры происходил на местной поздненеолитической (орловской и серглазовской) основе при активном участии лесостепного населения Среднего Поволжья. Наличие на окраине степной зоны и севернее населения с глубокими культурными традициями гребенчатой орнаментации керамики, несомненно, отразилось на культурном генезисе раннего энеолита степи, что нашло отражение в появлении гребенки (в том числе и шагающей) на керамике прикаспийской культуры. В сложении культур мариупольской области явственно отражается не только воздействие культур лесостепи, но и степных культур Нижнего Дона и Приазовья, которые поддерживали культурные контакты с Нижним Поволжьем еще с неолитического времени.

По стратиграфическим наблюдениям (таб. 21) раннеэнеолитическая прикаспийская культура начинает складываться на этапе существования слоя 2 А Варфоломеевской стоянки и сосуществует с финальным этапом орловской культуры. Это отражено в верхнем (1) слое Варфоломеевской стоянки и в нижней части энеолитического слоя поселения Кумыска. В обоих случаях прикаспийская керамика залегала совместно с неолитической (рис. 69; 108; 196). Как показывают радиоуглеродные даты, в это время в Нижнем Поволжье уже существовало население хвалынской культуры, но следов контактов с прикаспийским и орловским населением не об-

наружено. Правда в слое 2 А Варфоломеевки встречено медное изделие, происхождение которого можно логически связать только с хвалынским населением, но и в этом, самом насыщенном находками слое на стоянке, хвалынской керамики или близкой ей нет.

Неолитическая нижневолжская керамика есть в алтатинских комплексах (рис. 176, 14, 15, 17; 179, 1-15). Там же встречена хвалынская керамика (рис. 168, 1, 2; 176, 12, 15). В среднем слое Кумыски совместно залегают часть прикаспийской и хвалынская керамика. Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений можно с большой долей вероятности предполагать одновременное существование на каком-то отрезке V тыс. до н.э. позднейшего неолитического, прикаспийского, хвалынского и алтатинского населения. При использовании серии калиброванных дат Хвалынского могильника, Варфоломеевки и одной даты алтатинской стоянки Ветёлки (табл. 22) это время сосуществования разнокультурных и «разноэпохальных» (в культурологическом отношении) памятников определяется последней четвертью V тыс. до н.э. Естественно, что на шкале культурогенеза эти культуры занимают различное место. Для нижневолжского неолита это была финальная стадия, а для алтатинской линии – начальная. Прикаспийское население, вероятнее всего, продолжило свое дальнейшее развитие в памятниках типа Кумыски – эволюцию прикаспийской культурной линии можно увидеть в керамическом комплексе второй группы керамики Кумыски (рис. 197, 1-19). Естественно, керамика этой группы уже несколько видоизменена и отягощена лесостепными влияниями. Но на Кумыске хорошо представлен комплекс каменной индустрии (рис. 202-208; 209, 4-6), который по своим основным характеристикам обнаруживает максимальное совпадение именно с прикаспийским комплексом каменных орудий, значительно отличающимся от алтатинского, хвалынского и, тем более, репинского.

Относительно происхождения хвалынской культуры сейчас представляется наиболее аргументированной точка зрения о переднеазиатском происхождении основных признаков культуры при условии окончательного сложения хвалынской культуры в Нижнем Поволжье.

Калиброванные радиоуглеродные определения (первая половина V тыс. до н.э.) показывают хронологический приоритет хвалынской культуры относительно прикаспийской, хотя это противоречит немногочисленным данным стратиграфии (ср. табл. 21 и 22). Обычно длительное сосуществование различных культурных линий развития находит какое-то отражение в материальных комплексах. Но в данном случае синхронность хвалынских комплексов со слоем 2 Б Варфоломеевки материалами пока не подтверждается. Нет такого подтверждения и в Среднем Поволжье для поздних неолитических и ранних самарских комплексов с одной стороны, и хвалынских с другой. Отсутствуют достоверные данные и о синхронности хвалынских и неолитических сероглазовских комплексов в Северном Прикаспии.

В плане частичной или полной синхронизации прикаспийских и хвалынских памятников остается еще много неясностей, которые могут быть решены только после дальнейших полевых исследований. Если согласиться с мнением о неместном происхождении хвалынского населения, которое принесло с собой навыки производящего хозяйства, то вполне допустимо предположить отсутствие тесных культурных контактов с местным поздним неолитическим и ранним прикаспийским населением, которое переживало в V тыс. период стабильного развития. Хвалынское население, занимаясь скотоводством и находясь на более высоком уровне развития (производящее хозяйство, металл), объективно могло не нуждаться в контактах с местными племенами, так как занимало другую экономическую нишу.

Об этом возможно говорит и расположение хвалынских поселений

только в южной лесостепи Среднего Поволжья и песках Северного Прикаспия. Если изучить карту расположения хвалынских памятников Нижнего Поволжья (рис. 159), обнаруживается интересная закономерность. Грунтовые могильники есть только в Правобережной лесостепи, и возможно, в песках Прикаспия. Все немногочисленные подкурганые захоронения расположены на левом берегу (за исключением одного пункта) вдоль Волги, в степной зоне. Поселений с выраженным хвалынским словом, как это наблюдается в лесостепи Среднего Поволжья, в степи нет. Есть только отдельные находки и небольшие серии хвалынской керамики на стоянках других культур. Создается впечатление, что долгое время население хвалынской культуры локализовалось в основном в лесостепи и близких к ней по природно-климатическим условиям участках Волжской поймы, и занимаясь отгонным скотоводством, частично перемещалось в зимние месяцы в пески Северного Прикаспия. Неолитическое население при этом могло параллельно развиваться в глубинных районах степи, занимаясь охотничье-рыболовческим хозяйством и постепенно перенимая навыки скотоводства, так как контакты с хвалынскими племенами были минимальны. Только при такой модели культурного сосуществования можно объяснить полное отсутствие следов хвалынского культурного воздействия в вещевых комплексах неолитических культур нижеволжской общности.

Калиброванные радиоуглеродные определения показывают максимальную вероятность времени бытования хвалынских могильников в первой половине V тыс. до н.э. (табл. 22) (Телегин Д.Я. и др., 2001. Рис. 61), а первые инновации в комплексе слоя 2 А Варфоломеевской стоянки (медное изделие и кости овцы) приходятся по калиброванным определениям на вторую половину – последнюю четверть V тыс. до н.э., что хорошо согласуется с высказанным мнением.

Отрицание самостоятельного культурного статуса прикаспийской и самарской культур в рамках мариупольской культурно-исторической области, вызванное по нашему мнению слабой исследованностью региона, не может быть принято. В западной части мариупольского ареала уже достаточно хорошо исследованы нижнедонская и азово-днепровская культуры, которые по своим основным культуроопределяющим признакам (рис. 233-237) сопоставляются именно с прикаспийскими и самарскими материалами, но никак не с хвалынскими.

Третья линия культурного развития в энеолите Нижнего Поволжья представлена памятниками алтатинского типа, которые в настоящее время могут уже рассматриваться как потенциально новая культура. В памятниках алтатинского типа явственно отразилось влияние племен лесного культурного мира. Находка фрагментов хвалынского сосуда в культурном слое стоянки Алтата – первое свидетельство контактов хвалынского и местного населения. Хвалынская керамика, найденная на Алтате и Царице 1 в одном слое с алтатинской, определяет достаточно раннюю хронологическую позицию части алтатинских стоянок.

Конец первого этапа энеолита Нижнего Поволжья (Алтата, Петропавловка, часть материалов Кумыски, Царица 1) по аналогиям в материальных комплексах синхронизируется с IV-V и, возможно, частично с VI слоями Раздорского поселения на Нижнем Дону. Второй, поздний этап энеолита отсчитывается со времени полного затухания культур нижневолжской неолитической общности. Продолжение прикаспийских традиций на втором этапе энеолита видно в материалах энеолитического слоя поселения Кумыска, где отразилось влияние как северной «токской», так и южной, нижнедонской культурных традиций. В частности, близкие аналогии керамике четвертой группы Кумыски (рис. 199) обнаруживаются среди керамики ливенцовской культуры на Нижнем Дону и в Приазовье, которая сменяет раннеэнеолитическую нижнедонскую.

На втором этапе развития нижневолжского энеолита происходит сплав культурных традиций, вызванный развитием производящего хозяйства и усилением культурных контактов. О сложных процессах культурной метисации в позднем энеолите свидетельствуют не только синкретические керамические комплексы, но и многочисленные типы каменных наконечников стрел алтатинских стоянок и Кумыски (рис. 177, 1-6; 185, 2-22; 207, 1-26; 208, 1-14), отражающих связи от Приуралья до Северного Кавказа.

Культурогенез алтатинских памятников проходил параллельно с поздними прикаспийскими, а многокомпонентность алтатинского керамического комплекса предполагает участие в процессе сложения культурного типа местного позднеэнеолитического населения и пришлого лесостепного. Алтатинские памятники переживают хвалынские и в позднем энеолите представлены поселениями Пшеничное и Первомайское. Здесь, в керамических комплексах уже отмечено широкое использование шнурового орнамента (рис. 178, 3; 187, 9), толстостенность и желобчатость венчиков (рис. 180, 1-9), грубые расчесы на поверхности. Типологически позднеэнеолитические памятники могут быть синхронизированы с VI-VII слоями Раздорского I поселения.

Таким образом, поздний энеолит степей Нижнего Поволжья и Прикаспия представлен материалами двух основных культурных линий развития – поздней прикаспийской (кумысской) и поздней алтатинской. Третья линия – хвалынская – пока слабо подтверждается материалами (часть хвалынско-бережновских захоронений? грунтовые могильники типа Екатериновки?), но, возможно и ее существование, так как по-иному нельзя объяснить совпадение многих признаков погребального обряда в хвалынских могильниках и подкурганых ямных захоронениях. В зоне лесостепи Нижнего Поволжья картина была более сложная, там в позднем энеолите доминировали памятники алексеевского типа, а также отмечен ряд памятников лесного круга с гребенчатой, поздней ямочно-гребенчатой и воло-

совской керамикой.

Если считать, что хронологические рамки позднего энеолита ограничиваются временем появления памятников "городцовской" ямной культуры, то несомненно, что между ямными и хвалынскими памятниками существует значительный хронологический разрыв. Этот разрыв составляет, как минимум, пятьсот лет (вторая и третья четверть IV тыс. до н.э.) и, по нашему мнению, должен быть заполнен уже названными поздними алтаинскими памятниками и поздними прикаспийскими памятниками с керамикой, аналогичной второй группе керамики Кумыски для степной зоны Нижнего Поволжья и памятниками алексеевского типа для лесостепи Правобережья Нижней Волги.

Освоение степей разнокультурными энеолитическими племенами нарушило монолитность нижневолжской неолитической культурной общности, культуuroгенез энеолитического населения выплеснулся за пределы нижневолжского бассейна, произошло включение Нижнего Поволжья в сферу развития энеолита степной Евразии (Нечитайло А.Л., 1993), что ускорило культурно-исторические процессы и привело к культурной нивелировке нижневолжского населения. Процесс формирования степной энеолитической общности несомненно был запущен первыми скотоводами – племенами хвалынской культуры. Археологически процесс нивелировки в поселенческих памятниках фиксируется очень слабо и находит отражение уже в гомогенном погребальном обряде древнеямной культуры.

Проведенное исследование показало, что культурно-исторические процессы в неолитическую и энеолитическую эпохи подвержены общим закономерностям, характерным и для других периодов исторического развития и нашедших теоретическое обоснование в ряде работ отечественных ученых (Маркарян Э.С., 1981; Массон В.М., 1989; Он же, 1990; Он же, 1991; Бочкарев В.С., 1995). Культурно-историческое развитие населения Нижнего Поволжья связано в неолитическую эпоху с эволюционными

процессами, а трансформации носили спонтанный характер и вызывались внутренними причинами. Неолитическая эпоха характеризуется определенным культурным единством в рамках нижневолжской культурной общности. Культурное воздействие этой общности ощущалось далеко за пределами Нижневолжского региона.

С появлением энеолитического населения заканчивается эволюционный период развития. Энеолитическая эпоха отличается инновациями, которые определялись стимулированными трансформациями и прямыми миграциями. Например, сложение прикаспийской культуры сочетало в себе два процесса, когда, с одной стороны, наблюдается сохранение эволюционного процесса и происходит наследование ряда неолитических культурных признаков, а с другой стороны, отмечены процессы культурной трансформации под воздействием позднеэнеолитического лесостепного и хвалынского населения. Аналогичная модель развития присуща алтатинским памятникам, но там к процессам культурной трансформации добавляется миграция населения. Для энеолитического времени отмечено параллельное существование нескольких культурных линий (культур), развитие которых пришлось на поздний неолит и всю эпоху энеолита. Как видно из детального анализа таблиц 21 и 22 на всем протяжении неэнеолитического и энеолитического периодов характерна полилинейность культурно-исторических процессов, когда на одной и той же территории чересполосно существовало разнокультурное население. Энеолитическую эпоху Нижнего Поволжья вполне допустимо разделить всего на два этапа – ранний, синхронный позднему неолиту, и поздний, смыкающийся с ранней бронзой, что не отрицает традиционное трехступенчатое членение внутри отдельных культур.

Энеолитическая эпоха завершается культурной интеграцией на этапе раннего бронзового века (ямная культурно-историческая общность). Цикличность культурно-исторических процессов повторяется и в дальнейшем

историческом развитии населения Нижнего Поволжья, когда периоды эволюционного развития сменяются этапами трансформаций и миграций, например, на этапе финала средней бронзы – начала поздней бронзы, который в свою очередь опять сменяется периодом эволюционного развития (срубная культурно-историческая общность).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании проведена реконструкция культурно-исторических процессов, протекавших на протяжении неолитического и энеолитического времени в одном из крупнейших регионов Восточной Европы – Нижнем Поволжье. В процессе комплексного исследования впервые были собраны воедино, системно описаны и сопоставлены между собой материалы и комплексы поселенческих и погребальных памятников всех регионов Нижнего Поволжья: степного Поволжья, Северного Прикаспия и Северо-Западного Прикаспия, лесостепного Правобережья.

Нижнее Поволжье в физико-географическом отношении представляет из себя страну, четко локализованную бассейном нижнего течения Волги. Именно Волга с ее многочисленными левобережными притоками являлась основой вмещающего ландшафта для культурогенеза оседлого неолитического населения. Возможность перемещения населения в пределах страны вдоль Волги при усилении неблагоприятных воздействий природно-климатических факторов обусловила культурные контакты внутри нижне-волжского региона уже в неолитическое время и определила автохтонность большей части населения на протяжении двух эпох. Культурное единство в рамках общности поддерживалось схожими природно-климатическими условиями степной и полупустынной зон и единым генетическим происхождением. Формирование раннеолитических памятников Нижнего Поволжья происходило на местной мезолитической двух-компонентной (истайской и жекалганской) основе. Мезолитическое население жекалганской культуры и истайского культурного типа, занимавшее районы Северного и Северо-Западного Прикаспия и Волго-Уральского междуречья вплоть до низовьев Узеней, оставило после себя сероглазовскую индустриальную традицию обработки камня, продолженную в неолите. Культурогенез среднего и позднего этапов неолита наиболее отчетливо прослеживается по археологическим материалам степной зоны Вол-

го-Уралья и Волго-Донья. Все три культуры нижневолжской общности на протяжении неолита выступают в качестве культур-доноров для лесостепного населения Южного Приуралья, Среднего Поволжья и, в меньшей степени, Среднего Дона. Восприимчивость к внешним воздействиям была ограниченной, хотя географическое положение региона не препятствовало вероятности опосредованных контактов с культурными центрами Передней Азии через Кавказ и Восточный Прикаспий.

История населения неолитического периода впервые рассмотрена в рамках нижневолжской культурно-исторической общности. В настоящее время она включает три культуры: сероглазовскую в Северном Прикаспии (левобережье Волги), джангарскую в Северо-Западном Прикаспии (правобережные районы Волги) и орловскую в степной зоне Поволжья и части Донского левобережья. При сопоставлении материальных комплексов трех культур отмечена близость основных культуроопределяющих признаков, обнаружены единые закономерности в генезисе керамики и каменных орудий. На позднем этапе выявлены тенденции к большей дифференциации культурных признаков, но тем не менее нижневолжская общность выступает цельной культурной единицей как на фоне северных лесостепных культур, так и среди соседних степных культур (ракушечноярской, сурской, тюлузской).

Орловская неолитическая культура в силу своего расположения в более благоприятных климатических условиях, чем сероглазовская и джангарская, выступала стабилизирующим элементом нижневолжской культурной системы. На материалах Варфоломеевской стоянки – уникального исторического источника для степей Восточной Европы – детально прослежены закономерности генезиса керамического и орудийного комплексов среднего и позднего неолита и раннего энеолита. Выделенные культурные особенности в материальных комплексах дали возможность определить хронологическую позицию большей части неолитических па-

мятников Нижнего Поволжья и провести их синхронизацию как внутри нижеволжской общности, так и с памятниками сопредельных культур.

Анализ остеологических коллекций неолитических памятников дал возможность определить хозяйственный тип неолитических культур как комплексный охотничье-рыболовческий, а для орловской культуры отмечен переход к началам производящего хозяйства. Трасологическим анализом определен высокий уровень развития домашних производств – керамического, скорняжного, косторезного. Комплексный анализ археологических материалов в культурно-историческом контексте функционирования Варфоломеевской стоянки позволил проследить процесс зарождения экономики производящего типа и начальный этап доместикации лошади на этапе позднего неолита.

Отмечены общие традиции домостроительства как на протяжении неолитического времени в рамках культур, так и между культурами общности (сероглазовской и орловской).

Впервые для региона всесторонне охарактеризовано декоративно-прикладное неолитическое искусство, расцвет которого связан с зарождением производящей экономики, одомашниванием лошади и усилением межкультурных связей с населением степного и лесостепного поясов Восточной Европы.

Определена генетическая преемственность позднеолитического населения нижеволжской общности и раннеэнеолитических племен Мариупольской культурно-исторической области на примере прикаспийской энеолитической культуры. Расширен ареал прикаспийской культуры, впервые произведена полная характеристика ее поселенческих памятников и материалов, подтвержден самостоятельный культурный статус, уточнено хронологическое положение и доказана культурно-генетическая связь с поздней орловской культурой.

На основе анализа материалов многослойных памятников (Варфоломеевка, Джангар, Кумыска) и широкого технико-типологического сравнения с комплексами волго-уральской, ракушечноярской, среднедонской неолитических культур и ряда культур мариупольской и степной энеолитической областей построена шкала относительной хронологии для неолитического времени региона. Проведено сопоставление со шкалой абсолютной хронологии. Сравнительный анализ показал несовпадение данных стратиграфических наблюдений и радиоуглеродных определений, преимущественно, в части, касающейся хвалынской энеолитической культуры, что отразило сложные этнокультурные процессы на стадии перехода к производящему хозяйству и сложения энеолитических культур. Автором предложен вариант разрешения этого противоречия на допущении независимого развития позднего неолитического и хвалынского населения в разных экологических нишах со своими хозяйственно-культурными типами.

Проведенная работа по синхронизации памятников неолита-энеолита Нижнего Поволжья выявила параллельное развитие культур неолита и энеолита на протяжении практически всего V тыс. до н.э. Особенно наглядно процесс синхронного культурно-исторического развития проявляется во второй половине V тыс. до н.э. Фактически, в приложении к процессам культурогенеза Нижнего Поволжья, V тысячелетие до н.э. выступает в ранге самостоятельного этапа археологической периодизации, когда происходит не просто сосуществование поздне-неолитического и ранне-энеолитического населения, а происходит трансформация неолитических культур на качественно иной уровень (окончательное утверждение производящего хозяйства и переход к использованию металла) в результате расширения межкультурных связей и внешних культурных воздействий. К концу V тыс. до н.э. культуры нижневолжской общности из доноров превращаются в реципиентов, следствием чего является широкое распространение новаций. Культурное развитие неолитического населения посте-

пенно разделяется на две линии – часть населения вовлекается в активные внешние контакты и запускается процесс сложения прикаспийской культуры. Внешняя культурная стимуляция идет по двум направлениям – с юга оказывается хвалынское влияние и с севера – культур лесостепи. К концу неолита культурная картина приобретает мозаичный характер.

В свете синхронного существования культур неолита и энеолита собственно энеолитический период может быть представлен в виде двух этапов – раннего, синхронного с поздним неолитом (V тыс. до н.э.) и позднего (IV тыс. до н.э.). Причем сами энеолитические культуры не сменяют последовательно друг друга, как это представлялось ранее, а развиваются параллельно, на протяжении обоих этапов. Поздний этап хвалынской культуры, которая пока не расчленяется на этапы развития, вероятно находит отражение в какой-то части грунтовых (напр. – Екатериновка – Васильев И.Б., Фадеев И.Г., 2004) и подкурганых (хвалынско-бережновских) захоронений, так как маловероятно самостоятельное возникновения ямного погребального обряда, повторяющего в основных чертах хвалынский. Раннеэнеолитическая прикаспийская линия культурного развития на втором этапе продолжается в памятниках типа Кумыски (керамика второй группы).

Определен пласт позднеэнеолитических бытовых памятников, население которых явилось одним из субстратов последующей ямной культуры эпохи ранней бронзы. Ведущая роль принадлежит группе памятников, выделенных ранее автором в алтатинский культурный тип. Впервые дана всесторонняя характеристика алтатинских комплексов керамики и каменных орудий, установлен синкретичный характер их формирования, сформулированы культурно-хронологические критерии выделения памятников алтатинского типа. Расширение ойкумены алтатинских памятников за пределы степного Заволжья, на территорию степного Правобережья Волги и намеченное распределение стоянок на ранние и поздние предполагает возмож-

ность поднятия в будущем ранга алтатинских памятников до самостоятельной археологической культуры.

В результате анализа культурных связей населения Нижнего Поволжья установлена их активизация в позднем неолите, синхронном раннему энеолиту. Расширение культурных связей и взаимодействий стимулировало переход к производящему хозяйству, окончательная domestикация лошади в энеолите активизировала процессы культурных контактов, наиболее наглядно отразившихся в синкретических керамических комплексах позднего энеолита. Керамические комплексы энеолитического слоя Кумыски, алтатинских степных стоянок и алексеевских лесостепных показывают вовлечение местного населения в широкие интеграционные процессы, проходившие в степной полосе Европы от Урала до Балкано-Карпатского региона и приведшие к сложению ямной культурно-исторической области эпохи ранней бронзы.

Проделанная работа по реконструкции картины культурно-исторических процессов в нео-энеолитическое время на территории Нижнего Поволжья определяет перспективы дальнейших исследований, которые должны быть направлены на разрешение многих спорных вопросов. Это касается ранних этапов обеих эпох. В неолите это вызвано малой источниковой базой, в энеолите – отсутствием серий датировок, полученных естественно-научными методами для алтатинских, прикаспийских и хвалынско-бережновских памятников. Изучение погребальных памятников позволит поставить в дальнейшем вопросы социальной организации и этнической принадлежности неолитического и энеолитического населения региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

- Белановская Т.Д. Отчет и альбом к отчету о работе Нижне-Донской археологической экспедиции (поселение Ракушечный Яр) в 1963 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 2741, 2741а.
- Белановская Т.Д. Отчет о работе Нижне-Донской археологической экспедиции в 1965 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3060, 3060а.
- Белановская Т.Д. Отчет о работе Нижне-Донской археологической экспедиции в 1966 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3475, 3475а.
- Еремин В.И. Отчет о работе Волгоградского отряда Степной неолитической экспедиции Института археологии АН УССР в 1975 году. – Волгоград, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, 5861.
- Малов Н.М. Отчет об археологических разведках, произведенных в Каменском районе Уральской области в 1986 году. – Саратов, 1986 // Архив НИИАЛ СГУ.
- Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях на р.Деркул за 1988 г. – Саратов, 1988 // Архив НИИАЛ СГУ.
- Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях за 1989 г. – Саратов, 1989 // Архив НИИАЛ СГУ.
- Малов Н.М. Отчет об археологических раскопках Волго-Уральской экспедиции в Саратовской области за 1990 г. – Саратов, 1990 // Архив НИИАЛ СГУ.
- Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского Обл. отд. ВООПиК в Волгоградской обл. (Калачевский, Октябрьский, Суровикинский, Средне-Ахтубинский, Иловлинский р-ны) за сезон 1974 г. // Архив ВОКМ. № 33.
- Мельник В.И. Отчет о разведках и раскопках 1977 года Питерского отряда Средневолжской экспедиции Института археологии. – М., 1977 // Архив

ИА РАН. Р-1, № 6562.

Мельник В.И. Отчет первого Питерского отряда Волго-Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР о раскопках и разведках, произведенных в 1978 году. М., 1979 // Архив ИА РАН. Р - 1, № 7299.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Саратовской области летом 1945 г. – Саратов, 1946 // Архив ИА РАН. Р-1, № 9.

Фисенко В.А. Отчет об археологических раскопках на Утесе Степана Разина в 1968 г. – Саратов, 1968 // Архив ИА РАН. Р-1, № 3660.

Шендаков Г.Н. Отчет об археологических разведках в окрестностях г. Камышина Волгоградской обл. в 1963 году. – Волгоград, 1963 // Архив ИА РАН. Р-1, № 2800.

2. Литература

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство // МИА. № 166. 1970. – С. 78-89.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж, 1979. – С. 36-63.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. – Саратов: СГУ, 1990. – 160 с.

Алекшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. – Л.: Наука, 1986. – 192 с.

Амирханов Х.А. Чохское поселение (человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука, 1987.

Амирханов Х.А. Североприкаспийский регион – специфический очаг мезоэнеолитических культур // Проблемы древней истории Северного Прикаспия (тез. докл). – Куйбышев, 1990. – С. 12-13.

Арутюнов С.А. Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культу-

- ры. М., 1985. С. 27-55.
- Астафьев А.Е. Новые материалы с полуострова Мангышлак // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 167-81.
- Астафьев А.Е. Памятники тюлузской культуры на полуострове Мангышлак // Вопросы археологии Западного Казахстана. – Самара, 1996. Вып. 1. – С. 31-45.
- Астафьев А.Е. Стоянка Коскудук 1 – первый опорный энеолитический памятник полуострова Мангышлак (предварительное сообщение) // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. конф. – Оренбург, 2001. – С. 37-38.
- Астафьев А.Е., Баландина Г.В. Энеолитические памятники хвалынского типа полуострова Мангышлак // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 129-159.
- Афанасьев А.П. Влияние климатического оптимума (VII -XII вв.) на среду обитания человека в арктическом регионе // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар, 1991. – С. 35-48.
- Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». – М.-Петроград, 1923. – 134 с.
- Барынкин П.П. Кызыл-Хак I – нывый памятник энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986. – С. 80-94.
- Барынкин П.П. Энеолитический памятник Каир-Шак VI из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 106-118.
- Барынкин П.П. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: Автореф. дисс...канд. ист. наук. 00.00.06. – М., 1992. – 26 с.
- Барынкин П.П. Поволжье и Южное Предуралье в период энеолита (к определению основных характеристик культурных процессов) // XV Уральское археологическое совещание (Тез. докл. междунар. конф.). – Оренбург, 2001. – С. 38-40.

- Барынкин П.П. Культурно-хозяйственная традиция и экологические процессы степного Поволжья в период 10-5 тыс. лет назад // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2002. – Вып. 2. – С. 50-58.
- Барынкин П.П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2003а. – Вып. 3. – С. 47-60.
- Барынкин П.П. Керамический комплекс раннего энеолита Большераковской II стоянки // Краеведческие записки. – Самара, 2003б. – Вып. XI. – С. 4-10.
- Барынкин П.П. Степное Поволжье и Поднепровье в период энеолита (к проблеме культурогенеза и связей) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : Тез. докл. – Волгоград, 2004. – С. 35-35.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на Европейской территории СССР. – Воронеж, 1985. – С. 59-75.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б. Стоянка Хвалынской энеолитической культуры Кара-Худук в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 123-142.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Мезолит и неолит Северного Прикаспия // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы : Тез. докл. – Оренбург, 1986. – С. 14-16.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Стоянка Кзыл-хак II – памятник ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 179-192.
- Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении комплексов памятника) // Древности Восточно-Европейской лесостепи. – Самара, 1991. – С. 94-119.
- Барынкин П.П., Козин Е.В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы

- соотношения нео- энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995. – С. 136-164.
- Барынкин П.П., Козин Е.В. Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене (краткие итоги исследования) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 66-82.
- Барынкин П.П., Плахов В.В. Материалы по неолиту-энеолиту Северного Прикаспия из фондов Астраханского музея // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи : Межвуз. сб. научн. тр. – Воронеж, 1989. – С. 14-20.
- Белановская Т.Д. Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у станицы Раздорской Ростовской области // МИА. 1972. № 185. – С. 262-270.
- Белановская Т.Д. Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону и методы их определения // КСИА. 1978. Вып. 153. – С. 52-56.
- Белановская Т.Д. Орнаментированные изделия из кости и рога неолитического поселения Ракушечный Яр // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л., 1983а. – С. 158-164.
- Белановская Т.Д. Ракушечноярская культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов н/Д., 1983б. – С. 10-15.
- Белановская Т.Д., Тимофеев В.И. Многослойное Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов. – СПб, 2003. – С. 14-21.
- Белецкий В.Д. Археологические разведки на Нижней Волге // СГЭ. – Л., 1962. – Вып. 23. – С. 61-64.

- Бибикова В.И. О происхождении мезинского палеолитического орнамента // СА. 1965. № 1. – С. 3-8.
- Богданов С.В. Материалы типа Касимча-Суворово из окрестностей Новороска в системе энеолитических древностей Восточной Европы // Культурное наследие степей Северной Евразии. – Оренбург, 2000а. – Вып. 1. – С. 8-28.
- Богданов С.В. Проблемы формирования древнейших курганных культур востока южнорусских степей // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск, 2000б. – С. 10-24.
- Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 288 с.
- Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.): Межвуз. сб. науч. тр. – Самара, 1995.
- Братченко С.Н. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. – Київ, 1969. – Т. XXII.
- Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев: КГПИ, 1981. – 130 с.
- Васильев И.Б. Могильник мариупольского времени на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1985. – С. 3-19.
- Васильев И.Б. Расцвет энеолитических культур в Волго-Уральской лесостепи // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей: Матер. к междунар. конф. – Челябинск, 1999. – С. 90-93.
- Васильев И.Б. Некоторые итоги изучения энеолита Волго-Уральской степи и лесостепи // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Матер. научн. конф. – Ижевск, 2000. – С. 81-84.
- Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской сте-

- пи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2003а. – Вып. 3. – С. 61-99.
- Васильев И.Б. Некоторые проблемы исследования самарской энеолитической культуры в лесостепном Волго-Уралье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. – Пермь, 2003б. – С. 16-17.
- Васильев И.Б. Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников в Поволжье // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. – М., 2003в. – С. 55-58.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов, 1986. – С. 3-20.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев: КГПИ, 1988. – 112 с.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980. – С. 151-189.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986. – С. 6-31.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каир-Шак III // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 18-45.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М. Мезолит Северного Прикаспия (итоги и задачи изучения). Препринт. – Свердловск-Самара, 1991. – 32 с.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на реке Самаре // СА. 1979. № 4. – С. 147-166.
- Васильев И.Б., Непочатых В.А. Ивановская стоянка // Неолит и бронзовый

- век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977а. – С. 28-33.
- Васильев И.Б., Непочатых В.А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Средневожская археологическая экспедиция. – Куйбышев, 1977. – С. 66-76.
- Васильев И.Б., Непочатых В.А., Пестрикова В.И. Раскопки и разведки на севере Саратовской области // АО – 1975. М., 1976. – С. 163-164.
- Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век: СНЦ РАН. – Самара, 2000. – С. 216-277.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. – Куйбышев: КГПИ, 1985. – 118 с.
- Васильев И.Б., Фадеев, В.Г. Сосуд из грунтового могильника ямной культуры на юге Самарской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. – Волгоград, 2004. – С. 43-46.
- Васильев Ю.М. Антропоген Южного Заволжья // Тр. ГИН. М., 1961. – Вып. 49. – С. 19-25.
- Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII-начало XI века). – Воронеж: ВГУ, 1995. – 168 с.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. – М.: Наука, 1986. – 200 с.
- Вискалин А.В. Памятники накольчатой керамики Волго-Камья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Ижевск, 1999а. – 19 с.
- Вискалин А.В. Культурно-хронологические группы накольчатого неолита Среднего Поволжья и Прикамья // Историко-археологические изыскания: Сборник трудов молодых ученых. – Самара, 1999б. – Вып. 3. – С. 3-14.
- Вискалин А.В. Культурные связи накольчатого неолита Среднего Поволжья и Прикамья // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 1999в. – Вып. 3. – С. 44-54.

- Воробьев В.Б. Разведки на Узнях // АО - 1985. М., 1987.
- Выборнов А.А. Спорные вопросы в изучении неолита Нижнего Поволжья // Исторические исследования. – Самара, 1997. – С. 3-10.
- Выборнов А.А. О сероглазовской культуре // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Тез. докл. – Саратов, 2000. – С. 26-28.
- Выборнов А.А. Неолит лесостепного Поволжья и лесные культуры // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Матер. междунар. научн. конф. – Ижевск, 2002. – С. 64-70.
- Выборнов А.А. О раннем неолите Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Специальный выпуск «Новые гуманитарные исследования». Самара, 2005. – С. 152-159.
- Выборнов А.А., Козин Е.В. Неолитическая стоянка Каиршак 1 в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 92-105.
- Воеводский М.В., Алихова-Воеводская А.Е. Авдеевская палеолитическая стоянка // КСИИМК. – 1950. – Вып. 31.
- Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V-III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ФЭН, 2003. – 226 с.
- Габяшев Р.С., Никитин В.В., Николаев В.В. Отарское VI поселение // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. – С. 17-31.
- Галкин Л.Л., Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // СА, 1977. № 3. – С. 189-196.
- Галкин Л.Л., Гражданов Ю.Д., Ким М.Г., Мельник В.И., Пярых Г.Г., Хреков А.А. Раскопки на р. М. Узень в Саратовском Заволжье // АО - 1978. М., 1979. – 162-163.
- Гапочка С.Н. Неолитические памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой лесостепного Дона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук:

- 07.00.06. – Воронеж, 2001. – 23 с.
- Гвоздовер М.Д. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году // КСИИМК. 1950. – Вып. 31. – С. 20-28.
- Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // МИА. – 1953. – № 39.
- Гвоздовер М.Д. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // СА, 1985а. – № 1. – С. 9-22.
- Гвоздовер М.Д. Орнамент на изделиях костенковской культуры // Советская антропология, 1985б. – № 1. – С. 27-48.
- Горашук И.В. Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2003. – Вып. 3. – С. 118-133.
- Горашук И.В., Комаров А.М. Мезолитические охотники юга Волго-Уральского междуречья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 14-30.
- Горбунов В.С. Источники, факторы, механизмы и процессы культурогенеза лесостепного Волго-Уралья эпохи бронзы // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья (тез. докл). Саратов, 1991.
- Горецкий Г.И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // СА. 1952. Т. XVI. – С. 302-319.
- Гурина Н.Н. Некоторые образцы изобразительного искусства древних племен Кольского полуострова // КСИА. 1986. – Вып. 185. – С. 3-8.
- Даниленко В.Н. Неолит Украины. – Киев: Наукова думка, 1969. – 259 с.
- Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. – Киев: Наукова думка, 1974. – 176 с.
- Даниленко Т.А. Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1985. – С. 34-47.
- Деревягин Ю.В. Археологические памятники в бассейне реки Большого

- Узенья // Археологический сборник. – Саратов, 1966. – С. 84-89.
- Дремов И.И. Ураков Бугор: материалы раннего мезолита, средней и финальной бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. – Саратов, 2001. – Вып. 4. – С. 124-133.
- Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. 1992. – № 4. – С. 18-31.
- Дубягин П.С., Чикризов Ф.Л., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы неолита-бронзы из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982. – С. 95-134.
- Еремин В.И. Неолитическое поселение Каменка I // Историко-краеведческие записки. – Волгоград, 1975. – Вып. III. – С. 103-109.
- Еремин В.И. Новые памятники неолита и энеолита в Волгоградской области // АО – 1975. М., 1976. – С. 177-178.
- Еремин В.И. Стоянки предьямного и ямного времени на территории Нижнего Поволжья // Историко-краеведческие записки. – Волгоград, 1977. Вып. V. – С. 53-69.
- Еремин В.И. Неолитические поселения северо-западных районов Волгоградской области // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 71-89.
- Зайковский Б.В., К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века // Тр. СУАК. – Саратов, 1913. – Вып. 30. – С. 191-187.
- Захариков А.П. Многослойная стоянка Непряхино (предварительная публикация) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. – Саратов, 1997. – Вып. 2. – С. 99-123.
- Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности поселения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос.Петровка 2) // Проблемы археологии Урало-Казахстан-

- ских степей. – Челябинск, 1988. – С. 60-79.
- Зими́на М.П. Стоянка Старая Яксарка // КСИА. – 1980.– Вып. 161. – С. 57-61.
- Иванов И.В. Изменение природных условий степной зоны в голоцене // Изв. АН СССР: Сер. Географическая. – 1983. – № 2. – С. 26-40.
- Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. – М., 1995. – 264 с.
- Ильина А., Шишкин П. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Калмыцкого округов Нижневолжского края. – Сталинград, 1929. – 50 с.
- Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). – М.: Наука, 1992. – 136 с.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара: СНЦ РАН, 2000. – 312 с.
- История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П.Тотфалушина. – Саратов: Детская книга, 2000. – 416 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до н.э. – Кустанай, 1997. – 180 с.
- Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 28-39.
- Килейников В.В. Хозяйство населения донской лесостепной срубной культуры (по данным экспериментально-трассологического анализа орудий труда): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Л., 1985.
- Килейников В.В., Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи: Межвуз. сб. научн. тр. – Воронеж, 1989. – С. 119-126.
- Килейников В.В., Юдин А.И. Костяные орудия и изделия Варфоломеев-

- ской стоянки // Археологические вести. – Саратов, 1993. – Вып. 1. – С. 63-86.
- Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. – Волгоград: ВГУ, 2002. – 268 с.
- Кияшко А.В. Вопросы абсолютной хронологии эпохи средней бронзы степей Юго-Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. – Волгоград, 2004. – С. 86-90.
- Кияшко В.Я. Многослойное поселение Раздорское 1 на Нижнем Дону // КСИА. 1987. – Вып. 192. – С. 73-80.
- Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. – Азов, 1994. – Вып. 3. – С. 131 с.
- Кияшко В.Я., Поплевко Г.Н. Кремневые наконечники стрел Константиновского поселения // Историко-археологические изыскания в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. – Азов, 2000. – Вып. 16. – С. 241-258.
- Ковалева В.Т. К.В.Сальников и проблема изучения боборыкинской культуры // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. конф. – Челябинск, 1999. – С. 25-27.
- Ковалева И.Ф., Морковина В.И. Неолитическое поселение Турова Гора в Приорелье // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1989. – С. 27-44.
- Козин Е.В. Новые материалы по неолиту Северного Прикаспия // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж, 1989. – С. 9-14.
- Козин Е.В. О культурном своеобразии памятников неолита Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тез. докл. конф. – Куйбышев, 1990. С. 24-25.
- Козин Е.В. Неолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Ижевск, 2002. – 27 с.
- Козин Е.В., Комаров А.М. Памятник раннеолитического времени в юж-

- ной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 6-18.
- Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у с.Нижняя Орлянка на реке Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995. – С. 50-110.
- Кольцов П.М. Результаты археологических разведок 1976-1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста, 1982. – С. 100-107.
- Кольцов П.М. Поселение Джангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев, 1984. – С. 79-91.
- Кольцов П.М. Неолит Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 18 с.
- Кольцов П.М. Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 53-92.
- Кольцов П.М. Ранненеолитическая стоянка Ту-Бузгу-Худук 1 в Северо-Западном Прикаспии // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 89-105.
- Кольцов П.М. О культурной принадлежности неолитических памятников Северного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. – Элиста, 1990а. – С. 62-71.
- Кольцов П.М. Хронология неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. – Элиста, 1990б. – С. 27-50.
- Комаров А.М. Мезолит Северного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Ижевск, 2000. – 20 С.
- Комаров А.М. Проблема периодизации и хронологии мезолита Северного Прикаспия // Исторические исследования. – Самара, 2002. – Вып. 4. – С. 3-10.

- Королев А.И. Энеолит Примокшанья и верхнего Посурья (итоги и задачи исследования) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Матер. научн. конф. – Ижевск, 2000. – С. 88-91.
- Королев А.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания. – Самара, 1997. – Вып. 2. С. 3-13.
- Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: проблема южных связей // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. конф. – Челябинск, 1999. – С. 27-28.
- Косинцев П.А., Варов А.И. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. – Самара, 1996. – С. 29-31.
- Косменко М.Г. Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. 1977. – Вып. 149. – С. 94-100.
- Котова Н.С. Материалы к проблеме доместикации лошади // Проблемы археологии бассейна Дона. – Воронеж, 1999. – С. 51-52.
- Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. – 268 с.
- Кравченко А.И. Культурология: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2001.
- Кременецкий К.В. Палеоэкология древнейших землевладельцев и скотоводов Русской равнины. – М., 1991. – 194 с.
- Крижевская Л.Я. К вопросу о неолите Северо-Восточного Прикаспия // МИА. № 185. – Л., 1972. – С. 271-279.
- Крупник И.И. Основные направления этноэкологии американской Арктики // Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988.
- Крюкова Е.А. Образ лошади в искусстве степного населения эпохи энеолита – ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2003. – Вып. 3. – С. 134-143.
- Кузнецов П.Ф. Проблемы отражения параметров времени в культурах

- бронзовой поры степной зоны Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: Тез. докл. – Волгоград, 2004. С. 25-30.
- Кузнецова Л.В., Седова М.С. Курганный могильник срубной культуры у с.Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. 1991. № 3. – С.
- Кузнецова Л.В., Скупова Т.Ю. Постников овраг – археологический памятник эпох камня – средневековья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. – Куйбышев, 1987. – С. 3-29.
- Кузьмина И.Е. Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 173-188.
- Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995. – С. 25-50.
- Культурология: XX век: Словарь. – С.Пб.: Университетская книга, 1997.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С. 87-104.
- Ластовский А.А., Комаров А.М. Памятники с микролитическим инвентарем низовьев р. Малый Узень // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 42-51.
- Лесостепь и степь Русской равнины. – М.: Наука, 1956. – 256 с.
- Лопатин В.А. Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 135-146.
- Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. – Саратов: СГУ, 2002. – 136 с.
- Лопатин В.А. Искусство первобытного общества: Учебно-методич. пособие. – Саратов: СГУ, 2006. – 24 с.
- Лопатин В.А., Миронов В.Г., 1983. Работы Заволжского отряда // АО - 1981. – М. – С. 154-156.

- Макаренко М. Маріюпільський могильник: ВУАН. – Київ, 1933. – 152 с.
- Максимов Е.К., Малов Н.М. Археология России: Учебно-методич. пособие. – Саратов: СГУ, 2000. – 24 с.
- Малов Н.М. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев, 1982. – С. 82-94.
- Малов Н.М. Раскопки поселений на Волге // АО – 1985. – М., 1987. – С. 189-190.
- Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995. – С. 3-25.
- Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 1999. – Вып. 1. – С. 15-43.
- Мамонтов В.И. Подъемный материал с Пятиморской стоянки // КСИА. 1969. – Вып. 115. – С. 103-115.
- Мамонтов В.И. Материалы Пятиморской стоянки // СА. 1970. № 2. – С. 136-148.
- Мамонтов В.И. Поздненеолитическая стоянка Орловка // СА. 1974. № 4. – С. 254-158.
- Мамонтов В.И. Подъемный материал поселения Ложки // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 1991. – Вып. 2. – С. 64-71.
- Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход // Системные исследования. М.: Наука, 1981. – С. 27-45.
- Массон В.М. Поселение Джейтун // МИА. 1971. № 180.
- Массон В.М. Первые цивилизации. – Л.: Наука, 1989. – 278 с.
- Массон В.М. Феномен культуры и культурогенез древних обществ // Археологические культуры и культурная трансформация. Л., 1990. С. 4-11.
- Массон В.М. Феномен ранних комплексных обществ в древней истории // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991. С. 5-10.
- Матюхин А.Д. Исследование курганов у с.Большая Дмитриевка // Древно-

- сти Волго-Донских степей. – Волгоград, 1992. – Вып. 2. – С. 49-53.
- Матюшин Г.Н. О нижневолжских микролитах // СА. 1968. № 2. – С. 237-241.
- Матюшин Г.Н. Экологические кризисы, производящее хозяйство и цивилизации // Древности: Тр. РАО. – М., 1992. – Вып. 3. – С. 17-71.
- Матюшин Г.Н. Неолит Южного Урала. Предуралье. М., 1996. – 302 с.
- Мелентьев А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. – 1975. – Вып. 141. – С. 112-117.
- Мелентьев А.Н. К вопросу о времени и генезисе раннего неолита Северного Прикаспия (памятники сероглазовского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1976. – С. 11-13.
- Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев, 1976б. – С. 13-14.
- Мелентьев А.Н. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия // КСИА. 1978. – Вып. 153. С. 99-103.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – 168 с.
- Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980.
- Минаева Т.М. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья // Тр. НВОК. – Саратов, 1929. – Вып. 36. Ч. 1. – С. 46-53.
- Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980. – С. 104-123.
- Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья: Автореф дисс. ... канд.ист.наук: 07.00.06. – М., 1984а. – 21 с.
- Моргунова Н.Л. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской

- культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев, 1984б. – С. 58-78.
- Моргунова Н.Л. Хозяйство населения волго-уральской и самарской культур // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: Тез. докл. конф. – Оренбург, 1986а. – С. 12-14.
- Моргунова Н.Л. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986б. – С. 31-36.
- Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989. – С. 118-135.
- Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья: ОГПИ – УрО РАН. – Оренбург, 1995. – 224 с.
- Моргунова Н.Л. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпохи неолита – энеолита – ранней бронзы: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук.: 07.00.06. – Москва, 1997. – 32 с.
- Моргунова Н.А. К вопросу о возникновении и развитии скотоводства в Волго-Уральском междуречье // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002. – С. 153-155.
- Наумов И.Н. Неолитическая стоянка Лагутинская на р. Чир // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград, 1990. – Вып. 1. С. 30-34.
- Наумов И.Н. Поселение позднего неолита-энеолита на реке Бузулук // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград, 1992. – Вып. 2. – с. 70-79.
- Наумов И.Н. Погребения позднеэнеолитических поселений на р.Бузулук // Древности Волго-Донских степей. – Волгоград, 1995. – Вып. 5. – С. 58-60.
- Наумов И.Н. Экологические факторы формирования и развития в поволжско-нижнедонских степях неолитической культурно-хозяйственной общности // Вопросы краеведения. – Волгоград, 2002. – Вып. 7. – С. 48-50.

- Наумов И.Н. С¹⁴ хронология и факторы распространения навыков доместики лошади на территории Восточной Европы // Происхождение и распространение колесничества. – Луганск: ВНУ, 2003. – С. 7-20.
- Наумов И.Н. Неолит Поволжско-Донских степей (проблемы хронологии, периодизации и культурно-хозяйственного развития): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.: 07.00.06. – Воронеж, 2004. – 26 с.
- Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – 379 с.
- Нечитайло А.Л. Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. 1996. № 4. – С. 18-30.
- Нечитайло А.Л. XX: новоданловская культура. Итоги изучения // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. научн. конф. – Оренбург, 2001. – С. 52-53.
- Нечитайло А.Л. Единство культур и вмещающего ландшафта // Сучасні проблеми археології. – Київ, 2002. – С. 158-160.
- Нечитайло А.Л. Степь и человек в эпоху энеолита // Древности. – Москва-Казань, 2003а. – Вып. 36. – С. 107-124.
- Нечитайло А.Л. Анализ общего состояния металлургического производства Украины и сопредельных регионов в эпоху раннего металла // Проблеми гірничої археології (матеріали І-го Картамиського польового археологічного семінару). – Алчевськ: ДГМІ, 2003б. – С. 20-37.
- Нечитайло А.Л., Козюменко Е.В., Жеребилов С.Е. Новые объекты эпохи энеолита в Нижнем Подонье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Матер. междунар. конф. – Саратов, 1997. – Ч. 2. – С. 40-57.
- Нижнее Поволжье. Физико-географическое описание. – М.-Л., 1948.
- Никитин В.В. Каменный век Марийского края // Тр. МАЭ. Йошкар-Ола, 1996. Т. IV.
- Никитин В.В. Неолитические культуры лесной полосы Средней Волги в системе неолита Урала и Поволжья // XV Уральское археологическое со-

- вещание: Тез. докл. междунар. конф. – Оренбург, 2001. – С. 53-54.
- Овчинникова Н.В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. – Самара, 1995. – С. 164-190.
- Овчинникова Н.В. Хронология и периодизация энеолитических поселений в лесостепном Поволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточно-европейского бронзового века: Матер. междунар. науч. конф. Волгоград, 1996. – С. 11-15.
- Овчинникова Н.В. Памятники позднего энеолита в лесостепном Поволжье // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф.). Оренбург, 2001. – С. 54-55.
- Орехов В.Ф. Две раскопки на церковной земле села Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. 1916. – Вып. 33.
- Отрощенко В.В. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры // СА. 1974. № 4. – С. 72-81.
- Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.: 07.00.06. – М., 1987. – 18 с.
- Петренко А.Г. Проблемы истории животноводства на востоке европейской части СССР // Древности: Тр.РАО. – М., 1992. – Вып. 3. С. 81-98.
- Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. – Казань: РИЦ «Школа», 2000. – 156 с.
- Поликарпович К.М. Палеолит Верхнего Поднепровья. – Минск, 1968.
- Попова Т.Б., Памятники срубной культуры в окрестностях с.Быково // МИА. 1960. № 78. – С. 269-281.
- Праслов Н.Д. Памятники каменного века Южных Ергеней // КСИА. 1971. – Вып. 126. – С. 102-107.
- Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Во-

- ронеж: ВГУ, 1982. – 160 с.
- Пряхин А.Д., Килейников В.В. Хозяйство жителей Мосоловского поселения эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трассологического анализа орудий труда) // Археологические памятники эпохи средней бронзы восточно-европейской лесостепи. – Воронеж, 1986.
- Рассамакин Ю.Я. Проблемы периодизации энеолитических памятников Поволжья, Подонья и Северного Причерноморья на примере развития «скелянской» погребальной традиции // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. научн. конф. – Самара, 2001. – С. 84-94.
- Резепкин А.Д. К вопросу об эволюции энеолитических скипетров // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.-V век н.э.): Матер. III Междунар. конф. – Тирасполь, 2002. – С. 66-70.
- Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1. – С. 24-46.
- Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 784 с.
- Рыков П.С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье в 1929 г. // Изв. НВИК. – Саратов, 1931. Т. IV. – С. 49-79.
- Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. – Саратов, 1936. – 152 с.
- Сайгин Ф.И., Юдин А.И. Каменные орудия Кушумской стоянки // СА. 1991. № 4. – С. 192-205.
- Самашев З.С., Ермолаева А.Е., Тепловодская Т.М., Галкин Л.Л., Токсанбай – памятник протогородской цивилизации Казахстана (предварительное сообщение) // Известия Академии гуманитарных наук Республики Казахстан. 1998. № 1. – С. 86-99.
- Синицын И.В. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области // Изв. НВИК. Т. VI. – Саратов, 1931. – С. 83-91.

- Синицын И.В. Археологические работы в Саратовской области в 1945 г. // КСИИМК. 1947. Вып. 17. – С. 175.
- Синицын И.В. Археологические памятники по реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан) // КСИИМК. 1950. – Вып. XXXII. – С. 101-112.
- Синицын И.В. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем // КСИА АН УССР. – Киев, 1957. – Вып. 7. – С. 32-35.
- Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда: 1951-1953 // МИА. 1959. № 60. – С. 39-205.
- Синицын И.В. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья // УЗ СГУ. – Саратов, 1960а. – Т. 68. – С. 7-12.
- Синицын И.В. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия // Тр. СОМК. – Саратов, 1960б. – Вып. 3. – С. 133-152.
- Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.) // МИА. 1960в. № 78. С. 10-168.
- Синицын И.В. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. – Саратов, 1966. – С. 3-83.
- Синицын И.В., Эрдниева У.Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962-1963 гг.). – Элиста, 1966. – Вып. 2.
- Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита – бронзы в бассейне Дона // СА, 1981. № 4. – С. 8-20.
- Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. - Воронеж: ВГУ, 1986. – 180 с.
- Синюк А.Т., Гапочка С.Н. К истории изучения культурной принадлежности, периодизации и хронологии неолитических памятников лесостепного Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж, 2005. – С. 40-51.
- Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской

- области // МИА. 1959. № 60. – С. 206-322.
- Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.
- Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. 1999. № 1. – С. 23-30.
- Ставицкий В.В. Медно-каменный век лесных районов Пензенского края // Краеведение. – Пенза, 1997а. № 2. – С. 28-34.
- Ставицкий В.В. Поселения Верхнего Посурья с гребенчато-накольчатой керамикой // Историко-археологические изыскания. – Самара, 1997б. – Вып. 2. С. 13-26.
- Ставицкий В.В. Некоторые итоги охранных исследований в Посурье Пензенской неолитической экспедиции // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. – Саратов, 1998. – Вып. 3. – С. 40-47.
- Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. – Пенза, 1999а. – 196 с.
- Ставицкий В.В. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Ижевск, 1999б. – 17 с.
- Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево 2 и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. – Ростов-на-Дону, 2002. – Вып. 2. – С. 91-103.
- Ставицкий В.В. Некоторые проблемы изучения хвалынской энеолитической культуры // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. – М., 2003. С. – 58-60.
- Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения нижневолжского неолита // Историко-археологические изыскания. – Самара, 2004. – Вып. 6. – С. 205-218.
- Ставицкий В.В., Хреков А.А. Неолит – ранний энеолит Посурья и Прихо-

- перья. – Саратов: СГУ, 2003. – 168 с.
- Столяр А.Д. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита // МИА. 1972. – № 185.
- Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние памятники окского бассейна. – Рязань, 1993. – С. 42-55.
- Телегин Д.Я. К методике составления типологическо-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи // Орудия каменного века. – Киев, 1978. – С. 35-57.
- Телегин Д.Я. Про неолітичні пам'ятки Подоння та Степового Поволжжя // Археологія. 1981. – Вип. 36. – С. 8-19.
- Телегин Д.Я. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднестровье и степном Левобережье Украины // Археология Украинской ССР. – Киев, 1985. – Т. I. – С. 305-320.
- Телегин Д.Я. Области культур эпохи неолита юга европейской части СССР, их хронология и периодизация // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы. – Днепропетровск, 1988. – С. 33-56.
- Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. – Киев: Наукова думка, 1991. – 96 с.
- Телегин Д.Я. Еще раз о выделении памятников новоданиловского типа эпохи меди // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. – Киев, 1991а. – С. 60-61.
- Телегин Д.Я. К вопросу о нео-энеолитическом времени на юго-западе Восточной Европы // Матеріали міжнародної археологічної конференції “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя)”. – Дніпропетровськ, 1999. – С. 27-30.
- Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В. Среднесто-

- говская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. – Луганск: Шлях, 2001. – 152 с.
- Третьяков В.П. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // СА. 1974. № 1. – С. 208-213.
- Третьяков В.П. Стоянка Каменка // Тез. докл. 1-го Поволжского археолого-этнографического совещания. Казань, 1974. – С. 8-9.
- Третьяков В.П., Выборнов А.А. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. – Куйбышев: КГПИ, 1988. – 88 с.
- Трифонов В.А. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Матер. междунар. науч. конф. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 3-5.
- Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. науч. конф. – Самара, 2001. С. 71-82.
- Турецкий М.А. О периодизации и хронологии ямных памятников Среднего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. научн. конф. – Самара, 2001. – С. 125-129.
- Фисенко В.Ф. Племена ямной культуры Юго-Востока. – Саратов: СГУ, 1970. – 48 с.
- Формозов А.А. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита // Советская этнография. 1953. № 1. – С. 168-172.
- Формозов А.А. Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. 1959. № 2. – С. 47-59.
- Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1966. – 128 с.

- Формозов А.А. Искусство эпохи мезолита и неолита // МИА. 1970. № 166. – 194-205.
- Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
- Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
- Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 03.00.14. – М., 1998. – 23 с.
- Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век – Самара, 2000. – С. 309-332.
- Хреков А.А. Работы Балашовского краеведческого музея // АО - 1981. – М., 1983. – С. 98-99.
- Хреков А.А. Исследования в бассейне р.Хопер // АО – 1985. М., 1987. – С. 115.
- Хреков А.А. Исследования в лесостепном Прихоперье // АО – 1986. – М., 1988. – С. 197-198.
- Хреков А.А. Археологические памятники лесостепного Прихоперья с микролитическим инвентарем и накольчатой керамикой // Проблемы древней истории Северного Прикаспия: Тез. докл. конф. – Куйбышев, 1990. – С. 27-28.
- Хреков А.А. Ранненеолитические стоянки лесостепного Прихоперья // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 1992. – Вып 3. – С. 74-88.
- Хреков А.А. Раннеэнеолитические памятники лесостепного Прихоперья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – С. 64-77.
- Хреков А.А. Неолитические погребения стоянки Рассказань-III // Археоло-

- гическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998-2000 годах. – Саратов, 2001. Вып. 4. – С. 3-21.
- Хреков А.А., Юдин А.И. Многослойная стоянка Шапкино VI // Вопросы археологии Поволжья. – Самара, 2003. – Вып. 3. – С. 16-46.
- Цыбрий А.В. Неолитические памятники Восточного Приазовья // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов. – СПб, 2003. – С. 41-55.
- Цыбрий А.В. Неолит Восточного Приазовья и долины Маньчуга: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – СПб., 2005. – 18 с.
- Цыбрий В.В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. – СПб., 2005. – 18 с.
- Цыбрий В.В., Кияшко В.Я. Изделия из кости стоянки Раздорская 2 на Нижнем Дону // Неолит – энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы: новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов. – СПб, 2003. – С. 30-40.
- Черносвитов П.Ю. Проблема исторических реконструкций как задача моделирования // Методы реконструкции в археологии. – Новосибирск: Наука, 1991. С. 3 – 42.
- Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М., 2000. – 95 с.
- Черкасова Е.В., Петропавловская энеолитическая стоянка в Саратовском Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 1992. – Вып. 3. – С. 18-21.
- Шабанов М.А. О степной провинции сыртовой равнины Заволжья // Научные доклады высшей школы: Геолого-географические науки. 1959. № 1. – С. 178-181.
- Шабанов М.А. Заволжская степная провинция и ее подзоны // Степи Нижнего Поволжья. – Саратов: СГУ, 1964. – С. 3-17.
- Шапошникова О.Г. Памятники Нижнемихайловского типа // Археология

- Украинской ССР. – Киев, 1985. – Т. I. – С. 324-331.
- Шишлина Н.И. Степной энеолит Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные столетию деятельности в Государственном Историческом музее В.А.Городцова: Тез. конф. – М., 2003. – С. 44-67.
- Шишлина Н.И., Александровский А.Л., Чичагова О.А., ван дер Плихт Й. Хронологическая позиция ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Матер. междунар. научн. конф. – Самара, 2001. – С. 117-123.
- Шнадштейн Е.В. Исследования в Калмыкии // АО – 1976. – М., 1977. – С. 182-183.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 182 с.
- Эрдниев У.Э. Древнейшие следы человека на территории Калмыкии. Палеолит и неолит // Очерки истории Калмыцкой АССР Ч. 1.. – М., 1967. – С. 21-28.
- Юго-Восток Европейской части СССР. – М.: Наука, 1971.
- Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1986. – С. 35-56.
- Юдин А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка (первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1988. – С. 142-172.
- Юдин А.И. Древнейшие поселенческие памятники степного Заволжья //Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 1989а. Вып. 1. – С. 55-66.
- Юдин А.И. Энеолитическое поселение Пшеничное на р.Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев, 1989б. – С. 146-167.
- Юдин А.И. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки //Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов, 1991. – Вып. 2. – С. 3-14.

- Юдин А.И., Памятники прикаспийской культуры степного Заволжья // Краеведческие чтения (доклады и сообщения IV - VI чтений). Саратов, 1994. – С. 82-83.
- Юдин А.И. Неолит и энеолит степного Заволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – М., 1995. – 16 с.
- Юдин А.И. Новые памятники энеолита-бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – С. 38-37.
- Юдин А.И. Исследования Варфоломеевской стоянки в 1996 году (к характеристике материального комплекса слоя 2А) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. – Саратов, 1997. – Вып. 2. – С. 16-40.
- Юдин А.И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998а. – С. 83-105.
- Юдин А.И. Общие тенденции в развитии культур неолита степного Поволжья и Нижнего Дона // Проблемы археологии юго-восточной Европы: Тез. докл. – Ростов н/Д., 1998б. – С. 28-29.
- Юдин А.И. Разведки и раскопки в Саратовском Поволжье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. – Саратов, 1999а. – Вып. 3. – С. 25-40.
- Юдин А.И. Многослойное поселение Кумыска на р.Торгун // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. – Саратов, 1999б. – Вып. 3. – С. 122-157.
- Юдин А.И. Искусство населения Степного Поволжья в неолитическое время // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова: Тез. докл. М., 1999в. – С. 66-69.
- Юдин А.И. Энеолитические стоянки Алтатинского типа в степном Волго-Уральском междуречье // Матеріали міжнародної археологічної конфе-

- ренції “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам’яного віку по ранне середньовіччя)”. – Дніпропетровськ, 1999. – С. 51-54.
- Юдин А.И. Культурные контакты и связи населения Нижнего Поволжья в неолитическое время // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2000а. – Вып. 3. – С. 41-57.
- Юдин А.И. Жилые постройки Варфоломеевской стоянки // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000б. – С. 10-11.
- Юдин А.И. О чертах сходства орловской и волго-уральской неолитических культур: контакты или миграции? // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Оренбург, 2001. – С. 52-63.
- Юдин А.И. Костяные предметы искусства из коллекции Варфоломеевской стоянки // РА. 2003а. № 4. – С. 9-24.
- Юдин А.И. Нижневолжская культурная общность эпохи неолита: проблемы формирования, контактов и эволюции // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Гос. Ист. музее: Тез. докл. конф. Ч. 1. – М., 2003б. – С. 36-39.
- Юдин А.И. Хозяйство населения орловской неолитической культуры // Археологические записки. – Ростов-на-Дону, 2003в. – Вып. 3. – С. 90-96.
- Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. – Саратов: СГУ, 2004. – 200 с.
- Яковлева Л.А. Позднепалеолитические схематические статуэтки женщин территории Поднепровья // Первобытная археология. – Киев, 1989. – С. 42-54.
- Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. – Кишинев: Штиинца, 1985. – 126 с.
- Anthony D.W., Brown D.R., The origins of horseback riding // Antiquity, 1991. Vol. 65. № 246. – PP. 21-38.

- Deacon H.J. Late Pleistocene palaeocology and archaeology in the Southern Cape, South Africa // *The human revolution*. Edinburg. 1989.
- Gimbutas M. *The Prehistory of Eastern Europe. Part I: Mesolithic, Neolithic and Copper Age Cultures in Russia and the Baltic Area* // American School of Prehistoric Research Peabody Museum, Harvard University. – Cambridge, Massachusetts, USA: Published by the Peabody Museum, 1956. – 282 p.
- Gimbutas M. *The Relative Chronology of Neolithic and Chalcolithic Cultures in Eastern Europe North of the Balkan Peninsula and the Black Sea* // *Chronologies in Old World Archaeology*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1966. – PP. 459-502.
- Gimbutas M. *The First of Eurasian steppe Pastoralists into Copper Age Europe* // *The Journal of Indo-European Studies*. – Vol. 5. 1978. – PP. 277-290.
- Vasiliev I., Vybornov A. *The Neolithic of North Caspian Sea Area*. Samara, 1998. – 36 p.

Список сокращений

АО	– Археологические открытия
ВНУ	– Восточноукраинский национальный университет
ВОКМ	– Волгоградский областной краеведческий музей
ГИН	– Геологический институт РАН
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МАЭ	– Марийская археологическая экспедиция
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НВИК	– Нижнее-Волжский институт краеведения
НВОК	– Нижне-Волжское общество краеведения
НИАЛ СГУ	– Научно-исследовательская археологическая лаборатория Саратовского государственного университета
РА	– Российская археология
РАО	– Российское археологическое общество
РК	– Республика Казахстан
СА	– Советская археология
СГЭ	– Сообщения Гос. Эрмитажа
СОМК	– Саратовский областной музей краеведения
СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ	– Советская этнография.
УЗ СГУ	– Ученые записки Саратовского государственного университета

ПРИЛОЖЕНИЯ

к работе:

ЮДИН Александр Иванович

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Специальность 07.00.06 – археология

Диссертация

на соискание ученой степени доктора исторических наук

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦЫ

Характеристика комплексов каменных орудий памятников алтатинского типа

Наиболее характерные категории орудий	Стоянки				
	Алтата	Пшеничное	Монахов 1	Первомайская	Петропавловка
1. Скребки на отщепах	+	+	+	+	+
2. Крупные ножи на отщепах	+	+	+	+	+
3. Наконечники стрел:					
- ромбовидные с выемкой в основании	+	+	+	+	~
- ромбовидные с усеченным основанием	+	+	+	+	~
- подтреугольные	+	+	+	+	~
- листовидные с усеченным или выемчатым основанием	+	+	-	+	~
4. Орудия скобляще-режущего типа	+	+	+	-	~
Материал и способ его расщепления					
Количество изделий из кварцита (в %)	98	95	99	92	95
Количество орудий на отщепах (в %)	90	92	82	75	~

Прим.: «+» - обнаружены; «-» - не обнаружены; «~» - нет данных

Таблица 7

Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А. Распределение орнаментальных композиций по группам сосудов

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																				
	прочерченный									прочерченно-накольчатый.							нак.-пр.		другой		б/о
	1	2	3	4	5	6	7	9	10	1	2	3	4	5	6	7	1	2	1	2	
1	1	4	2	2	1	-	3	3	2	2	2	-	-	-	-	1	-	-	2	-	3
2	-	10	1	2	1	2	2	-	-	1	1	5	1	2	3	-	3	3	2	2	4
2Н	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	1	2	-	1	-	-	1	-	-	-	1	7	-	-	-	-	1	-	-	-	1
4	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	2	17	3	5	2	2	6	3	2	3	6	12	1	2	3	1	4	3	4	-	8

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																				
	накольчатый																				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	20	21	
1	19	6	5	2	1	2	1	2	-	3	-	3	1	-	-	1	1	-	-	3	
2	17	16	14	2	3	1	6	12	-	11	1	5	1	1	-	3	1	1	-	2	
2Н	14	16	11	1	1	1	-	17	1	2	1	1	-	1	4	-	-	-	-	-	
3	4	9	6	-	-	-	2	2	1	4	-	2	-	2	-	-	1	1	-	1	
4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	
Всего	54	47	36	5	5	4	9	33	2	20	2	11	2	4	5	4	3	2	3	8	

Примечание. Условные обозначения см. в табл. 2.

Таблица 8

Варфоломеевка. Керамика слоя 1 (верхнего). Распределение орнаментальных композиций по группам сосудов

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																		
	прочерченный					прочерченно-накольчатый			гре-бенчатый	б/о	накольчатый								
	1	2	3	4	9	1	2	6			1	2	3	7	8	9	10	21	
1	4	-	1	-	1	-	-	2	-	-	-	1	-	1	1	-	-	1	
2	-	-	-	1	-	-	1	-	-	1	3	1	-	-	1	-	3	-	
2Н	-	1	-	-	-	-	-	-	4	-	1	2	1	-	-	1	-	-	
3	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	2	-	-	-	-	1	-	-	
4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Всего	4	1	1	1	1	1	2	3	4	1	6	4	1	1	2	2	3	1	

Таблица 1

Распределение групп керамики Варфоломеевской стоянки по слоям

Группа	Слой			
	1 верхний	2А	2 Б	3 нижний
1 - прямостенные	12	80	60	23
2 – с прикрытым устьем	12	152	66	42
2 Н – с прикрытым устьем и внутренним наплывом	9	70	5	-
3 – слабопрофилированные	6	49	7	9
4 – чашевидные	-	2	2	1
Всего	39	353	140	75

Таблица 2

Керамика Варфоломеевской стоянки. Соотношение формы сосудов и техники нанесения орнамента

Группа	Техника нанесения орнамента																						
	Слой 1 (верхний)						Слой 2 А						Слой 2 Б						Слой 3 (нижний)				
	г	н	нп	пн	п	б/о	н	нп	пн	п	д	б/о	н	нп	пн	п	б/о	н	нп	пн	п	б/о	
1	--	4	-	2	6	-	55	-	5	15	2	3	26	1	7	24	2	9	2	2	10	-	
2	-	8	-	1	1	1	103	6	13	22	5	4	39	1	7	15	3	21	-	8	12	1	
2Н	4	5	-	-	1	-	67	-	2	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
3	-	3	-	3	-	-	34	1	8	5	-	1	5	1	-	-	1	5	-	1	2	1	
4	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	1	-	
Всего	4	20	-	6	8	1	259	7	28	43	7	8	76	3	14	40	7	35	2	11	25	2	

Примечание. г – гребенчатая, н – накольчатая, нп – накольчато-прочерченная, пн – прочерченно-накольчатая, п – прочерченная, д – другая, б/о – неорнаментированная

Таблица 3

Керамика Варфоломеевской стоянки. Распределение орнамента на внутренней стороне венчика и распространение венчиков с насечками и гофрированностью

Группа	С внутренним орнаментом				С насечками и гофрированные			
	слои				слои			
	1 верхний	2 А	2 Б	3 нижний	1 верхний	2 А	2 Б	3 нижний
1	-	3	-	-	-	7	8	5
2	1	3	1	-	-	8	10	7
2Н	2	51	3	-	-	3	1	-
3	-	9	-	-	-	8	-	-
Всего	3	66	4	-	-	26	19	12

Каменные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки

№ п/п	Категория изделий	Всего	По слоям стратифицированных квадратов			
			1	2А	2Б	3
1	Нуклеусы для снятия пластин	49 (1)	2	3	3	5
2	Нуклеусы для снятия отщепов	23/2 (1)	3	5	1/1	3
3	Нуклеидные обломки	7	1	1	-	-
4	Поперечные сколы с нуклеусов	21/1	1	1	3	1
5	Продольные сколы с нуклеусов	125/1	2	9/2	7	-
6	Ножевидные пластины	668/21	8/1	69/6	68/1	39/2
7	Отщепы	1750/63	31/9	311/12	150/4	113/3
8	Галька	10	2	3	2	-
9	Трапеции (струганная спинка/не струганная спинка)	79/3	3	12	9	/2
10	Сегменты	19	-	-	5	11
11	Пластины-вкладыши	12/1	-	-	-	4/1
12	Ножевидные пластины с ретушью	441/9	1	38	25/1	13
13	Скрепки на пластинах концевые	174/4	1/2	19	14	19/1
14	Скрепки на пластинах с боковой ретушью	396/5	3	27/1	23/1	13
15	Скрепки на укороченных пластинах	499/7	14/1	71/2	59/2	48/1
16	Скрепки на отщепах	780/11(2)	11	82	84	54/1
17	Ножи на пластинах	44/1	1	23/1	12	1
18	Ножи на отщепах	30/2 (1)	-	6/1	5	1
19	Скобели	49/2	/1	5	8	4
20	Острия	68/1	2	8	11	5/1
21	Отщепы с ретушью	156/4	1/1	24/1	18	5/1
22	Резцы	5	-	1	1	-
23	Отбойники	9/6	-	/1	/1	1
24	Скрепки высокой формы	7	1	1	1	2
25	Скребла	4	-	1	1	-
26	Долотовидные орудия	4	-	-	-	-
27	Утюжки	2	-	-	-	1
28	Тесла	8	-	2	3	1
29	Абразивы и др. некремневые изделия	52	2	4	7	2

Примечание. В числителе – орудия и изделия из кремня, в знаменателе – из кварцита, в скобках – яшмовидные породы.

Таблица 10

Костяные орудия и изделия Варфоломеевской стоянки (1987-1990 гг.)

Клас с	Группа	Тип и его номер		Количество по слоям			
				1	2А и 2Б	3	
1. Орудия домашних производств	1. Орудия кожевенного производства	1	Тупики	2	41	14	
		2	Скребки	-	12	4	
		3	Скребки-лощила	-	2	1	
		4	Скребки-струги	-	1	1	
		5	Струги	-	4	5	
		6	Лощила	-	1	4	
		7	Разбивальники	-	4	4	
		8	Проколки	1	37	10	
		9	Ножи	1	2	1	
		10	Орудие для растягивания ремней	-	-	1	
	2. Орудия керамического производства	1	Шпатели	-	6	1	
		2	Шпатели-лощила	-	6	2	
		3	Шпатель-штамп	-	-	1	
		4	Лощила	-	1	1	
		5	Штампы	1	8	3	
	3. Землекопные орудия	1	Копалки	-	6	4	
		2	Совки	-	1	1	
		3	Колышки	-	2	5	
	2. Орудия присваивающих производств	1. Орудия рыболовства	1	Гарпуны	-	3	-
		2. Орудия охоты	1	Острия	-	1	1
	3. Бытовые и культовые предметы	1. Посредники	1	Оправы	-	2	3
2			Муфты	-	2	-	
3			Рукоятки	-	1	1	
2. Украшения и поделки		1	Подвески	1	7	1	
		2	Пронизки	1	9	1	
		3	Пластины с орнаментом	-	6	-	
		4	Кости с орнаментом	-	4	-	
		5	Пластины с линейным орнаментом	-	7	-	
		6	Пластины остроконечные	-	5	5	
		7	Пластины из клыков кабана	-	2	-	
3. Культовые предметы		1	Антропоморфные	-	7	-	
	2	Зооморфные	-	3	-		

Таблица 11

Варфоломеевка. Керамика слоя 2 А из раскопа 1996 г.

Группа	Количество	
	Всего	Венчик волнистый или с насечками
1. Банки с открытым устьем	7	-
2. Банки с закрытым устьем	10	2
2 Н. Банки с закрытым устьем и внутренним напльвом	4	1
3. Профилированные сосуды	4	2

Таблица 12

Варфоломеевка. Каменный инвентарь слоя 2 А из раскопа 1996 г.

№ п/п	Категория	Количество
<i>Продукты первичного расщепления</i>		
1	Нуклеусы для снятия пластин	1
2	Нуклевидные обломки и сколы	5
3	Ножевидные пластины	74/3
4	Отщепы, чешуйки, сколы	113
<i>Предметы со вторичной обработкой</i>		
5	Трапеции со струганной спинкой	12
6	Сегменты	3
7	Пластины с ретушью	37
8	Концевые скребки на пластинах	13/1
9	Скребки на укороченных пластинах	35
10	Скребки на отщепах	38
11	Отщепы с ретушью	11
12	Скобели	3
13	Резцы	3
14	Абразивы	2
15	Отбойники	1
16	Утюжок	1
17	Грузило	1

Примечание. В числителе – изделия из кремня, в знаменателе – из кварцита.

Таблица 13

Варфоломеевская стоянка. Костяные орудия и изделия из раскопа 1996 г. и размытого культурного слоя

№ п/п	Орудия и изделия из кости	Из раскопа	Из размытого культурного слоя
1	Шпатели для формовки керамики	3	1
2	Струги	2	1
3	Тупики	4	2
4	Проколки	4	-
5	Обломки изделий с орнаментом	3	3
6	Лопаточка	1	-
7	Пронизки	8	-
8	Подвески	2	1
9	Орудия со сверлинами	-	2
10	Тесловидные орудия	-	2
11	Метаподии с отверстиями	2	1
12	Отходы производства	8	2

Предметы искусства Варфоломеевской стоянки

Орудия и изделия из кости						
Класс	Группа	№ п/п	Тип	Орнамент и характерные особенности и номера элементов орнамента (по табл. 15)	№ рисунка	
I. Орудия домашних производств	1. Орудия кожевного пр-ва	1	Тупик	Группы по 11 насечек	84, 5	
		2	— " —	Линейный	104, 3	
		3	Струг для волососгонки на ребре	Группы по 3 насечки	86, 1	
		4	Струг для волососгонки на пластине	Продольные линии с поперечными насечками.	86, 2	
		5	Струг для волососгонки на ребре	Треугольники, заполненные сеткой	104, 2	
		6	Лоцило для кожи	Пиктограмма	86, 3	
		7	Разбивильник	Насечки	98, 2	
		8	Проколка	Линейный	105, 2	
		9	— " —	Бессистемный	88, 11	
		10	Скребок для мездрения	Линейный	-	
	2. Орудия керамического пр-ва	11	Шпатель	Насечки	89, 3	
		12	— " —	— " —	89, 4	
		13	— " —	— " —	103, 1	
		14	4 обломка шпателей (?)	— " —	97, 5-7, 10	
		15	Шпатель с отверстием	Сложный геометрический - 4, 5, 6, 8	89, 6	
		16	Шпатель	Сложный геометрический - 4, 6, 8	103, 3	
		17	— " —	Геометрический - 1, 2, 7	103, 4	
		18	— " —	Сложный геометрический - 5, 6, 8, 9	103, 2	
		19	Шпатель-лоцило	Сложный геометрический - 4, 6, 8, 9	90, 3	
		20	— " —	Линейный	90, 4	
		21	— " —	Лабиринт-меандр	96, 2	
		22	— " —	Сложный геометрический - 4-6, 9	98, 3	
		23	Шпатель-лоцило на ребре	Насечки	90, 10	
	3*	24	Землекопное орудие - колышек	Группы по три насечки	91, 9	
II**	2***	25	Охотничье острие	Ямки	91, 8	
III. Бытовые и культовые пр.	2. Украшения и поделки	26	Подвеска	Линейный	106, 5	
		27	Подвеска (обломок шпателя?)	Насечки	106, 6	
		28	Подвеска (вторичное использование)	Ямки	97, 9	
		29	Подвеска	Сложный геометрический - 5, 6, 8	96, 1	
		30	Подвеска с орнаментом	— " —	96, 6	
		31	Пронизка	Линейный	92, 1	
		32	— " —	— " —	105, 8	
		Пластины с геометрическим орнаментом				
		33	33	Пластина с орнаментом	Лабиринт-меандр	92, 2
		34	34	— " —	Сложный геометрический - 6-9	92, 3
35	35	— " —	Сложный геометрический - 6, 8	96, 3		

Класс	Группа	№ п/п	Тип	Орнамент и характерные особенности	№ рисунка			
III. Бытовые и культовые предметы	2. Украшения и поделки	36	Пластина с орнаментом	Лабиринт-меандр	96, 5			
		37	—" —	Геометрический – 6, 8	96, 4			
		38	—" —	Геометрический - 8	106, 3			
		39	—" —	Геометрический - 9	106, 4			
		Пластины с линейным орнаментом						
		40	Пластина с отверстием	Линейный, лабиринт	97, 1			
		41	Пластина	—" —	97, 4			
		42	—" —	Линейный, насечки	106, 2			
		43	—" —	—" —	87, 1			
		44	—" —	Линейный, зигзаг	97, 2			
		45	Пластина остроконечная	—" —	92, 6			
		Обломки необработанных костей с орнаментом						
		46	Кость с орнаментом	Имитация лабиринта	92, 4			
		47	—" —	Имитация лабиринта, прямоугольник	98, 4			
		48	—" —	Линейный, прямоугольник	97, 11			
		49	—" —	Элемент меандра	-			
		50	—" —	Геометрический – 2, 4, 5, 8, 9	106, 1			
		51	Две кости с орнаментом	Бессистемный	-			
		3. Культовые предметы	Антропоморфные статуэтки					
			52	Антропоморфная 1	Линейный, насечки, "грудь"	93, 2		
			53	—" — 2	Линейный, насечки, "ножки"	93, 1		
	54		—" — 3	—" —	94, 2			
	55		—" — 4	Линейный, насечки, зигзаг	94, 1			
	56		—" — 5	Линейный, насечки, "ножки"	95, 2			
	57		—" — 6	—" —	94, 3			
	58		—" — 7	Линейный, насечки	95, 1			
	59		Заготовка 1	Насечки	95, 3			
	60		—" — 2	Грубо намечен поясок	95, 4			
	61		—" — 3	Насечки, с отверстием	95, 5			
	62		—" — 4	Поверхность обработана скобелем	-			
	Зооморфные							
	63		Фигурка лошадки		93, 5			
	64		—" —	Имитация узды (?), отверстие	93, 3			
	65	—" —	С отверстием	93, 4				
	Неопределенные обломки							
		66	Обломок ребра	Насечки	97, 8			
		67	—" —	—" —	97, 3			
		68	—" —	—" —	98, 1			
		69	Обломок пластины	Линейный	-			
	Предметы из других материалов							
		70	Пест с зооморфной рукоятью		83			
		71	Меловая булава		81, 2			

*Землекопное орудие.

** Орудия присваивающих производств.

*** Орудия охоты.

Распределение элементов орнаментов на орудиях и изделиях из кости Варфоломеевской стоянки

Категория изделий		Элемент орнамента											
		1. Нарезки	2. Линейный	3. Лабиринт	4. Зигзаг	5. Треугольник	6. Лабиринт-меандр	7. Прямоугольник	8. Штриховка	9. Сетка	10. Ямки	11. Бессистемный	Всего изделий
1	Разбивильник	1											1
2	Землекопное орудие	1											1
3	Тупики	1	1										2
4	Скребок для мездрения		1										1
5	Пронизки		2										2
6	Подвески		1							1			2
7	Проколки		1								1		2
8	Статуэтки	7	7		1								7
9	Пластины с лин.орнаментом	2	6	2	2								6
10	Струг для волососгонки	2	1			1			1				3
11	Шпатели и шпатели-лощила	11	2		5	6	14	2	11	5			18
12	Кости с орнаментом		2		1	1	3	2	1			2	7
13	Пластины с геометрич. орн-том					1	5	1	5	2			8
14	Охотничье острие									1			1

Таблица 16

Стоянка Журавли. Каменный инвентарь

Категории	Сборы			Слой 3 -40-60			Слой 3 -60-80			Всего
	Материал									
	кр. кор.	кр.	од.	кр. кор.	кр.	од.	кр. кор.	кр.	од.	
1. Сколы подправки нуклеусов	2	-	-	1	-	-	1	-	-	4
2. Пластины	1	-	-	6	-	-	5	-	-	12
3. Отщепы пластинчатые	-	-	-	5	-	-	9	-	-	14
4. Отщепы крупные	-	-	-	1	-	-	11	3	-	15
5. Отщепы средние	11	1	2	16	-	2	14	1	2	49
6. Отщепы мелкие	16	-	1	25	-	3	48	1	-	94
7. Проколка	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Всего										189

Примечание. кр. кор. – кремневая корка; кр. – кремь; од. – окаменелое дерево.

Варфоломеевская стоянка. Видовой состав костных остатков

Виды животных и птиц		Слой		
		1	2 А и Б	3
1	Овца	3 (10)	1 (1)	-
2	Корова или мелкий тур	2(7)	5(7)	-
3	Тур	4(14)	10(14)	13(20)
4	Лошадь	4(14)	17(23)	20(31)
5	Кулан	11(38)	25(34)	11(17)
6	Сайга	5(17)	15(21)	19(29)
7	Собака	1	2	1
8	Волк	1	3	1
9	Корсак	-	-	1
10	Лиса	-	1	3
11	Кабан	-	1	-
12	Утка	-	2	4
13	Тетерев	1	-	1
14	Гусь	-	1	2
15	Кряква	-	-	1
16	Нырок	-	-	1
17	Чирок	-	-	1
18	Белая куропатка	-	-	1
19	Олень благородный	-	-	2(3)
20	Барсук	-	-	1

Примечание. Указано минимальное количество особей, в скобках – в процентах от общего количества копытных в слое.

Варфоломеевская стоянка. Орнаменты керамики

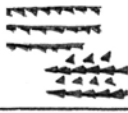
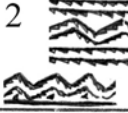
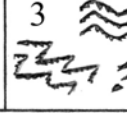

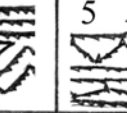

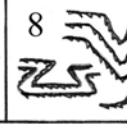
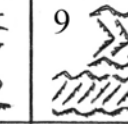
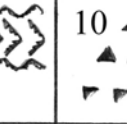

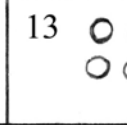
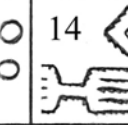

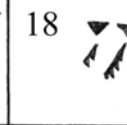
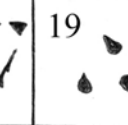
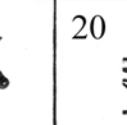
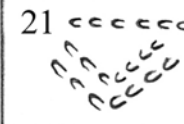

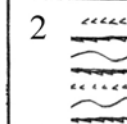
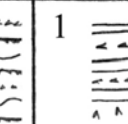
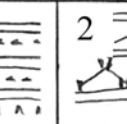
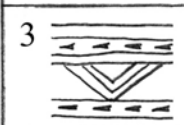
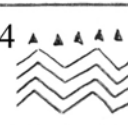
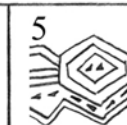
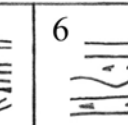
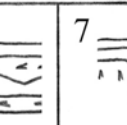
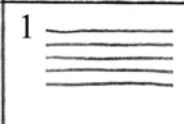
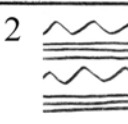
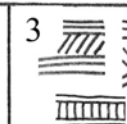

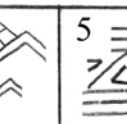
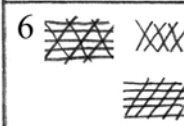
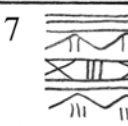

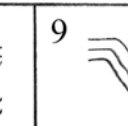
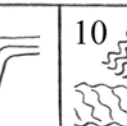

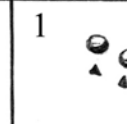
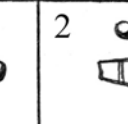
<i>накольчатый орнамент</i>				
1 	2 	3 	4 	5
<i>накольчатый орнамент</i>				
6 	7 	8 	9 	10
<i>накольчатый орнамент</i>				
11 	12 	13 	14 	15
<i>накольчатый орнамент</i>				
16 	17 	18 	19 	20
<i>накольчато-прочерченный</i>		<i>прочерченно-накольчатый</i>		
21 	1 	2 	1 	2
<i>прочерченно-накольчатый</i>				
3 	4 	5 	6 	7
<i>прочерченный орнамент</i>				
1 	2 	3 	4 	5
<i>прочерченный орнамент</i>				
6 	7 	8 	9 	10
<i>гребенчатый</i>		<i>другой орнамент</i>		
		1 	2 	

Таблица 5

Варфоломеевка. Керамика нижнего (3) слоя. Распределение орнаментальных композиций по группам сосудов

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																										б/о
	прочерченный										прочерченно-накольчатый			нп	накольчатый												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	1	2	3	1	1	2	3	4	5	6	7	10	11	13	14	17	
1	-	2	-	-	2	-	3	2	-	1	1	-	1	1	1	1	1	-	1	2	1	-	-	2	-	-	
2	2	2	1	1	1	3	-	-	-	2	-	5	3	-	3	2	1	3	3	3	-	2	2	1	-	1	
3	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-		
4	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-		
Всего	2	6	1	1	3	3	3	2	-	3	1	5	4	3	5	3	2	3	4	8	1	2	2	3	1		

Примечание. Условные обозначения см. в табл. 2.

Таблица 6

Варфоломеевка. Керамика слоя 2 Б. Распределение орнаментальных композиций по группам сосудов

Группа	Техника нанесения орнамента и его номер																										б/о			
	прочерченный								прочерченно-накольчатый					нп	накольчатый															
	1	2	3	5	6	7	8	10	1	2	3	4	5	7	1	1	2	3	4	5	6	7	8	10	11	12		13	14	19
1	1	9	4	-	5	3	1	1	1	1	2	1	1	1	1	6	3	3	-	1	-	-	6	1	1	-	2	-	1	2
2	2	6	-	1	4	2	1	-	-	3	3	-	1	-	1	3	6	8	6	-	2	1	5	2	2	4	-	-	-	-
2Н	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-
3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	-
4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Всего	3	15	4	1	9	5	2	1	1	4	5	1	2	1	3	9	10	14	6	2	2	1	12	3	3	4	4	1	3	2

Примечание. Условные обозначения см. в табл. 2.

Таблица 18

**Послойное распределение нео-энеолитической керамики стоянки
Шапкино VI**

Слой	Керамика													
	с неолитическими признаками (%)							с энеолитическими признаками (%)						
	тычковая	накольч.	гребенч.	прочерч	ям.-греб.	мариуп.	2-я гр.	3-я гр.						
3 - 4		2	3	5	8	4	17							
4 - 5	12	10	26	14	51	16	36							
5 - 6	30	49	41	44	24	44	38						о с н.	
6 - 7	58	39	30	37	17	34	9							
7 - 8						2								

Табл. 19

**Хронологическая таблица культур нижеволжской общности
(даты калиброванные)**

Культуры нижеволжской общности		
Орловская	Джангарская	Сероглазовская
Варфоломеевка, верхний слой		
Варфоломеевка, слой 2А 4214-3991 (Ки-3596) 4226-4002 (Ки-3590) 4334-4047 (Ки-3595) 4351-4337 (Ки-3589)	Джангар, слой 1 4770+92 (Ле-2901)	Тентексор 4326+165(ГИН-6177)
Варфоломеевка, слой 2Б 5020+180 (Лу-2642) 5285+223 (Лу-2620)	Джангар, слой 2 5065+126 (Ле-2564)	
Варфоломеевка, нижний слой 5801+171 (ГИН-6546)	Джангар, нижний слой	Каиршак III 5579+69 (ГИН-5927) 5722+161 (ГИН-5905)
	Памятники типа Ту-Бузгу-Худук	Памятники кугатского типа
		Поздний мезолит Каир-Шак VA 7255+95 (Ки-7663) некалиброванная

Таблица 21

Стратиграфическое соотношение нео-энеолитических культур Нижнего Поволжья

Культура (тип памятника)	Стратиграфическое соотношение памятников и слоев		
Ранняя ямная (с репинскими чертами)			
Алтатинская		Алтата, Петропавловка	Пшеничное, Кумыска, средний слой, Первомайское
Хвалынская		Хвалынские могильники, Хлопков бугор	Подкурганские бережновские (?), Екатериновка
Прикаспийская		Варфоломеевка 1; Кумыска, нижний слой, средний слой	
Орловская	Варфоломеевка 2Б	Варфоломеевка 2 А; Орловка	Варфоломеевка 1

Таблица 22.

Хронологическое соотношение нео-энеолитических культур Нижнего Поволжья по данным радиоуглеродного анализа

Культура (тип памятника)	VI тыс. до н.э.										V тыс. до н.э.										IV тыс. до н.э.										
	60	59	58	57	56	55	54	53	52	51	50	49	48	47	46	45	44	43	42	41	40	39	38	37	36	35	34	33	32	31	
Ранняя ямная (с репинскими чертами)	Павловск, 38/4 - 3500±100 Н.Орлянка 1/5 - 3350±100																														
Алтатинская											Ветёлки – 4631±98 (ГИН-6554)																				
<u>Хвалынские могильники от 4927±107 до 4637±103</u>																															
Хвалынская	Крайняя нижняя дата (5969±152)										↓										Крайняя верхняя дата Стоянка Кара-Худук (3884±67)										
Прикаспийская																					Варфоломеевка 1; Кумыска, нижний и средний слой										
Варфоломеевка, слой 2 Б – 5285±223 (Лу2620) 5020±180 (Лу-2642)										Варфоломеевка, Слой 2 А от 4247±75 до 4027±64																					
Орловская	Варфоломеевка, слой 3 5801±172										↓										Варфоломеевка 1										

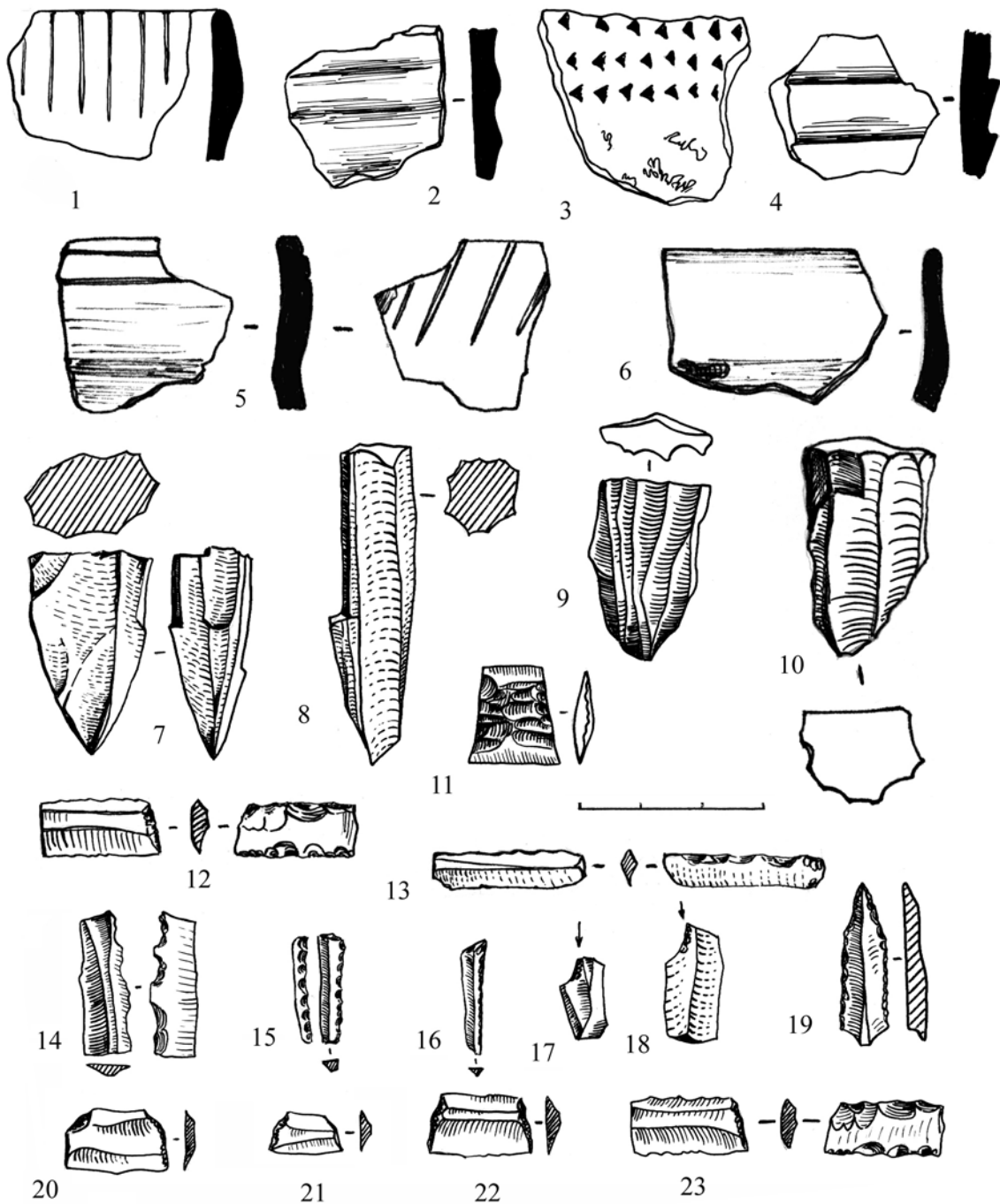

Рис. 108. Находки из нижнего слоя поселения Кумыска на р.Торгун

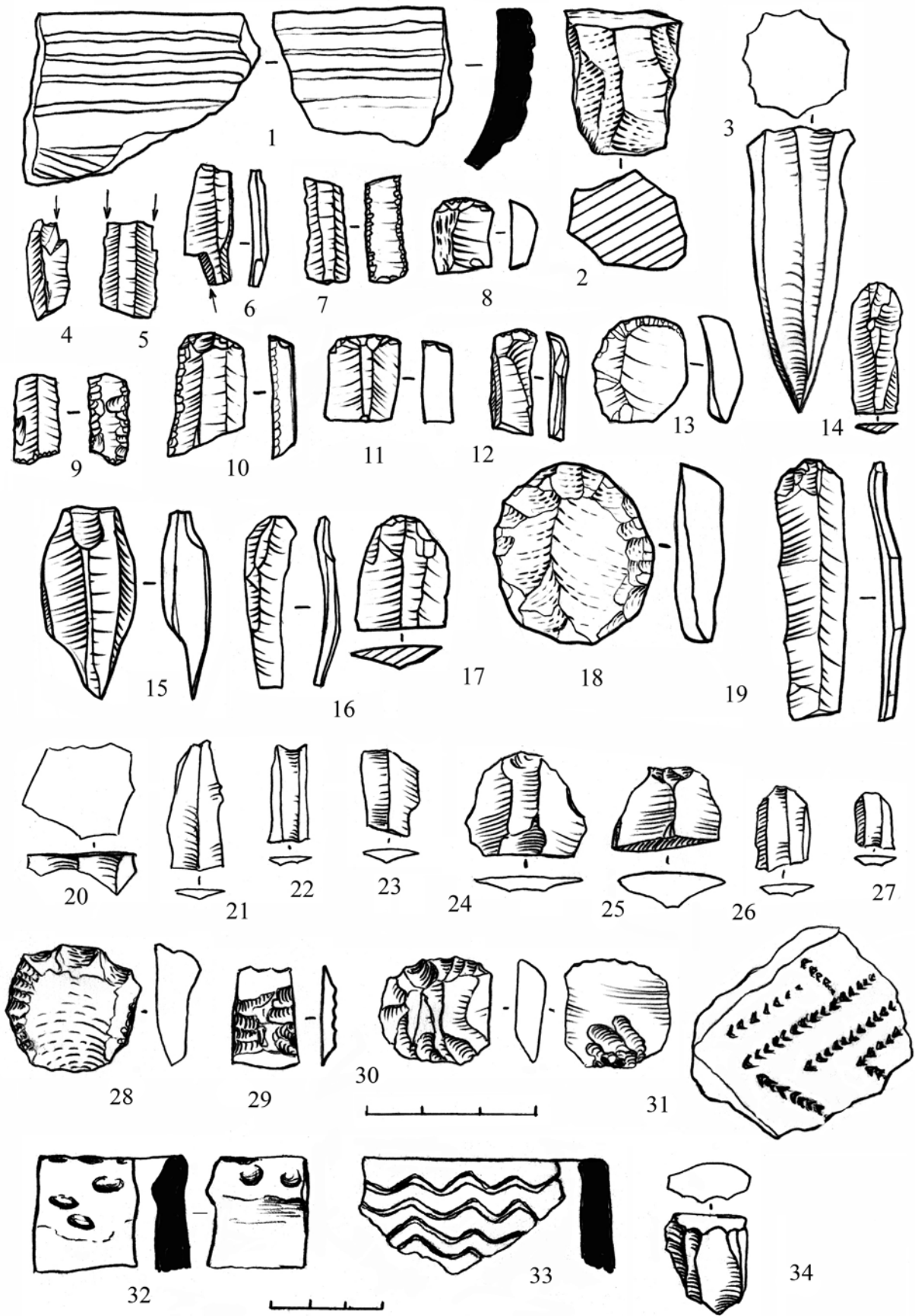

Рис. 109. Находки со стоянок степного Заволжья. 1-19 – Савинка; 20-31 – Максимовка; 31 – Бубенцы; 32-34 – Вавилово 2

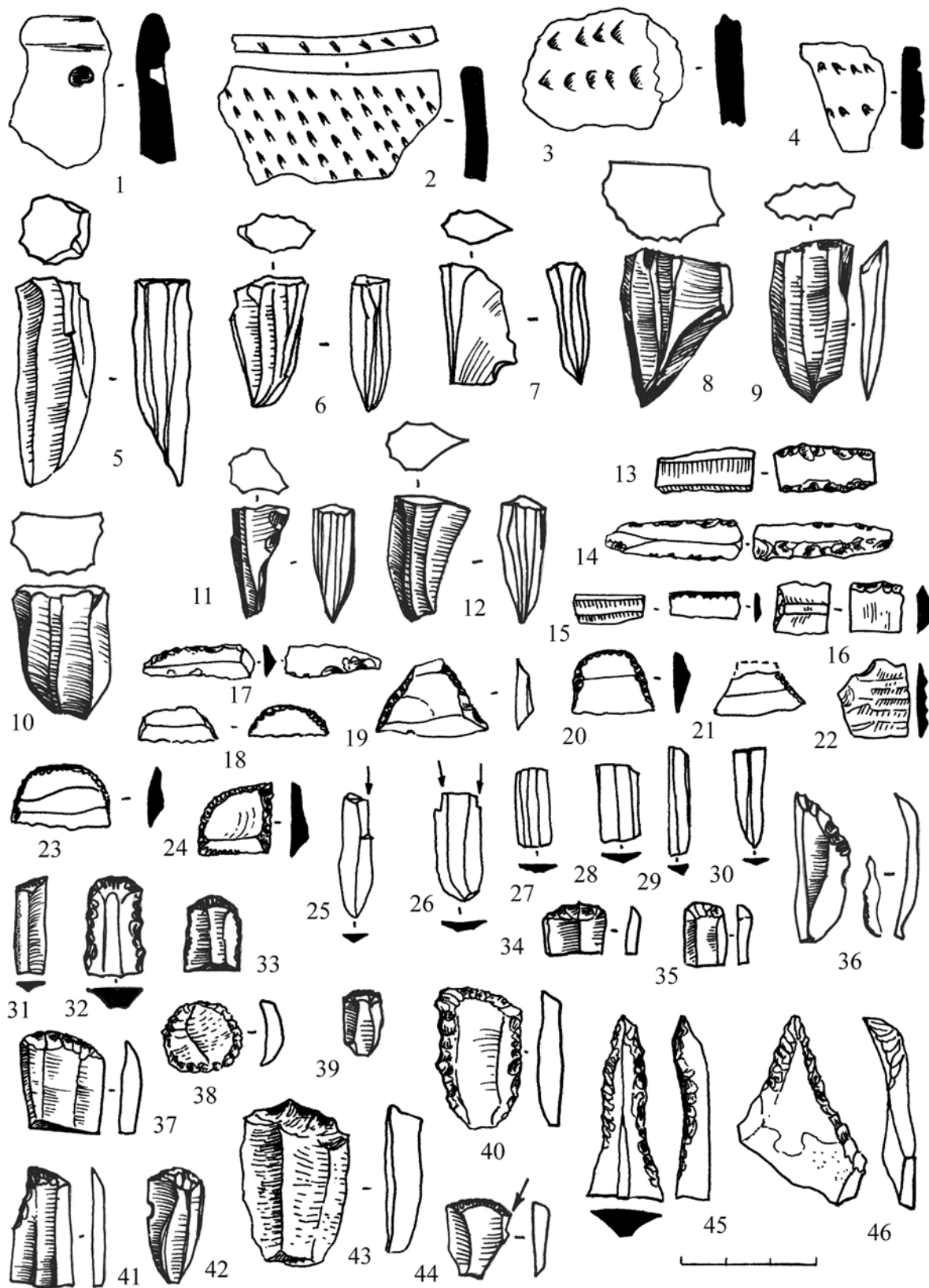

Рис. 110. Кушумская стоянка у истоков р. Большой Узень

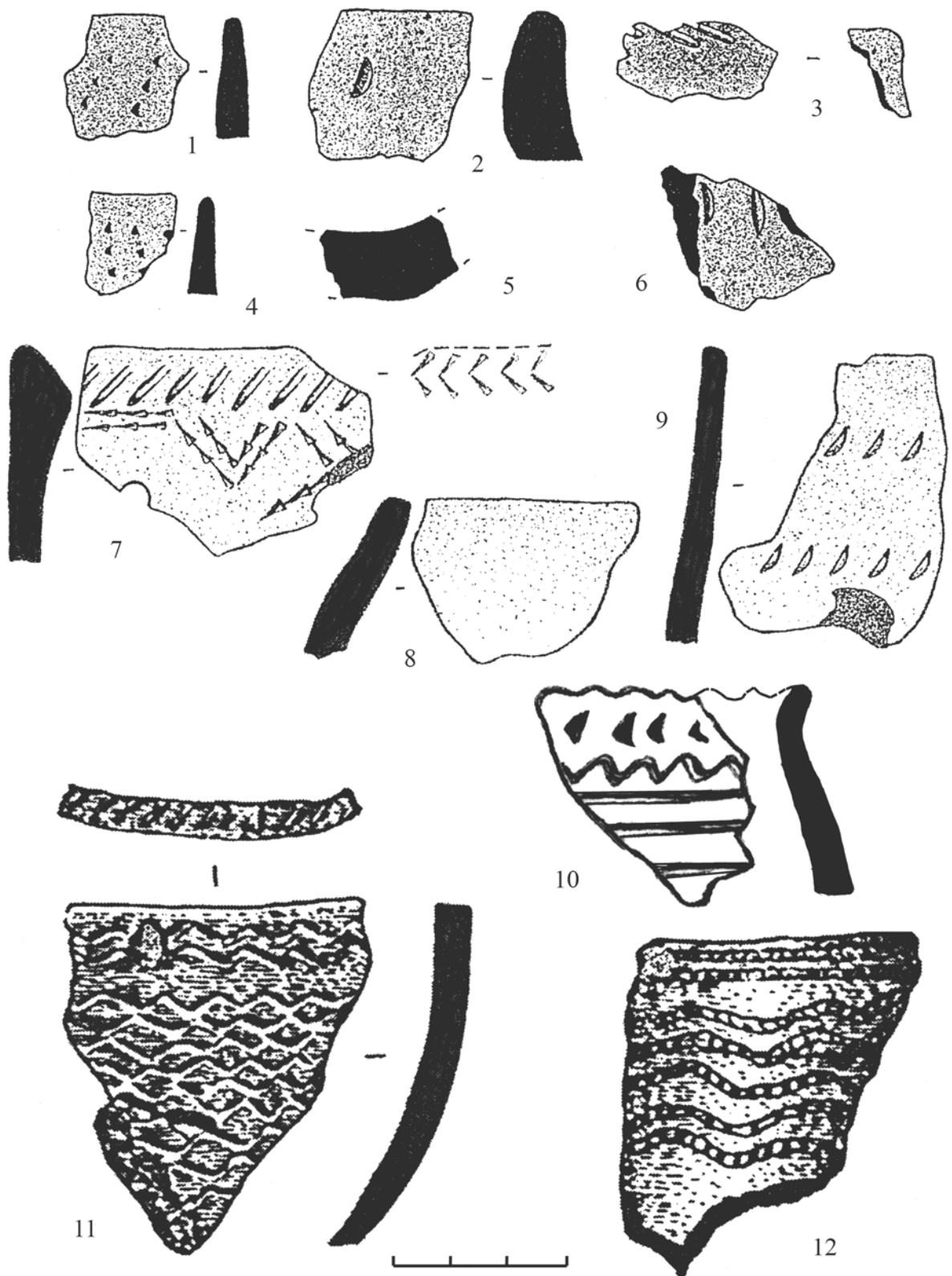

Рис. 111. Материалы Лагутинской (1-6), Задно-Авиловской (7-9) и Пятиморских стоянок (10-12)

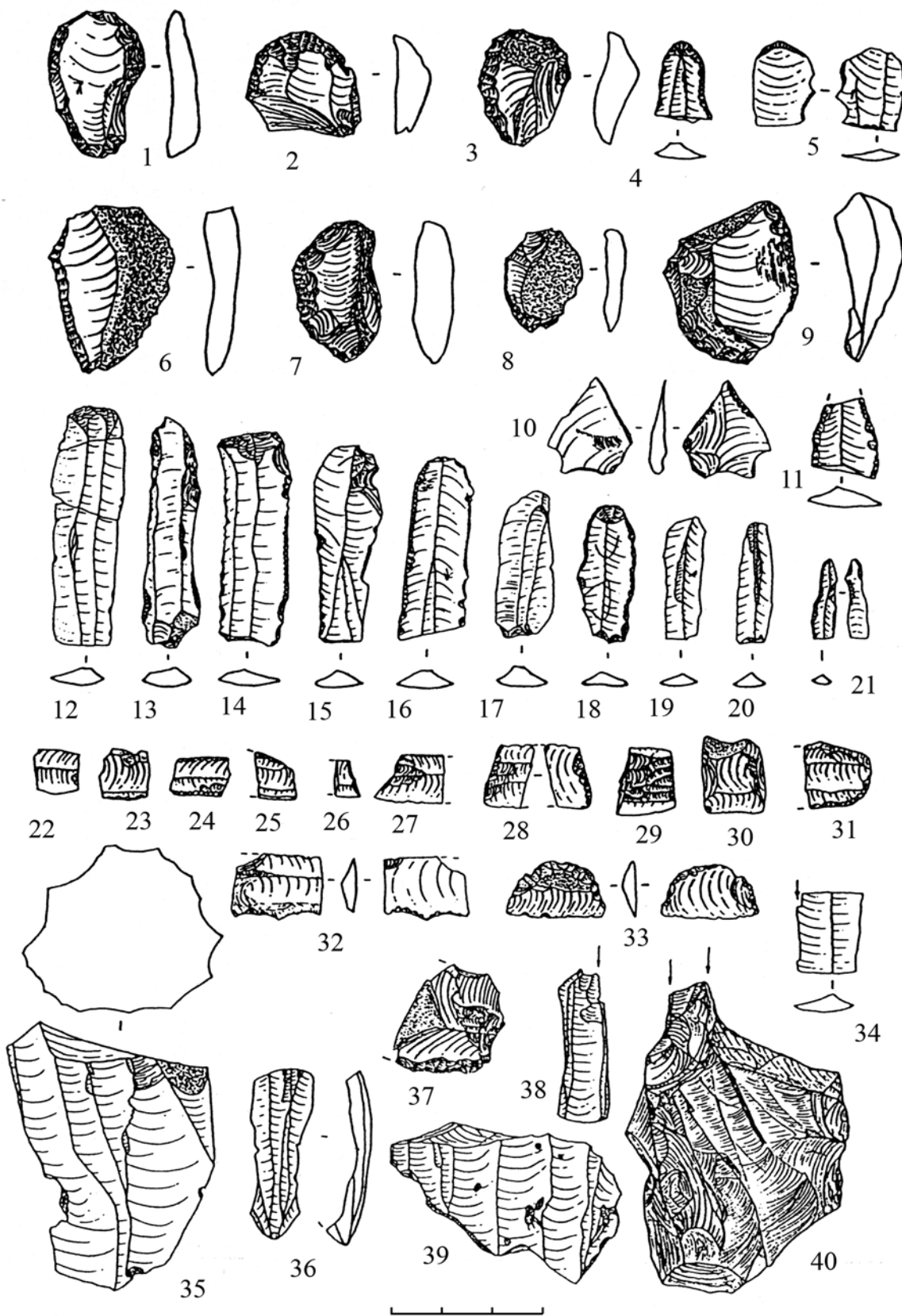

Рис. 112. Каменный инвентарь Лагутинской стоянки.

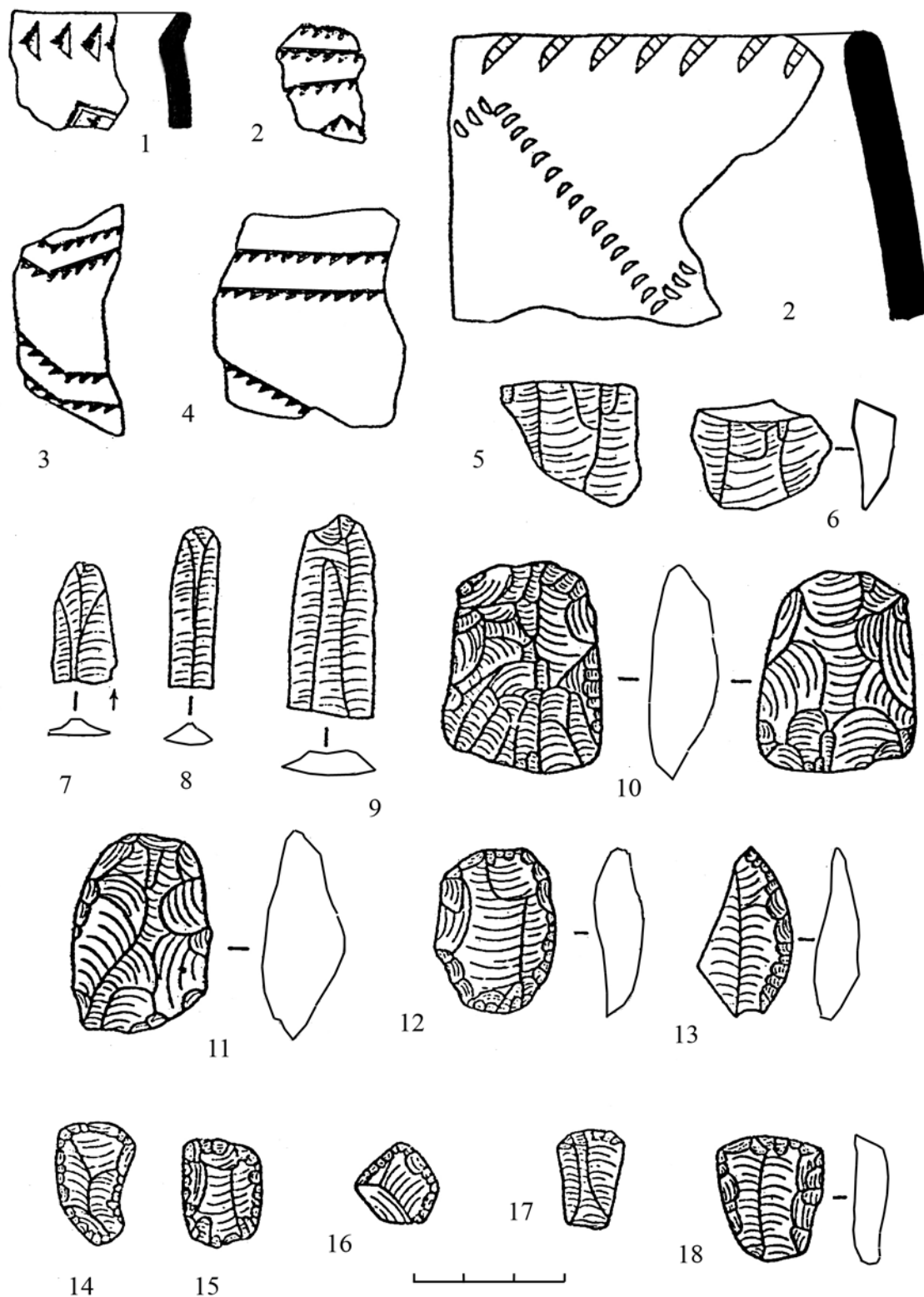

Рис. 113. Материалы стоянки Качалино 1.

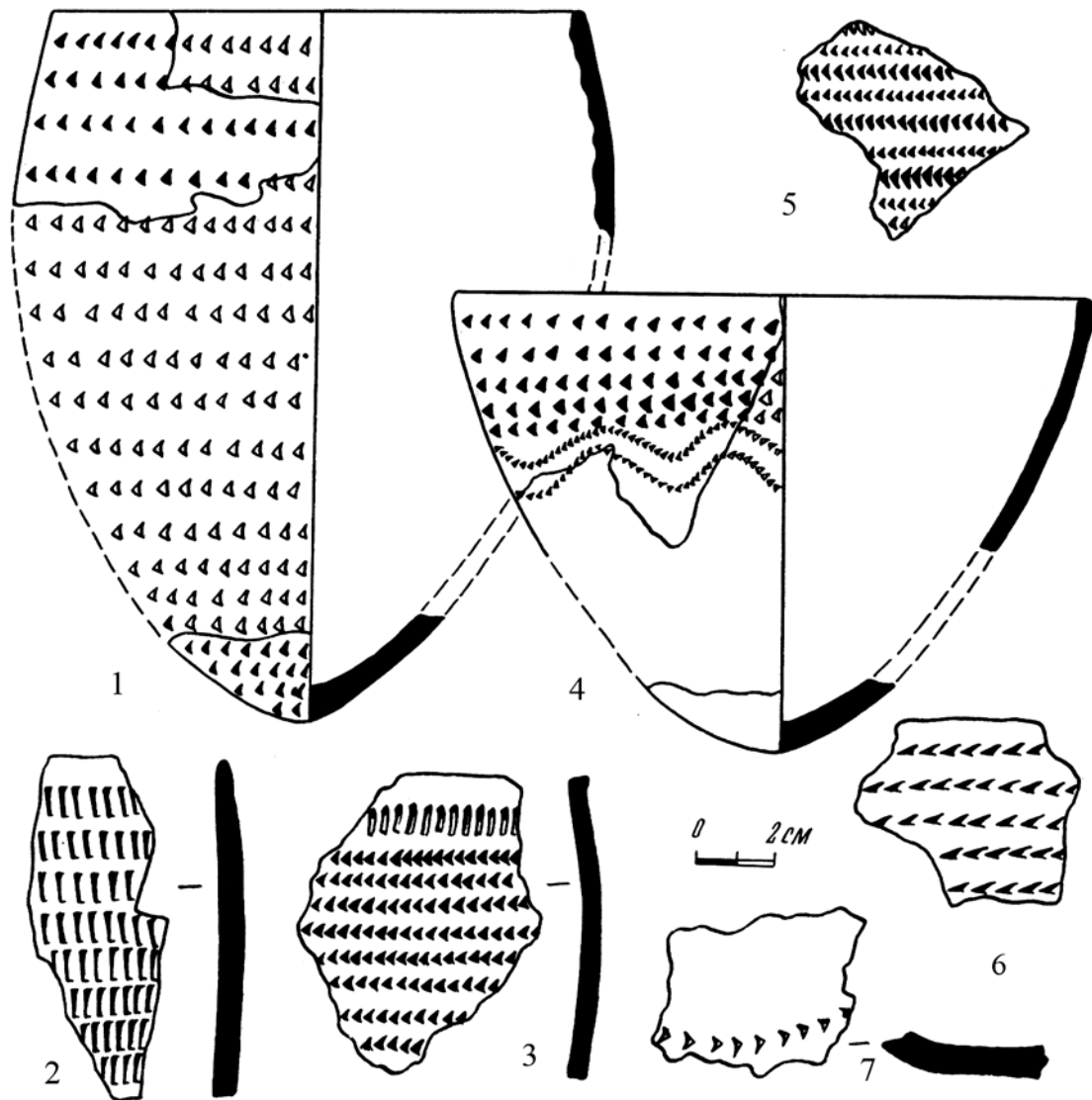

Рис. 114. Керамика первой группы Староаннинского поселения

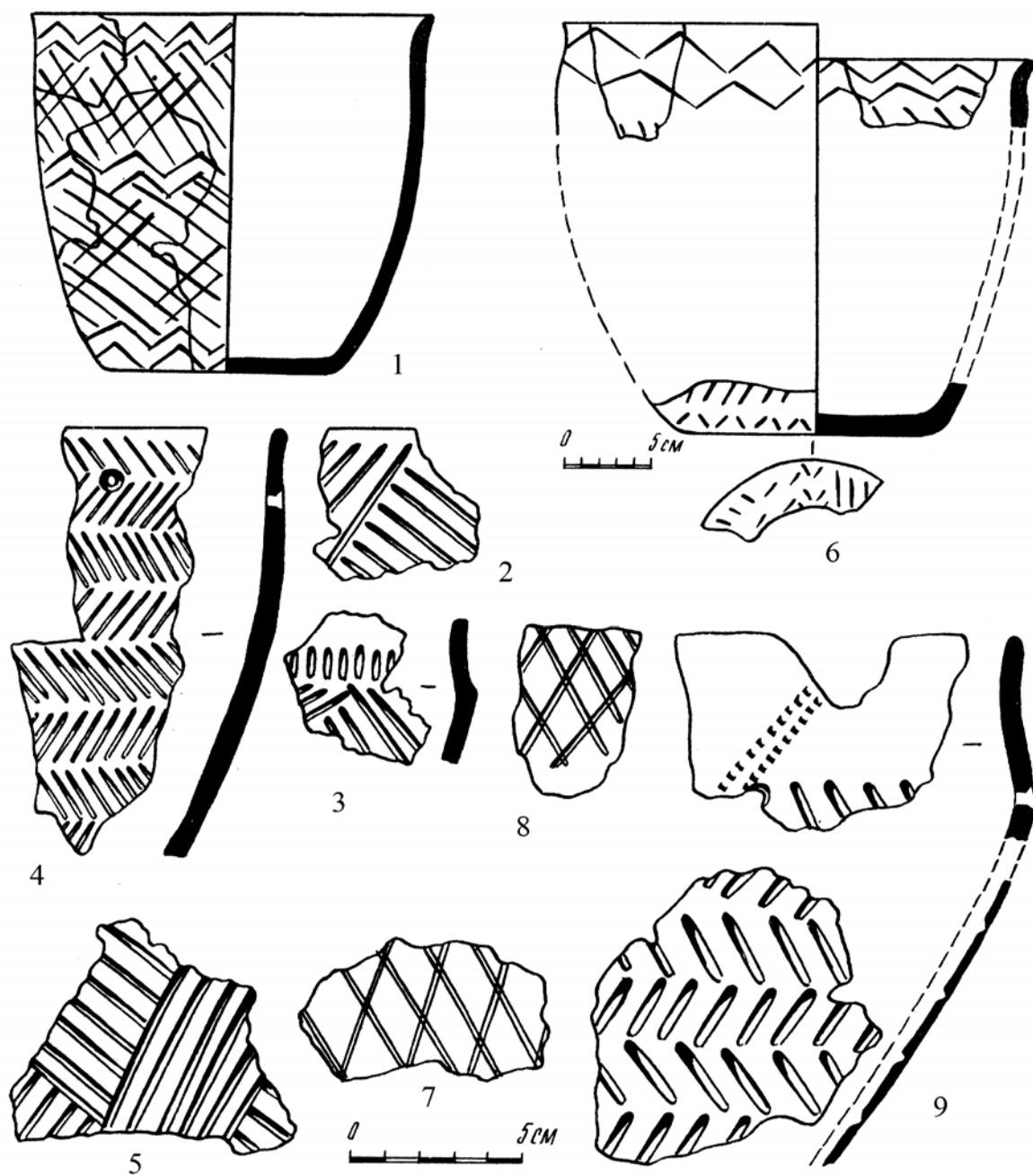

Рис. 115. Керамика второй группы Староаннинского поселения

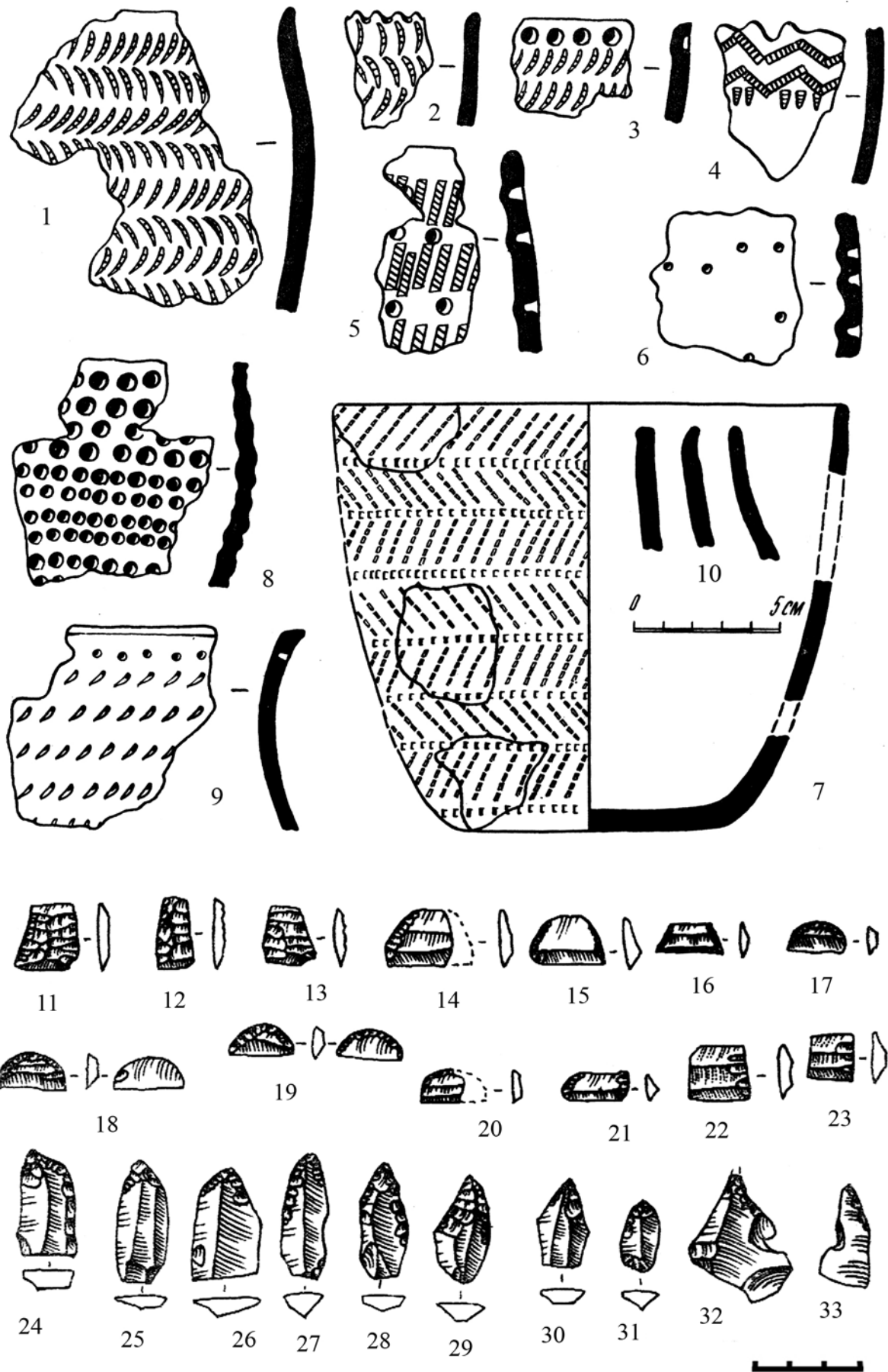

Рис. 116. Керамика и каменные изделия Староаннинского поселения

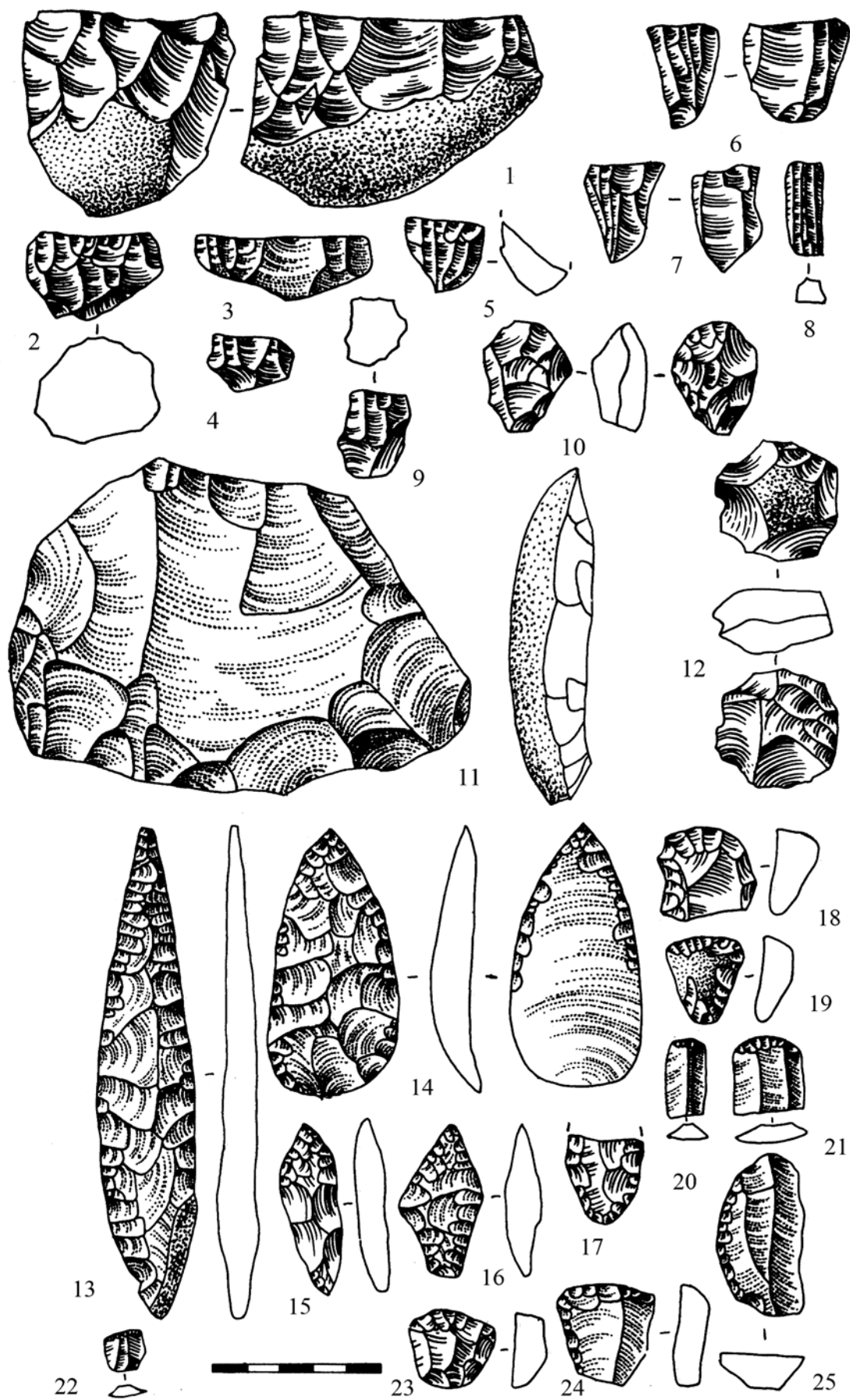

Рис. 117. Каменный инвентарь Староаннинского поселения.

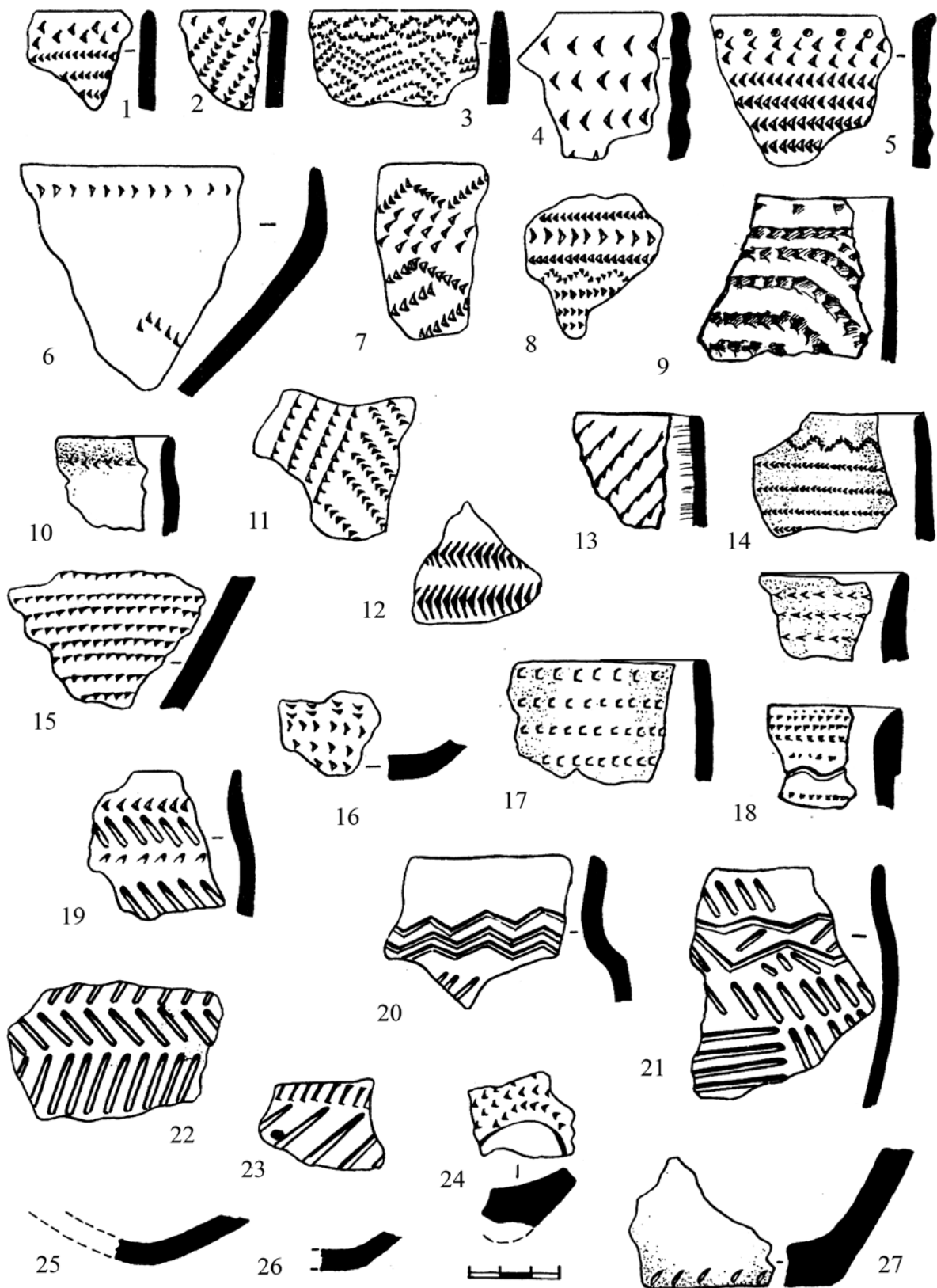

Рис. 118. Керамика Козлиновского поселения

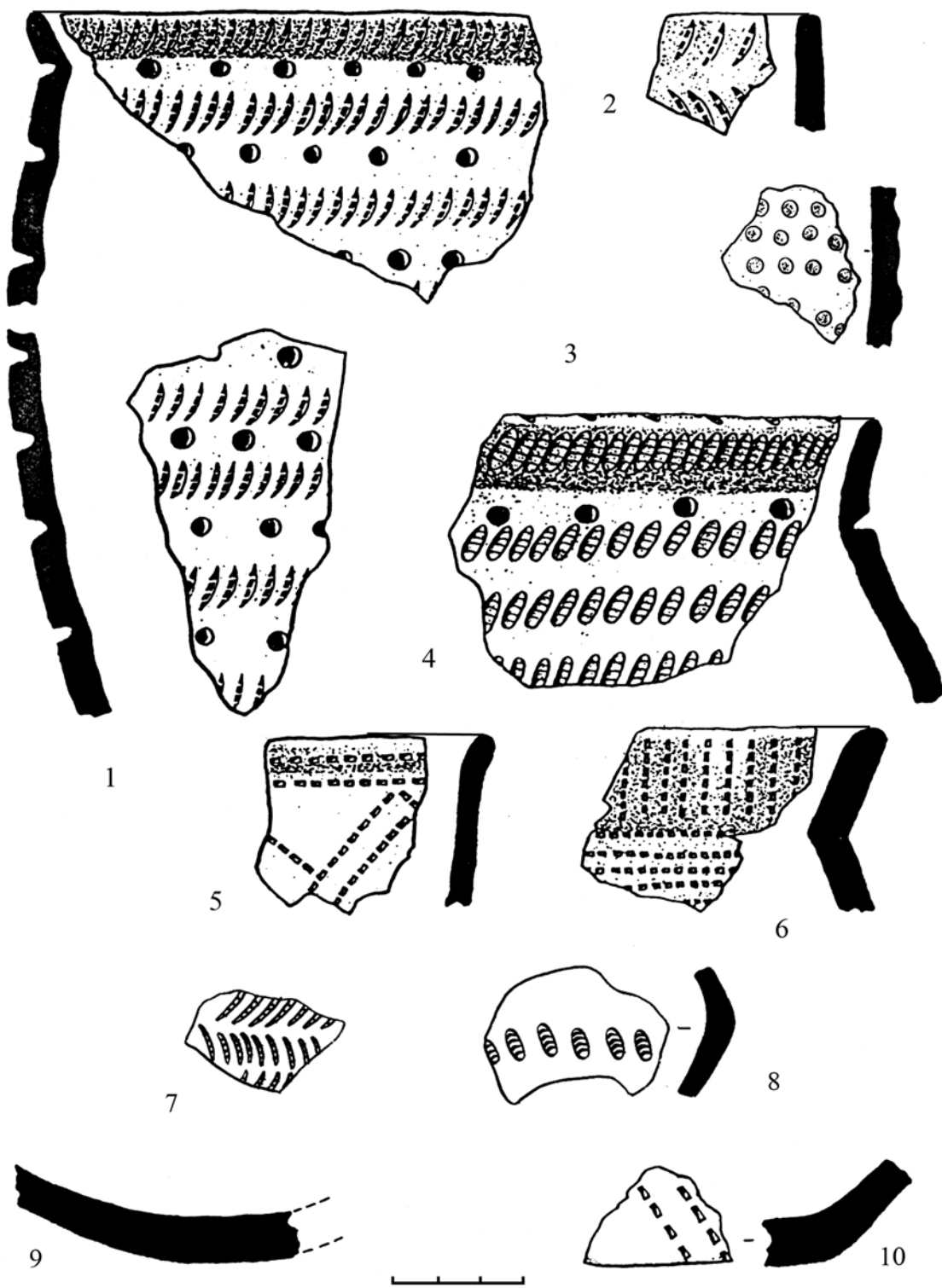

Рис. 119. Керамика Козлиновского поселения

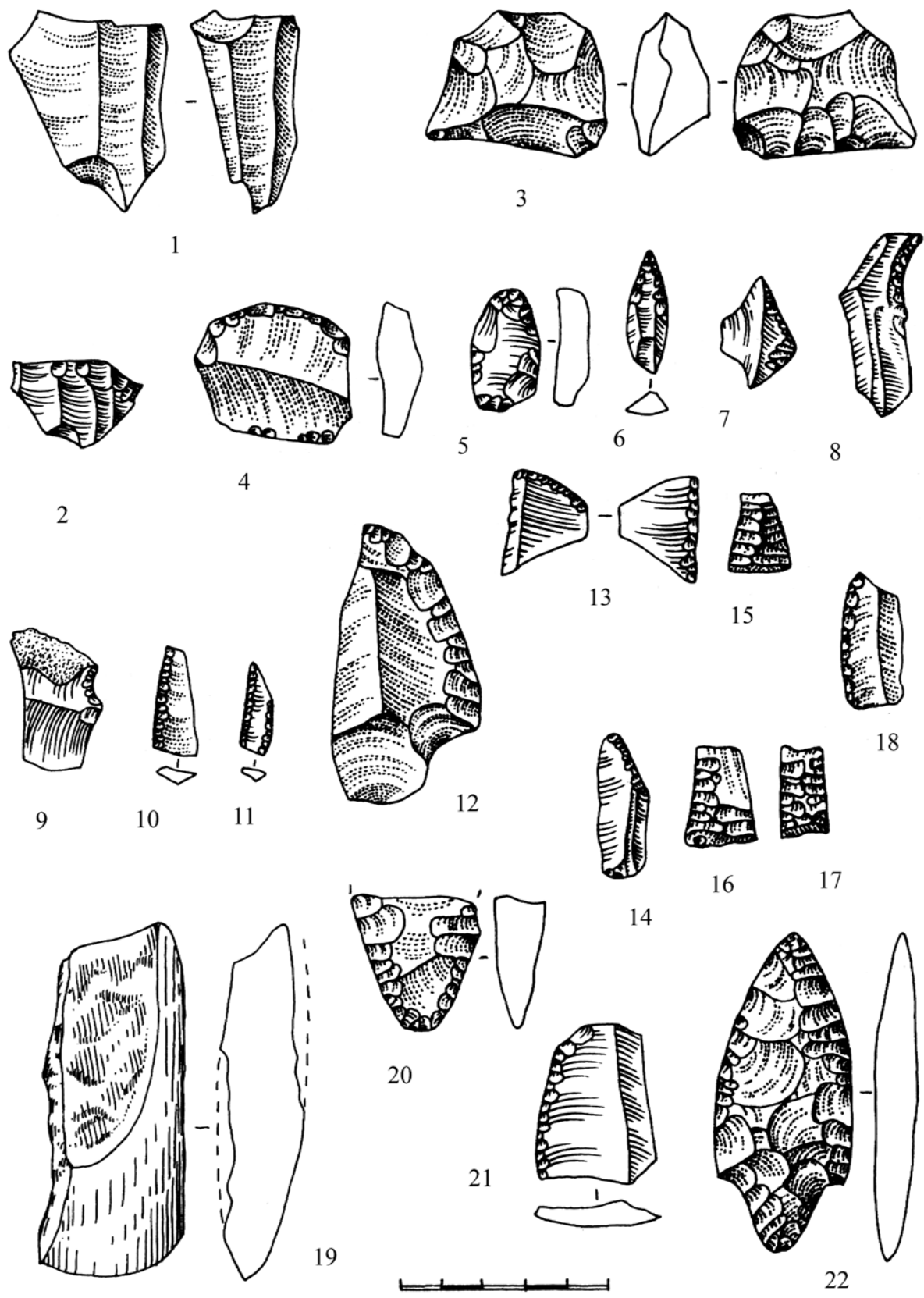

Рис. 120. Каменные изделия Козлиновского поселения

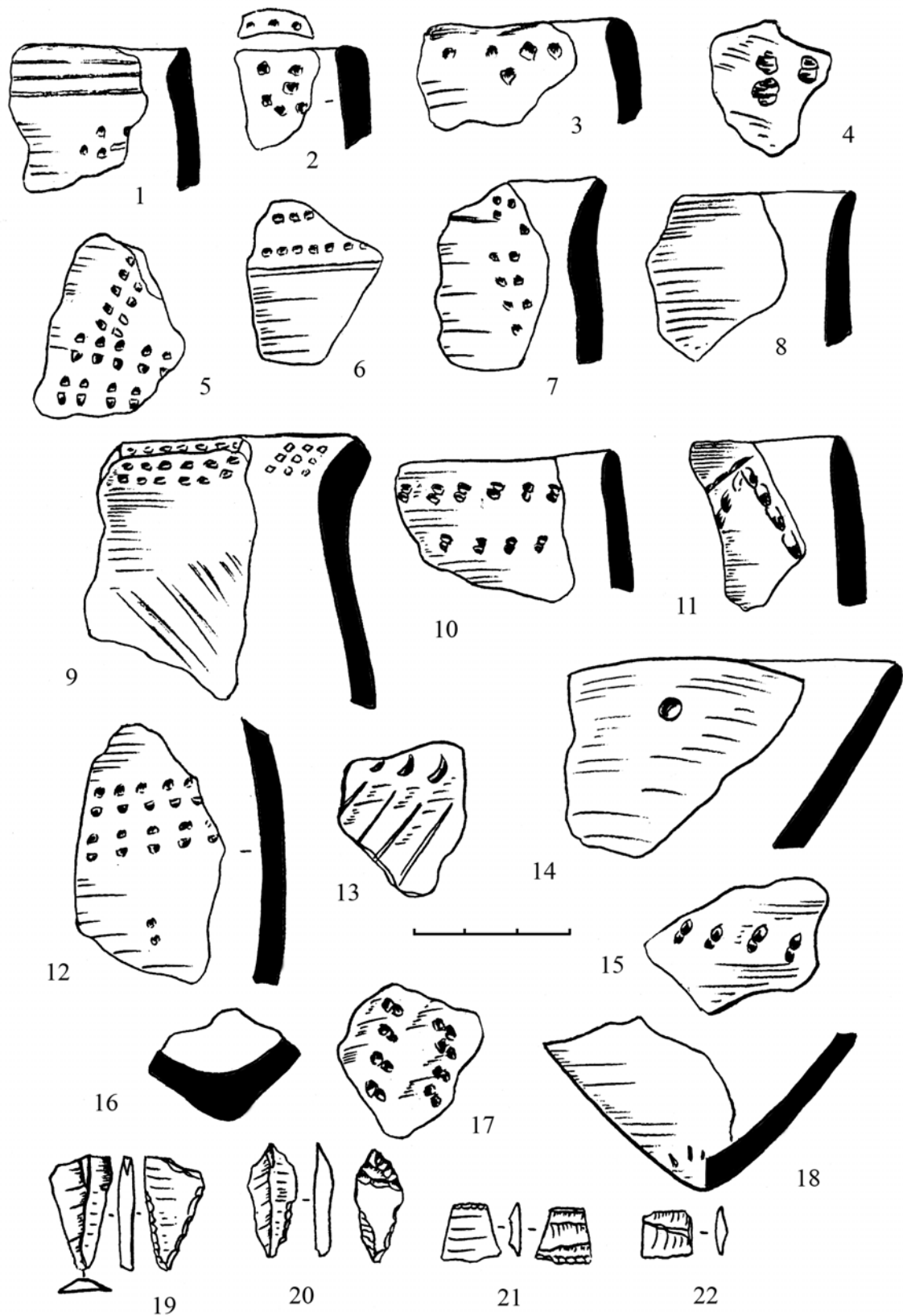

Рис. 121. Тычковая керамика стоянки Шапкино VI (1-18) и каменные орудия неолитического времени (19-22)

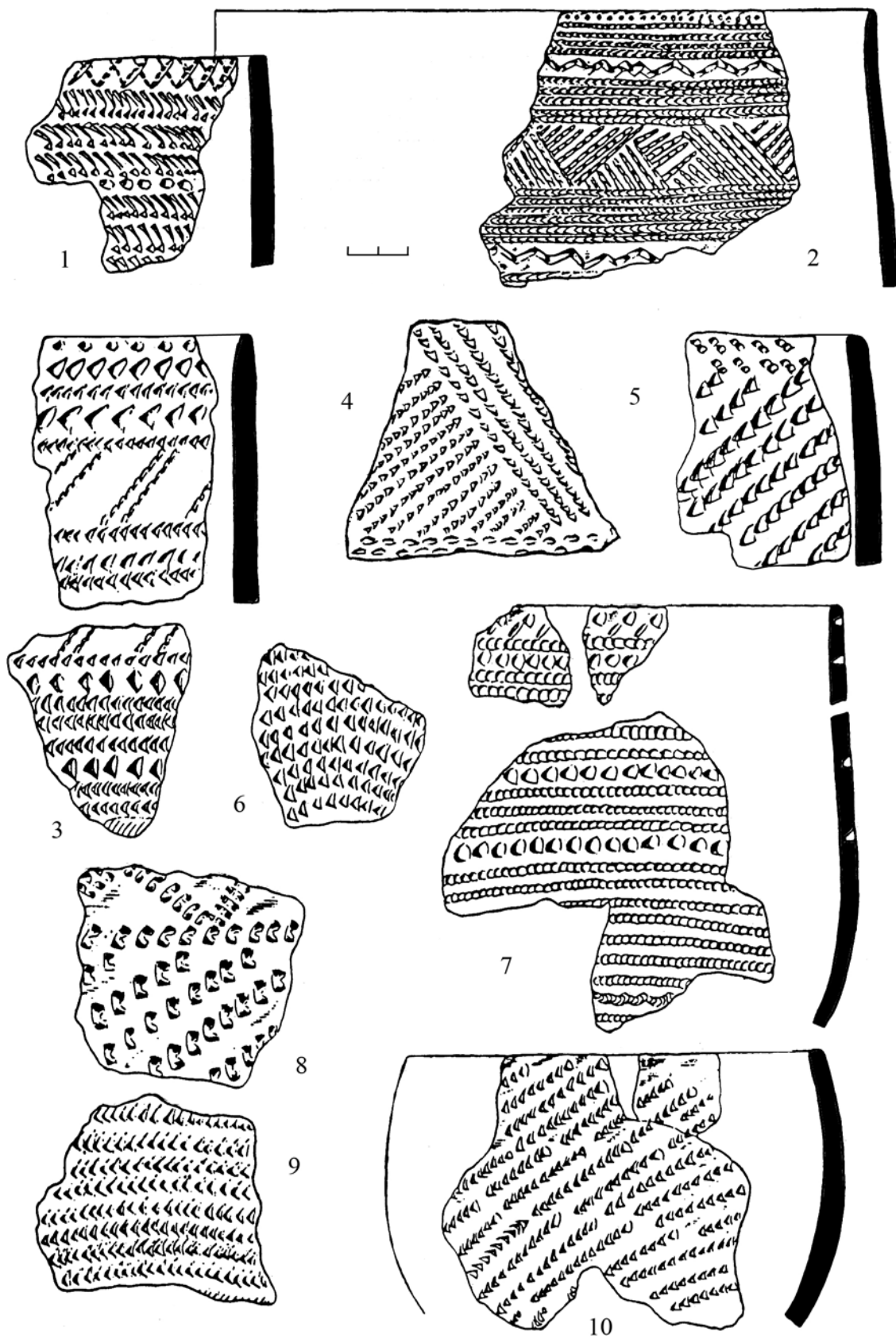

Рис. 122. Накольчатая керамика стоянки Шапкино VI

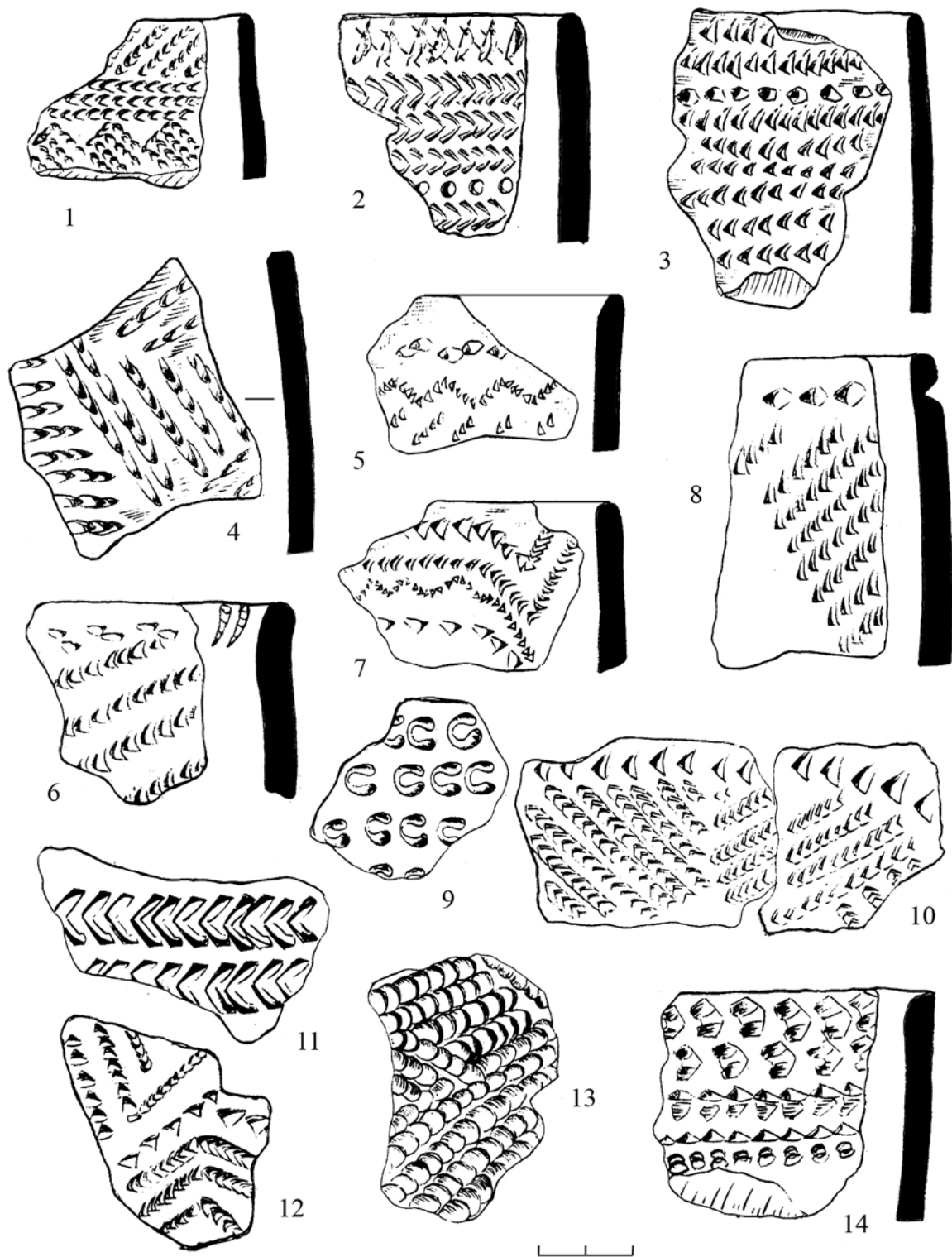

Рис.123. Накольчатая керамика стоянки Шапкино VI

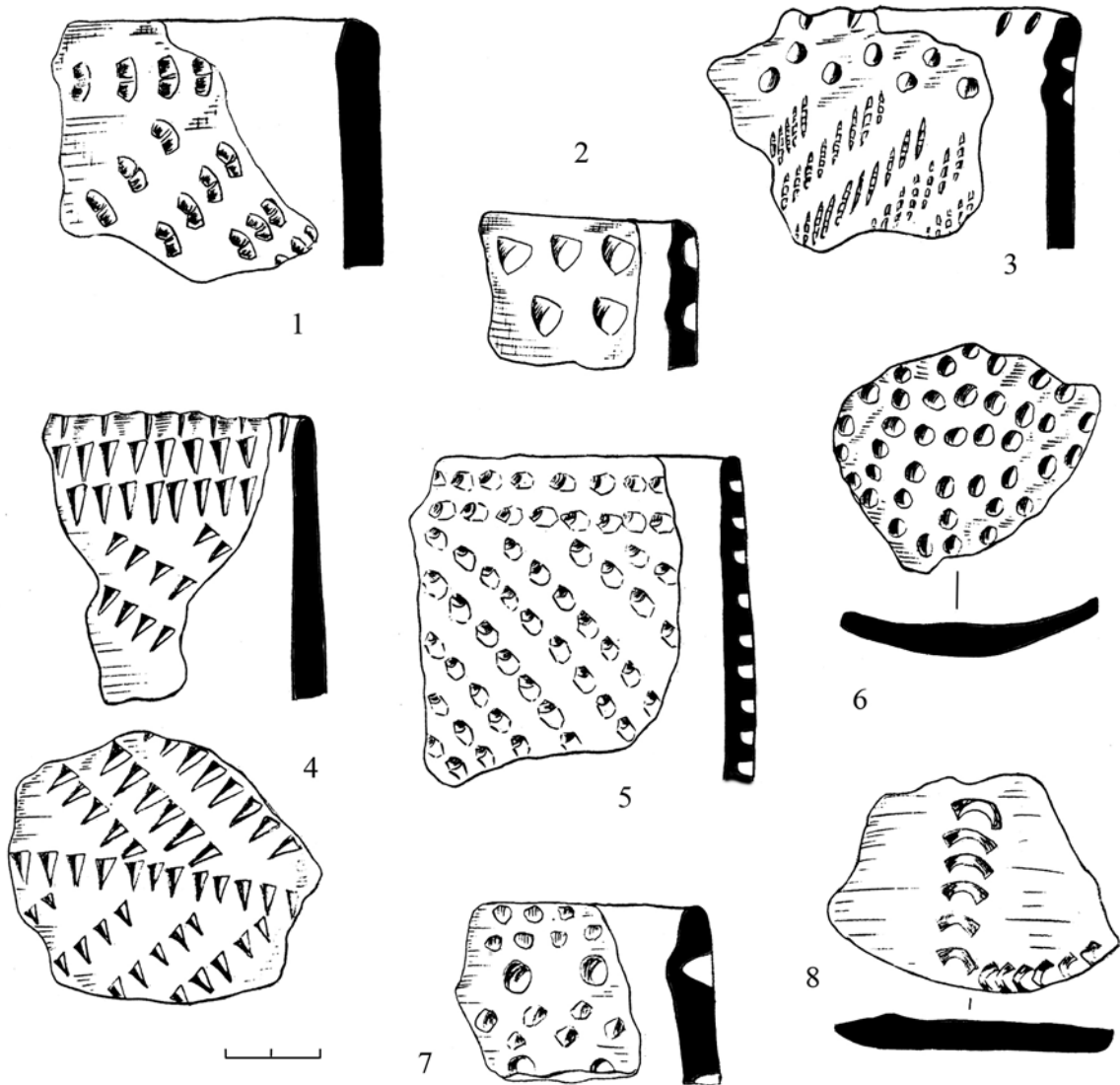

Рис.124. Накольчатая керамика стоянки Шапкино VI

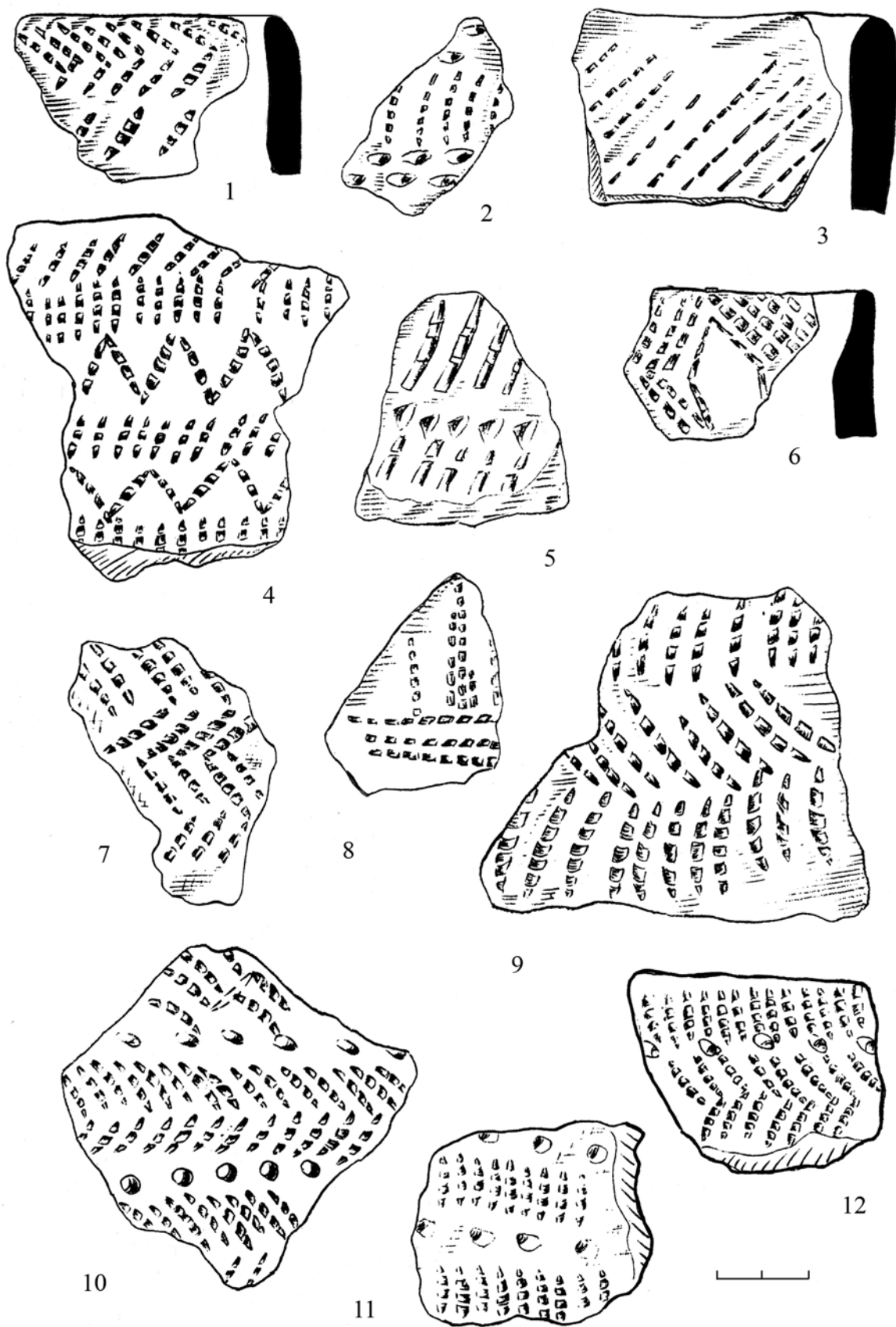

Рис. 125. Гребенчатая керамика стоянки Шапкино VI

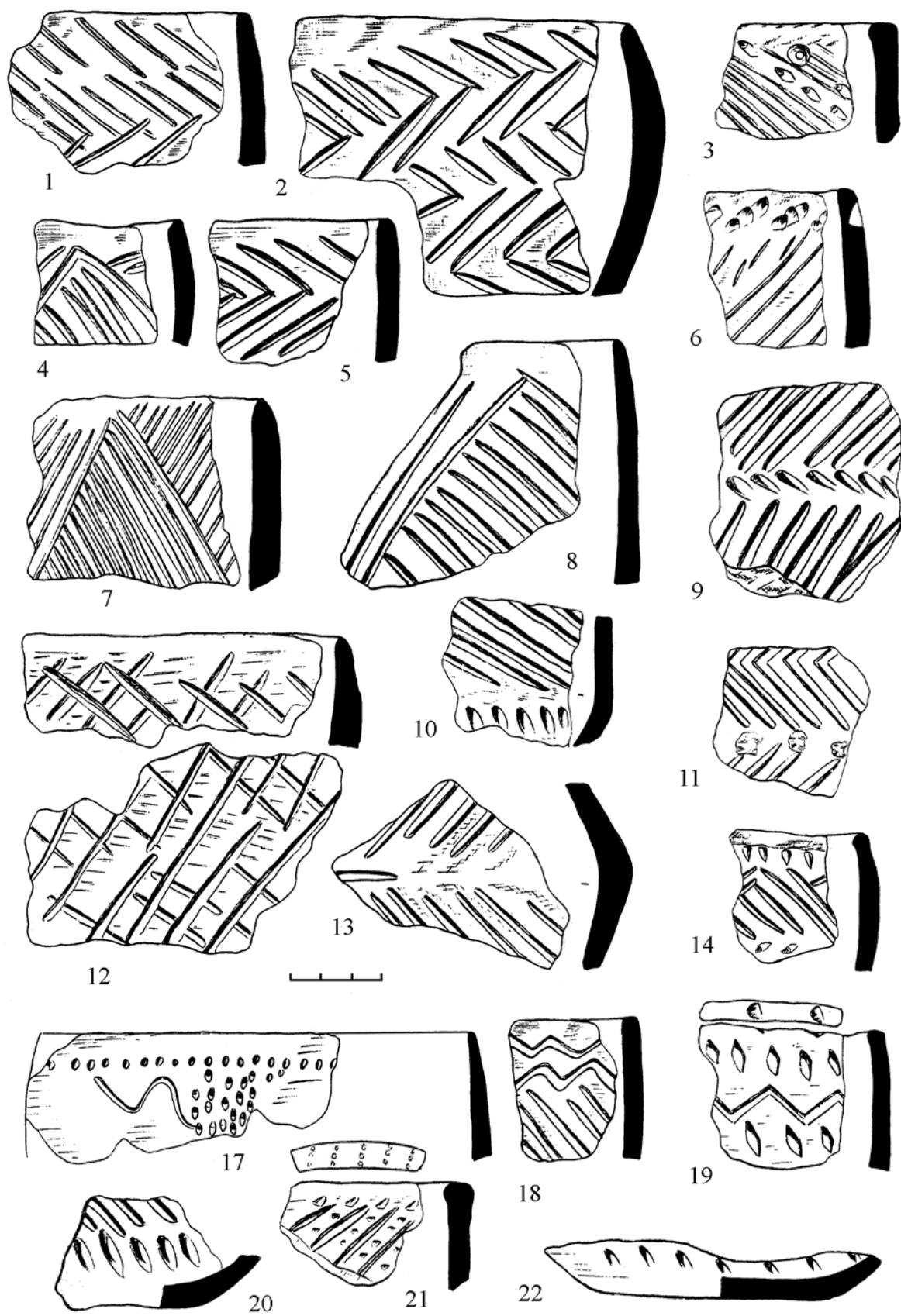

Рис. 126. Прочерченная керамика стоянки Шапкино VI

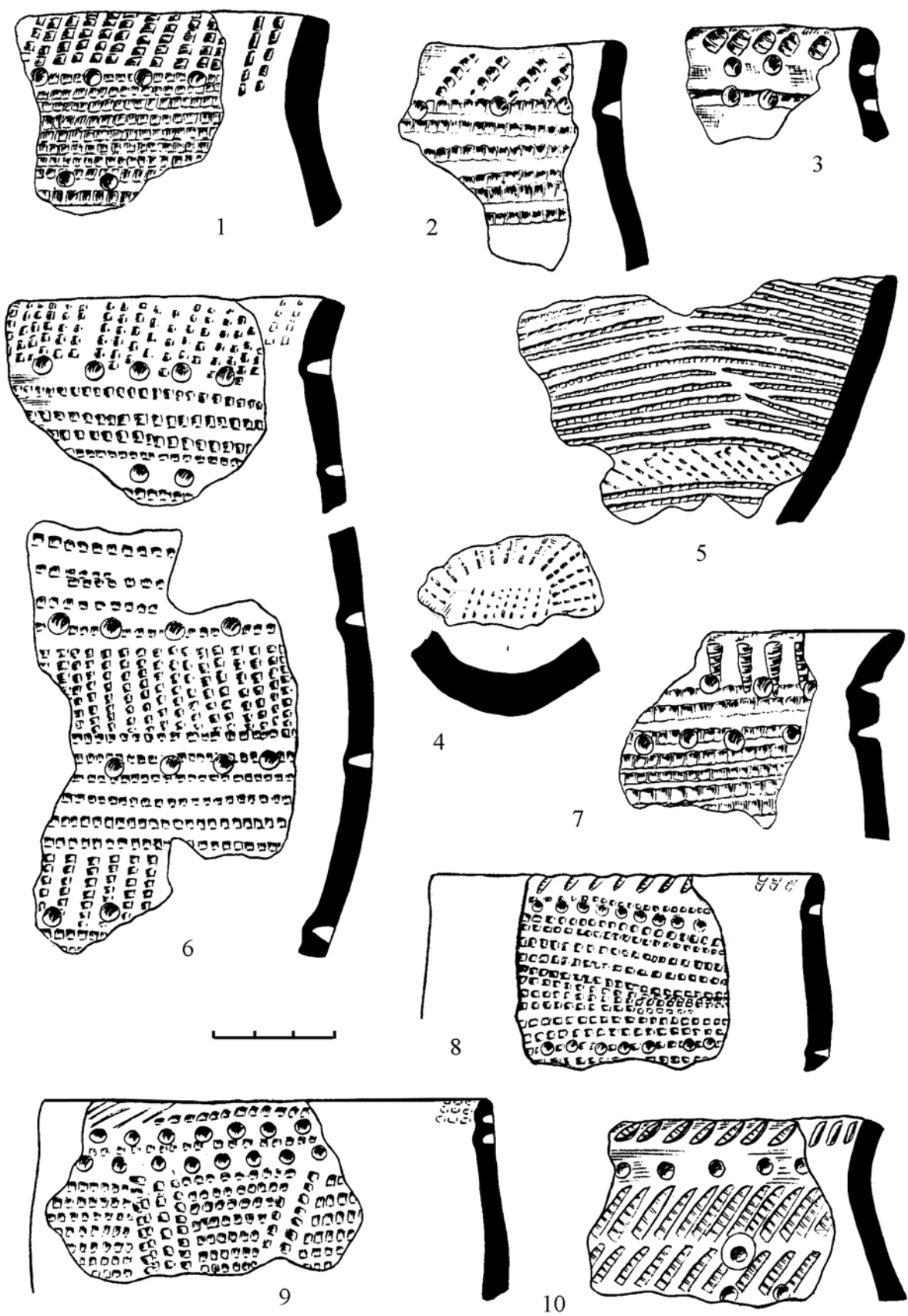

Рис. 127. Ямочно-гребенчатая керамика стоянки Шапкино VI

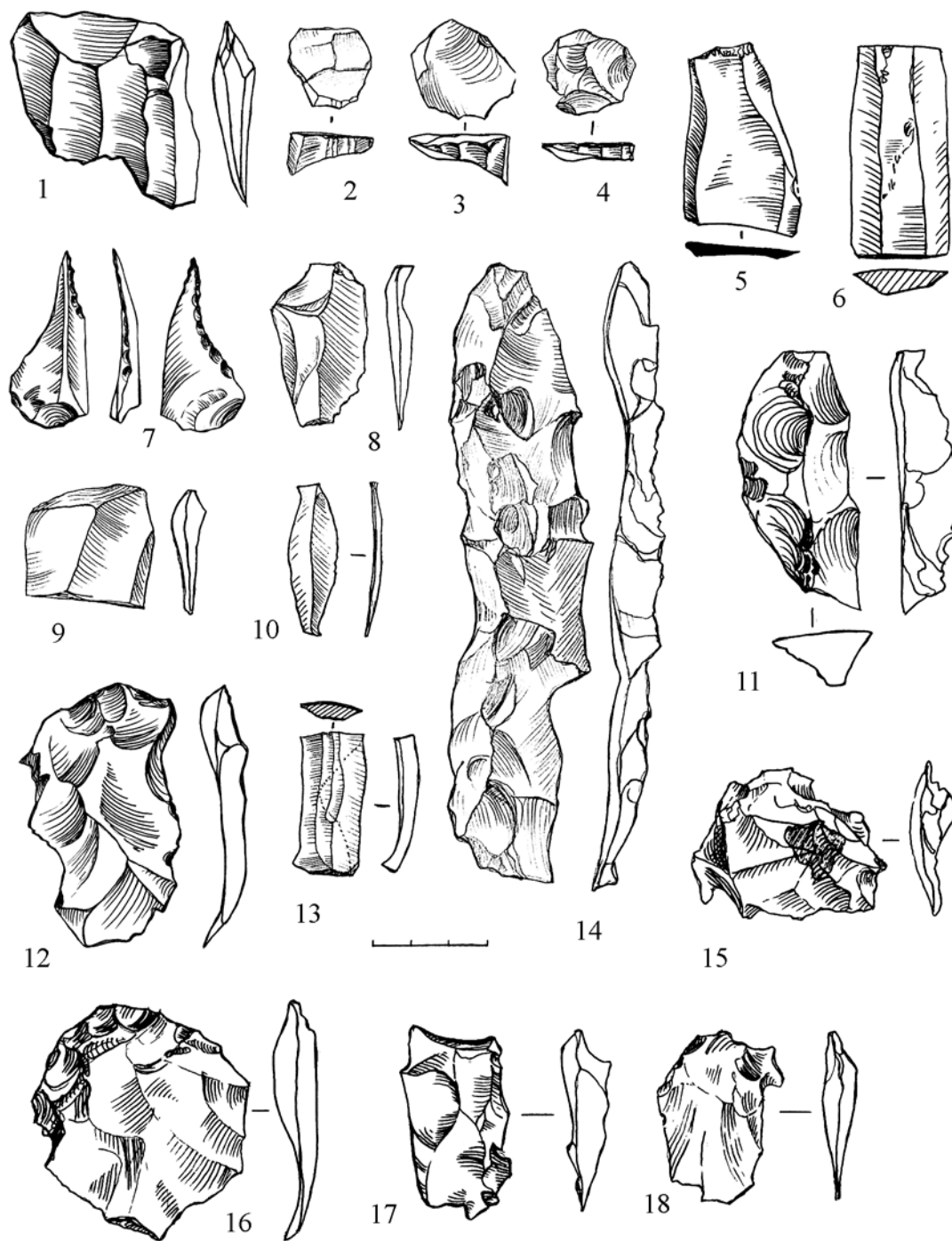

Рис. 128. Каменные изделия стоянки Журавли на р.Сухой Камелик

Рис. 129. Материалы мезолитического времени многослойного поселения Ураков Бугор

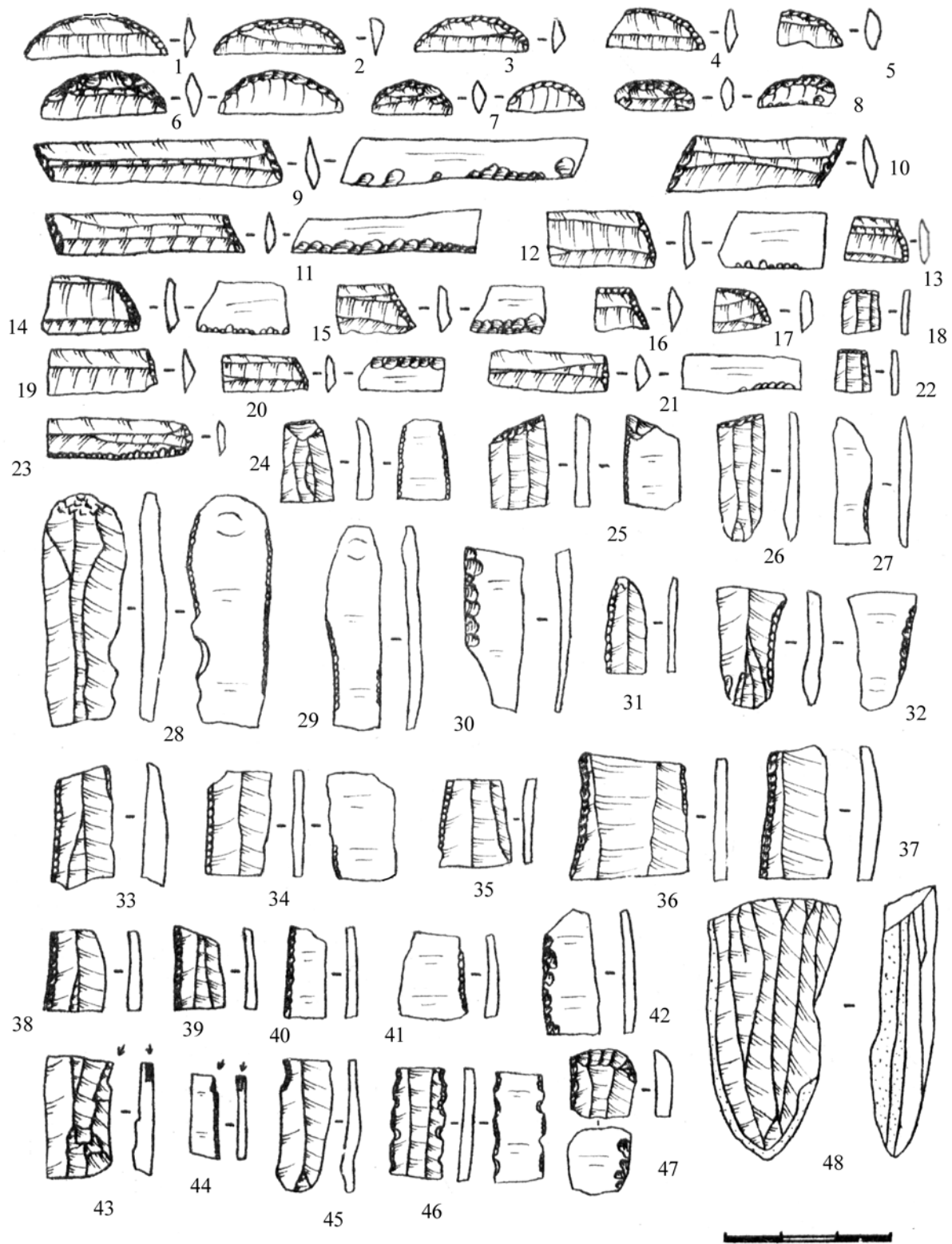

Рис. 130. Жекалганская мезолитическая культура. Стоянка Же-Калган II

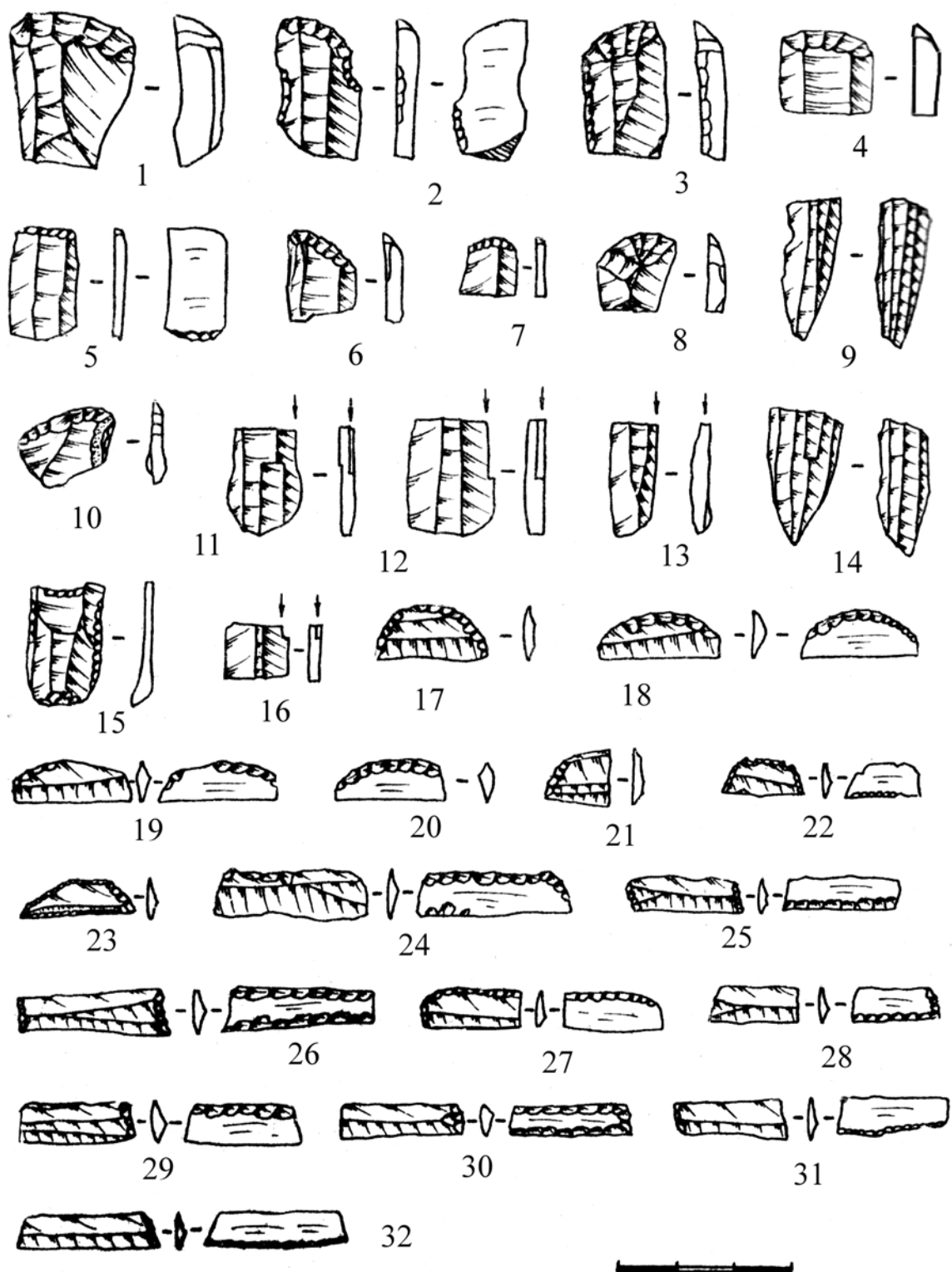

Рис. 131. Мезолитические материалы истайской группы. Стоянка Суек-тэ

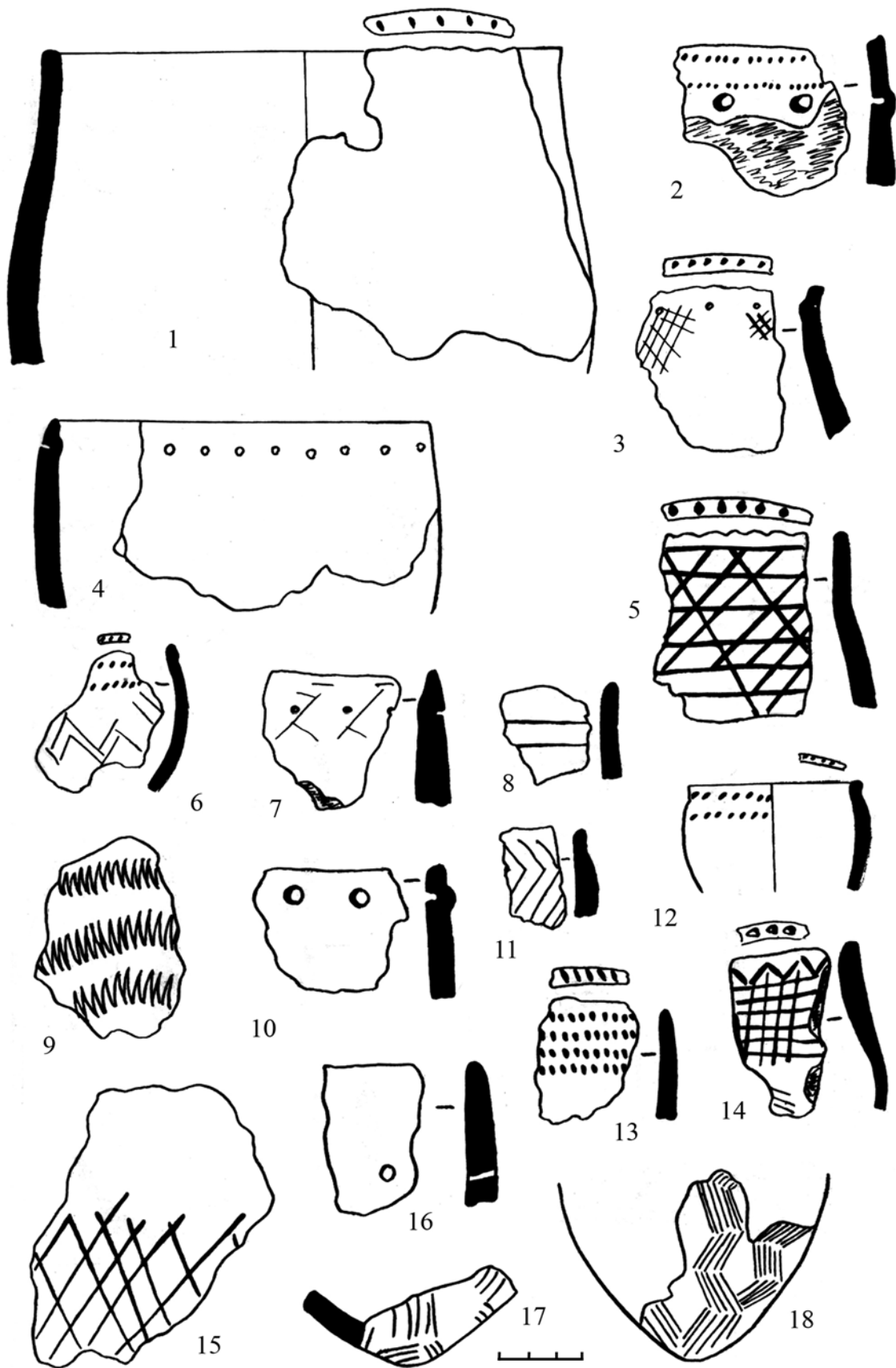

Рис. 132. Ивановское поселение. Керамика елшанского типа

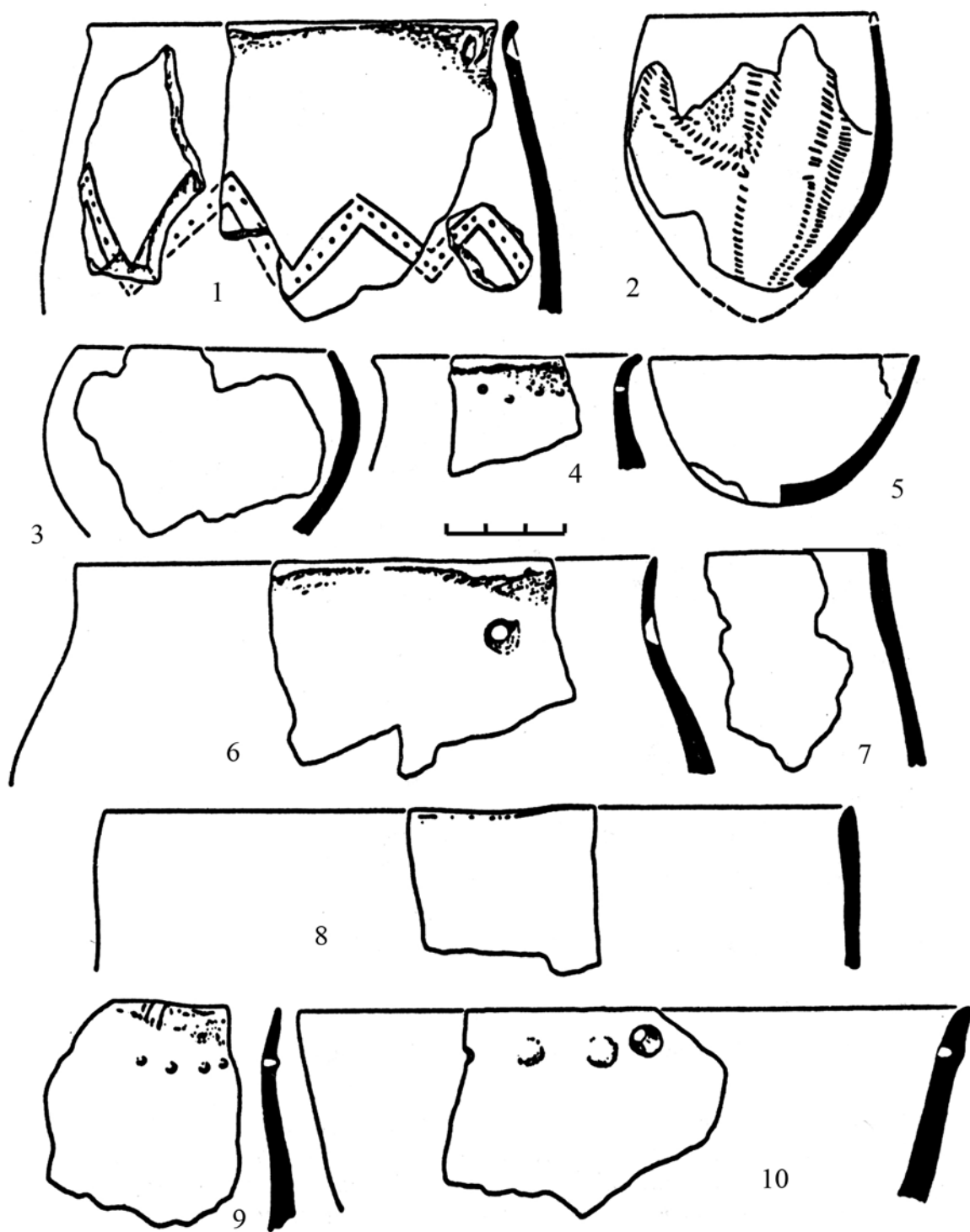

Рис. 133. Чекалино IV. Керамика елшанской культуры

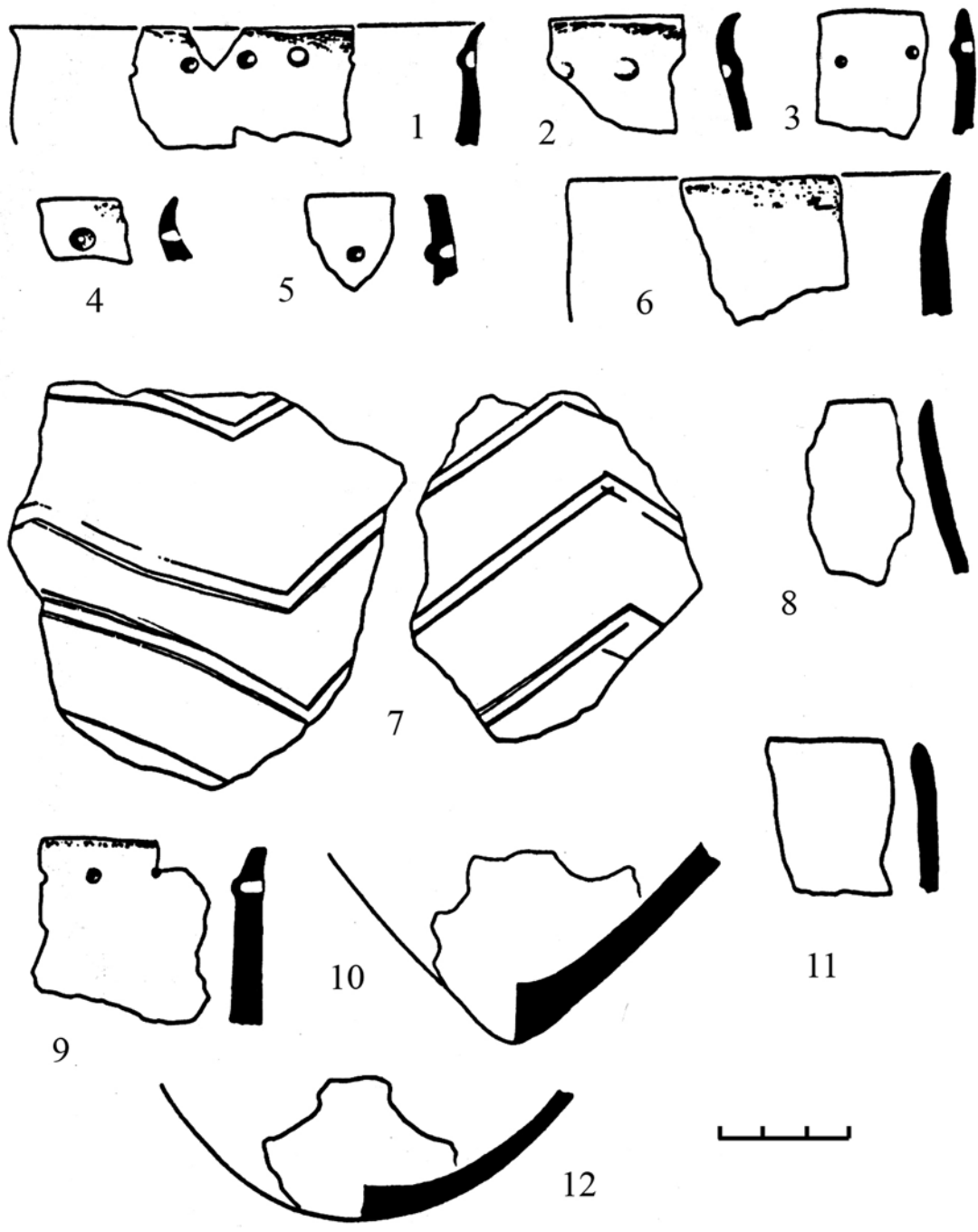

Рис. 134. Чекалино IV. Керамика елшанской культуры

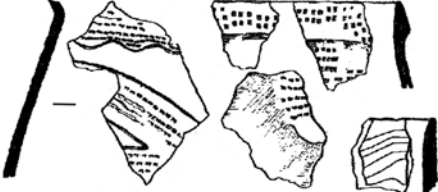

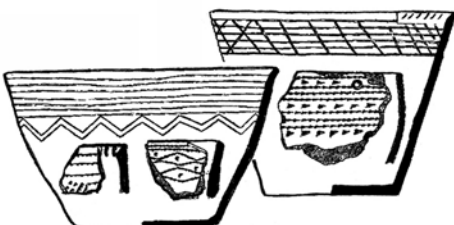

	Варфоломеевка	Джангар	
Слой 1			
Слой 2 А	<p>4214-3991 л. до н.э. (Ки 3596) 4226-4002 л. до н.э. (Ки 3590)</p> <p>4334-4047 л. до н.э. (Ки 3595) 4351-4337 л. до н.э. (Ки 3589)</p>	 <p>5890±70 л. до н.э. (Ле 2901) или 4770±92 л. до н.э.</p>	Слой 1
Слой 2 Б	<p>6090±160 л.н. (Лу 2620) или 5285±223 л. до н.э.</p> <p>6400±230 л.н. (Лу 2642) или 5020±180 л. до н.э.</p>	<p>6100±70 л.н. (Ле 2564) или 5065±126 л. до н.э.</p> 	Слой 2
Слой 3	<p>6980±200 л.н. (ГИН 6546) или 5801±172 л. до н.э.</p> 		Слой 3

Рис. 135. Стратиграфическое соотношение культурных слоев Варфоломеевки и Джангара

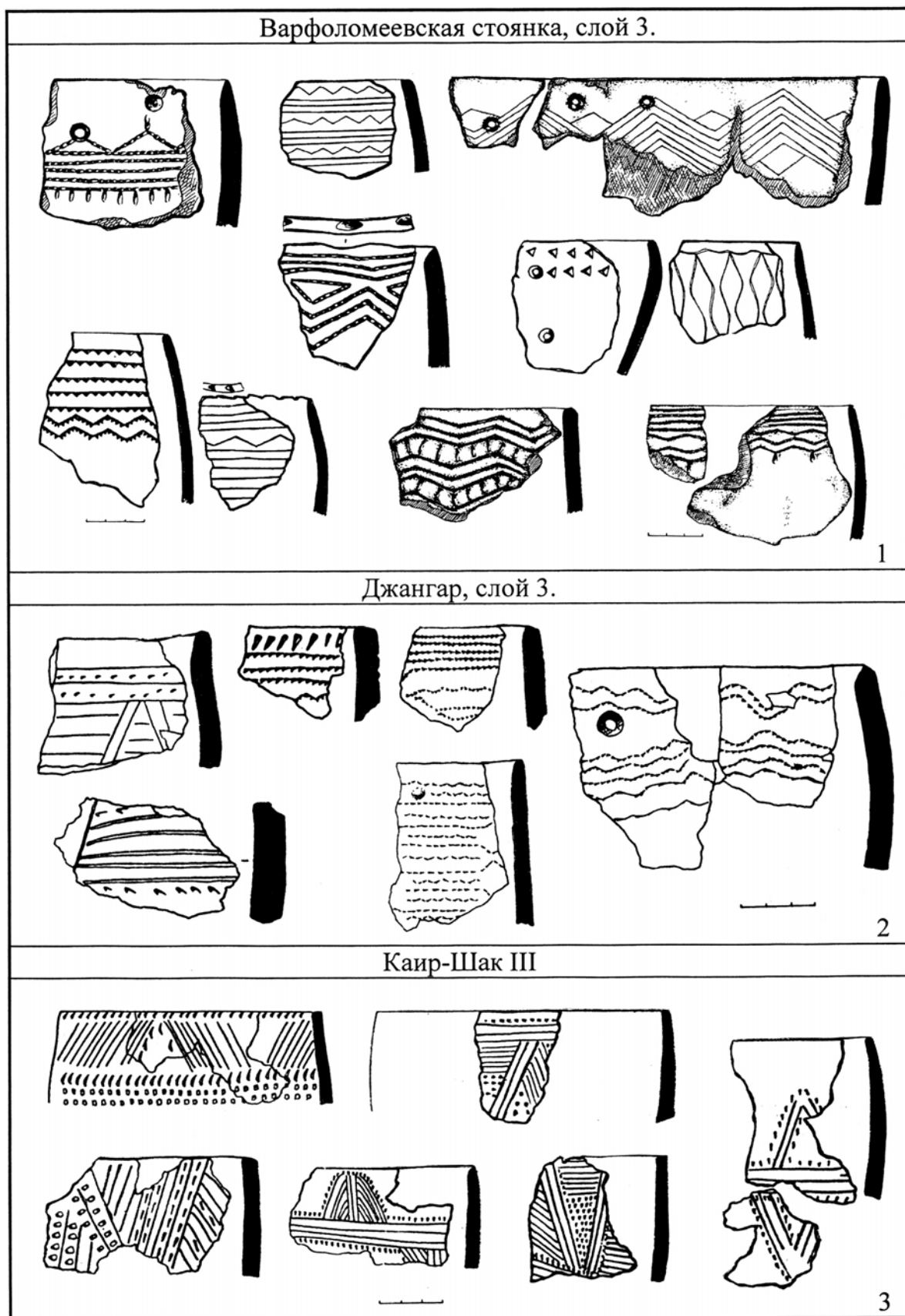

Рис. 136. Керамика среднего неолита памятников Нижнего Поволжья: 1 – Варфоломеевская стоянка, нижний слой; 2 – Джангар, нижний слой; 3 – Каир-Шак III

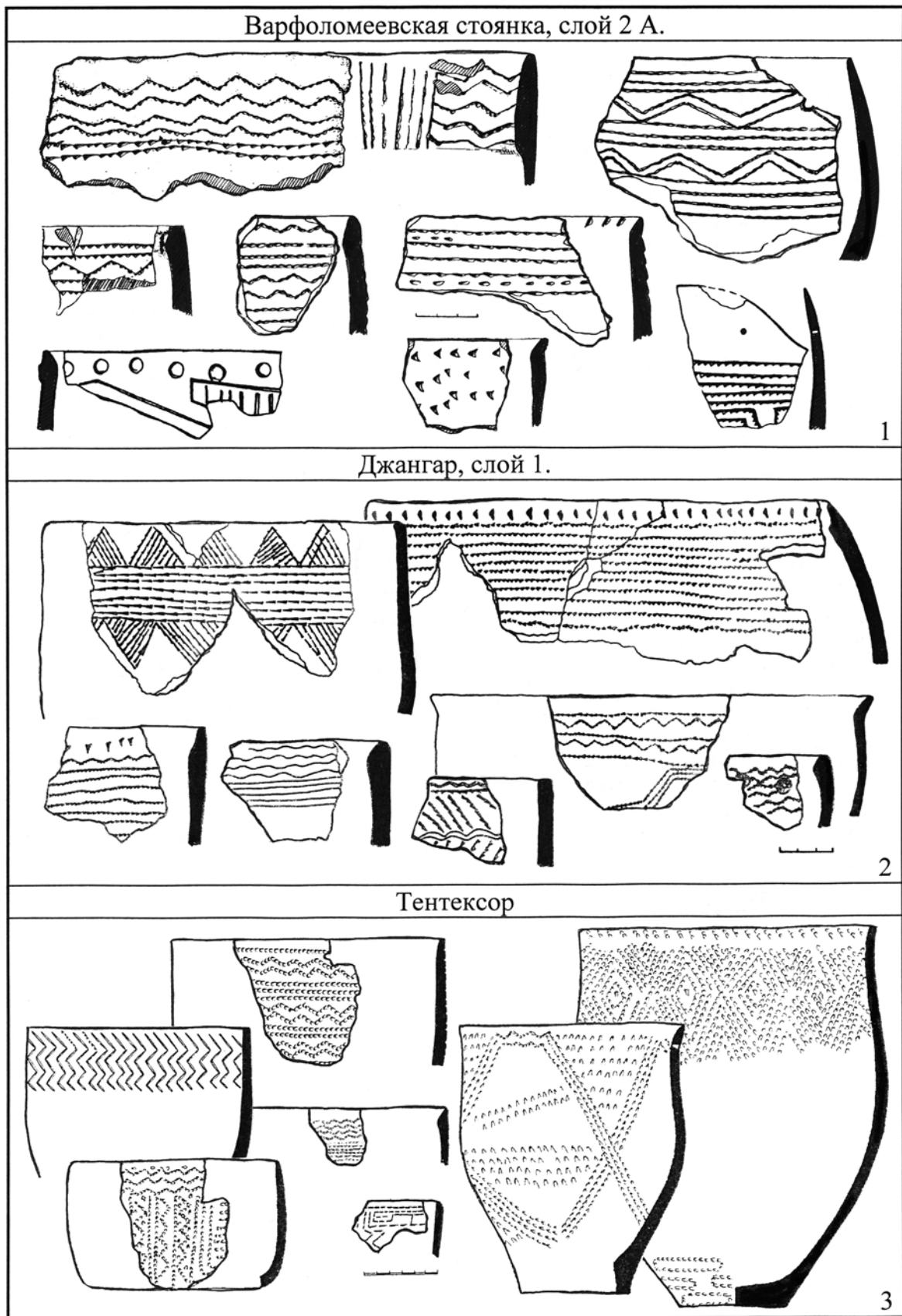

Рис. 137. Керамика позднего неолита памятников Нижнего Поволжья: 1 – Варфоломеевка, слой 2 А; 2 – Джангар, верхний слой; 3 – Тентексор

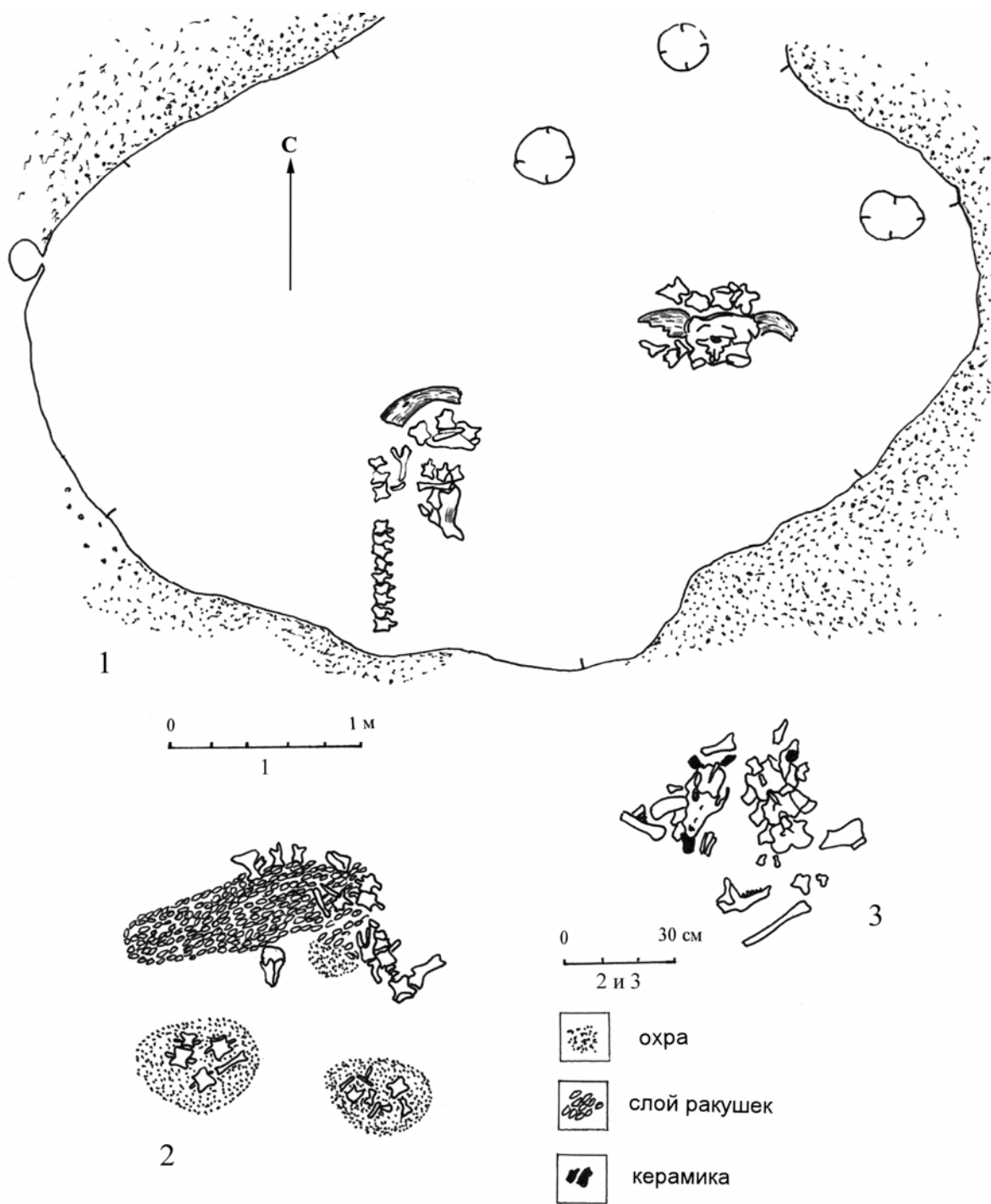

Рис. 138. Жертовники из костей животных в культурном слое Варфоломеевской стоянки. 1 – нижний слой; 2 – слой 2 Б; 3 – слой 2 А

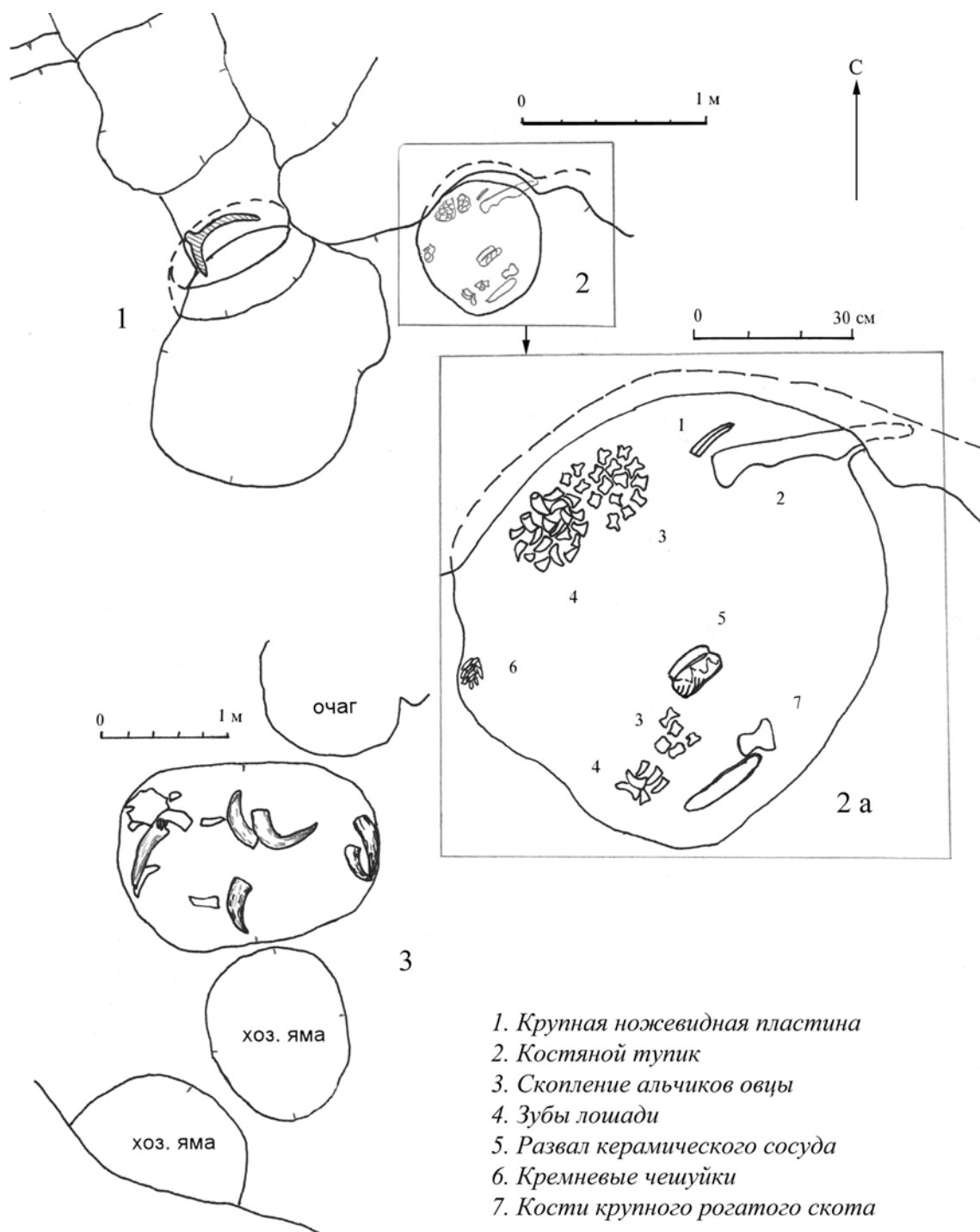

Рис. 139. Жертвенники из костей животных в слое 2 А Варфоломеевской стоянки

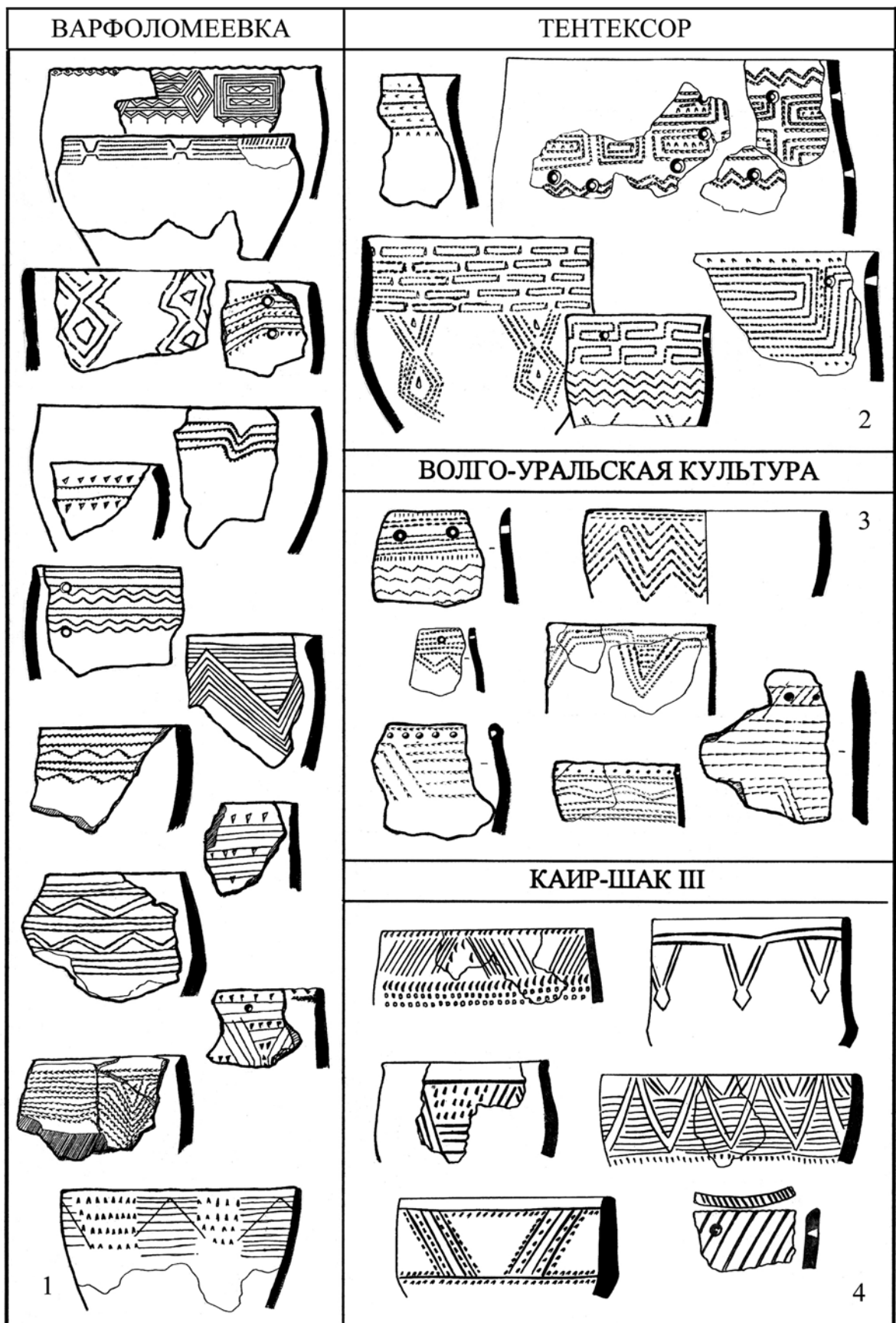

Рис. 140. Образцы керамики неолитических памятников Среднего и Нижнего Поволжья

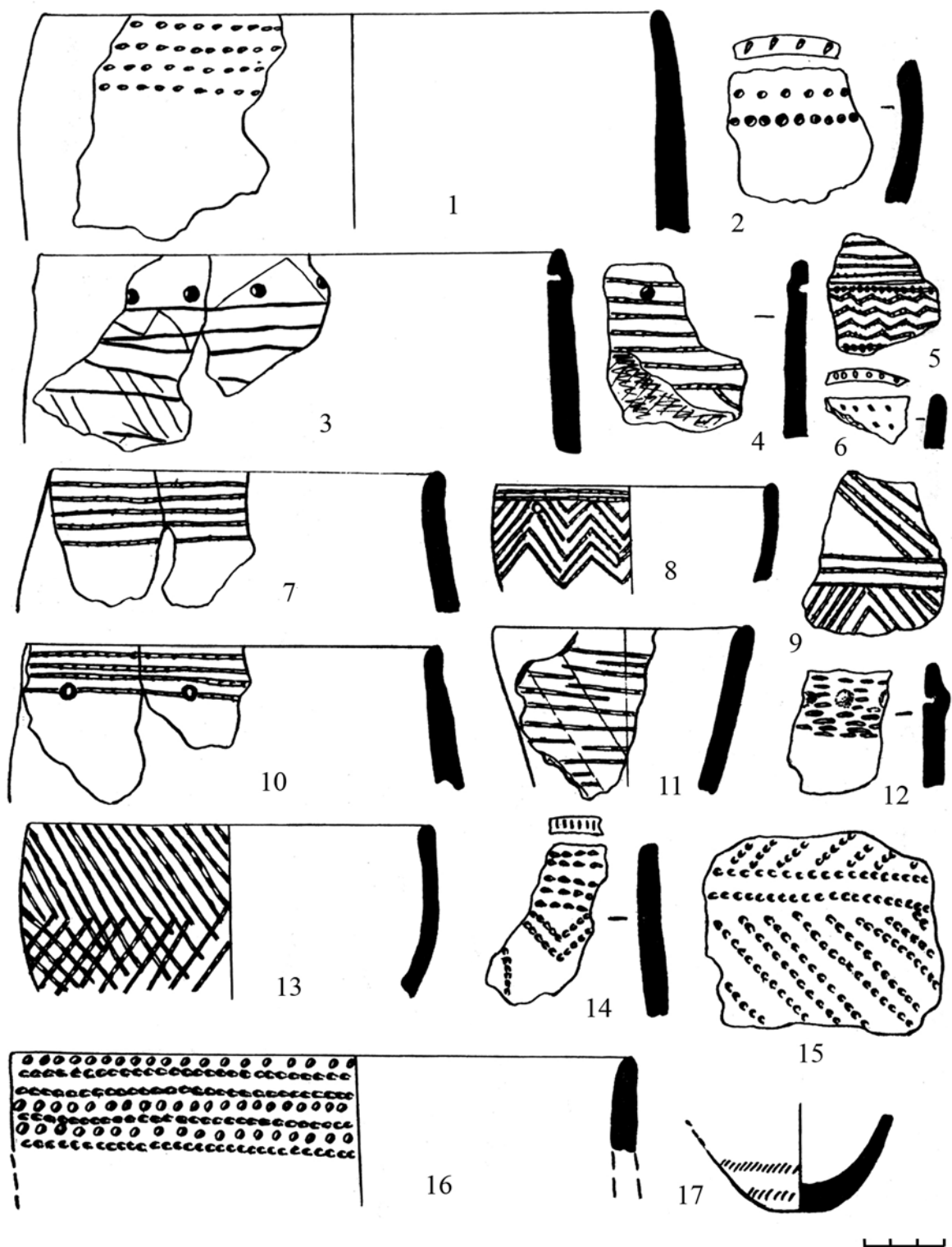

Рис. 141. Накольчатая керамика Ивановского поселения в лесостепном Волго-Уралье

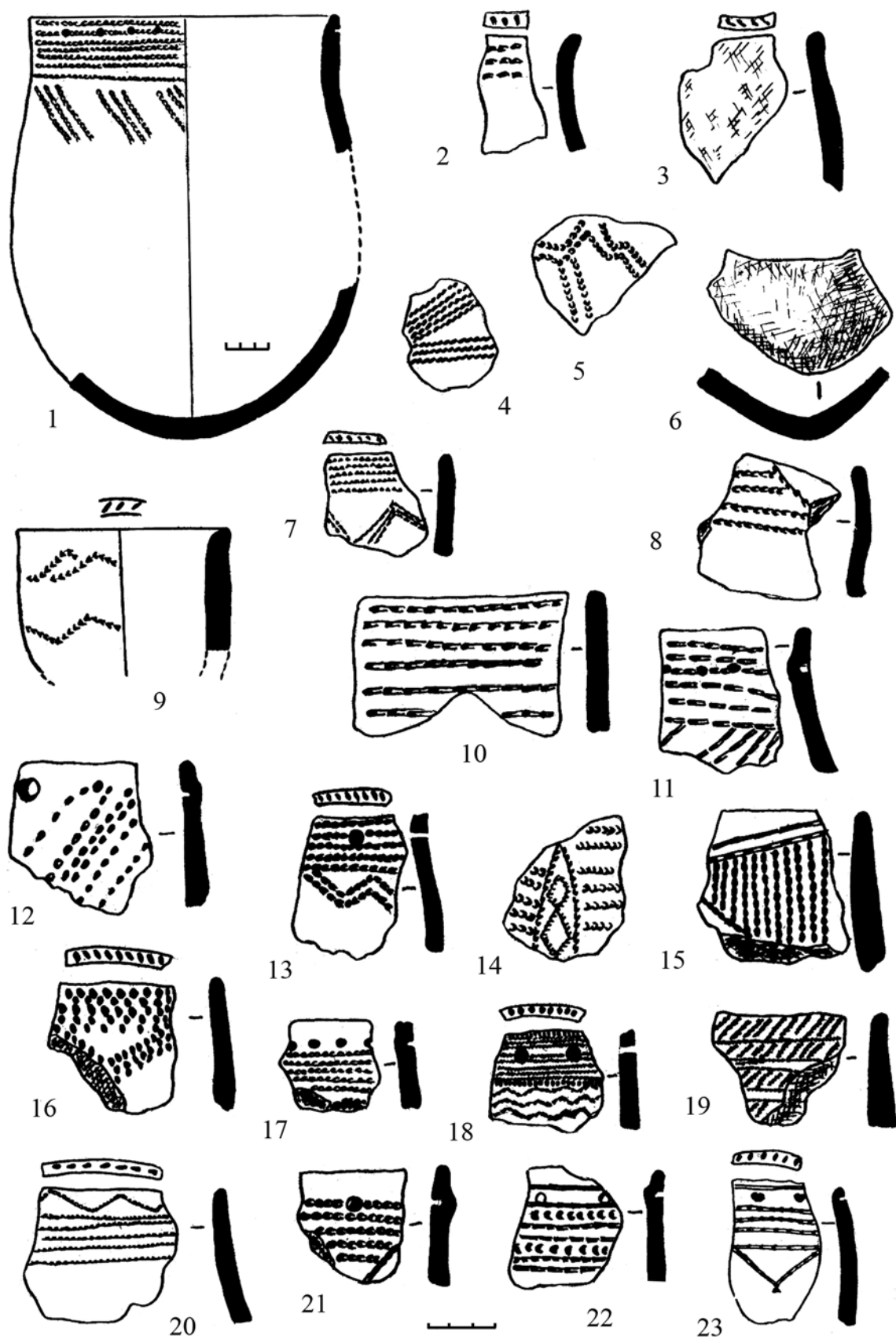

Рис. 142. Накольчатая керамика Ивановского поселения в лесостепном Волго-Уралье

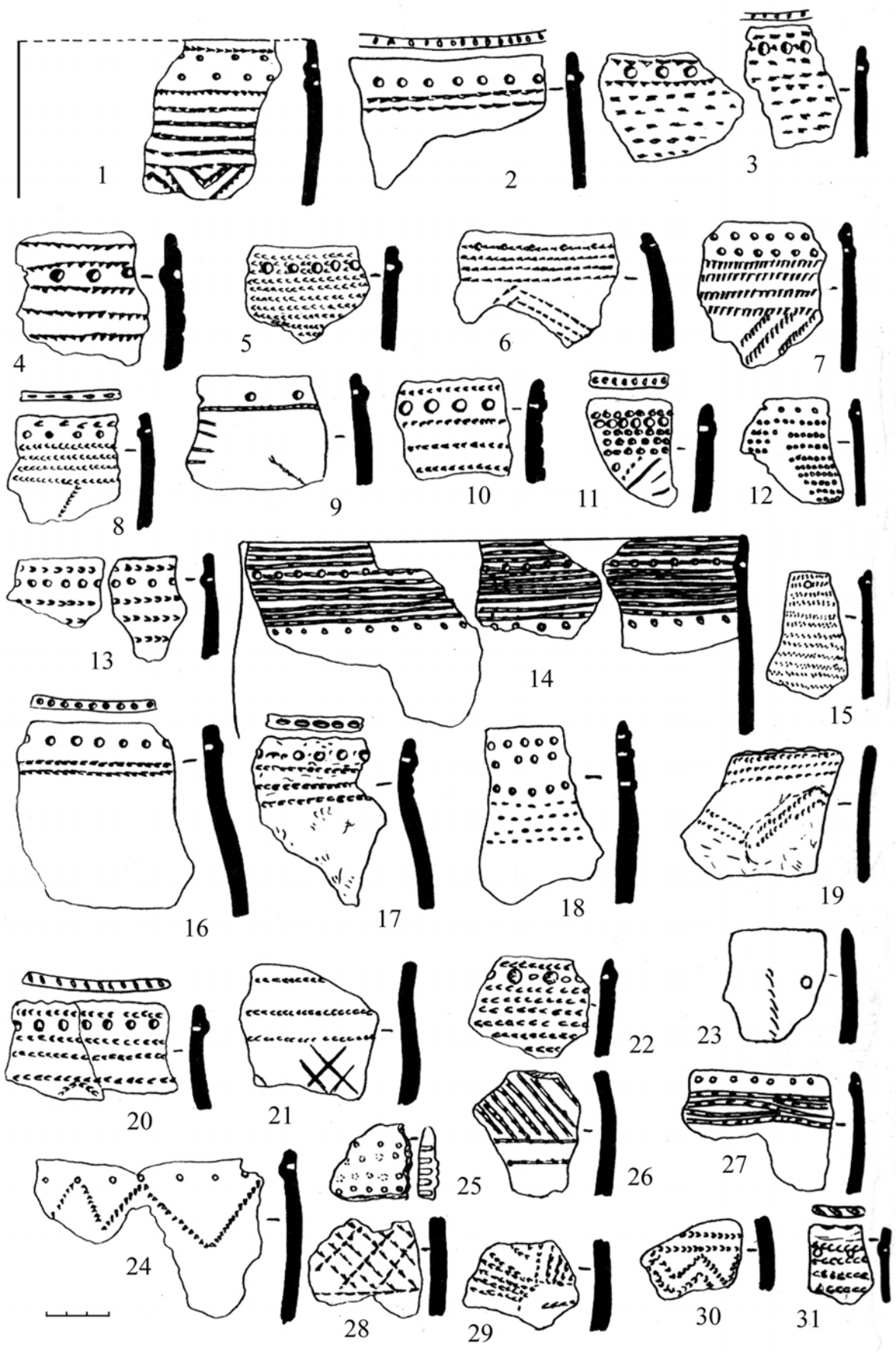

Рис. 143. Накольчатая керамика Ивановского поселения в лесостепном Волго-Уралье

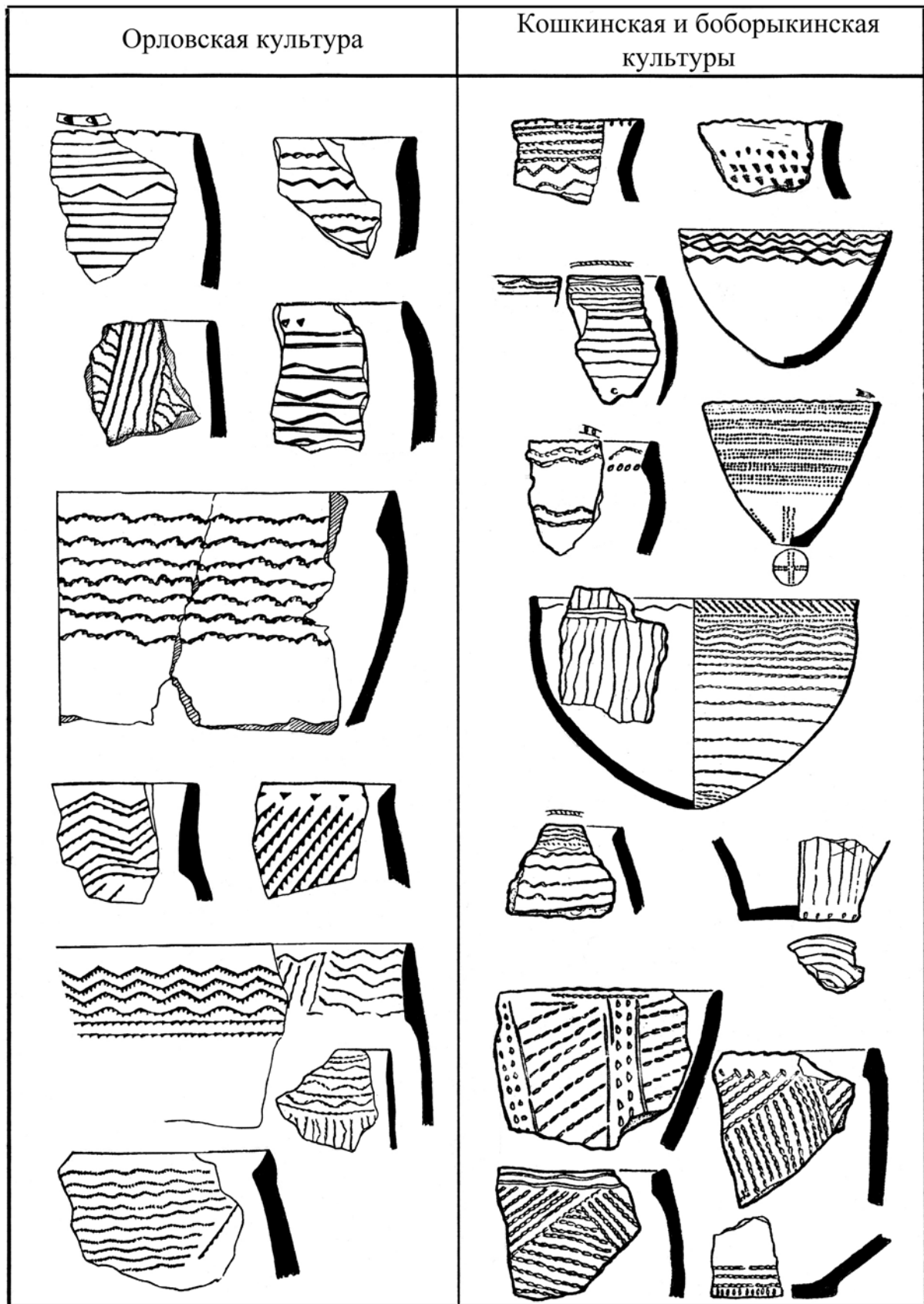

Рис. 144. Образцы керамики орловской, кошкинской и боборыкинской культур

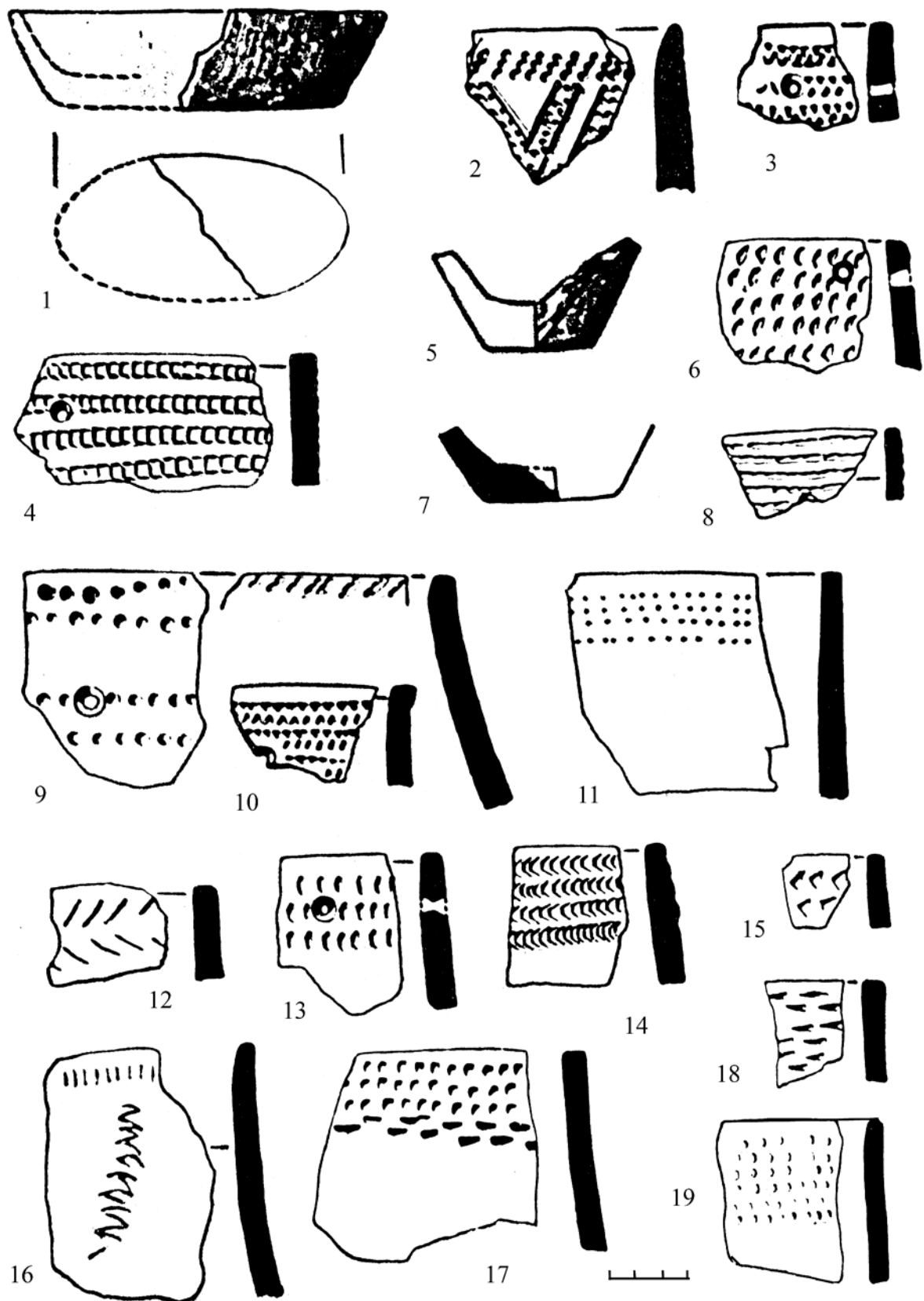

Рис. 145. Керамика многослойной стоянки Ракушечный Яр

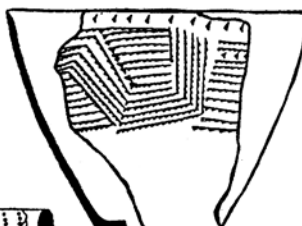

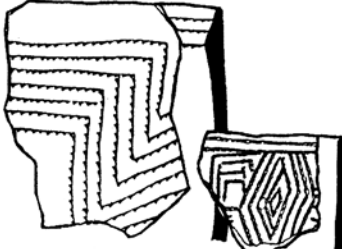
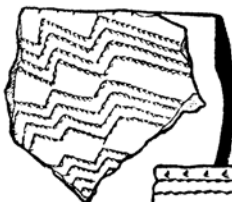
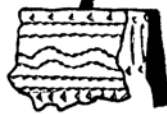

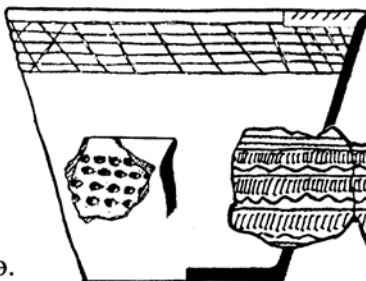

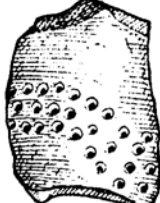
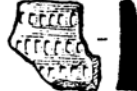
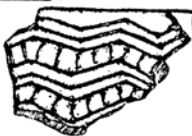

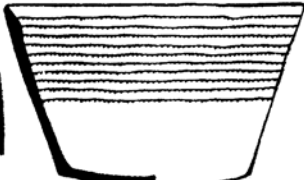

Варфоломеевка		Раздорское I	Ракушечный Яр
Слой 1		Слой II	Слой III Б
Слой 2 А 4214-3991 л. до н.э. (Ки 3596) 4226-4002 л. до н.э. (Ки 3590) 4334-4047 л. до н.э. (Ки 3595) 4351-4337 л. до н.э. (Ки 3589)	 	Слой I 	Слой IV 5150 л.н. (Ки 3545) или 3946±110 л. до н.э.
Слой 2 Б 6090±160 л. н. (Лу 2620) или 5285±223 л. до н.э. 6400±230 л. н. (Лу 2642) или 5020±180 л. до н.э.	 	 	Слой V 5890±105 л.н. (Ки 955) или 4764±138 л. до н.э. 6070±100 л.н. (Влн 704) или 4959±143 л. до н.э.
Слой 3 6980±200 л. н. (ГИН 6546) или 5801±172 л. до н.э.	 	 	Слой VI

Рис. 146. Стратиграфическое соотношение культурных слоев Варфоломеевской стоянки и памятников ракушечноярской культуры